

М.С. ТИМЧЕНКО

ДОРОГА В БЕССМЕРТИЕ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО
ПРИ УЧАСТИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«РЕГИОНАЛЬНАЯ АРМЯНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ
АВТОНОМИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ»
И ПОДДЕРЖКЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЕЙ
АНДРЕЯ АМОСОВА И ГЕОРГИЯ КАСЬЯНА

Дорога в бессмертие

Издание второе,
исправленное и дополненное

Краснодар
Традиция
2021

УДК 947.1/9(470.62)
ББК 63.3(2Рос–4Кра)
Т 41

Тимченко, М. С.

Т 41 Дорога в бессмертие / М. С. Тимченко. – Краснодар : Традиция, 2021. – 336 с.

ISBN 978-5-91883-392-6

История Кубани тесно связана с борьбой армянского народа за свою независимость. Кубанские казаки навеки покрыли свои знамёна славой, добытой под Эриванской крепостью, Баязетом, Эрзерумом, Карсом, Сарыкамышем...

Во время Великой Отечественной войны кубанские станицы и хутора освобождали в том числе и армянские стрелковые дивизии, многие воины которых сложили здесь свои головы.

Предлагаемое 2-е издание книги дополнено новыми материалами, свидетельствующими о боевой дружбе двух братских народов в боях с общими врагами в период русско-турецких войн, Первой мировой (Великой) войны 1914–1918 гг. на Кавказском фронте и во время Великой Отечественной войны.

Книга будет в помощь преподавателям истории как на Кубани, так и в Армении. Она рассчитана на широкий круг читателей, на тех, кто проявляет особый интерес к боевой славе кубанского казачества и дружбе наших народов. Мы надеемся, что она дойдёт до семей погибших воинов, бывших фронтовиков, воинов-освободителей, будет скромным документом, подтверждающим мужество, отвагу и героизм кубанских казаков, бойцов армянских дружин и советского солдата, одержавшего Великую Победу в Отечественной войне 1941–1945 гг.

УДК 947.1/9(470.62)
ББК 63.3(2Рос–4Кра)

Фотографии армянских добровольцев взяты из фотоальбома «Честь и доблесть», посвящённого добровольческому движению за освобождение Армении 1915–1920 годов. Подписи к фотографиям оригинальные.

ISBN 978-5-91883-392-6

© Благотворительный фонд «Армянское Благотворительное Общество», обладатель права на исключительное использование, 2021
© М. С. Тимченко, 2021
© Издательство «Традиция», оформление, 2021

Михаил Сергеевич Тимченко

Потомственный казак. Родился в 1941 году в станице Сергиевской. Окончил исторический факультет Краснодарского педагогического института (1967), агрономический факультет Кубанского сельскохозяйственного института (1973). Трудовую деятельность начал учителем истории, затем заместителем директора местной школы, был на профсоюзной, советской и партийной работе, работал директором откормочного предприятия, заместителем главы администрации района по военным вопросам и делам казачества.

Атаман Кореновского РКО с 1997 по 2011 год Краевед.

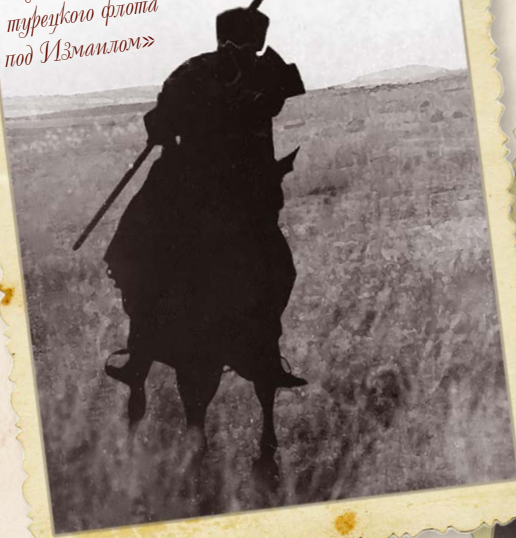
Печатался в журналах «Дон», «Родная Кубань», альманахах «Кубань», «Литературная Армения». Автор двухтомных

сборников «Родословная казаков Кореновского района», «Страницы казачьей славы» об участии казаков Кавказского, Таманского, Лабинского, Ейского отделов в Первой мировой войне 1914–1918 гг. и «Путешествие в детство» — к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Награждён почётной грамотой Законодательского собрания Краснодарского края, орденом Крест I степени «За веру, Кубань и Отечество», серебряным крестом с камнями (Союзом армян России), медалями Республики Армения: «Особый полк №095» (за поддержку освободительной борьбы народа Арцаха), маршала Баграмяна, адмирала Исакова. Почётный атаман объединённых казачьих сил Армении.

КАЗАЧЬЯ РОДОСЛОВНАЯ

Прапрадед — казак Клим Шименко погиб 20 ноября 1790 года «при разбитии турецкого флота под Измаилом»

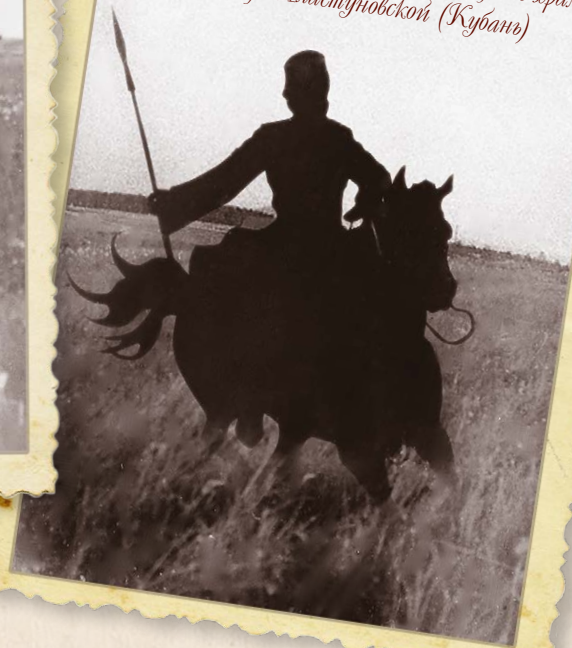
Прадед — казак Кавказского полка Яков Шименко пропал без вести под Балзетом в 1878 году

Дед — Профим Антонович Шименко убит в бою с турками под городом Ван (Западная Армения) в мае 1915 года

Дед — казак 2-го Черноморского полка Николай Антонович Шименко погиб в бою с красными при защите храма в станице Гластуновской (Кубань)

ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Идея объединить собранный материал в одну книгу пришла не сразу. Первоначально долгие поиски по архивам, а затем поездки в Армению, встречи с бывшими фронтовиками, воинами 409-й стрелковой Армянской дивизии, семьями погибших закончились тем, что в ст. Сергиевской в небольшом парке возле школы по инициативе автора, поддержанной первым секретарём Кореновского райкома партии Н. Я. Голубем, председателем колхоза «Ленинец» И. Е. Убийко, а затем Н. М. Белобрицким, был построен и открыт монументальный памятник павшим воинам, ставший символом боевой дружбы наших народов, скреплённой кровью и слезами в боях с немецко-фашистскими захватчиками в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.

Скупые архивные сводки из исторического формуляра 409-й стр. дивизии дополнялись рассказами фронтовиков в Ереване, Аштараке, Гюмри, Калинин, Апаране, Абовяне, её комиссаром полковником А. Н. Айрапетяном, командиром 677-го стрелкового полка майором М. Т. Григоряном, политработником А. В. Шахмурадяном, артиллеристами К. А. Чебухчяном и С. А. Балагезяном, рядовым В. Г. Беляковым, лейтенантом медицинского взвода Офелией Петросян, а в первую очередь с помощью архивных материалов, которые каждый раз особо заботливо предоставлялись автору бывшим комиссаром 684-го стрелкового полка, доктором исторических наук, начальником архивного управления при Совете Министров Республики Армения полковником Ашотом Осиповичем Арутюняном, десятками бывших воинов-освободителей, приславших свои воспоминания, а также страницами из военного дневника Тиграна Ахумяна «Два месяца на фронте».

На основе фактического материала я попытался воссоздать, насколько это было возможно, картину тех далёких четырёхдневных боёв «местного

значения» с немецко-фашистскими захватчиками под ст. Сергиевской и х. Нижним 7–11 февраля 1943 года, которые вели три стрелковых полка 409-й Армянской дивизии против подразделений 46-й пехотной дивизии вермахта.

Для иллюстрации текстовой материал дополнен фотографиями командного состава дивизии, павших воинов, встреч с ветеранами и семьями погибших, только в той степени, насколько это отражено в самом тексте, плакатами времён Великой Отечественной войны И. Тоидзе и В. Корецкого.

В этой небольшой работе есть частица труда моего бывшего школьного отряда следопытов: братьев Славы и Сергея Сергейчиков, Юры Зосима, Лёни Дымова, Таи Чуб, Саши Белозерцева, Коли Тыщенко, Тани Сайко, Николая Колотнеча, Оли Балабановой, Гали Ткаченко, Саши Тимченко, Тани Песчанской, Вали Мисюра, Юры Фесенко и многих других, с кем мы писали, ждали, копали в поисках бывших траншей и окопов, готовились и встречали воинов-освободителей и семьи погибших и вместе радовались, когда как результат наших стараний перед школой вырос монументальный памятник павшим воинам...

Посещая Армению почти ежегодно после 1967 года, я приобрёл много друзей, среди которых в числе первых инженер института «Армпромпроект» Роланд Джаноян. Грамотный специалист, высокой культуры человек, он помог мне увидеть и познать Армению, её природу, культуру, обычаи и традиции народа. Я впервые услышал о страшных масштабах геноцида армян и добрые слова в адрес казаков в судьбе этого народа. Оказывается, его маму в числе других девочек, спасавшихся от преследования гамидийцев, выловили в бурном холодном потоке горной речки и отогревали потом в своих бурках кубанские казаки...

Каро Ваганян — автор памятника павшим воинам в Сергиевской, из числа

репатриированных армян. Он родился в Бейруте. Всегда строгий к себе, особо не разговорчивый, был в институте ведущим перспективным архитектором. Он очень любил подмечать в людях что-то особенное, характерное и рисовал дружеские шаржи, которые заполняли большой стенд в его кабинете. Узнав себя, сослуживцы от души смеялись, а слабый пол переставал с ним разговаривать, причём надолго.

Директор института добрейший старик Марк Григорян, ценя нашу дружбу, всегда приглашал его к себе в очередной раз: «Каро, я тебя вот зачем позвал. Твой друг из Кубани приехал. Я тебя отпускаю, отдохни, побудь с ним, покажи ему Армению...» И мы ехали на его машине в Сардарапат, Гюмри, Эчмиадзин, Кировокан, Севан, Раздан, Гарни...

...Потом по его проекту в Сергиевской на общестаничном кладбище был построен памятник жертвам голода 1933 года. Он привёз в станицу и всю техническую документацию авторского проекта молодёжного кафе — по заказу комсомольцев, но из-за смены хозяйственной власти в колхозе никто особого интереса к этой затее не проявил...

В новых исторических условиях институт «Армпромпроект» стал испытывать трудности. Масштаб заказов упал. Отделы простаивали... оклады падали... Каро уехал в Лос-Анджелес к сестре поправить здоровье, да там и остался... На 70-м году он умер одиноко в своей маленькой комнате от сердечного приступа...

Жаль, что он не дожил до нашей новой идеи... Он бы её обязательно подержал...

1998-й... На Кубани шёл седьмой год процесса возрождения казачества. По приглашению института «Армпромпроект» мы прилетели в Ереван на празднование 80-летия Сардарапатской битвы. Мы — это я, атаман Кореновского района, станичные атаманы В. Н. Чуб и В. Ф. Петренко.

Везде, где бы мы ни были в казачьих черкесах, нас встречали тепло, восторженно, аплодисментами, предлагали зайти в дом, поехать в гости, на

свадьбу, просто отдохнуть в дружеском кругу...

Чувствовалось, что это от всей души, по зову сердца...

Бывший министр обороны Вазген Саркисян на торжествах в Сардарапате, нарушив строй личной охраны, подошёл к нам и протянул руку: «Большое спасибо, братья казаки, за то, что вы нас поддержали. Вчера и сегодня!» Телекомпания вещала напрямую... Не найдя сразу подходящих слов, от имени троих я наконец произнёс: «Пускай Армения и там за Араратом знают, что казаки снова пришли сюда...»

Он улыбнулся и пригласил нас в министерство обороны. К сожалению, на следующий день мы улетали домой, на Кубань...

Ему, мудрому политику, принадлежали слова: «XXI век — век процветания России, и в дружбе с ней гарантия процветания Армении...»

Потом мы с горечью узнали о трагической гибели Вазгена Саркисяна в Республиканском парламенте... Армянский народ потерял великого сына, а Россия близкого и верного друга...

Армения — страна памятников, больших и малых... В очередной раз в 2000 году на встрече у мэра Еревана Базеяна мы вспомнили казаков в истории Армении и пришли к выводу, что пора бы обозначить в камне память о них. «Место для памятника мы найдём», — сказал Базеян. Но кто возьмётся проектировать? Находившийся на приёме директор института «Респромпроект» Феликс Казарян взял на себя задачу выполнить проект на общественных началах... И он сдержал своё слово... Девять архитекторов предложили свои варианты. Уже через полгода я приехал на их обсуждение с ветераном кубанского казачества В. И. Галушко.

Его открытие состоялось в 2005 году в районе Канакер-Зейтун Еревана, недалеко от православной церкви Покрова Пресвятой Богородицы, возле стены казарм бывшего 1-го Полтавского полка Кубанского казачьего войска, где сейчас расположен гарнизон российских пограничников.

Непосредственным строительством памятника занимался Альберт Папов, председатель общества «Друзья России».

С той поры стало традицией собираться у памятника на День казака, во вторую субботу октября, в рамках празднования Дня Еревана. Здесь звучат казачьи песни и танцы в исполнении школьников и студентов, идут парадом российские и армянские пограничники, казаки армяно-казачьего объединения генералов К. М. Задояна и Н. С. Торосяна, большую поддержку которому оказал в своё время заместитель министра обороны РА генерал-лейтенант Гагик Мелконян.

В октябре 2009 г. в очередной раз я встретился в г. Лабинске с Саркисом Хачатуряном, Героем труда России, академиком Международной академии меценатства, на его производственной базе. Полным ходом идёт строительство церкви, развиваются мощности по производству продукции. Он полон забот не только о расширении производства. Где-то просят поставить на церкви купол, на столе адреса и фотографии детей из клиник, которые нуждаются в сложных операциях.

Мы обсудили не только предстоящее открытие церкви, но и подготовку к торжествам 65-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

«Давай порешим так, — сказал Саркис Георгиевич. — На Кубани стоит монументальный памятник воинам армянской дивизии. В Ереване — памятник казакам, павшим в боях с общими врагами. В двух памятниках — судьба двух народов. Армения помнит и чтит казаков. Но было бы правильно рассказать на страницах этой книги и о том, как воевали казаки там, возле и за Араратом.

Книгу мы издадим и разошлём не только семьям погибших воинов и бывших фронтовиков, но и в школы и библиотеки Армении и Кубани, всем, кому дороги дружба и боевое братство армян и казаков, скреплённые общим горем и радостью Победы».

С. Г. Хачатурян был прав. Новыми поисками заниматься не пришлось.

В рукописи был готовый материал об участии казаков, моих земляков-станичников, в Русско-персидской войне, обороне Баязета, Первой мировой войне в составе I и III Черноморских полков, 4-м, 10-м и 16-м пластунских батальонах в 1914–1917 гг. на территории Восточной и Западной Армении.

35 казаков из ст. Сергиевской награждены за совершённые подвиги Георгиевскими крестами и медалями «За храбрость».

Вместе с коллегой-краеведом Константином Шкуро мы завершили работу над рукописью книги «Страницы казачьей славы» об участии казаков Кавказского отдела в Первой мировой войне 1914–1917 гг.

Архивный материал — выписки из журналов боевых действий названных казачьих соединений — нигде ранее не публиковался и послужил основой для освещения тех операций, в которых принимали участие казаки ст. Сергиевской на территории исторической Армении.

Автором-составителем не ставилась задача описания боевых действий других частей и соединений Кубанского казачьего войска и подвигов казаков в боях на Кавказском фронте.

Автором сознательно включены стихотворения и письма священника 1-го Кавказского полка Константина Образцова, а также подборки стихов и заметок других авторов с передовых позиций Кавказского фронта из маленького журнала «Кубанский казачий вестник», которые позволят читателю более полно представить картину боевых действий, силу казачьего духа, величие казачьего братства, верность своему долгу перед домом, семьёй, верность девизу «За Веру, Царя и Отечество».

С учётом всего этого книга разделена на две части по хронологии событий: «Там, за Араксом» (об участии казаков в боях с общим врагом на территории Армении) и «От Аракса до Кубани» (о боевом пути 409-й стрелковой Армянской дивизии и боях 7–11 февраля 1943 г.) — под общим названием «Дорога в бессмертие».

Стихотворения и письма Константина Образцова, а также очерки и статьи из

журнала «Кубанский казачий вестник» приведены в соответствие с современной орфографией и пунктуацией.

Названия населённых пунктов в выписках из журналов боевых действий сохранены по оригиналу.

Фотографии и репродукции выполнены автором и обработаны Юрием Борисовичем Соломиным.

В книге использованы фотографии из фотоальбома «Арарат», Ереван, 2008 г.; фотоальбома «Армения», М., 1981 г.

Первичный компьютерный набор Натальи Вороновой.

Глубокая признательность и благодарность всем тем, кто шёл рядом, помогал морально и материально: председателям колхоза «Ленинец» И. Е. Убийко и Н. М. Белобрицкому, председателям сельсовета А. М. Михайлову и Г. Д. Кононенко, председателю совета ветеранов войны Г. Д. Колесникову, учителям школы, моим единомышленникам В. А. Грачёву, А. М. Фурсе и М. И. Килинию, многим труженицам тыла, тем, кто первым пришёл на места былых боёв, свозил павших героев и предавал их земле, а потом рассказывал нам, как и где всё это было; атаману

ст. Сергиевской войсковому старшине Валерию Чубу, зам. атамана РКО войсковому старшине А. И. Олененко; генеральному директору агрофирмы «Колос» А. И. Олененко; генеральному консулу РА в Южном федеральном округе А. Д. Гомцяну, председателю общества «Друзья России» А. А. Папову, руководителям Армяно-казачьего объединения дружбы и сотрудничества генералам К. М. Задояну и Н. С. Торосяну, директору института «Армпромпроект» Ф. А. Казаряну, инженеру Р. Х. Джанояну, префекту общины «Канакер-Зейтун» А. Котанджяну. Это великие патриоты Армении, но не в меньшей степени они любят Россию и казаков. Я убедился в этом...

Эта книга — дань памяти моему учителю истории Виктору Фёдоровичу Гавриленко и другу семьи Вячеславу Антоновичу Трембицкому.

Большое спасибо директору Краснодарского архива Н. В. Малеевой, специалистам ГАКК В. И. Шкуро, А. М. Галичу и А. В. Бабичу, генеральному директору ООО «Айва» А. А. Арустамяну, краеведу есаулу К. В. Шкуро за практическую помощь и добрые советы при подготовке этой книги.

Там, за Араксом

Силой трактата, с Персией заключенного, присоединенные к России от Персии ханство Эриванское и ханство Нахичеванское повелеваем во всех делах именовать отныне Областью Армянской и включать оную в титул наш.

Николай I
(Из Указа правительствующему сенату, 1828 г.)

...Советую никогда не расставаться с Россией...

Андраник

Имя русское должно быть священо для нас, как и кровь русская, благодаря которой мы освобождены навеки.

Хачатур Абовян

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА ОБ УЧАСТИИ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ

21 декабря 1826 г. для участия в войне с Персией 1826–1828 гг. прибыли 1-й и 4-й Черноморские конные казачьи полки. Первым командовал полковник Василий Емельянович Зинченко, вторым — Яков Яковлевич Вербицкий. Всей Черноморской казачьей бригадой в составе этих полков командовал полковник Николай Николаевич Матяшевский. Они участвовали в усмирении Мешхинского ханства, в походе к Эчмиадзинскому монастырю, к укреплению Сардар-Абад, блокаде Эривани, в походе к Тавризу. 9 марта 1828 г. эти полки выступили из Тавриза в поход против Турции. В сражении 26 мая 1827 г. за Араксом погибли командир 4-го полка Я. Я. Вербицкий и 74 казака.

Позже, в начале мая 1827 г., прибыли на театр военных действий 6-й Черноморский казачий полк под командованием полковника Григория Кондратовича Табанца и Черноморская пешая команда (550 казаков) есаула Пивнева.

В войне с Турцией 1828–1829 гг. принимали участие Сборно-линейный конный казачий полк, сформированный из казаков Кавказского, Кубанского и Хопёрского полков и конно-линейной казачьей артиллерийской полуроты № 5 (6 орудий). Они, вместе с черноморцами, участвовали в осаде турецкой крепости Каре, в походах и взятии крепостей Ахалкалаки, Ахалциха и Эрзерума. Известно, что войсковой старшина казачьей артиллерийской полуроты Зубков за боевые отличия в эту войну был удостоен ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

Во время восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. первыми прибыли и вошли в состав Действующего Кавказского корпуса Сборно-линейный полк под командованием полковника Афанасия Фёдоровича Камкова и Линейная конно-артиллерийская батарея под командованием есаула Кульгачева. В ноябре 1853 г. на театр военных действий прибыл 2-й Сборно-линейный полк под командованием подполковника Евсева, вскоре заменённого полковником Дмитрием Ивановичем Скобелевым, отцом знаменитого русского полководца Михаила Дмитриевича Скобелева.

Казаки-линейцы принимали участие во всех важнейших сражениях той войны: при Баш-Кадыкларе (19 ноября 1853 г.), у Кюрук-Дара (24 июля 1854 г.), при осаде и взятии крепости Каре (16 ноября 1856 г.). Командиры обоих Сборно-линейных конных казачьих полков А. Ф. Камков и М. И. Скобелев за отличия, проявленные в этой войне, были удостоены ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. теперь уже кубанские казаки воевали практически во всех воинских подразделениях и участвовали во всех крупных сражениях в составе следующих полков: 1-го и 2-го Ейских конных казачьих полков, 2-го Екатеринодарского, 1-го Кавказского, 10-го Кубанского, 1-го Лабинского, 1-го Полтавского, 2-го Таманского, 1-го и 2-го Уманских, 1-го и 2-го Хопёрских; 1-го и 2-го Кубанских пластунских батальонов;

1, 2, 4 и 5-й Кубанских казачьих конноартиллерийских батарей.

Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. на территории Армении в составе Кавказской армии воевали: 3-й Екатеринодарский конный казачий полк, 1-й и 3-й Запорожские, 1-й и 3-й Кавказские, 1-й и 3-й Кубанские, 1-й Лабинский, 3-й Линейный, 1-й Полтавский, 1-й и 3-й Таманские, 1-й Уманский, 1-й Хопёрский, 1-й и 3-й Черноморские и вновь сформированные в 1915 г. Азово-Адагумский (1-й Сводно-Кубанский), Екатеринославский (3-й Сводно-Кубанский) и Ставропольский (4-й Сводно-Кубанский) полки; 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23 и 24-й Кубанские пластунские батальоны; 1, 2, 3, 4 и 5-я Кубанские казачьи конноартиллерийские батареи; 10, 11, 16 и 31-я Кубанские особые конные сотни.

Книга бывшего генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии, Генерального штаба генерала Е. М. Масловского под заглавием «Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг.», изданная в Париже в 1933 г., может служить лучшей настольной книгой каждого офицера, который провёл там войну в строю, в походах, в боях. Русские войска Кавказской армии вели борьбу не только с храброй турецкой пехотой и беспокойными курдами, но и с суровой природой и климатом полуострова Турции, не имеющей даже дорог.

В составе своей Закаспийской отдельной казачьей бригады (1-й Таманский,

1-й Кавказский полки и 4-я Кубанская конная батарея) я прошёл с боями из Персии (Макинское ханство) через Баязет, Алашкертскую долину, Ванский вилайет (округ) в Месопотамию, а потом обратно через те же пункты к городу Мелязгерт, затем через Каре, Мерденекский перевал, урочище Ольты, турецкий город Ид, участвовал в Эрзерумской, Мемахатунской операциях. Далее последовало какое-то новое манёвренное движение нашего 1-го Кавказского полка через Эрзерум, Хасан-калу, Кара-урган в Сарыкамыш, там двухнедельный отдых — и вновь по тому же маршруту обратно... Вторая Мемахатунская операция и как продолжение победного движения русских войск в глубь Турции — активное участие в Эрзинджанской операции и финал — разгром турецких армий, занятие обширной площади территории Турции и сладостное ощущение воинской славы.

Много пройдено дорог, дорожек и козьих троп храбрыми казачьими полками по турецкому бездорожью, и пройдено не только в седле, но и пешком, порою в суровые зимние стужи, бураны и гололедицу. Держались за стремя своего коня или даже за хвост, когда полки шли на крутые подъёмы, растянувшись колонной в один конь на многие вёрсты.

«Общий характер местности театра военных действий — сильно гористый, безлесый, суровый, необыкновенно дикий, с глубокими мрачными ущельями, крутыми спусками и подъёмами» (Масловский, с. 22).

А ВОТ КАКОВ БЫЛ ВРАГ

«Курды — народ примитивный, дикий, стоящий на очень низкой ступени культуры. Они кочевники, хищники и не обладают рыцарскими чертами. Упорного боя не принимают, действуют в конном и пешем строю. Если они в большинстве — то делаются смелыми. Пленных не берут и раненых добивают, предварительно изуродовав» (Масловский, с. 27).

«Турки-османлисты, как боевой материал, были высокого качества: смелые, храбрые, чрезвычайно выносливые, нетребовательные и скромные и в то же время — дисциплинированные. По своей природе они были настоящими воинами. Они храбро дрались, почти всегда принимали штыковой удар, хорошо применялись

Курдская кавалерия

Один из боевых отрядов Абдул-Гамида

Казак-пластун ст. Пашковской на посту часового в суровых условиях Первой мировой войны

к местности, хорошо шли в атаку, отлично оборонялись».

А о том, каковы были стужи-морозы, прочтём следующее:

«Во время штурма крепости Эрзерум один из батальонов донских пластунов, застигнутый снежной вьюгой, в одну ночь потерял около 500 казаков замерзшими и обмороженными. При взятии Эрзерума общие наши потери достигли 14450 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, из коих более 6000 — обмороженными.

Зимой у соседей-пластунов произошло следующее: полусотня в 45 человек, сменившаяся с передовых позиций и возвращавшаяся по пробитой в снегу тропе — вся провалилась в ущелье и была засыпана снегом».

Один из офицеров 4-й Кубанской пластунской бригады, бывшей по соседству с 4-й Кавказской стрелковой дивизией на хребте Шайтан-дат (Чёртова гора), пишет:

«В конце ноября 1916 года дожди сменились снегом; казаки, размещенные в юртах и палатках, терпели страшную стужу, т.к. сильный наверху ветер постоянно переворачивал эти жидкие жилища, гасил печи. Были случаи, когда ночью бешеным порывом ветра палатки уносились куда-то и бесследно

засыпались снегом. Ежедневно часовые и под-часки в лучшем случае возвращались с поста с обмороженными конечностями и больными. Потом зачастую стали совсем засыпаться снегом полевые караулы. Выстрелы, которыми замерзшие пластуны хотели дать весть своим станичникам о постигшем их несчастье на посту, таяли в свисте и заунывной песне метели и бесследно, никем не услышанные, разносились в воздухе.

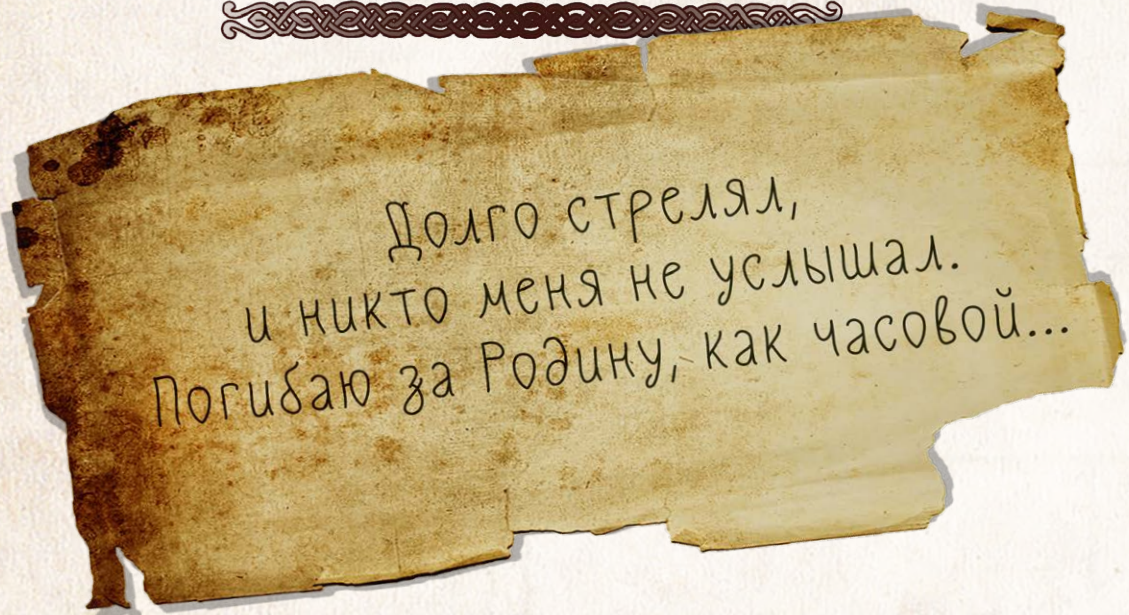
Бывали случаи, когда целые сотни пластунов ночью заносились метелью, а утром отрывались полузамерзшими.

Офицеры и солдаты 6-й Кавказской стрелковой дивизии, сменившей пластунов на этой позиции в конце декабря 1916 года, рассказывали, что находили с весенним талым снегом отдельных казаков и группы при боевом снаряжении, завернутых в бурки, занесенных ранее снегом на своем сторожевом посту.

У одного пластуна-линейца ими была найдена записка в стволе винтовки следующего содержания: «Долго стрелял, и никто меня не услышал. Погибаю за Родину, как часовой...»

Эти свои цитаты генерал Масловский заканчивает такой фразой:

«Трудно представить, что все это можно было переносить. И не было случая ропота»...

Долго стрелял,
и никто меня не услышал.
Погибаю за Родину, как часовой...

ГЛАВА I

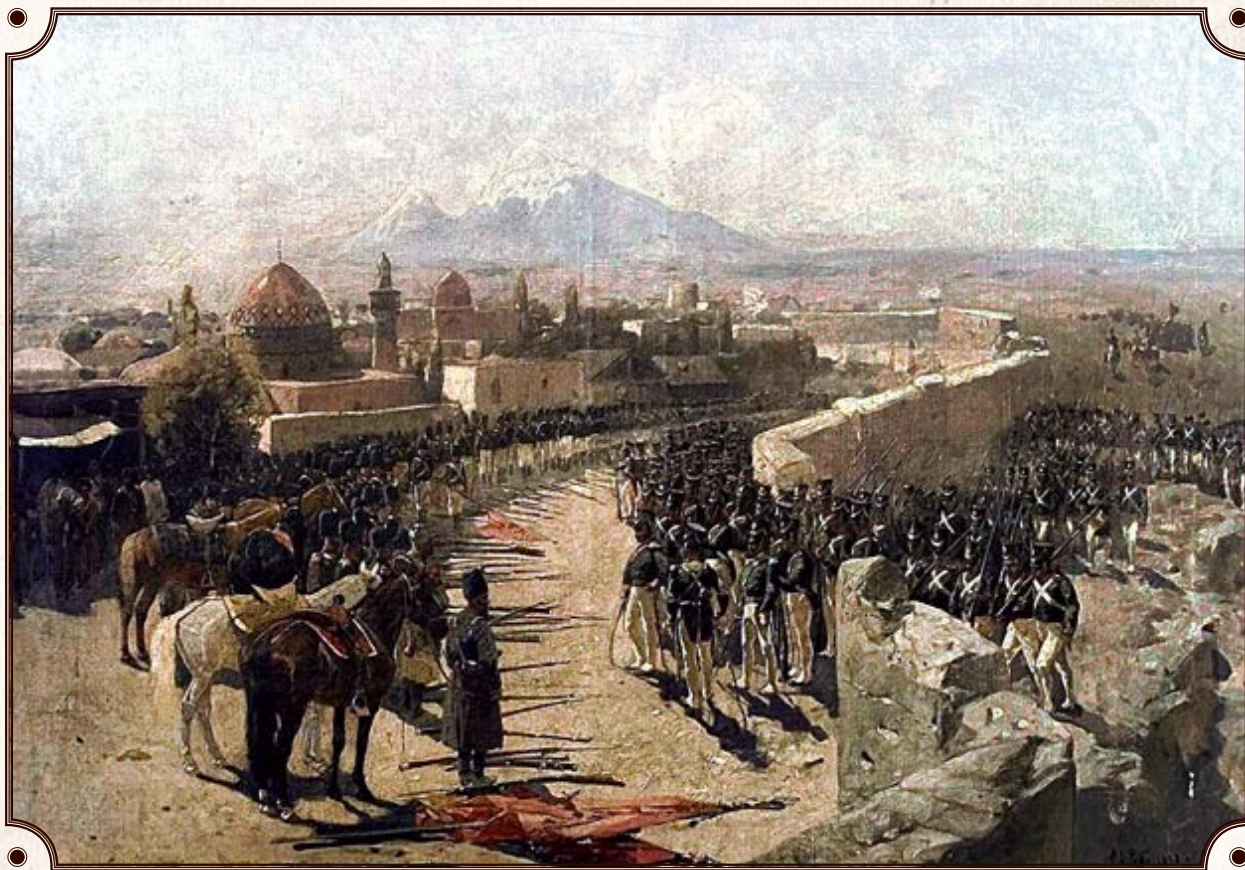
КАК «ГОРСТЬ РУССКИХ БРАТЬЕВ»
СПАСЛА СВЯТОЙ ЭЧМИАДЗИН

История русско-армянских отношений богата страницами боевой славы, героизма и братства. Но Ошаканская битва (или Аштаракская), когда три тысячи солдат генерала Афанасия Красовского, защищая Святой Эчмиадзин, выступили против тридцатитысячной персидской армии, заслуживает отдельного внимания.

В конце марта 1827 г. авангард русского корпуса, в составе которого были и два Черноморских казачьих полка под начальством генерал-лейтенанта Бенкендорфа, находился в Армении, недалеко от Эчмиадзина. Отряд испытывал недостаток продовольствия. Как свидетельствует историк В. А. Потто, эриванские

армяне, естественно желавшие прибытия русских, которые защитили бы их от неистовства персиян, будучи истощены пребыванием у них в прошлом году персидских войск, не смогли предоставить того, на что рассчитывал командующий экспедицией генерал-адъютант Паскевич. Преодолевая невероятные трудности, отряд совершил рейд через снежные утёсы Безобдала, или, как называли его казаки, «бес его дал». Мокрый снег, туман, дорога над обрывом лесистой пропасти. Казаки выпрягали лошадей, тянули на своих плечах подводы...

Уже потом великий князь Николай Павлович объявит высочайшее царское благоволение офицерам, участвовавшим

«Взятие русскими войсками Эриванской крепости». Художник Ф. Рубо

в этом переходе, а нижние чины получают по рублю, фунту мяса и по чарке водки на человека.

Быстрое продвижение русских вызвало панику среди персов и татар. Ликовало лишь оставшееся малочисленное армянское население, которое персы не успели угнать за Аракс. Они видели в русских своих освободителей. С другой стороны, овладение Эчмиадзином — религиозным центром Армении — отдавало в руки русских и ту силу, благодаря которой можно было управлять народной массой армян и подготовить в ней надёжного союзника.

Был яркий солнечный день. Отряд стоял на площади древнего Эчмиадзинского храма. Тишина и шёпот солдатских молитв. Сияли снега на вершинах библейского Арарата и Алагяза... Константин Христофорович Бенкендорф сошёл с коня, принял благословение иноков и приложился к иконе Спасителя.

«Воссиял день избавления, — сказал архипастырь Нерсес, обращаясь к эчмиадзинскому монашеству, — и вековая слава Армении вновь оживает на земле под сенью креста, с которым идут к нам русские братья. В призывном голосе вождя их мы видим указание Бога, располагающего судьбами царств и народов. Внимайте этому голосу, и днесь, еще услышите его, не ожесточайте сердец ваших». Он, как и все, молился о спасении Родины, о ниспослании ей долгих и счастливых дней под мощным покровом России...

На чужом, непонятном для русского войска языке совершалась Божественная служба, но все молились усердно, как только может молиться человек вдали от Родины.

Мы привели эти подробные свидетельства историков лишь потому, что в составе тех Черноморских казачьих полков стояли и молились за матушку Россию, за Кубань, за хаты, за родных и близких мои земляки — сергиевцы и казаки соседних станиц. Многие из них через несколько недель в жестокой рубке с курдским отрядом Гассан-хана останутся навсегда за Араксом, на далёкой чужбине.

25 мая 1827 г. генерал Бенкендорф от армянских жителей получил

Портрет А.И. Красовского кисти Д. Доу

известие, что действительно совсем рядом видели сильный отряд Гассан-хана с тремя пушками, который на рассвете ушёл по направлению к Сардар-Абаду.

Вслед был направлен отряд в составе трёх сотен черноморских казаков под предводительством Вержбицкого, который, дав знать Бенкендорфу о преследовании неприятеля, не сразу разгадал замысел Гассан-хана и оказался в каменистых, покрытых оврагами местах и был лишён места для манёвра. Казаки лихо вступили в бой, смяли правый фланг, но в этот момент очутились в окружении четырёхтысячной конницы Гассан-хана, ударившей по казакам с тыла. Это было страшное тяжёлое зрелище. Подоспевший к концу сражения Донской казачий полк полковника Карпова дал возможность только отдельной части черноморцев вырваться из западни.

Но уже 15 августа Аббас-Мирза направил основную часть своих сил под начальством Юсуп-хана на Эчмиадзин, который охранял небольшой

комендантский отряд. Как свидетельствуют историки, персы передали архиепископу Нерсесу письмо следующего содержания: «Если ты добровольно не отворишь ворота, то я окружу монастырь всей артиллерией, пушками, мортирами — разорю его до основания. Тогда, Нерсес, грех будет лежать уже на твоей душе». — «Обитель сильна защитой Бога, — ответил Нерсес, — попытайтесь взять ее».

Началась методическая осада монастыря. 16 августа отряд генерала Красовского, двигаясь через горы на подступах к селению Ошакан, услышал канонаду и поспешил выступить на помощь Эчмиадзину. Общая сила выступавшего отряда «не превышала тысячи восьмисот человек пехоты и пятисот человек конницы казаков...». Священник Мокрицкий окропил боевые знамёна святой водой, осенил колонну крестом и, подняв животворящий крест, сказал: «Братцы! Не уstraшитесь многочисленности врагов ваших.

Портрет И. Ф. Паскевича кисти Д. Доу

Многочисленность их только прославит мужество ваше. Доставит вам еще большие лавры и почести. Всемогущий Бог, сильный и в малом числе своих избранных, истребит многочисленные полчища врагов, не ведающих святого имени Его. Вооружите же, православные воины, крепкие мышцы ваши победоносным русским мечом, дух — храбростью, сердце — верой и упованием на Бога, помощника вашего, — и Той сохранит и прославит вас».

Ранним утром 17 августа — день предвещал быть знойным.

Через подъём до подошвы горы, где начиналась Эчмиадзинская долина, почти четыре версты.

Отряд принял бой, не имея возможности идти широким фронтом.

Персы предпринимали атаку за атакой. Дело доходило до рукопашных схваток. Пехотинцы и казаки сражались один против десятерых. Силы были воистину неравными.

Генерал Красовский появлялся всегда там, где было весьма трудно, и поддерживал дух сражения. Под ним были убиты одна за другой две лошади. С раздробленной ключицей, преодолевая боль, он продолжал руководить сражением. И вот равнина. Наседает персидская конница. Толпы персидской пехоты подходили из-за Абарани, не давая отряду выйти из-под огня артиллерии. Головная колонна 39-го полка вырвалась на долину. Казачьи сотни рванулись навстречу персидской коннице и обратили её в бегство. Однако полностью защитить пехоту казаки были не в силах. Наступал критический момент. Священник Крымского полка Федотов с крестом в руках пошёл впереди... В это время Эчмиадзинский отряд вышел на подмогу. Персы отступили. Красовский приказал стрелкам и казакам присоединиться к колонне, но измождённые шестичасовым сражением, изнурённые жаждой, они бросились к ручью с холодной водой, и ничто уже не могло остановить их.

«Персидская конница, — пишет историк В. А. Потто, — принялась рубить их,

как умеет рубить восточная конница. Казаки по своей малочисленности не могли оказать в этот момент никакой помощи и должны были отступить к отряду. Гибель стрелков стала неизбежной. Многие солдаты в изнеможении ложились на землю и не пробовали даже защищаться. Персияне не брали в плен, а резали всем, и живым и мертвым, головы, вязали их в торока и с этой кровавой добычей скакали назад, чтобы получить за каждую голову обещанные десять червонцев, большая часть русских трупов и были потом найденными обезглавленными».

Здесь погиб командир Крымского полка подполковник Головин, будучи уже не в силах предотвратить катастрофу.

Майор Белозор изнемог до того, что солдаты вели его под руки, а когда они совсем отстали — сели на камень, «достал кошелек с деньгами и, передавая его солдатам, сказал: «Спасибо вам, братцы, за службу. А теперь спасайтесь, иначе вы погибните вместе со мной совершенно напрасно». Подскакавшие персияне сорвали с Белозора эполеты, вероятно полагая, что они золотые, и отрубили ему голову».

То, что произошло под Ошаканом, не назовёшь боем. Это была настоящая битва, сражение с огромными потерями с обеих сторон. Живые подходили к стенам Эчмиадзина и падали в изнеможении, другие умирали от полученных ран.

В своём донесении генерал Красовский докладывал о мужестве фейерверкера Осипова, которому ядром перебило левую руку выше локтя. Она едва висела на коже, а он нёс её правой, не желая покинуть орудия, и так дошёл до самого монастыря.

Достоин великого уважения подвиг Акопа Арутюнова, который в разгар сражения, будучи в персидской артиллерии, бил из пушки по скоплению персов. Его выдали, выкололи глаза, отрезали нос, губы, уши и пятки. Мужественный герой сумел бежать и добрался до Эчмиадзина.

Впоследствии Русское правительство «назначило ему единовременно десять червонцев и пожизненную пенсию в сто рублей».

Портрет католикоса Нерсеса V Аштаракеци кисти А. М. Овнатяна (1830)

Красовский ввёл в монастырь слабые остатки своего отряда. Был потерян весь транспорт, двадцать четыре офицера и тысяча сто тридцать один нижний чин.

Весь монастырь наблюдал за ходом битвы. В святом, праздничном одеянии архиепископ Нерсес «простирает вверх копье, смоченное кровью Христа, и просит с коленопреклонением и со слезами победу благочестивому русскому воинству».

К оставшимся в живых архиепископ Нерсес обратился с речью: «Горстка русских братьев пробилась к нам сквозь тридцатитысячную армию разъяренных врагов. Эта горсть стяжала себе бессмертную славу. И имя генерала Красовского останется навсегда незабвенным в летописях Эчмиадзина».

Аббас-Мирза со своим многочисленным «святым» воинством не мог остановить горсть русских воинов и казаков,

Святой Эчмиадзин

Памятный комплекс русским воинам, павшим в Аштаракской битве 1827 г., установлен близ деревни Ошакан в Аштаракском районе, неподалёку от Еревана

которые не отдали врагу ни одного трофея: ни пушки, ни знамени.

На месте погребения павших в Аштаракской битве (так названной впоследствии) 1 сентября 1831 г. высочайшим утверждением был установлен памятник, где на медных досках начертаны имена частей и командиров, которые сражались в день 17 августа для спасения эчмиадзинской святыни.

Российский император Николай I, прочитав донесение об Аштаракской битве, написал собственноручно: «Дать Красовскому орден Св. Владимира 2-го класса». — И повелел занести событие в календарь с присовокуплением слов: «Столь смелое и удачное предприятие заслужено быть причислено к достопамятнейшим подвигам храброго российского воинства».

Много кубанских казаков, в том числе и моих земляков, оказалось там,

вдали от своего родного очага в далёком 1827 году. Они нашли свой вечный покой в каменистых сырых оврагах, среди вековых гор и ущелий далёкой Армении, убитые и изрубленные в боях, сражениях и походах... Среди них сергиевские казаки Михаил Гонзюс, Иван Мизин, Никита Приходько, Гавриил Доценко, Никита Довгаль, Фёдор Стеценко, Максим Бабич. Рядом с ними дядьковские казаки Ефим Мисан и Павел Бохан, кореновский казак Пантелеймон Квитка и платнировский Савва Храбрый..., а его брат Григорий Семёнович Храбрый вместе с кореновцами Степаном Жировым и Карпом Мисько героически погибнут 4 сентября 1827 г. при взрыве неприятельского порохового погреба при взятии Эриванской крепости.

В начале октября 1827 г. казаки отомстят персам и курдам за гибель своих братьев. Гассан-хан, награждённый персидским царём тамерланским мечом и титулом «Сер-Аслан» (глава или предводитель львов), вместе со своими «львами» попадёт в плен, а меч будет отправлен генералом Иваном Моисеевичем Красовским в дар императору Николаю Павловичу. В своей сопроводительной записке он скажет: «К стопам Вашего Императорского Величества повергаю меч Великого Тамерлана, добытый мной в стенах Эривани. Кому, если не Государю моему и благодетелю, принесу я в дар меч сей, украшавший сокровищницу шахов Персидских? Некогда в могучей деснице Тамерлана он покорила Восток и попрала гордость турок, в лице их султана Баязида-молнии; ныне же, в благословенных руках Вашего Величества, да повторит он светлый удар Тамерлана, сокрушив врагов веры и человечества».

Аштаракская битва стала поворотным пунктом в истории Армении. Пройдёт немного времени, и Аббас-Мирза подпишет Туркменчайский договор, заплатит большую контрибуцию и Армения наконец-то приобретёт свою государственность под покровом России, в борьбе за которую казаки своими подвигами и кровью внесли особую лепту, достойную вечной памяти.

ГЛАВА II

КАЗАКИ – ГЕРОИ БАЯЗЕТА

(По материалам А.Д. Ламанова)

К началу 70-х годов XIX в. значительная часть Балканского полуострова находилась под властью Османской империи. Турки безраздельно господствовали в Болгарии, Македонии, Боснии, Герцеговине, Албании, Эпире и Фессалии. Только Греция официально являлась независимым государством. Сербия и Румыния признавали суверенитет турецкого султана и платили ему дань. Черногория фактически завоевала самостоятельность, но не имела юридического статуса независимого государства. Освобождение от турецкого ига и образование независимых национальных государств являлись насущной и первоочередной задачей балканских народов, с которой сами они справиться не могли, несмотря на героическое сопротивление, оказываемое захватчикам.

24 апреля 1877 г. правительство Александра II Освободителя объявило войну Турции. 27 июня 1877 г. передовые части русских войск успешно форсировали Дунай и с боем овладели главным пунктом обороны противника городом Систовом. Население Болгарии восторженно встречало своих освободителей. Бок о бок с русскими солдатами сражались болгарские ополченцы и войска Румынии, провозгласившей 21 мая 1877 г. полную независимость. С запада на турецкую армию вели наступление Черногория и Сербия. На Кавказе русские довольно быстро овладели турецкой крепостью Карс, но на Балканах продвижение армии задержалось более чем на 4 месяца, в связи с тяжёлыми и кровопролитными боями у крепости Плевна (Плевен). Лишь после трёх штурмов и длительной осады крепость была взята (декабрь 1877 г.). Стойкость и героизм русских солдат в суровых зимних условиях

в боях у Шипки и в других сражениях этой войны принесли свободу балканским народам и покрыли неувядаемой славой русское воинство.

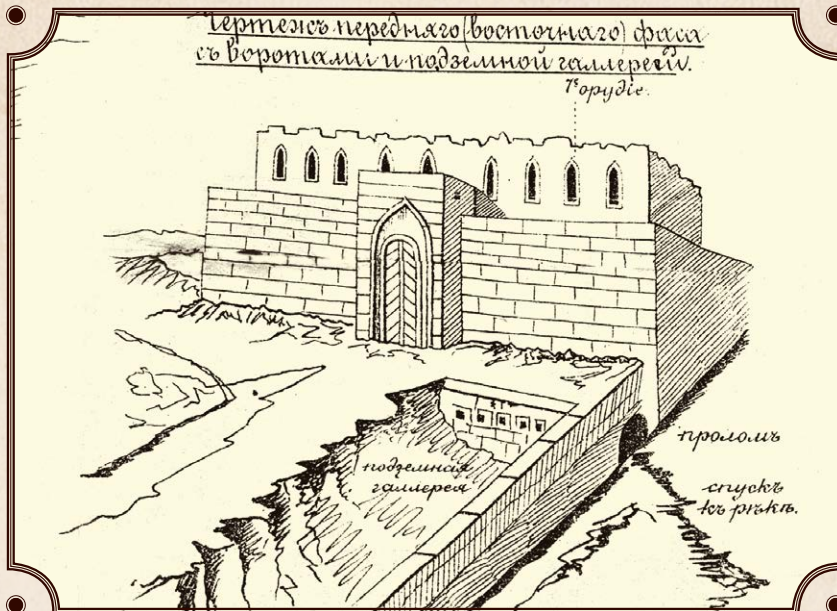
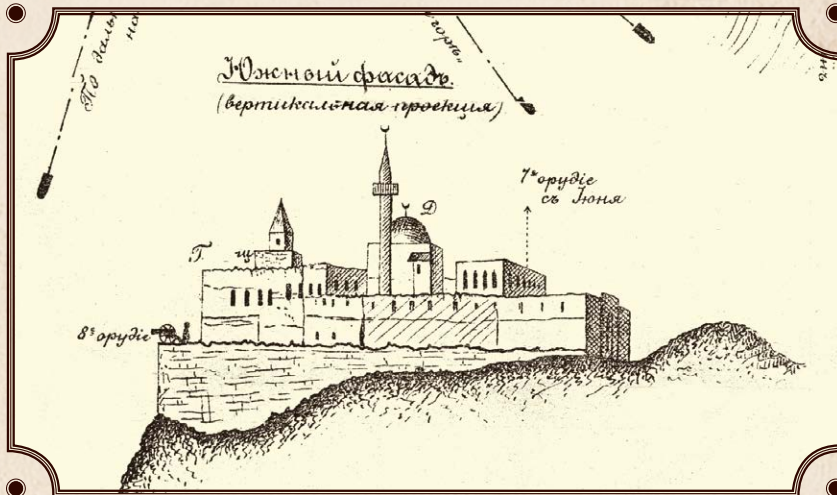
Одной из славных страниц истории этой войны явилось событие, связанное с героической обороной Баязетской крепости в июне 1877 г. Событие это, имевшее место на Кавказском театре военных действий, достаточно подробно изложено среди материалов, подготовленных А.Д. Ламановым для истории Кавказского полка. Обратимся к собранным А.Д. Ламановым сведениям.

«Эриванский отряд, оставив гарнизон в Баязетской цитадели около 1500 человек, сам день ото дня уходил от Баязета далее и далее, в глубь неприятельской страны. Гарнизон был слабо обеспечен продовольствием...

Что такое Баязетская цитадель?

Это огромный замок, некогда принадлежавший одному куртинскому владельцу. Замок расположен в центре города Баязета, на одном из скалистых горных отрогов, врезающихся во внутрь города с юго-востока, в упор языка или мыса, обрывающегося почти отвесно к югу, западу и северу. Вот на этом языке и стоит замок, получивший по местным условиям своего расположения значение цитадели города Баязета. Вся цитадель занимает около 1500 кв. саженей, состоит из ряда массивных, каменных, преимущественно двухэтажных зданий. Под зданиями ряд глубоких и обширных подземелий. В цитадель проведена отличная родниковая вода, вливающаяся в огромный резервуар-бассейн.

Вскоре вокруг Баязета стали появляться партии курдов; не раз они отбивали жительский скот. Носились слухи о нападении курдов на цитадель, — слухом гарнизон не мог быть спокойным.

Печатается с оригинала рукописи

Начальник Игдырского отряда генерал-майор Кельбали хан Нахичеванский, узнав, что турки намереваются сделать нападение на баязетский гарнизон и осадить крепость, выслал две сотни Эриванского конноиррегулярного полка в подкрепление баязетского гарнизона. Кавказского полка хорунжему князю Джорджадзе (2-й сотни) предписано: по прибытии названных сотен на Чингильский пост принять последние в свое ведение и в случае будут введены в дело, — руководить ими; имея для того у себя в помощь выбранных 25 казаков. В ночь с 5 на 6 июня сотни спустились с Чингильских высот и переменным аллюром двинулись к Баязету, куда прибыли утром 6 числа, где не застали частей гарнизона, они вышли часами 3 ранее в ущелье, где располагался, как сообщалось лазутчиками, небольшой

отряд Ванского корпуса Фаик-паши. К полудню 6 июня верстах в семи от Баязета показались наши роты гарнизона, быстро отступавшие под натиском массы кавалерии и низама (пехота). Сотни Эриванского конноиррегулярного полка, 25 казаков Кавказского полка и две роты Крымского пехотного полка, остававшиеся в крепости, направились на левый фланг и, заняв там удобную высоту, открыли учащенный и меткий огонь и тем привлекли на себя внимание турок. Расстроенные и смешавшиеся долгим отступлением по трудной гористой местности роты и казачьи сотни пришли в должный порядок и, отстреливаясь, отходили к крепости. Для прикрытия остальных от захвата надвигавшихся наперерез им турок хорунжий князь Джорджадзе с 25 своими казаками занял близлежа-

Крепость Баязет, рис. XIX века

щий небольшой редут, откуда хорошо обстреливалось ущелье, по которому наступали роты низама. Когда солдаты успели войти в цитадель, а турки направили в редут сильный огонь с почти нависшей над ним скалы, казаки выскочили из своей засады и бросились к цитадели, но ворота были уже заперты и завалены каменными плитами, — к счастью казаков, оказалась незаваленной калитка, неплотно притворявшаяся, через которую и влезли казаки во двор, едва не попав в руки курдов, уже массой наскочивших на оставленных вне крепости строевых казачьих лошадей. Внутри, за стенами цитадели, хорунжий князь Джорджадзе и 25 нижних чинов Кавказского полка делили общую участь баязетского гарнизона. Таким образом, 6 июня, с 6 часов пополудни, баязетский гарнизон вынужден был запереться в цитадели и принять блокаду.

На довольствии гарнизона в цитадели имелось сухарного запаса 356 пудов, или 14.240 ф., которого на наличное число людей — 1620 чел. — при условии однофунтовой дачи, могло хватить лишь на 9 дней. На второй день блокады запас сухарей был отобран, приведен в известность, сложен в мечеть, куда поставлен и запас воды. С первого дня блокады сухарей отпускалось по 1 фун., с 10 июня по $\frac{1}{21}$ фун., с 15 по $\frac{1}{4}$ фун., а 21 выдано лишь по $\frac{1}{8}$ фун.; 25 числа выдано на роту и сотню по 1,5 пуд. дробленого ячменя для приготовления каши, взамен хлеба. 24, 25 и 26 зарезаны лошади и мясо их роздано в части. Жидкая пища гарнизону варилась лишь 18 и 19 числа. Вода гарнизону отпускалась также порциями, дошедшими к 23 числу до $\frac{1}{4}$ крышки, с 24 — по одной деревянной ложке.

Во время блокады ранен хорунжий князь Джорджадзе и убит урядник.

Лишь затворились ворота цитадели, курды, обскакав город по горам, собрались в значительных массах с 3-х сторон: северной, западной и южной. Пешие толпы и жители соседних

селений занимали позиции и начали пристреливаться к цитадели, — все ближайшие возвышенности и городские здания были ими заняты, и они открыли огонь по площадкам дворов цитадели, крышам и окнам, который поддерживали до ночи. В тот же вечер неприятель отвел воду родника, снабжавшего бассейн цитадели. Ночью гарнизон делал закрытия от вражьей пули: закладывались окна и двери, наверх стен втаскивали камни для прикрытия стрелков, набивали землей кули — прикрытие орудий.

Курды, в поисках добычи по городу, наткнулись на милиционеров конноиррегулярного полка, засевших в бывшей конюшне, и поголовно вырезали их.

С известием о блокаде Баязета, 2-я сотня Кавказского полка 7 июня стянута на Чингильские высоты и передвинута к горе Арарат, где выставляла наблюдательные пикеты и разъезды, которые постоянно натыкались на турецкие разведывательные полки, завязывались перестрелки, чем препятствовали последним пробираться в пределы Сурмалинского уезда Эриванской губернии.

К 12 июня сформирован Чингильский отряд под начальством Кельбали хана Нахичеванского, в который вошла 2-я сотня Кавказского полка. К вечеру того же числа отряд подходил к Баязету, затеял жаркую перестрелку с передовой турецкой цепью, а ночью отступил к реке.

Утром 13-го числа ввиду наступавших неприятельских колонн пехоты и кавалерии, пущенной в обход, отряд отступил к Чингильским высотам, где и остановился лагерем, зорко следя за действиями и движениями турок. Во время отступления часть турецкой конницы стала наседать на тыл, посланная туда 2-я сотня Кавказского полка атаковала и отбросила турецкую конницу.

Вот бесхитростный рассказ участника баязетского сражения урядника ст. Кавказской Сергея Севостьянова.

«2-я сотня (команд. есаул Митрофан Андреевич Попов), в которой состоял я, была оставлена в Игдыре. От нее выделена была команда, в числе 42 человек, под моим начальством, для образования поста, названного «Ченгинские высоты». На пост возложена обязанность сопровождать транспорты к отряду, почту и проч. От Игдыря до поста около 35 верст и от поста до Баязета около 40 верст.

В Баязете оставлен гарнизон, как помню: 3 роты пехоты, 2 орудия, две сотни Уманского и одна сотня Хоперского казачьих полков. Начальником гарнизона был подполковник Ковалевский, так помнится мне.

Отряд ушел далеко от Баязета.

Турки, пользуясь малочисленностью Баязетского гарнизона, стали появляться близ него, а кавалерия их даже отбила скот городской (в Баязете городское население — армяне). Скот был отбит обратно.

Турки повредили телеграф между баязетом и Игдырем. Для исправления его ехали по линии телеграфист с конвоем казаков, который и сообщил обо всем мне, с предупреждением: «Будьте осторожны, урядник, турки близко, вот в третий раз перерезывают телеграфную проволоку».

Известие это было днем — в воскресенье, 5 июня, а в 12 час. ночи под 6 число прибыл к посту полк милиции, оставленный в Игдыре, с запискою ко мне от командира сотни, чтобы я, взяв с собою 25 чел. казаков, сопровождал полк до Баязета.

Я уже бывал в г. Баязете и успел заметить тамошнюю городскую тесноту, поэтому, по приходе полка в Баязет, я доложил командиру полка о неудобствах расположения полка в городе, почему полк остановился вне города.

После этого офицер от полка и я поскакали в крепость, где офицер подал записку начальнику гарнизона, который, указав мне место вне крепости, приказал перевести туда полк, что и было исполнено мною.

После этого я обратился к начальнику гарнизона с вопросом: возвращаться ли мне с командой на пост?

На это он ответил: «Обожди, урядник, отдохните, тогда я скажу». А сам все поглядывает в сторону неприятеля, как будто ожидает кого.

Видим, скачет казак. — Прискакал, подает клочок бумаги начальнику гарнизона. Тот, прочитав, приказал полку и мне с командой скакать на помощь своим.

Оказалось: вся конница и часть пехоты гарнизона, посланная в неприятельскую сторону, столкнулась с турками и ввязалась в перестрелку, откуда и прискакал тот казак.

Проскакав версты три от крепости, нам навстречу несли раненых солдат и казаков, а некоторые, перевязанные, шли сами, — с носилок стоны и крики пронизывали наши сердца. В первую минуту на нас оторопь напала, но оправились скоро и продолжали путь.

Полк милиции повернул назад, безудержно поскакал к крепости, но турецкая кавалерия успела подскочить почти под перед милиции и открыла по ней огонь; много тут легло милиционеров, а остальные вскочили в город Баязет и укрылись в караван-сарай (род постоянного двора), предполагая спастись там.

Лишь вошла моя команда под выстрелы, был ранен из нее казак Толмачев (ст. Казанской). — Спешив команду, лошадей я отправил к крепости, сами пристроились к солдатам и вступили в дело. — Это первое мое боевое крещение.

Нас была горсть, а турок большая сила, сказывали тогда — около 20 тыс. человек. Мы постепенно отходили. Из крепости подан сигнал «отступление». Турки стали наседавать, открыв учащенный огонь, так шло вплоть до крепости. Все бросились к воротам, столпились тут, а турки дают залп за залпом и положили наших человек до 300, не успевали относить тела убитых и раненых, много полегло их и внутри крепости; сделалась грязь от пыли и крови; носильщики обмазались кровью, кровь текла, образуя ручьи, направлявшиеся к наружному бассейну, в котором и смешалась вода с кровью. На все это было больно глядеть.

Все прибрано во внутрь крепости. Лишь один солдатик замешкался в нескольких шагах от нее и бежал к крепости, за ним гнались турки. Мы дрожали, наша мысль была у Престола Божия с просьбой спасти солдатика. Турки нагнали и закололи его штыками. Спассти солдата мы хотели, для чего надо было пустить несколько пуль по туркам, но опасались, как бы наши пули не сразили солдата. На возвратном пути их мы дали по туркам залп из нескольких ружей и обоих положили на месте, вместо одного солдата.

Тела убитых наших сложены в погреб, находившийся несколько в стороне. Началось трупное разложение, зловоние стояло в крепости, но мы скоро привыкли к нему.

Лошади наши не были заведены в крепость своевременно, а стояли сбатованными, в закрытом месте от выстрелов, в нескольких шагах от ворот крепости. Начальник гарнизона приказал заваливать камнями крепостные ворота; приходится расставаться с лошадьми. Мне жаль было своего коня, я воспользовался моментом, пока носили камни к воротам, решил пробежать к нему, взять и ввести в крепость. Товарищи сказали мне: «Не бегай, брат, видишь пули, ровно пчелы летают, убьют тебя». — Полагаясь на милость Божию, я побежал к коню; градом пуль обдало меня, черкеска прострелена во многих местах, но ни одна пуля не коснулась моего тела. Я припал к земле, передохнул и опять бросился к коню, отбатовал его, вскочил на него и прямо к воротам. — Опять пули, конь ранен, упал и я с ним, товарищи бросились ко мне, полагая, что я убит, пособили мне благополучно ввести коня в ворота, которого я поставил в углу, где была сложена проволока и проч. хлам; угол не обстреливался.

Когда я пришел в себя, товарищи стали подсмеиваться надо мной, говоря: «Кабы ты не закрывался рукой, то убили бы тебя турки». Эту насмешку вызвало следующее обстоятельство: когда турецкие пули осыпали меня, я, по чувству самосохранения, закрыл рукою глаза, это видели товарищи и подсмеялись. Все это произошло в самое короткое время, не более получаса, а в это время из моей команды были ранены: Форостин, Бугай и Бойко.

Солнце склонялось все ниже и ниже, а турки, обложив город и крепость, придвигались к нам все ближе и ближе. Мы атакованы кругом. Это было 6 июня, в понедельник, как сейчас помню.

Затворили крепостные ворота, завалили их камнями, заложили амбразуры в стенах крепости и окна в казарме, оставив малые отверстия, не заметные издали.

Перед этим из бассейна сделали запас воды, которой нам хватило дня на два-три. Вскоре турки закрыли нам приток воды.

Турки расположились на высотах, с которых большая часть крепостной площадки была как на ладони; днем по крепости ходить было опасно, мы укрывались в местах менее опасных; по рискнувшему пройти по площадке днем сыпались турецкие пули и убитый лежал до ночи необрунным. Милиции выход также был закрыт.

Ночью по городу горели постройки, раздавались крики и вопли женщин и детей, это турки начали грабить, убивать армян и бросать их в огонь живыми. Благодаря лунной ночи нам видно было и слышны ужасные стоны несчастных жителей; но мы были бессильны помочь им. Тяжело было видеть такую ужасную картину.

Турки забрали всех наших лошадей, бывших за крепостью. На другой день, прямо с утра, продолжался грабеж и убийства. Не спаслась и милиция в караван-сараях, ее участь была такая же, как и жителей: турки не пожелали принять их военно-пленными и пустили в ход свои ятаганы. Это было около 12 час. дня; мы ужасались, глядя на такую картину смерти.

Город опустел.

Прошло 8 дней, в течение которых мы кое-как питались, благодаря турок за оставленные ими галеты; они хотя и плохи были, но мы были рады и таким.

Жара стояла страшная от нагретых камней. Жажда невыносимая, на что угодно мы готовы были рискнуть ради капли воды. Близ крепости протекал ручей, соблазн велик; раненые товарищи просят «водицы» и их запекшиеся губы, произнося едва слышимое слово «водицы», заставляли нас плакать.

Моя команда решила достать воды. Казак Яков Сотников (ст. Казанской), предложив пойти в опасный путь-дорогу, сказал: «Хоть воды напьюсь, а там что Бог даст: убьют — тяжелее не будет, нет сил дальше томиться и ждать голодной смерти». — Связали мы свои вьючные веревки в одну длинную, Сотников на одном конце ее сделал петлю для ступени ноги, чтобы быть в положении «стоя», и через отверстие ретирадного места был опущен нами по крепостной стене высотой около 12—15 аршин, причем дали ему небольшой бурдючок, ведра в два. Течение ручья открыто наблюдению турок, но в изгибах закрыто. Наблюдаем: Сотников ползет по «ерикю», турки не видят его, но на пути к воде небольшая лощина, он вылез на нее, но как турки сделали несколько выстрелов, пули подняли пыль вокруг него, Сотников лежит недвижим. Ну, думаем, успокоился навеки. Так прошло несколько секунд, Сотников двинулся вперед, опять залп по нем. Бог хранит его и в этот раз: он у ручья, скрылся с глаз турок. По течению ручья выше и ниже лежали разлагавшиеся трупы человеческие и животных, от воды несло смрадом, но это не помешало Сотникову утолить свою жажду и потом набрать воды в бурдюк. Теперь в сознании Сотникова явилось желание жить, а не умирать. Но как идти обратно? Лощину миновать нельзя, жизнь опять на волоске. Видим, Сотников стал на колени, Богу молится, подает голос и нам,

просили и мы Бога спасти жизнь Сотникову — мы плакали. Сотников лег на живот, ползет, сбоку его движется и бурдюк. Вдруг залп. Сотников покрыт пылью, но, пользуясь ею, быстро вскочил, приблизился к ерику и скрылся от выстрелов; слезы радости облегчили наши сердца. Мы втащили Сотникова обратно в крепость; наша радость полна была за жизнь его; но бурдюк-то оказался неполным, он был прострелен и часть воды утекла, но все-таки осталось ее столько, что мы утолили жажду, уделили воды и раненым.

Неустрашимый пример Сотникова толкнул на это и других казаков и солдат, но только в ночную пору. Добытую воду сливали в запас, а днем делили ее по столовой ложке в сутки.

Таким путем делали вылазки в город, откуда иногда приносили муки, из которой варили галушки, один раз удалось принести двух коз, но такая добыча — капля в море. Скоро протерлись веревки о камни, были случаи, что веревки обрывались и люди разбивались о камни.

Увидели турки, что мы добываем воду, решили покончить с нами. Они из 4 орудий открыли по крепости огонь, снаряды их падали на площадке крепости, от разрыва их поднялась пыль и дым, дышать было нечем, мы не находили уголка, в котором можно бы свободно дыхнуть, это был настоящий ад, а не жизнь, некоторые положили тут свою жизнь за святую Русь и батюшку Царя.

Выстрелы стали редеть. Я вспомнил про коня, кое-как пробрался к нему. Седло лежало под ним вследствие того, что пристружки полопались от силы разрыва гранат близ него, но он остался цел и невредим. Увидев меня, он слабым ржанием приветствовал мой приход, я обтер лицо его, обнял шею и горько заплакал, говоря ему: за что ты страдаешь так, как и мы, ты ни в чем не виноват, а он в ответ мне тихонько зубами щиплет меня за плечо. Я ночью увел его в конюшню; там стояла другая мученица-лошадь трубача Хоперского полка Шевченко.

Во время самого ада начальник гарнизона подполковник Ковалевский приказал вывесить на крепостной стене белый флаг. Турки прекратили огонь, господа офицеры вошли на баррикаду к крепостным воротам, там и по стенкам крепости разместились солдаты и казаки с оружием в руках. От неприятеля отделился офицер на белом коне, за ним белый флаг и трубачи, игравшие «отбой». Подъезжая к крепости, офицер подал голос: «отворяй ворота». Вслед за офицером двинулась вся турецкая сила, пехота и конница подошли близко к крепости. В это время в крепости раздался выстрел, которым был убит подполковник Ковалевский.¹ Откуда был дан выстрел, никто не видел. Капитан Штоквич принял начальство в гарнизоне. Он обратился к турецкому офицеру со словами: «А что сделаете с нами?» Тот ответил: «Отворяй ворота, тогда узнаешь, что будет». Пред нами предстала расправа турок с милицией. На это капитан ничего не сказал, а сойдя от ворот, обратился к нам: «Не робейте, братцы, вспомните присягу, Бог поможет нам, не посралим Русское знамя». Из наших слабых грудей раздалось громкое «Ура!». И послали мы град пуль и гранат туркам в гостинец. Видим, наши гостинцы не понравились им, они бросились уходить, оставляя на месте убитых и раненых. Капитан Штоквич шутил над нашими пушками: «А ну-ка, бабушки, кашляните, кашляните, а ну-ка еще, простуженные, откашлянитесь

¹ С правой стороны текста приписано карандашом: «Неправда! Был уб. подп. Пацевич».

по разочку». Пушки что ни кашлянут, то прямо в цель и положат несколько человек. Снаряды были турецкие, оставленные при уходе; свои снаряды берегли.

После этого 3 дня было тихо.

В это время под стенами крепости бродил мальчик лет 10. Он плакал и знаками просил взять его в крепость. Спущена была веревка, мы его втащили к себе. На наши расспросы через переводчика он ответил, что он армянин, его отца и мать и других родных турки порезали и пожгли, сестру его взяли с собой, его не стали резать. Он 3 дня ходил по городу, не встретил никого из своих, голоден, просил накормить его. Мы сказали ему, что и у нас нет хлеба, нет и воды, поделиться нечем. Пробыв у нас 3 дня, просил отпустить его, мы спустили его на веревке, он пошел и более не видели его. Горькие рыдания этого невинного мальчика вызывали слезы и у нас.

Капитан Штоквич предложил сделать вылазку из крепости охотниками; нас таких собралось около 300 чел. Вмиг были отвалены камни от одной половины ворот и она отворена. Мы бросились прямо к воде, о смерти никто не думал. Турки открыли по нас ружейные залпы. Навившись воды, мы стали отходить и наткнулись на турецкую роту, дали по ней залп, они отступили, наши бросились к воротам, а я побежал к ерику, залег в нем. Меня считали убитым, а потом на голос мой спустили веревку и втащили меня в крепость. Во время нашей вылазки смертельно ранен в глаз урядник моей команды Никитенко (ст. Ладожской), остававшийся в крепости; когда я возвратился, он уже не мог говорить и скоро умер.

Отбитие штурма крепости Баязет 8 июня 1877 года

Турки особенно стали наблюдать за нашими вылазками за водой и убивали на стене или около воды; вылазка прекращена.

Нет хлеба, нет воды. Терпим, ожидая выручки или голодной смерти.

На 14-й день я пошел посмотреть своего коня, пройти к нему можно было только через ретирадное место, около которого лежала уже дохлая лошадь трубача. — Ну, думаю, такая же участь постигла и моего коня, ведь столько дней прожить без корму и воды — нельзя ожидать иного. — Конь мой жив, это была живая тень, но глаза его ясны и блестящи, как два огонька. — Он встретил меня с прежней лаской в глазах, — я ничего не принес ему, он догадался, что и я страдаю от голода и жажды, понял плач мой и в утешение опять пощипывал меня за плечо. — Разобрав ему гриву, хвост, он стал подставлять мне бока свои, вероятно, они нудили его, — сняв свою издырявленную пулями черкеску, лапами ее удалил пыль с корпуса коня, только запекаясь кровь на ранах осталась непромытой. — Прогостив у коня около часа, возвращаясь тем же путем, я увидел, что от дохлого коня трубача остались голые ребра и такая же голова, мясо вместе с кожей было снято, даже внутренность забрата, так что и зловония ожидать было не из чего, — в голодном человеке сказался зверь, мясо жарили на огне и ели без хлеба. — Тут мне вспомнилась песня наших отцов из войны с Кавказскими горцами:

Проклятую лошадину мы варили и пекли,
Вместо соли мы солили из патрона с порошком,
Сено в трубочках курили, распрощавшись с табачком.

Прошло еще три дня. — Вестей ниоткуда нет. — А турки все похлопывают нас.

Нас объела тоска и ужас голодной смерти. Смотришь: в углу или под стеной, согнувшись, сидит человек, в нем жизни не видно, это живой мертвец, иной идет и шатается, еле передвигая ослабевшие ноги; уже перестали делиться впечатлениями дня, — белый свет стал немил, а присяга и родина дорогая стояли пред нами. В это время мне вздумалось пойти на мечеть (минарет), взглянуть в родную сторону, мысленно послать туда поклон; ноги мои не хотели подчиняться мне, я садился — отдыхал и все-таки поднялся. Лишь показалась моя голова, как со стороны турок было пущено по мне несколько пуль; я успел-таки глянуть в родную сторону и послал земной поклон. Тут я припомнил всю прошедшую жизнь, встали предо мной и хорошие и дурные случаи моей жизни, я поведал Богу мои прегрешения — покался Ему, на сердце моем стало отрадней, я спустился с мечети.

Опять вспомнил я про своего боевого товарища-коня. Прямо с мечети пошел к нему, по-прежнему поласкали мы один другого, потом я лег в яслях около коня и уснул, а засыпая думал: усну непробудным сном, пусть переживет меня мой товарищ-конь. Во сне я тил с большим наслаждением холодную воду, поднесенную родственником. Проснулся; руки мои подняты кверху, бледны, как у мертвого, они омертвели, чувствительность утратили, я испугался. Я молод, жизнь впереди, умирать не хотелось; сердце дрогнуло во мне, по телу стали бегать мурашки, руки мои стали слабее и опустились. Я обрадовался. Поласкав коня, обтер его и ушел от него.

На 17-й день нашей мрачной жизни, перед вечером, подул с южной стороны свежий ветерок, показалась небольшая тучка, к ней постепенно прибывали другие, образовалась туча, стало пахнуть дождевой

прохладой. Мы оживали. Капитан Штоквич подошел к нам и говорит: «На Руси православной люди просят Бога о ниспослании дождя на землю, давайте, братцы, и мы помолимся и попросим Бога, чтобы послал нам дождя». — Все стали молиться: кто стоя на коленях, кто сидя, молитва наша была теплая, Господь услышал ее. — При ветре засверкала молния, вдали послышался удар грома, удары слышнее и слышнее, — наконец около нас ударил гром, как залп из 100 пушек, — стал капать дождь и спустился сильный, вода потекла по крепости, мешаясь с засохшей кровью, останавливалась в низких местах, в выбоинах. — Вдоволь напилась мы воды, наполнили запасную посуду на несколько дней. — А хлеба нет, желудки наполнены одной водой.

В этот день я угостил водой и коня, он бедный, тряся, впуская в себя воду.

Вскоре животы наши стало распирать, дыхание затруднилось, в желудке боль, по телу дрожь, у многих рвота, головная боль, — это считали за лихорадку — болезнь не опасная, знакомая еще по Сухуму, и бояться, значит, нечего.

На 18-й день нашего сидения мои товарищи просят меня зарезать коня, иначе пропадет все. Я доложил об этом капитану Штоквичу. — Он удивленно посмотрел на меня и говорит: «Да разве он жив? Ведь 18 дней нет корму и воды». — Разрешая зарезать коня, он приказал отделить два пуда мяса для больных, за плату; от платы я отказался. — Товарищи пошли резать коня, я не пошел из боязни встречи с умными блестящими глазами его; их взгляд остался бы вечным укором мне — предателю. Я долго плакал, мне легче бы было, если бы он пал своей смертью. — За выделением 2-х пудов мяса для больных, остальное мясо и все, что можно есть, было разделено по-братски.

Турецкий парламентар несколько раз подъезжал к крепости, предлагая сдаться. «Иначе пропадете с голоду; мы знаем, что у вас нет хлеба и воды; Эриванский отряд разбит, Эривань взята и наше войско наступает к Тифлису, помощи ожидать неоткуда». — Капитан Штоквич просил более не беспокоиться приездом, что в следующий приезд он будет убит. — Он не послушал совета, опять ехал к нам, но мы не допустили его близко к крепости, убили на пути. — После этого никто к нам не приезжал.

Дни и ночи проходят медленно. — Есть нечего. — Вода протухла, но мы рады были и такой, получая по малой доле, лишь бы промочить в горле. — Число больных день ото дня росло и росло.

На 22-й день издали послышалось эхо орудийного выстрела. — Сердца наши дрогнули, промелькнула мысль: не наши ли войска идут выручать нас? — Я почти вбежал на минарет; откуда взялась во мне сила для такого бега? Оттуда послышалось еще два выстрела и далеко, далеко в воздухе стоял столб пыли, по направлению от Ченгинских высот, но никого не видно. — В то же время турки пустили по мне несколько пуль, шлепнувших о барьер минарета.

Возвращаясь к товарищам, я поделился с ними виденным, на это одни сказали: идут турки покончить с нами; другие — идут наши на выручку.

Я видел у войскового старшины Кванина бинокль. — Пошел к нему попросить у него бинокль, чтобы рассмотреть хорошенько виденную пыль. — Господа офицеры были все в сборе и между ними офицер нашего полка хорунжий князь Джерджадзе, — по какому случаю он остался от полка, я не знаю, но он тут был ранен. — Между офицерами была и жена

убитого подполковника, она плакала. Войсковой старшина сидел на стуле, заложив нога за ногу, расколол свой мундштук на 4 части, собирал с них табачную гарь, которую, наложив на бумажку, и скрутив папиросу, закурил ее, и продолжал разговор, к которому я прислушался, в чаянии узнать новости и что-нибудь о слышанных выстрелах: «Вот, господа, сколько я прочитывал книг за российские войны, нигде не встретил, чтобы столько времени продолжалась атакровка, как находимся мы. Бывали случаи — 3—5 дней: мой дед был в атакровке 5 дней, а нам сегодня 22 день; за это время доставить войска можно из внутри России, а от Тифлиса тем скорее — можно за неделю; надо полагать, что над нами поставлен крест, что нас нет уже на свете, — верно придется-таки нам погибнуть здесь».

— В это время я подошел к нему и попросил бинокль, при этом сказал, что слышал три орудийных выстрела и с минарета заметил столб пыли по дороге от Ченгинских высот. — Все вскочили с мест, подошли ко мне: одни обняли меня, другие целовали меня, — одни обещали подарить мне 200 рублей, другие — 300, если оправдается известие.

Взойдя на минарет, вооружившись биноклем, я из-за барьера стал наблюдать за столбом пыли, — он приближался к нам, вот и войско показалось, но по дальности нельзя было определить, русское оно или турецкое, и господа офицеры смотрели в свои подзорные трубы, но тоже не могли различить.

Солнце начало садиться.

Войско подошло ближе и остановилось около р. Евфрата, верстах в 5 от крепости.

Стемнело. — Видим, поднялась ввысь ракета, дано три орудийных выстрела. — Слышим родную «зарю» играют трубачи. Несомненно, пришли наши спасители, и мы в ответ им дали три выстрела из наших старушек, известив, что мы живы.

Ночь провели мы в сильном волнении от радости предстоящего освобождения и оттого, что турецкая артиллерия громила нас в прошлую ночь не жалея снарядов, чтобы нанести нам поражение. — За наше долгое испытание Бог миловал нас от вражеского огня.

Турки знали о приближении нашего отряда, пехота их разбрелась по опустошенному городу, артиллерия стояла до утра, а конницы не видно было.

Утром 28 июня отряд шел к крепости, мы узнали свой Эриванский отряд. Не дойдя до крепости версты полторы, он остановился; артиллерия снялась с передков и сделала несколько выстрелов через крепость по турецкой артиллерии. Вдруг два залпа из нескольких орудий по крепости разрушили в некоторых местах стену и убили несколько человек; затем, прекратив огонь, турки стали отступать. — Это артиллерия прибыла почти со стороны нашего отряда, поставила на возвышенности свои орудия и послала свой убийственный огонь.

Наша пехота и кавалерия направилась в обхват города, тут нашу роту турки истребили, за то поплатились и они при выходе из города, тут дело шло в штыки. Турки, не выдержав, бежали, конница наша рубила их вдогонку; все это нам было видно. — Турки дорого заплатили за наше мученье и ушли с наших глаз.

Лишь растворились ворота, все: здоровые и больные, могшие ходить, бросились к ручью, вмиг обложили берег его, припав засохшими губами

к воде, некоторые вскочили в ручей, чтобы скорее утолить жажду, мы уподобились овцам. — Из отряда это видели и многие плакали.

Я и другие в крепость уже не пошли, а направились напрямик к отряду. Навстречу нам шли однополчане. Я узнал своего одностаничника Емануила Самонина, он в лицо меня не узнал, только по голосу признал: до того, значит, я изменился в лице.

— Дайте хлеба, — говорю, — я голоден.

Сейчас явился хлеб и мясо.

Одежда моя была пропитана смрадом, и свежему человеку нельзя было быть около меня. Товарищи переодели меня во все свежее, — а потом пошли и расспросы... Мы просидели в Баязете 23 дня, с 6 по 28 июня включительно.

Я и Сотников награждены именными знаками отличия Св. Георгия 4 степени и кроме нас получили знаки из моей команды еще 6 человек.

Прошло более 30 лет с тех пор, а подробности нашего сидения до сих пор живы в моей памяти, и теперь я делюсь ими в назидание грядущему потомству».

О ДЕЙСТВИЯХ ГЕНЕРАЛА ТЕРГУКАСОВА ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ БАЯЗЕТСКОЙ КРЕПОСТИ

27 июня, в 3 часа утра, кавалерия и конная артиллерия выступила из Султан-Аббада на Чингиль, обогнала пехоту и дошла до гребня Чингильского перевала, где стояли лагерем войска генерала Кельбали-хана Нахичеванского. — К Кавказскому полку присоединилась 2-я сотня этого полка. Здесь были также две сотни Екатеринодарского (2-го) полка, экстренно прибывшие 20 июня в Игдырь из Тифлиса, и др. части. Подошли и главные силы отряда.

С Чингильского гребня, по приказанию генерала Тергукасова, сделано было несколько сигнальных выстрелов из 9-фунтовых орудий, чтобы предупредить гарнизон о приближении отряда.

Как бы в ответ на наши сигналы турки, осаждавшие Баязет, открыли огонь по цитадели, и белые облака дыма ясно обнаружили нам сильные позиции неприятельских батарей на командующих высотах.

После непродолжительного отдыха весь отряд спустился с Чингильских высот на равнину. В отряде находилось: в главных силах четыре сотни (3, 4, 5, 6-я); в Чингильском отряде второй сотни три взвода и конноракетная батарея, 18 станков (1-я сотня). К 9 часам вечера отряд собрался и расположился биваком у речки Гернаукачай, верстах в 7 от Баязета, из которого всю ночь была слышна ружейная стрельба. Густой

Взятие крепости Баязета

туман, спустившийся на землю, не позволил видеть впереди и по сторонам бивака. В 9 часов сыграли общую зарю. Стал моросить мелкий, точно осенний, дождик, палаток не было, шли налегке, а потому единственной защитой от разгравшейся непогоды служила спасительная в таких случаях бурка. Дождь стал переставать. Прошло около часу, многие уже сладко похрапывали, завернувшись в бурку. Вдруг среди этой безмолвной тишины раздался откуда-то глухой гул пушечного выстрела, потом второй, третий и все смолкло. Это был сигнал наших заключенных. С высоты минарета крепости им было видно расположение отряда. Своим сигналом они давали знать о своем существовании, они ждали с нетерпением и твердым упованием в успех завтрашнего рокового дня.

28 июня, в 7 часов утра, войска отряда выстроились в боевой порядок. В 11 часов наша первая линия подошла на ружейный выстрел к городским садам и завязала перестрелку. Открыли огонь и турки из своих орудий.

Князь Амилахвари с Переяславским драгунским, Кавказским и Сунженским полками, 4 орудиями конной батареи и ракетной батареей должен занять выходы на Диадинскую и нижнюю Ванскую дороги, защищая всю гористую местность, примыкавшую на значительном протяжении к нашему правому флангу, и в то же время наблюдать за тылом со стороны Диадина. Князь Амилахвари отправил полки Кавказский и Сунженский и ракетную батарею под начальством полковника Медведовского (начальник штаба сводной дивизии) занять горы, в ту сторону, где виднелись пехота не менее батальона и около 500 всадников неприятельской кавалерии; пехота заметно стала усиливаться и завязала перестрелку с казаками. В это время начальник отряда потребовал к себе дивизион драгун, но князь Амилахвари вместо драгун послал дивизион Кавказского полка — 5 и 6 сотни.

Было уже два часа пополудни. Повсюду шла стрельба и канонада в полном разгаре, начиная от подножия горы вплоть до утесов и скал. Турки,

Генерал Арзас Артемьевич Тергукасов

предчувствуя близкую развязку, напрягли последние усилия, чтобы удержаться в городе, ожидая с минуты на минуту появления Исмаила-паши с войсками.

В это время на Диадинской дороге, на очень дальнем расстоянии, замечены густые облака пыли; через некоторое время можно было различить кавалерию, а за ней пехоту и артиллерию. Несомненно, шел Исмаил-паша со своим корпусом, чтобы ударить нам в тыл. Об этом дано знать начальнику отряда. Весть эта ускорила развязку. Наша пехота, действовавшая в городе, прошла цитадель, поднималась в гору, занимая позиции одну за другой, гоня перед собой бегущих турок, которые поспешно отступали, бросая свои орудия.

Хоперскому полку приказано на рысях спешить в цитадель и вывезти оттуда все, что можно поднять на казачьих лошадях: больных, раненых и два наших орудия, находящихся там без лошадей. Гарнизон Баязета спасен, находится на свободе.

Радость была всеобщая. Все обменивались задушевными поздравлениями и братскими поцелуями, точно в праздник Святой Пасхи. Команда Кавказского полка присоединилась к полку. Только теперь Эриванский отряд чувствовал себя вправе с благоговейной гордостью принять заслуженную им признательность Царя и Главнокомандующего.

Из-за пыли на Диадинской дороге появились передовые части корпуса Исмаил-паши и с дальних дистанций открыли огонь по колонне князя Амилахвари, по просьбе которого к нему присланы несколько 9-фунтовых орудий, потому что бывшие у него легкие орудия не могли состязаться с дальнобойными орудиями турок и вынуждены были молчать. Наши орудия, по мере установки их, открывали огонь по неприятелю. Казаки и драгуны стали правее батареи, на местности ровной и открытой, спешились и открыли огонь. Неприятельские орудия не переставая бросали гранаты по нашей артиллерии и в конницу.

С наступлением совершенной темноты прекратился артиллерийский огонь с обеих сторон.

Колонна князя Амилахвари снята в 12 часов ночи. Князь рассказывает про свой путь к биваку отряда и что он увидел в биваке: «Мы тронулись. Ночь была такая темная, что всаднику не видно было головы своей лошади. Двигаясь медленно, ощупью, наконец мы достигли бивачного места. Но тут ничего нельзя было ни рассмотреть, ни разобрать: гвалт и беспорядок ужасные. — И пехота, и артиллерия, и палатки с ранеными и больными, освобожденный гарнизон, маркитанты и пленные турки и обоз, — все столпились вместе, в одну беспорядочную кучу, в какой-то разноплеменной базар. Повсюду слышны крики, разыскивают друг друга. Многие хотели воды и не находили ее. Если бы неприятель вздумал подшутить и подослал бы сюда сотню чеченцев, чтобы дать один лишь залп по этому базару, то люди у нас непременно переколотили бы друг друга... Все роды оружия были перемешаны и перепутаны, ни один начальник не находился при своей части... Рядом с моей палаткой очутился генерал Броневский.

Когда мы, проснувшись, взглянули друг на друга, то невольно расхохотались: он был без пехоты, а я без кавалерии, посреди конных милиционеров...»

Генерал Тергукасов донес главнокомандующему Кавказской армией: «Сегодня в 8 час. утра войска вверенного мне отряда, в составе 8 батальонов, 24 орудий, 15 сотен и 4 эскадронов, атаковали неприятельский 13-тысячный корпус, осаждавший цитадель. После 8 час. боя войска взяли штурмом командующие городом высоты: весь неприятельский корпус разбит наголову и рассеян. Сверх нанесенной ему огромной потери убитыми и ранеными взято 4 орудия, 80 пленных, весь лагерь и много военных и др. запасов. Цитадель освобождена; гарнизон ее, все больные и раненые до последнего человека выведены, так как город, разрушенный до основания, лишился военного значения. Наша потеря весьма незначительна, но в точную известность еще не приведена. Все роды войск мужеством и братским содействием явили себя по-прежнему достойными всякой похвалы. Имею счастье поздравить Ваше высочество с освобождением геройского гарнизона, бодро выдержавшего 23-дневную осаду при чрезвычайных лишениях всякого рода».

В 5 часов утра 29 числа раненые, больные, баязетский гарнизон и вьючный обоз отправлены в Карабулах, в направлении на Игдырь. В 8 часов выступила пехота; в 9 часов поднялась и кавалерия. Хоперскому полку, ночевавшему в Баязете, приказано поджечь Баязет, взорвать цитадель и вырубить сады.

Все были веселы и радовались вчерашней победе, что замечено песнями, раздававшимися в частях на походе, несмотря на то, что наши лошади не ели и не пили уже более суток. К полудню все войско отряда расположилось биваком у Карабулаха...»

...Так закончилась эта героическая страница в истории той далёкой войны. И только через 30 лет кубанский войсковой архивариус И. И. Кияшко привёл в своей книге «в точную известность» имена сорока казаков-защитников Баязетской крепости, оставшихся там навсегда.

СПИСОК КАЗАКОВ Кубанского казачьего войска, погибших при обороне и освобождении крепости Баязет с 4 по 29 июня 1877 года

№ п/п	Ф.И.О.	Общие сведения о погибшем
1	Аверин Василий Михайлович	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Бекешевской
2	Аникеев Иван Иванович	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Подгорной
3	Афонин Иван Никитич	Казак 1-го Уманского полка из станицы Новопокровской
4	Бабичев Григорий Павлович	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Отрадной
5	Барабаш Елисей Иванович	Казак 1-го Уманского полка из станицы Екатериновской, убит во время осады
6	Белобородов Михаил Никитич	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Отрадной
7	Бельдиев Никифор Семёнович	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Бекешевской
8	Бугай Никандр	Казак 1-го Кавказского полка из станицы Кореновской
9	Волницкий Корней Филиппович	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Подгорной
10	Высочин Тарас Иванович	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Попутной
11	Дериглазов Иван Тихонович	Казак 1-го Уманского полка из станицы Терновской, умер от ран во время осады
12	Евграфов Пётр Дмитриевич	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Беломечетской, умер от голода во время осады
13	Ерёмин Тимофей Иванович	Приказный 2-го Хопёрского полка из станицы Отрадной
14	Ерхан Фёдор	Урядник 1-го Кавказского полка из станицы Брюховецкой, умер от ран
15	Есипенко Даниил	Казак 1-го Уманского полка из станицы Новолеушковской, убит во время осады
16	Кирильчук Нестор Анисимович	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Удобной
17	Коваленко Пётр Константинович	Казак 1-го Уманского полка из станицы Екатериновской, убит во время осады
18	Кобазев Иван Ильич	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Отрадной
19	Курилов Пётр Дмитриевич	Казак 1-го Уманского полка из станицы Новопокровской
20	Мешалкин Афанасий	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Подгорной, убит при защите Баязета
21	Мощенко Афанасий	Казак 1-го Кавказского полка из станицы Сергиевской, умер от ран во время осады
22	Мурай Никандр	Казак 1-го Кавказского полка из станицы Кореновской

№ п/п	Ф.И.О.	Общие сведения о погибшем
23	Неспев Иван Иванович	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Подгорной
24	Никитин Никита	Урядник 1-го Кавказского полка из станицы Ладожской
25	Никитченко Игнат Трофимович	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Спокойной
26	Панченков Иван	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Барсуковской, в 1878 г. умер от раны, полученной во время осады Баязета
27	Перегородиев Пётр Тимофеевич	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Беломечетской, умер от голода
28	Петров Прокофий	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Барсуковской, умер от раны, полученной во время осады
29	Растворцов Никита Фёдорович	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Подгорной
30	Савастенко Порфирий	Казак 1-го Уманского полка из станицы Новолеушковской, убит во время осады
31	Светцов Аким Петрович	Казак 1-го Уманского полка из станицы Новопокровской, умер от ран
32	Семернин Николай Семёнович	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Подгорной
33	Сидоров Капитон Фёдорович	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Зеленчукской
34	Стиба Дмитрий Савельевич	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Подгорной, убит при защите Баязета
35	Тимофеев Павел Михайлович	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Преградной
36	Титов Антон Иванович	Казак 2-го Хопёрского полка из станицы Рождественской
37	Фендриков Пётр Павлович	Казак 1-го Уманского полка из станицы Новопокровской
38	Хворостина Матвей	Казак 1-го Кавказского полка из станицы Кореновской
39	Шевченко Родион	Казак 1-го Кавказского полка из станицы Кореновской
40	Яковленко Василий Николаевич	Казак 1-го Уманского полка из станицы Терновской, пропал без вести

В графе без вести пропавших во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «Об убыли которых в частях не оказалось точных сведений» после проведённых розысков по 1-му Кавказскому полку будут отнесены платнировские казаки Зот Махно и Василий Каплун, дядьковский — Петрий

Каленик и сергиевский казак Яков Тимченко (мой прадед)...

До Баязета в составе Эриванского отряда они были ещё живы...

Где их могилы?.. Об этом помнят только земля и седые камни, принявшие казаков в свои объятия на вечное хранение в той далёкой чужой стороне.

ГЛАВА III

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. КАЗАКИ-ПЛАСТУНЫ В АРМЕНИИ

Первая мировая война. Она началась 19 июля (1 августа) 1914 г. В ней принял участие весь личный состав Кубанского казачьего войска. Более половины — на Кавказском фронте.

«Трудно представить, что такое был Кавказский фронт. Обстановка, в которой просто существовал русский воин здесь, не шла ни в какое сравнение с другими фронтами. Зимой — дикая стужа, снег в три сажени высотой, каменные норы курдов без окон и дверей, топить нечем. Обозы стоят где-то, занесенные снегом. Тропа — в один конь. Лошади отгрызали хвосты друг другу. Весной, когда в долинах уже цвели абрикосы, казачьи полки рубили просеки в снежных заносах и с боями занимали перевалы. От бескормицы конский состав полков погибал на глазах. Летом — раскаленная жара: ни деревца, ни воды. Все это — на высоте 3000 метров. И казаки побеждали...»

*П. Стрелянов (Калабухов)
«Казаки на Кавказском фронте»*

Казаки 22-го Кубанского пластунского батальона

Более чем за тысячу километров от Кубани, от наших широких степных просторов мои земляки казаки-сергиевцы погнали своих коней на Кавказский фронт, в составе 4-го, 10-го, 16-го пластунских батальонов I и III Черноморских кавалерийских полков Кубанского казачьего войска...

Об их участии в боях в той далёкой стороне, насколько позволили архивные документы, наш рассказ в этой главе.

19 октября 1914 г. в 4-м Кубанском пластунском батальоне объявлен для прочтения в сотнях и командах приказ по Кыгызманскому отряду за № 24: «Война с Турцией началась. Уверен, что каждый чин Кыгызманского отряда верно и нелицемерно исполнит до конца свой долг перед царем и Родиной, не считая врагов, что Господь благословит наше правое дело. Повторяю слова знаменитого героя Кавказской войны генерала Слепцова: «Помолитесь Христу, осенитесь крестом и готовьтесь на Славу, на бой!»

27 октября батальон под командованием есаула Колобова перешёл границу Турции. Пошёл снег, подъёмы и спуски. Скользкая грязь. Обоз был взят на вьюки. Двуколки только пустые прошли через перевал. Батальон занял позиции на высотах в 2-х верстах от сел. Тарходжа. В 8.00 сотни вступили в бой и повели наступление по самому хребту. Пластунов поддержала сотня 1-го Запорожского полка.

Уже с наступлением темноты бой затих и только 4-я сотня продолжала выбивать спрятавшихся в окопах турок штыками.

В этом бою турки потеряли более 300 человек убитыми, ранеными и 80 человек пленными. Лощина, где противник попал под перекрёстный огонь, была покрыта трупами. Потери пластунов — 6 казаков умерли от ран, 46 ранены.

4 ноября. В ночь на 4-е батальон, пройдя 35–37 вёрст по страшной грязи, занял позиции на высотах в 2-х верстах от сел. Тарходжа. В 8.00 вступили в бой. У противника около 2-х батальонов пехоты, 6 орудий, до 3-х сотен конницы. Турки вели по наступающим прицельный ружейный огонь. В 12 часов турецкие батареи открыли огонь, частый и меткий. 4-я сотня батальона и 4 пулемёта наступали по самому хребту, по западному склону 3-я сотня, а 1-я сотня и 4 пулемёта наступали правее лощиной. К 3 часам дня турки начали отступать к сел. Мишки. С позиций их атаковала сотня 1-го Запорожского полка.

При преследовании 4-я сотня сходилась с противником на 100–150 шагов. По отступающим ударили 5-я горная Кубанская и Терская батареи. 4-я сотня своим энергичным преследованием обратила отступающего противника почти в бегство. С наступлением темноты бой затих, и только 4-я сотня выбила спрятавшихся в окопах турок штыками, которые открыли по приближавшейся сотне огонь.

Турки потеряли более 300 человек убитыми, ранеными и 80 человек пленными. Лощина, где противник попал под перекрёстный огонь, была покрыта трупами.

Потери батальона: 6 казаков умерли от ран, 46 ранены.

5 ноября. Утром посотенно, затем повзводно батальон двинулся в наступление у сел. Мишки. В обход правого фланга противника были посланы две сотни 1-го Кубанского полка.

Метким огнём и энергичным наступлением конных сотен, а также благодаря нанесенному накануне поражению турки были сбиты с почти не приступной позиции и стали отступать к сел. Арди и на склоны горы Тык-Дага. В 1 час. 20 мин. батальон, пройдя сел. Мишки, остановился.

Потери батальона: убит посыльный 1-го Уманского полка и тяжело ранен пластун, в тот же день умерший.

6–11 ноября батальон при поддержке сотен 1-го Запорожского полка занял сел. Арди и продолжал теснить турок в направлении сел. Тудоверан.

13 ноября батальон на рубеже Тудоверан, Калганек, Алагез. Около 11 часов... противник открыл пулемётный и артиллерийский огонь, главным образом по 2-й сотне... Курдская конница около 3-х сотен под прикрытием своей артиллерии и пользуясь складками местности, вышла на левый фланг, развернула фронт и пошла в атаку на 2-ю сотню. Пластуны подпустили курдов на прицельный выстрел. Ударили пулемёты. Конница курдов была обращена в бегство, развернулась назад в горы и попала под огонь Кубанской казачьей батареи, а 5-я горная батарея заставила пехоту отступить и замолчать неприятельские пулемёты.

27–29 ноября батальон был расположен по квартирам в сел. Чамурлым, нес сторожевую службу. 27-го получено приказание сформировать один взвод из наиболее отличившихся и представленных к Георгиевским крестам казаков под командованием офицера. Взвод должен выступить в сел. Меджингерт для участия совместно с другими частями в Высочайшем смотре. 29-го, в 6.00 утра, этот взвод выступил под командой подьесаула Сосновского.

30 ноября, 1, 2, 3, 4, 5 и 6 декабря батальон нес сторожевую службу. 1 декабря взвод имел счастье участвовать в Высочайшем смотре, причём все казаки взвода удостоились собственноручного Его Императорского Величества награждения Георгиевскими крестами 4-й степени и благодарностями за военную службу.

10 декабря на Чамурлинской позиции на наблюдательном пункте во время боя смертельно ранен в голову

навылет командир 4-й сотни подьесаул Сосновский.

17–18 декабря в составе пластунской бригады батальон вел тяжёлые бои за Сарыкамыш в районе железнодорожного моста. «4-я сотня почти бегом бросилась к мосту... Первый взвод с места бросился в атаку и своим ударом сдержал наступление турок, остальные взводы открыли частый и меткий огонь по остановившимся туркам и обратили их в бегство. Турки оставили около 400 трупов... Потерь в этот день не было».

22 декабря. «Глубокий снег и крутые склоны не давали возможности начать атаку с флангов. В 12.00 дня было решено взять позицию с фронта». В атаку, подняв на гору пулеметы, пошли 3-я и 4-я сотни. Турки отошли быстро, а батальон с действовавшим рядом Дербентским полком наткнулись на штаб 9-го турецкого корпуса, окружили его, взяли в плен командира корпуса, весь штаб, около 7000 аскеров, выучный обоз, 4 горных орудия и 4 пулемёта.

За время боёв под Сарыкамышем и на Бардузском перевале в период с 16–22 декабря включительно батальон понёс потери: убитых – 4 казака, ранено – 44».

Геройски сражался взвод ст. урядника Павла Стрельченко. Он и сергиевские казаки Исидор Алексеенко, Пётр Фурса, Никон Хахуцкий и Лев Чепурной были награждены за личную отвагу Георгиевскими крестами 4-й степени.

11 мая 1915 года батальон был переброшен вагонами на станцию Садовая Вишня в Галицию; уже со следующего дня бесперерывно его сотни вели тяжёлые бои с опытными, отборными немецкими частями.

4 марта 1916 г. батальон прибыл на вокзал г. Каменец-Подольска и воинским поездом № 758 отбыл на Новороссийск,

Группа офицеров 6-го Кубанского пластунского
Его Императорского Величества батальона, 1915 г.

затем на пароходах «Афон» и «Юпитер» выступил по морю в г. Ризу (Турция) и уже 2 апреля вел боевые действия теперь уже на Кавказском фронте.

2–3 июля батальон выполнял поставленную задачу: снялся с позиции, перешёл в наступление, занял двурогую сопку и, подойдя к противнику на 1000–800 шагов, сотни залегли и окопались под сильным огнём противника.

4 июля, к 3 часам, сотни и команды заняли исходное положение, а ровно в 3 часа по приказанию командира батальона перешли в наступление. Третьей сотне было приказано наступать левее двурогой сопки и занять I отрог с выступом, идущий от зелёной горы с кольцевыми окопами, и тем обеспечить слева наступление на двурогую гору. Ночь была лунная, светлая. Движение скрытно почти было невозможно..., почему сотням пришлось сохранять полнейшую тишину. Подойдя на расстояние 200 шагов, сотни были встречены сильным ружейным и пулемётным огнём, но, несмотря на это, безостановочно двигались вперёд и на плечах караулов противника ворвались сначала в передовые, а затем и в главную линию окопов, преодолев три ряда проводочных заграждений. В это время было уже светло. Засевшие в окопах турки, услышав «Ураа..а!» и увидев наступающих пластунов, бросились бежать в следующие окопы и свой лагерь, который был здесь же под горою в 400 шагах.

Пластуны продолжали безостановочно двигаться вперёд, выбивая из окопов засевших турок штыками, бомбами, а по убегающим открыли ружейный и пулемётный огонь. При преследовании турок сотни кроме двурогой сопки заняли с боем ещё зелёную гору с кольцевым окопом и круглую гору. Преследование турок продолжалось до 9 часов 45 минут, затем сотни остановились, привели себя в порядок и стали укрепляться на занятых рубежах.

Около 16 часов получено приказание: развернуть сотни и занять гору Каракакбан-дачи. Обращенная турками в почти не приступную крепость гора к 20 часам была взята, сотни продвинулись к западу и остановились. Турки оставили на поле боя сотни убитых и тяжелораненых. В плен попал штаб, 6 обер-офицеров, 68 аскеров, пулемёт, масса оружия и палаток, десятки тысяч патронов, много ручных бомб, шанцевого инструмента.

В этих боях снова отличились наши земляки. Приказный Никон Хахуцкий «4 июля 1916 г. будучи наблюдателем открыл место неприятельского пулемета, куда направил наш ружейный огонь, чем способствовал успеху боя» и был удостоен награждения Георгиевским крестом 4-й степени.

Приказный Лев Чепурной «...2 и 4 июля 1916 года по выбытию из строя командира принял командование и управлял отделением до конца боя», за что получил очередной Георгиевский крест 3-й степени.

Особо следует сказать о казаке Алексее Вовке. По рассказам пластунов-станичников, выше среднего роста, широкоплечий, всегда подтянутый, шустрый, в бою «отчوماха, козак я тоби дам». В обычной обстановке «баландир и трепач, рот не закрывается и все вокруг хохочут от его трепни и прибауток». Как-то он вызвался охотником в разведку. Нужно было пройти ночью через турецкое село, не поднимая шума.

Часа через два охотники вернулись. Вовк доложил командиру сотни: «Ваше благородие! Усэ тихо, собаки ны гавкають, пройты можно...» Стоявший рядом казак по-кубански добавил: «Найшов як докладувать. Вовк на улыци и собаки гавкать ны будуть... Ты лучше б розузнав, скількэ там турок и яки у них намерения?»

«Ваше благородие, — продолжил Вовк, — цэ, если мы будымо заходыть ночью у каждую саклю и спрашувать

у турок, сколько их тут и яки у них настроения и намерения, то мы ще будымо дуже довго тут воювать».

«А ты лучше потом роскажышь, як пысав письмо жинки. Так мол и так. Сыдымо тут бия турок без дила, спымо и пьимо чай. Прышлы хочь мишечок насиння, шоб ны так було сумно...»

Вовка же не зря звали «трепачом»... Придумывал на ходу.

После боя Вовк сам себе перевязывает окровавленную руку.

Мимо проходит пластун:

«Шо, бджола укусыла?»

«Вона, падлюка! Матку вырвало и, бачишь, шэлэхнула навывлет»...

Но вернёмся опять к выше описанному бою, за который казак Алексей Вовк был награждён Георгиевской медалью 4-й степени за то, что «4 июля 1916 года при атаке двурогой, зеленой и круглой гор проявил мужество и храбрость». А уже «24 июля 1916 г. у сел. Карджил при взятии занятой неприятелем укрепленной позиции примером отличной храбрости ободрял своих товарищей». За этот подвиг он был удостоен Георгиевского креста IV степени. Любящий с улыбкой жизнь и бесстрашный в бою... Таким он останется в летописи ратного подвига сергиевских казаков в ту далёкую войну. Мир праху твоему, казак-герой.

Георгиевскими медалями «За храбрость» отмечены подвиги его однополчан казаков Семёна Афанасьевича Топчия, приказных Филиппа Фурса и Луки Заярского. Старшему уряднику Михаилу Кауну были пожалованы серебряная медаль «За храбрость» и Георгиевский крест 4-й степени.

Рядом с пластунскими батальонами сражались казаки конных 1-го и 3-го Черноморских полков. Сергиевский казак Андрей Ульченко «при отходе наших передовых частей под огнем противника снимал наши пехотные части», а казак Платон Хахуцкий «будучи послан в разведку с явной опасностью добыл и доставил важные сведения».

Оба черноморца удостоены награждения Георгиевскими крестами 4-й ст.

Медалью «За храбрость» награждены казаки Григорий Григоренко, Дмитрий Латиш и Дмитрий Лашко «За мужество и храбрость в боях с турками в летний период Мушских и Огнотских боев 1916 года».

Приказный 3-го Черноморского полка Бакирь Иван Васильевич «отличаясь вообще храбростью в боях 10 июля 1915 г. у гор. Коп и у г. Малязгерт и 19 июля у сел. Ага-Деве исполнял обязанности сотенного санитаря, цельные дни находился при сотне под сильным ружейным и артиллерийским огнем противника и делал перевязки раненым».

В этих боях отличились станичники его сотни. За личный подвиг, «проявленное мужество во время атаки» приказный Григорий Сторчак и казак Трофим Фурса получают Георгий IV степени, а младший урядник Яков Хахуцкий и приказный Козьма Куслий медали «За храбрость» 4-й степени.

С началом войны 10-й Кубанский пластунский батальон выступил в поход из станицы Кавказской и уже 19 октября 1914 года вступил в бой с турками на Ченгильском перевале.

Сформированный из казаков второй очереди, которые совсем недавно «разъехались по домам» из своих казарм, хорошо знали друг друга и своё место в боевом строю, батальон представлял организованную и боеспособную часть в составе 2-й пластунской бригады.

В ноябре сотни батальона уже вели тяжёлые бои на Клыч-Гядукском перевале.

Как только батальон спустился с перевала и начал подходить к селению Ханьк, турки открыли огонь. Батальон и соседние с ним части повели наступление. Турки не выдержали натиска и стали отходить. На правом фланге боевого участка находилась командовавшая над нашими позициями высота 8076, к которой двигались турки с целью занять её.

Тогда батальон выделил 3-ю сотню под командой подьесаула Гарибова, которая, несмотря на ночь, проведённую в сторожевом охранении, двинулась и заняла высоту ранее турок. Укрепившись, сотня своим огнём сбила турок, занявших другую высоту, с которой они обстреливали наш правый фланг.

К вечеру турки были совершенно сбиты с позиции и начали отступать по всему фронту, после чего бригада двинулась на присоединение к Сарыкамышскому отряду.

10 декабря турки повели наступление на селение Алагез. 2-я и 4-я сотни батальона двинулись на высоты, но 2-я сотня высоту занять не могла, так как противник открыл убийственный огонь. 4-я сотня заняла позицию на высоте №3, расстреляв патроны по наступающему противнику и видя, что с левого фланга, с высот спускается около двух полков кавалерии, не имея возможности пополнить патроны, отошла и присоединилась к общей боевой цепи.

С помощью артиллерии и при поддержке кавалерии с левого фланга батальон перешёл в атаку, невзирая на адский огонь, к 5 часам дня турки были сбиты, обращены в бегство и селение Каланак и окопы на скалистых горах были взяты.

14 декабря батальон отбил ряд атак в три раза превышающего противника у селений Нижняя Тарходжа и Мишки, нанеся ему огромные потери, и заставил приостановить наступление и отойти назад.

22 декабря, в 7 час. 30 мин. утра, батальон повёл наступление на сел. Девик и энергичным натиском вынудил турецкие цепи отступить на следующие позиции, вышел во фланг турецкой батареи, уничтожил её прислугу и лошадей, и, повернув орудия в сторону турок, пластуны открыли огонь.

Преследуя отступающего противника, к 7 часам указанные высоты были заняты.

28 декабря бой с турками у сел. Гамас. Около 1-го часа ночи 4-я сотня под командой подьесаула Рубинова почти по отвесным скалам поднялась на вершину, занимаемую турецкой заставой, гревшейся у костра. Сняв часовых и внезапно наскочив на заставу, перекололи её, и только часть турок бежала.

Как только послышались выстрелы 4-й сотни, остальные с криком «Ура!» бросились в атаку, которая окончилась полным поражением турок. Захвачено более 100 пленных.

31 декабря батальон с боем занял селение Урум, где также захвачено в плен около сотни человек.

Это были первые бои, в которых сергиевские казаки: Андриюшечко Макар, Гузенко Мирон, Гузенко Фёдор, Дрига Василий, Кононенко Иван, Кононенко Леонтий, Манько Тит, Рой Яков, Синчук Гурий, Топчий Тимофей, Топчий Савелий, Чуприна Михаил и Цапович Николай — получили первое боевое крещение, а старший урядник Гурий Синчук Георгиевский крест 4-й степени «За отличия, оказанные во время Сарыкамышских боев с 1—31 декабря 1914 года».

...В конце июля турки прорвали фронт 66-й пехотной дивизии, двигаясь по направлению к Эрзеруму. Для заслона этого прорыва 24 июля батальон в составе 2-й Кубанской пластунской бригады выступил из селения Генюшхане по шоссе к Эрзеруму и, дойдя до Ашкалы, свернул вправо.

7 августа, согласно приказанию начальника 2-й Кубанской пластунской бригады, батальон получил задачу занять позиции около сел. Огнот уступом на левом фланге 18-го Кавказского стрелкового полка и действовать во фланг

туркам. Задача была выполнена блестяще. Утром 8 августа двум сотням было приказано перейти реку Коник-сун и атаковать противника у с. Халифан. Реку пришлось переходить под сильным ружейным и пулеметным огнём. Появление пластунов, где их совершенно не ожидали, ошеломило турок, они дрогнули и повели беспорядочное отступление.

Утром 9 августа батальон занял позиции на правом берегу реки Коник-сун, а вечером перешёл на левый берег, где присоединился к батальонам бригады...

Утром 27 августа батальон повёл наступление в направлении высот 2050 и 2113, имея цель свалить неприятеля с занимаемой позиции. Для выполнения этой задачи были двинуты в передовую цепь пять сотен. Под прикрытием артиллерийского огня, подобравшись близко к окопам турок, пластуны с криком «Ура!»

бросились в атаку. Противник не выдержал натиска и начал отступать. Преследуя его, сотни дошли до первого рубежа пересечения местности, остановились и заняли позицию. Так как батальон выдвинулся далеко вперёд относительно своих соседей, то подвергся обстрелу как с фронта, так и с обоих флангов. Во время наступления был ранен пулей в левое бедро командующий батальоном войсковой старшина Василий Ткачёв.

...Вскоре Огнотская операция завершилась... Командование представило казаков к наградам. Георгиевским крестом 3-й степени был награждён старший урядник Гурий Синчук. Георгиевскими крестами 4-й степени отмечен подвиг пластунов Леонтия Кононенко и Михаила Чуприны «За боевые отличия, оказанные против турок в районе сел. Огнот с 7 августа — 10 октября 1916 года».

Офицеры 16-го Кубанского пластунского батальона

16-й Кубанский пластунский батальон в составе Ардаганского отряда 29 ноября вышел на Ялагузчамский перевал.

12 декабря батальон вышел на шоссе в сторону сел. Хев. В 3 часа дня между разведчиками и передовыми частями завязалась сильная перестрелка. Турецкая артиллерия не успела установиться на позицию, как выстрелами наших орудий была подбита.

Поднявшийся сильный ветер и большая снежная метель прекратили все действия с обеих сторон.

16 декабря, в 6 часов утра, со стороны сел. Михайловка начали показываться колонны противника. Турецкая артиллерия открыла огонь. В 1 час. 30 мин. все силы противника были направлены на правый фланг, но нашим артиллерийским и ружейным огнем турки были отбиты с большими потерями. Собрав до полутора батальона, они вторично хлынули на наши две сотни, но совместным ружейным и артиллерийским огнём были прикованы к земле, и видно было, как цепи противника сильно поределели. Курдская конница до четырёх сотен со стороны сел. Сабгара повела атаку на одну из сотен батальона, но дружным огнём пластунов была смята, понесла значительные потери и отошла.

Одной сотне было приказано перейти в наступление и привлечь на себя обходную колонну. Полусотня 4-й сотни под командой прапорщика Фролова, быстро перейдя реку, атаковала цепи противника, выбила его из окопов, нанеся громадные потери. Обход колонны изменил своё направление. Сотня перешла в наступление и окончательно притянула на себя все силы противника. Но ввиду превосходящих сил и понесённых потерь — отошла. При отходе 4-я сотня была окружена

большими силами курдской конницы. Однако атака курдов была отбита, но сам командир сотни есаул Селютин был убит, прапорщик Фролов тяжело ранен.

В приказе №69 по 16-му Кубанскому пластунскому батальону есть список нижних чинов, награждённых Георгиевскими крестами 4-й степени. В нём — ст. урядник Никита Алексеенко «16 декабря по полученному приказанию перейти в наступление взводу, первым выбежал из окопов, своей неустрашимостью, полным спокойствием, хладнокровной распорядительностью увлекал своих людей вперед и держал образцовый порядок во время наступления».

Однако в этом бою он был ранен в ногу и остался на месте сражения. И тогда по приказанию подхорунжего Зеленского пластуны Пётр Баран и Михаил Казанок «вышли совершенно спокойно вперед и под сильным огнем неприятеля подобрали оставшегося раненого старшего урядника Алексеенко, а когда его несли, он был ранен вторично». Пластуны заслуженно были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени.

В течение 1915–1916 гг. батальон оставался в Турции, где почти ежедневно вёл кровопролитные бои.

К сожалению, журнал боевых действий батальона обрывается 5 июля 1916 г. и продолжить рассказ о последующих боях, в которых принимали участие наши земляки, не представляется возможным. Следует лишь отметить, что Георгиевские медали «За храбрость» получат фельдфебель Семён Голубка «За подвиг 19 июля 1916 года» и пластун Дмитрий Тыщенко. Под Ардаганом приказный Михаил Колотнеча «решительно действовал в бою, ободрял наступавших и в числе первых ворвался в окопы противника при этом получил тяжелое ранение» и Георгиевский крест 4-й степени.

«...Выйдя из Макинского ущелья, мы вновь увидели наш библейский Арарат, но уже с юго-восточной стороны. Его нарядная белая шапка никогда не тающего снега дышала суровостью, недоступностью и какой-то мистической таинственностью. Малый Арарат, который теперь ближе к нам по расстоянию, темный, мрачный, почти конусообразный, был словно детеныш против Большого Арарата и страшил своей дикостью. В провале между ними сходится стык трех государств – России, Турции и Персии. За ними было наше Отечество, почему кровь так тепло пробежала по всему организму... это, конечно, заговорило, пронизало организм любовное чувство к Родине, так как здесь мы почувствовали себя так далеко и сурово отрезанными горами от России, до которой, казалось, и не доскачешь...»

*Ф. Елисеев, адъютант
1-го Кавказского полка¹*

¹ Во время Гражданской войны – полковник, командир Корниловского полка. С 1921 г. – в эмиграции. Умер в США в 1987 году.

ПРИКАЗ
по 16-му Кубанскому пластунскому батальону
№ 35
4 февраля 1917 г. с. Терсек-Изир, Турция
по строевой части
п. 2

При этом объявляю копию телеграммы начальника штаба 2-го Туркестанского армейского корпуса — «По приказанию начальника бригады передаю следующую телефонограмму:

«Сегодня первая годовщина взятия Эрзерума. Возблагодарим Бога за дарованную победу, вознесем молитву о павших на поле брани под стенами главной турецкой гордыни Дево-Бойну и Эрзерума. Эти герои, отдав свои жизни, дали возможность Кавказской армии вписать в ее боевую летопись свою выдающуюся достолавную страницу. Чудо-богатыри нашей геройской сверхдоблестной Кавказской армии пятидневным штурмом укрепленной позиции завершили взятие Эрзерума и удостоились милостивейшей благодарности нашего Государя Императора. Весть о взятии Эрзерума была встречена всей Россией ликованием. Кавказская армия получила множество радостных приветствий и изъявлений. Наши доблестные союзники восторженно приветствовали своих соратников. Слава о подвигах Кавказской армии прогремела на весь мир. Год тому назад в моем приказе по армии сказано: «Держите твердо Эрзерум». Вы это исполнили. Вы даже сделали намного больше — взяли Трапезунд, Байбурут, Эрдзинжан и целую область, коим закрепили одержанную победу. Счастлив, что имею честь быть Вашим главнокомандующим. Высоко ценя Вашу доблесть и заслуги, шлю Вам слова славной победы от глубины души и любящего Вас сердца мою горячую благодарность. Молю Бога. Да ниспошлет он Вам здравия и силы и с Его всемогущей помощью победоносно довершить начатое дело на радость и счастье Царям, России и благосюзных нам Государств».

Генерал-адъютант Николай

ПРИКАЗ
по 16-му Кубанскому пластунскому батальону
№ 320
15 ноября 1916 г. с. Терсек-Изир, Турция
по строевой части
1

При этом объявляю приказ по 2-му Туркестанскому армейскому корпусу от 1 ноября сего года № 197: «Доблестные войска 2-го Туркестанского армейского корпуса. Сегодня минуло ровно два года с тех пор, как Вы впервые вступили в упорную борьбу с сильным врагом. Вы с гордостью можете оглянуться назад и вспомнить славные дни бессмертных побед под Сарыкамышем и Карауртом, Таускерский поход, приведший Вас к Ишхан и Диким скалам и пропастям берегов Чороха, славные бои на Тевра-Даги и в долине Сивричая. Своим мужеством Вы обессмертили имена Гейдага и Ах-дага, Вы победоносно открыли дороги в Эрзерумскую равнину, овладели сильными позициями у Гурднеи-Богазы и заставили там турок бросить свою твердыню Эрзерум. Дальнейшие Ваше мужество и выносливость привели Вас к Испиру, затем к Байберту и Эрзинджану и границам Анатолии. Вы безропотно умирали, утопая в снегу на горных заоблачных вершинах, во вьюгу и мороз, стоя лицом к лицу с врагами, нередко и голодая. Вас не останавливали ни скалы, ни стремнины. Вы шли по козьим тропам, где часто люди и лошади гибли, срываясь в пропасть. Вы первые нанесли удар лучшим турецким войскам. Вы поколебали их веру в себя и явили им свою доблесть и мужество русского солдата и силу Туркестанского штыка. Вы чудо-богатыри. Вы выше их. Вы в единении с доблестными Кавказскими полками нанесли врагу громовые удары. Вы можете и должны гордиться сознанием свято исполненного долга перед Царем и Родиной, и это Ваша высшая награда. Павшим же героям вечная память и слава!

Я считаю наибольшим счастьем своей жизни то, что на мою долю выпало командование сверхдоблестным 2-м Туркестанским корпусом.

Помните, что борьба не окончена. Царю и России мы должны дать окончательную победу, они ее ждут от нас. Так помолитесь же Христу и осенитесь крестом и готовьтесь на новую славу и бой».

Приказ этот прочесть во всех ротах, сотнях, батареях, командах, управлениях корпуса.

Генерал-лейтенант Пржевальский
Подлинный подписал:
Командующий батальоном
войсковой старшина
Поволоцкий

ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ НА БАЯЗЕТ...

«...Вперед! 10-й батальон — головной. Заколыхались. Двинулась казачья сила. Настроение самое праздничное. Солнце глянуло нам уже в лицо. Наткнулись на следующее село. Посмотрели карту: Агнот, армянское село. Оно пустое. Но откуда-то выползли армяне. Старики крестятся. Скалят зубы, бьют себя кулаком в грудь и каждому пластуны сообщают:

— Крестун!.. Крестун! — то есть христиане.

— И мы «крестуны», — отвечают пластуны. Запылали костры. Задымилась походные кухни. Варится и жарится баранина. Кое-где вздымаются и разливаются по долине казачьи песни, без которых казаки не могут жить...»

ТЕЛЕГРАММА РУССКОМУ ЦАРЮ

Со дня выступления из Мерва в августе прошлого года на войну мы еще ни разу не сидели за столом, накрытым для ужина «по-человечески», то есть накрытым белыми скатертями и с полной сервировкой, почему, увидев все это, да еще в полудикой Турции, я немало был удивлен.

По воинскому уставу рапортовать нужно старшему начальнику из присутствующих. В данном случае — генералу Николаеву. Он сидел у самой двери, спиной к ней. Около него, по обеим сторонам, сидели вожди армянских дружин — Амазасп, Дро, Кери и какой-то армянин в штатском костюме, с очень черной густой подстриженной бородой, с интеллигентным лицом матового оттенка и печальными глазами. То был городской голова — Арам-паша. За ними сидели командиры наших полков — 1-го Таманского полковник Перепеловский и 1-го Кавказского полковник Мигузов. Дальше — все господа офицеры «по чинам». Ужин только начался.

При моем рапорте генерал Николаев, высокий сухой широкоплечий старик лет 65, с седой редкой бородой, поднялся на ноги. Его примеру последовали все остальные. И если было мне неловко, что потревожил стол, то было и приятно показать в Турции, в особенности Арам-паше, какова дисциплина в Русской императорской армии, одинаково обязательная для всех — и для генерала, и для хорунжего, и для тех, кто здесь присутствует.

Выслушав рапорт, поблагодарив и пожав руку, Николаев просил доложить обо всем «своему командиру полка». Полковник Мигузов, умный человек, только спросил, все ли благополучно. И, не желая нарушать порядок стола, как всегда, небрежно произнес:

— Хар-рашо... идите садитесь на левый фланг со всеми харунжами...

Я среди своей кавказской и таманской молодежи. После войскового праздника прошлого года в Маку, в Персии, мы сегодня впервые ужинаем вместе и со штабом бригады, и с офицерами Таманского полка. Вся молодежь бригады ликует в душе и хочет любить друг друга сильно, крепко, навсегда...

Стол накрыт по-восточному. Вначале подали сладкие блюда — финики, запеченные фрукты и что-то мармеладное. И потом уже на громадных круглых медных подносах горы плова из риса и баранины. Все приготовлено очень вкусно. На столе — только местное

красное вино. И хотя оно кислое и нам не понравилось, мы пили его с удовольствием и даже бравирующе, так как мы сегодня были герои дня, победители, которых чествуют.

К удивлению, за столом стояла тишина. Старшие офицеры тихо говорили только с соседями. Ни оркестра полковых трубачей, ни хора песенников, без которых не обходилась ни одна офицерская пирушка.

Но вот встал Арам-паша. Он произнес тост за Русскую императорскую победоносную армию. Говорил он по-армянски. Целыми фразами переводил нам их самый храбрый и видный начальник 2-й армянской дружины — Дро.

Дро — коренастый человек среднего роста с густой черной бородой, подстриженной лопаточкой. В боевом костюме, с ремнями через оба плеча, он производил могучее и приятное впечатление. Своим видом он походил на генерала Кутепова.

После нескольких приветственных фраз по адресу Русской армии и нас, присутствующих, Арам-паша обратился к генералу Николаеву с просьбой дать разрешение послать русскому императору ту телеграмму, которую он сейчас прочтет. Мы невольно насторожились: телеграмма самому русскому царю из далекой Турции и от армян — это было тогда что-то особенное и экстраординарное.

Вот ее полный текст:

«В день рождения Вашего Величества, совпадающий с днем вступления Ваших Войск в столицу Армении, желая величия и победы России, мы, представители национальной Армении, просим принять и нас под Ваше покровительство. И пусть в роскошном и многообразном букете цветов Великой Российской империи маленькой благоухающей фиалкой будет жить автономная Армения».

Всю телеграмму, по фразам умно и внятно переведенную Дро, офицеры Араратского отряда покрыли дружными долгими и громкими аплодисментами. Генерал Николаев, офицер Генерального штаба, оренбургский казак по рождению, очень добрый и мягкий человек, привстав со стула, произнес:

— Пожал-луйста, пожалуйста... я разрешаю.

Ужин скромно и достойно закончился сразу же для всех. Вестовые нам подали лошадей. В глухую полночь, в кромешной темноте мы долго блуждали по темным кривым и узким улочкам большого города, пока не нашли бивак своей Закастийской казачьей бригады.

БРАТЯ ПО КРОВИ И ОРУЖИЮ

(Об участии армянских добровольческих дружин в борьбе с общими врагами на Кавказском фронте в 1914–1916 гг.)

Начало Первой мировой войны, участие в ней Турции, тяжёлое положение армянского народа и продолжавшийся его геноцид в Западной Армении с новой силой всколыхнули патриотический дух в армянских кругах.

Учитывая вековые симпатии армянского народа к России, царское правительство в сентябре 1914 года разрешило формирование армянских добровольческих отрядов (дружин) для пополнения частей Русской армии на Кавказском (Турецком) фронте событий...

По свидетельству армянской хроники, первоначально были образованы

А. Джанполадян –
начальник VI Армянской дружины

четыре добровольческих отряда, командирами которых стали: генерал Андраник (А. Озанян – 1-й отряд); генерал Дро (Д. Канаян – 2-й отряд); Амазасп (А. Срвандзтян – 3-й отряд); Кери (А. Гафавян – 4-й отряд). Позднее были организованы еще три отряда, чьими командирами стали: Вардан (В. Меграбян – 5-й отряд); Джанполадян (6-й отряд, затем его сменил Г. Авшарян, а после гибели последнего – Г. Бжишкян); А. Аргутян (7-й отряд). Официально их численность составила около 10 тысяч бойцов. На самом деле их было значительно больше за счёт ежедневных пополнений добровольцев, которые желали с оружием в руках сражаться вместе с казаками против общего врага за своё национальное освобождение.

Армянам к тому времени было что «сказать» туркам на поле боя... Армянские добровольцы были в каждой казачьей сотне в качестве переводчиков. Одеты они были в черкески, при кинжалах и винтовках. Лошади, сёдла и питание – за счёт сотни. Но прежде всего, это были – воины и зачастую включались в казачьи разъезды.

Армянские дружины, хорошо знавшие свои горы и перевалы, были надёжными боевыми единицами в составе конных и пластунских соединений. На отдельных участках фронта на них возлагались иногда самостоятельные задачи, но в основном они воевали в составе Арагатского отряда генерала Николаева в сражениях с войсками Халил-бея под Хой-Дилзетом, Ваном, Кыгызманом, Игдир-Баязетом, Алашкертот, Малязгертом, Сарыкамышем и Эрзерумом.

Каков же был ратный труд дружинников в этот первый период войны?

Вот оценка командира 1-го Кавказского корпуса генерал-лейтенанта Ф. Г. Чернозубова:

Бжишкян со своими соратниками

*Командиру 3-й армянской дружины
Амазаспу Срвандзтяну*

По приказу командующего армией 3-я армянская дружина выводится из состава вверенных мне войск и получает новое назначение. С начала военных действий с Турцией 3-я армянская дружина была включена в состав Сарыкамьшского отряда, затем передана в отряд полковника Кулебякина. Дружина особо отличилась в боях 22 ноября, 23 декабря и 5 января. 19 декабря она выдержала первый натиск турок у Алагёза, прелюдию Сарыкамьшских операций, закончившихся нашей блестящей победой. Во время ожесточенного боя у Алагёза армяне потеряли убитыми 30 и ранеными 40 человек, но оказали упорное сопротивление противнику до прибытия подкреплений, вместе с которыми они нанесли врагу жестокое поражение. Я расстаюсь с сожалением с доблестным командиром дружины и его храбрыми солдатами. Однако я с удовольствием от лица армии благодарю их за самоотверженность, отличную и полезную службу, проявленную в войсках Сарыкамьшского отряда. Желаю им в новой задаче, которая выпала на их долю, благополучия, блестящих успехов и новых подвигов.

В продолжение трех месяцев 3-я армянская дружина с честью выполняла тяжелую ответственную задачу, прикрывая левый фланг Сарыкамьшского отряда, неся разведывательную службу в ущельях

и обрывистых горах Палантекена, храбро сражаясь бок о бок с бригадами генералов Гулыги и Пржевальского и, наконец, в войсках генерала Баратова.

С Богом, с верой в самих себя, в наше святое дело, вперед к победе!

На главном Эрзерумском направлении (Сарыкамышская группа) 3-я и 4-я дружины принимали участие во всех операциях этой группы на обоих флангах и участвовали в Сарыкамышском сражении с 22 декабря 1914 года по 16 января 1915 года, которое закончилось поражением турецкой армии и пленением её 9-го корпуса.

2-я дружина в качестве авангарда Баязетского отряда (генерал Николаев), наступающего на Ван, вступила в тяжёлое двухдневное сражение (12–13 ноября) в ущелье Тапарез, потеряв своего командира Дро, тяжело раненого.

Приданная впоследствии отряду генерала Абадиева, действовавшему в Алашкерской долине, эта дружина приняла

участие в семи сражениях, имевших место в течение 1914 года, и послужила прикрытием для исхода армянского населения к русской границе.

Наконец, 1-я дружина, приданная отряду генерала Чернозубова, принимала участие в занятии района Котура (с 18 по 30 ноября). 1 и 9 декабря она приняла участие в занятии Сарая и Асурли, а затем была вынуждена вплоть до 15 декабря выдерживать бои с курдами, защищавшими Ванское направление.

15 декабря дружина была отозвана, чтобы противодействовать значительно превосходящим силам противника, которым удалось проникнуть в тыл её позиций в районе Котура.

Конница Вардана

Телеграмма:

Его Святейшеству, Католикосу Всех Армян.

Джюльфа, 22 ноября.

В бою 22 ноября дружина армянских добровольцев Андраника проявила много храбрости и самоотверженности. Я счастлив довести это до сведения Его Святейшества, которого я прошу о благословении и молитвах за наши будущие успехи.

Чернозубов

Если этот первый период войны на Кавказском фронте выявил некоторые недостатки в организации дружин, то он же позволил оценить их боевые качества, их способность к сопротивлению, их желание победить, несмотря на все понесённые потери.

За этот период дружины потеряли 156 человек убитыми и 743 ранеными при общей численности в 2482 человека, или 36% личного состава. Но эти потери не поколебали их моральное состояние, что является доказательством наличия у них отличного воинского духа.

Высшее командование фронта оценило должным образом блестящее поведение армянских дружин и разрешило организацию двух новых: 5-й под руководством Вартана и 6-й под руководством Авшаряна.

Весной 1915 года 2, 3, 4 и 5-я дружины были направлены к Вану. Из них был сформирован независимый отряд, получивший название «Араратский» под командованием Саркиса Меграбяна (Вартана).

Отряд предназначался для занятия Ванского вилайета и города Ван, почтавшегося среди армян «Армянской

Ахалцыхская конная команда Гаджи-Левона

Конница VII Армянской дружины

Москвой», то есть центром и сосредоточением армянской культуры, политической жизни.

Согласно свидетельствам очевидцев: «Дружинники были отлично экипированы. Они носили защитного цвета длинные кители с большими карманами, брюки. Все — добротного качества. Говорилось, что все это «американское». Вооружены были русскими винтовками, и очень у многих длинные револьверы системы «Маузер» с деревянными кобурами-футлярами к ним, как ложа винтовки для стрельбы на дальнюю дистанцию.

Целая броня перекрестных патронташей на груди и поясе придавала армянским дружинникам очень воинственный вид. Головными уборами их были черные кавказские, почти сплошь каракулевые, папахи, что сближало их с нами, казаками. При дружинах была

сотня конных разведчиков на очень хороших, сильных и прытких, как козы, карабахских скакунах, в хорошем физическом состоянии. Все — на казачьих седлах.

Их доблестные вожди были штатскими национальными армянскими политическими деятелями в России. Одеты и вооружены они были, как и их дружинники, но только без винтовок. Все были без погон, но их дисциплина и вся суть воинского движения, построенного на добровольческих началах, были основаны на глубочайшем национальном энтузиазме, с главной целью — освобождением Армении от турок.

Они были очень ценными помощниками казачьему отряду в этой операции. К тому же они дрались фанатично, и ни турки, ни курды армян, как и армяне их, в плен не брали. Они уничтожали друг друга в бою безжалостно...»

**Из книги Фёдора Ивановича Елисеева, хорунжего, адъютанта
1-го Кавказского Генерал-Фельдмаршала Князя Потёмкина-Таврического
полка ККВ «Казачи на Кавказском фронте» (1914–1917)**

...Опять моросил мелкий нудный и холодный дождь. Мы все мокры. Вернулась армянская дружина и залегла в цепь меж казаками. По цепи в мою сторону едет кто-то верхом на маленькой серой лошади. Курды усилили огонь. Я машу рукой конному, дескать, «слезай!» — но он шагом, не торопясь, двигается ко мне. Подъехал, спокойно слез с казачьего седла, бросил поводья на луку и, подойдя вплотную, говорит:

— Спасибо казакам... выручили... а то прямо-таки позор, что моя дружина бежала, — и добавляет:

Иллюстрации турецких зверств над мирным населением

— Позвольте представиться, господин офицер, я есть Кери, начальник 4-й армянской добровольческой дружины.

Все это он произнес стоя — курды так и застрекотали своими выстрелами по нему — и потом сам, первым, подал мне руку. И прилег около меня.

Небольшого роста, сухой, лицо не совсем чистое, будто после осы, но приятное. Движения спокойные, уверенные. Совершенно чисто говорит по-русски. Он мне понравился.

— Вы мокры... выпейте. Это вас согреет, господин офицер, — говорит он и подает мне фляжку, висевшую у него через плечо на ремешке.

Мне так хотелось пропустить несколько глотков горячего чая! Глотнул, но — то оказался коньяк. Молодежь наша тогда почти ничего не пила. И я не притронулся к ней больше.

— Только? — спрашивает Кери. — Пейте! У меня есть еще!

К вечеру перестрелка с курдами почти затихла. Дружине Кери приказано было оставаться на позиции, а нашей сотне отойти в село Саук-су, на бивак полка. После этого боя мы стали кунаками с Кери.

А наутро наш полк, поднимая молодую весеннюю пыль, своей мощью в 800 шашек, все тою же широкой рысью шел вперед, вперед...

Где там курдам остановить нас, кавказцев первоочередного полка, в котором самому старшему возрасту казаков шел 26 год от рождения, а самому молодому — 23-й.

Без патронов, мы — на шашки,

Каждый против десяти... —

недаром поет наш полк любимую ермоловскую песню.

Из села выскочили десятка два конных курдов и в беспорядке широким наметом понеслись на юг. Мы вскочили в село. Оно оказалось армянским. В нем — только женщины и дети. Все они не плачут, а воют по-звериному и крестятся, приговаривая:

— Кристин!.. Кристин!.. Ирмян кристин!

Ничего не понять от них о событиях, происшедших в селе. Жестом руки успокаиваю их. Восточный мир податлив. И верующий во что-то Высшее, фатально верующий. **Сняв папаху и перекрестившись, я этим показал им, что они находятся теперь под защитой русского оружия.** И не задерживаясь — наметом — двинулись на юг. А через версту, у ручейка, видим до десятка армянских трупов. Теперь нам стала ясна причина рыданий и скрежета зубов женщин в селе. Все трупы еще свежи. У всех позади связаны руки. И все с перерезанным горлом. Одежда подожжена и еще тлела. Все молодые парни с чуть пробивавшимися черными усиками. Картина жуткая. Казаки молча смотрели на них. И для них, как христиан, лик войны менялся. Они возненавидели курдов и жаждали мщения.

В начале мая 1915 года отряд Андраника нанёс решительный удар по туркам на Ханасорском перевале, занял Башкале и не дал им возможности оказать помощь своим частям, которые были вынуждены оставить осаду восставшего города Вана.

На помощь Вану спешили армянские дружины. Они легко отбросили курдов

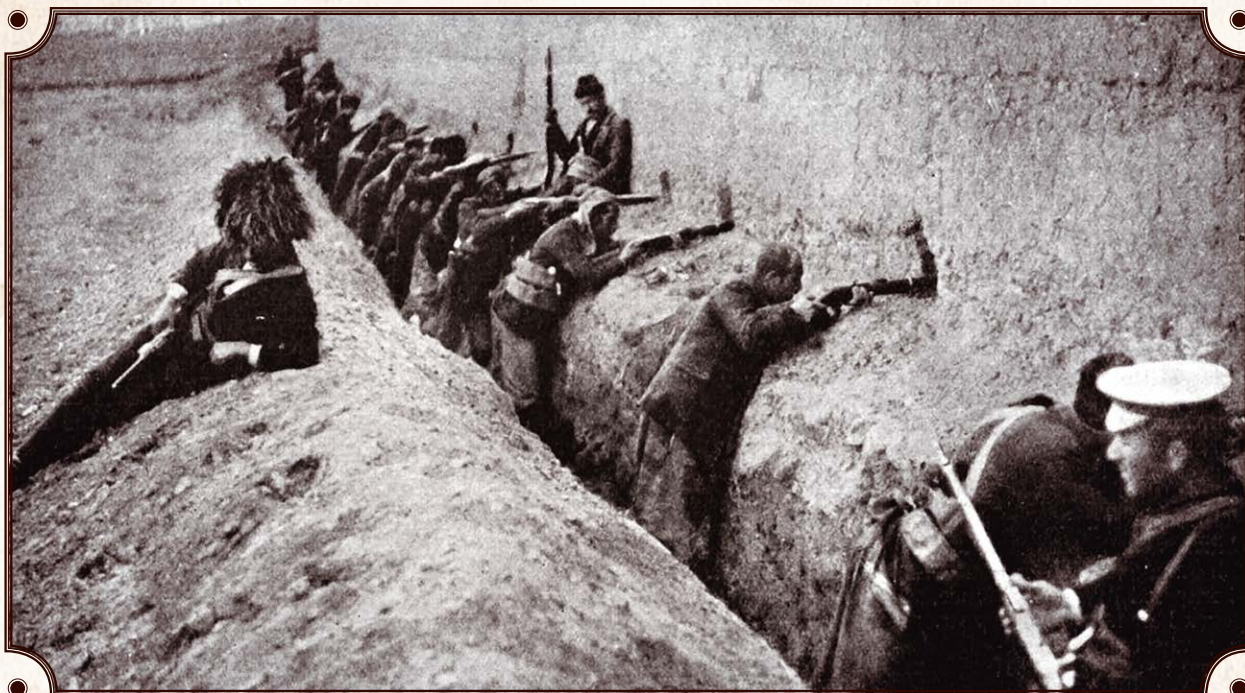
и, пройдя ущелье, к вечеру остановились в селе Бегри-Каал и стали свидетелями страшной картины: пустынным выглядело соседнее армянское село с православной церковью, лишь кучи наваленных трупов жестоко зарезанных женщин и детей были немymi свидетелями чело-веческой драмы, которая разыгралась здесь перед отступлением курдов.

Находясь в Западной Армении, Ара-
ратский отряд, казаки и армянские добро-
вольцы по сохранившимся свидетельствам
чувствовали, что кроме войны здесь, на
юге, творилось что-то ужасное, страшное
преступление перед человечеством, кото-
рое гнало тысячи армянских беженцев на
север, к русской границе, прося защиты
и хлеба у казаков. Оно сопровождалось
особой жестокостью, физическим уничто-
жением тех, кто не успел уйти. Исполни-
телями этого в одинаковой степени были
как турки, так и курды.

На войне, как на войне. Всё шло
своим чередом. Командир 1-го Кав-
казского казачьего полка полковник
Э. А. Мигузов направил в сторону Вана
три офицерских конных разезда. Треть-
ему разезду хорунжего Елисеева пред-
стояло пройти на восток до озера Арчак,
изучить местность до г. Арчак включи-
тельно и потом уже идти к Вану. Пред-
стояло пройти около ста вёрст. Путь был
неблизким и, возможно, опасным, т. к.
расположение турецких частей в этом
направлении было неизвестным.

Турецкие жандармы гонят мирное население в пустыню Дейр-эз-Зор

Армянские солдаты на линии обороны в стене города Ван, май 1915 г.

Оборона Вана

«Прошли уже много. Кругом ни души. Вдруг лай собаки. Село. На рысях вскакиваем в него. По трупам вырезанных женщин и детей определяем, что село армянское. Трупы еще не разложились, значит, резня была недавно. Кроме двух-трех худых собак — никого...»

Двигаемся дальше. Из-за глыб камней показались люди, человек двадцать. Нас восемь. Силы неравные. В нас не стреляют, примета хорошая. Курды стреляют еще издали.

То оказались мужчины армянского вырезанного села. Они скрываются в горах уже несколько дней. О движении русских войск ничего не знают. И какова была их радость, когда они узнали, что Ван уже занят русскими войсками... Жуткая человеческая драма...»

По свидетельству армянских историков, к началу мая 1915 года в Ване проживало более сорока тысяч жителей, к которым добавилось около 70 тысяч армянских беженцев. Потерпевшие поражение на Кавказском фронте отступавшие турецкие войска, к которым присоединились вооруженные курдские банды и мусульманский сброд, под предлогом неверности армян и их симпатий к русским безжалостно вырезали армян, грабили их имущество, разоряли населенные пункты.

Во многих уездах Ванского вилайета (области) армяне прибегали к самообороне. Жители Вана организовали круговую оборону, соорудили 73 огневые позиции. На переднем крае обороны стало 1500 защитников, которым помогало все население города: женщины, старики, дети-подростки.

Против турецкой армии в 12 тысяч человек они держались целый месяц до прихода Араратского отряда, под ударами которого турки были вынуждены снять осаду Вана.

К вечеру 6 мая 1915 года разъезды добрались до Вана, куда следом подошли уставшие от длительного перехода казачьи сотни и обозы 1-го Кавказского, 1-го Таманского полков и армянские сводные дружины Араратского отряда.

С цветами, песнями и свежееиспеченными пирогами встречали жители древнего Вана своих освободителей.

Для командного состава был организован щедрый банкет с участием генерала Николаева и армянских вождей Амазаспа, Дро, Кери... Столы были накрыты по-праздничному щедро.

Освобождение Вана 6 мая 1915 года совпало с днем рождения Государя Императора Николая II. По инициативе армянской стороны в его адрес была послана по телеграфу поздравительная телеграмма, которая заканчивалась словами: «...И пусть в роскошном многообразном букете цветов Великой Российской империи маленькой благоухающей фиалкой будет жить автономная Армения...»

Отряду был дан отдых.

«Мы были рады, что попали в благодарный город, где всего вдоволь и где могут отдохнуть и казаки, и лошади. Но... наш отдых продолжался всего лишь несколько дней. Полки вновь выступали на фронт, на юг».

Провожать казаков и армянские дружины вышло все население Вана. Многие в нарядных одеждах. Они провожали их с надеждой, что в скором времени вся Великая Армения будет свободной. (Ф. Елисеев)

В то время ни они, ни их освободители даже и думать не могли, что почти через два месяца «их древний цветущий город будет разграблен и сожжен курдами...».

Из воспоминаний хорунжего Ф. Елисеева

Армянский квартал г. Вана после погрома

Армяне-добровольцы из Америки в Петрограде

Ованес Баграмян (будущий Маршал СССР Иван Баграмян). Принимал участие в боевых действиях против турецких войск в составе 3-го стрелкового и 1-го кавалерийского полков Армянской дивизии

«...Отряд шел по следам прославленной армянской дружины Андраника. Он двигался со стороны Персии и жестоко мстил туркам и курдам. Мы видели его следы...» — расскажет впоследствии в своих записках Ф. Елисеев. — Навстречу десятками шли старики и женщины и все просили на русском «хлэба, хлэба...». Среди них нет не только мужчин, но даже стариков, нет и 10-летних мальчиков, как нет и молодых и подростков-девушек. Такого возраста мальчикам курды режут ножом горло, а девушек-подростков берут в наложницы».

Араратский отряд в рамках военной операции окружил и разоружил до 4000 курдов племени Мансур-бека. Часть осталась в заложниках, в том

числе младший брат покойного Мансур-бека — Бегри-бек и пять главных курдов как гарант того, что освобождённые не возьмутся вновь за оружие.

Как отмечали офицеры, да сами казаки, турки к тому времени под руководством в основном германских инструкторов были достойными противниками, и военные действия, которые велись на этом фронте, не были прогулкой для казачьих соединений и армянских дружин.

Война — это искусство побеждать. Но одно дело видеть врага, выследить его, пробираясь «козьими» тропами, проявить казачью смекалку, появиться и ударить там, где «не ждали», пойти в рукопашную и ощутить радость успешного боя, другое — саднящая боль казачьей души, когда на длинном пути приходилось пережить сцены «всевозможных трагедий», слёз, плача, горестных рыданий, незабываемый ужас и сострадание чужому горю.

Халил-бей прорвался до самой Алашкертской долины.

Трём казачьим разъездам полковником Э.А. Мигузовым была поставлена задача разведать Бегри-Калинское ущелье и узнать, где турки.

«Разъезд прошел так, как приказал Мигузов, — напишет Ф.И. Елисеев. — С высоких скалистых берегов глубокого ущелья, насколько хватало глаз на юг и на север, по нему частыми пятнами лежали трупы людей. Разъезд опустился вниз. Картина еще более страшная, чем она представлялась сверху. Женщины и дети, одиночками и маленькими группами, видимо семьями, устлали весь путь по ущелью. Изредка попадались мужчины-армяне у своих арб, без буйволов и разграбленные. Все взрослые с перерезанными горлами, мужчины со связанными назад руками, дети убиты в голову острыми молотками. Все трупы подожжены. Молодые армянки изнасилованы, застыли, умерев в муках... Насилуя женщину, всякий

курд, видимо, одновременно перерезал своей жертве горло. Картина была страшная и стыдная...

В ущелье было тихо-тихо. Молчали и казаки. И только птички, перелетая с одного берега ущелья на другой, чирикали, как ни в чем не бывало, словно говоря: «А где же слава, ваша воинская слава?!»

В «Тифлисском листке» было сказано, что всех армян из Ванского района ушло в Россию около 500 тысяч человек, считая женщин и детей. Сколько же было вырезано, газета не сказала.

«В ходе Ванской самообороны турки и курды свирепствовали в округе Вана, вырезая мирное армянское население и предавая огню армянские села.

От рук погромщиков погибло около 24 тысяч армян, были разграблены и сожжены более 100 сел». («Армянский вопрос». Ереван, 1991, стр. 92)

После освобождения Вана четыре армянских добровольческих отряда в составе 2-й Забайкальской бригады генерала Трухина, преодолев упорное сопротивление турок южнее озера Ван, стали развивать наступление на Муш и Багеш. 9 июля 1915 года ударная группа турецких войск перешла в контрнаступление против 4-го Кавказского корпуса по направлению Коп — Маназкерт — Алашкерт — Кыгызван, прорвала оборону русских, продвинулась вперед, создав серьезную угрозу окружения Вана с юго-запада. Русские войска отступили. Началось паническое переселение армян Васпуракана в Закавказье. Им на помощь поспешили армянские добровольцы, которые обеспечили переход 200 тысяч беженцев до русской границы.

По случаю взятия Вана командир 4-го Армейского корпуса отправил Католикосу Всех Армян поздравительную телеграмму следующего содержания:

Эчмиадзин

Его Святейшеству Католикосу Всех Армян. 25 мая 1915 года

Благодарю Вас от всего сердца за горячие молитвы, с которыми Вы обращались к Всевышнему в Эчмиадзинском соборе в этот знаменательный день, когда Ван был освобожден от исторического врага христианства, а армянский народ от векового ига, благодаря доблестным и победоносным войскам и отважным армянским дружинам вверенного мне 4-го Армейского корпуса. 53052.

Генерал Огановский

Используя период временного затишья, одна рота 2-й дружины под командой Месропа совершила дерзкий рейд в район Спаркерта к западу от Мокуса и освободила 4000 армян, захваченных в плен курдами.

28 июня все дружины были включены в состав группы генерала Трухина, 1 батальон пограничников, 4 армянские дружины, 1 эскадрон пограничников, 12 казачьих сотен, 6 полевых и 6 горных орудий.

Эти войска должны были продвигаться вдоль южного берега озера, чтобы

прикрыть со стороны Битлиса левое крыло 4-го корпуса Кавказской армии.

В бою 12 июля все турецкие позиции были заняты и две трети их артиллерии попали в руки победителей. 14 июля войска генерала Трухина достигли дороги Мелязгерт — Битлис на юго-западной оконечности озера.

Поздравляя войска с блестящим успехом, генерал Трухин в своём приказе от 15 июля отметил их отвагу и выносливость, приведшие к победе:

Дружины Андраника и Дро стремительно атаковали вражеские

позиции на левом фланге, тогда как дружина Амазаспа в исключительно трудных условиях и без поддержки артиллерии взобралась на горы, покрытые снегом. Несмотря на усталость, дружины неотступно преследовали врага, которого они выбили с позиций.

Однако, получив значительные подкрепления, турки 15 июля перешли в контратаку на фронте 4-го корпуса.

Русский корпус вынужден был перейти к обороне, тогда как группа генерала Трухина получила приказание отступить 17 июля на новые позиции к юго-западу от Сорпа.

Эти позиции турки атаковали 19 июля с намерением сломить сопротивление

Ванской группы генерала Трухина, чтобы обезопасить район Битлиса и оградить его от вторжения русских войск.

Эти турецкие атаки были успешно отбиты войсками 19 и 20 июля и закончились полным поражением турок.

Группа генерала Трухина 21 июля вновь заняла район к юго-западу от озера и вошла в контакт с левым флангом 4-го Армейского корпуса.

Атакуя своими всадниками противника, 19 июля в бою погиб доблестный Хечо из Араратского отряда.

По случаю этой победы в приказе от 21 июля генерал Трухин отмечал следующее:

«В результате двухдневных боев 19 и 20 июля войска вверенной мне группы выбили противника с занимаемых им позиций.

Победа была достигнута, главным образом, благодаря меткому огню нашей пехоты, на три четверти состоящей из армянских дружин.

Враг был окончательно отброшен благодаря меткой стрельбе нашей артиллерии. История отметит вашу победу, доблестные войска. Со своей стороны поздравляю командиров, также как и рядовых солдат, с одержанной над врагом победой и благодарю вас за ваше усердие.

Дивизионный генерал Трухин».

Наступление турок на всём фронте 4-го корпуса вынудило его, а с ним и

группу генерала Трухина, к общему отступлению.

* * *

Обратимся к хронике боевых действий из реляций о боях 1-го Полтавского полка начальнику штаба походного атамана при Его Императорском Величестве:

«27 декабря 1915 года отряд в составе двух рот, двух пулеметов и пятидесяти конных всадников 1-й Армянской дружины к 7 часам утра достиг селения Су-Согун на оружейный выстрел. Сторожевые посты курдов с высот тотчас открыли ружейный огонь, а вскоре все возвышенности покрылись конными и пешими курдами и завязали с нами горячую ружейную перестрелку. Артиллерия открыла огонь по селению, а рота 1-й Армянской дружины повела наступление на селение и высоты, занятые курдами.

Количество курдов оказалось велико, а сопротивление их настолько упорно, что они, пользуясь горной скалистой местностью, перешли в наступление, ввиду чего была выслана рота Армянской дружины и половина 6-й сотни (есаула Колесникова), а затем и конница Армянской дружины. Бой, поддерживаемый артиллерией, продолжался до 3-х часов дня. Большинство курдов, сбитых с высоты, рассыпались по горам, а оставшаяся часть оказывала слабое сопротивление. Преследовать не представилось возможным вследствие совершенно недоступной для конницы скалистой местности.

В этом бою наши потери: убиты казак 1-й сотни Никандр Михайленко,

контужен (по животу) той же сотни урядник Демьян Богатырь и ранены две лошади. В 1-й Армянской дружине ранен командир 2-й роты Арташес Мирзоян и доброволец Мыкро Мирзоян.

Курды понесли значительные потери. Расходовано патронов: казаками — 14963 штуки, Армянской дружиной — 8090 штук.

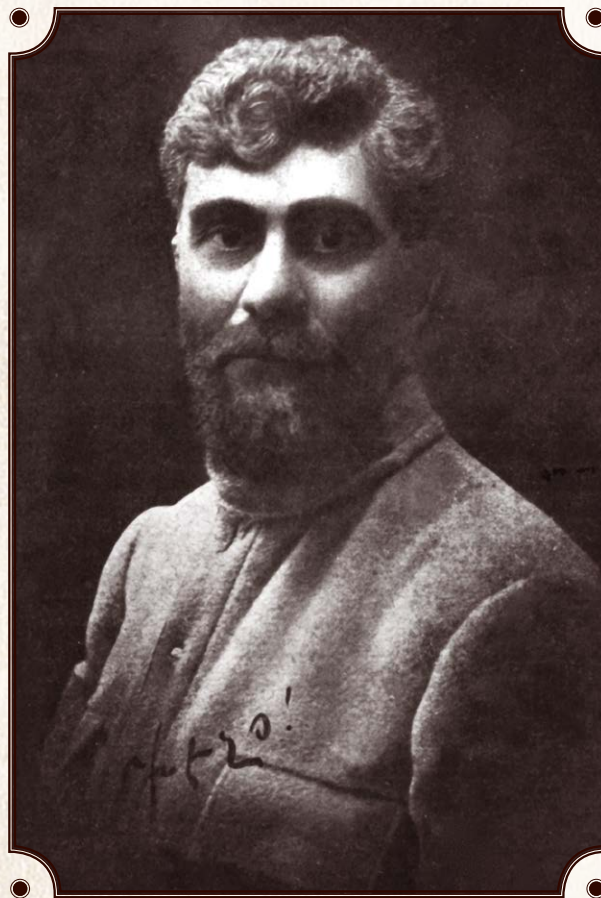
29 декабря 1915 года, в 7 часов утра, Ирджский отряд выступил из Ирдижи (оставив для защиты Ирдижа роту 1-й Армянской дружины, сборную полуроту, 2 пулемета от 294 дружины и сборную полусотню 1-го Полтавского полка).

К 12 часам дня отряд со стороны селения Асб-Синака был встречен сильным оружейным огнем курдов, занявших высоты северо-западнее селения. Головная сотня (2-я, прапорщика Аракелова) до подхода авангарда пехоты спешила и вступила в перестрелку, но вследствие появления на высотах больших масс пеших курдов была отозвана, а восточнее сел. Асб-Синак вошла в наступление рота Армянской дружины (правый участок) и западнее (левый участок) рота капитана Черненко.

Все четыре орудия под управлением командира батареи капитана Гронова открыли огонь. Курды продолжали стекаться на позицию из всех окрестностей и увеличились до нескольких сотен.

Для поддержки наступающей пехоты в обход правого фланга противника были высланы конница Армянской дружины и 6-я сотня есаула Колесникова, которые внезапно атаковали противника, изрубив 17 человек пеших курдов.

Под натиском всех наступающих частей, курды очистили высоты. Наступающие части энергично преследовали противника, а артиллерия, прижав на следующую позицию, поддерживала своим огнем. 1-я Армянская

Хечо — начальник конницы

дружина потеряла ранеными трех добровольцев.

К наступлению сумерек удалось не только остановить натиск курдов, но, перейдя в наступление, заставить их отступить по всей линии и броситься обратно на высоты. Артиллерия долго провожала их легким огнем.

30 декабря 1915 года рано утром отряд пошел в наступление, имея целью закончить разгром курдов севернее Асб-Синака.

В атаку позиции была направлена на фронт одна рота 1-й Армянской дружины, в обход правого фланга армянская конница, с левого 1-я сотня Полтавского полка хорунжего Глинского. Артиллерия четырьмя орудиями поддерживала наступление. К 2-м часам дня противник был всюду сбит и рассеян. Пошедший густой снег и сильный туман заставили остановиться.

Андраник со своими соратниками

Пандухт со своими соратниками

Генерал Калигин поздравляет возвратившуюся после удачного боя VI Армянскую дружину

В боях 29 и 30 декабря наши потери: убитыми Полтавского полка — урядник и казак, умер от ран казак, ранено три казака, контужено два, одна лошадь убита и ранено пять.

В 1-й Армянской дружине ранено 3 добровольца, лошадей убито — 5, ранено — 7. Израсходовано снарядов — 335, патронов: казаками — 12490 штук, Армянской дружиной — 29066 штук.

Начальник Ирджского отряда войсковой старшина Александров, оценивая

участие отряда в боях 27—31 декабря 1915 года, в своей реляции писал: «Свидетельствую, что все части Ирджского отряда в боях вели себя выше всякой похвалы. Ходатайствую о представлении к наградам всех офицеров как действительных частей войск, так и офицеров 1-й Армянской дружины, а также назначении наград нижних чинов всех частей».

Все чины соперничали друг перед другом в доблести и отваге».

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ДРУЖИН

Весть об отступлении русских войск из Ванского вилайета обрушилась как громовой удар на несчастное армянское население и косвенно повлияла на состояние боевого духа дружинников. Дружинники оставляли ряды армии, чтобы разыскивать родных в необъятном потоке армян, хлынувшем к российской границе навстречу неизвестности.

Армянский Национальный Совет принял меры и решил во что бы то ни

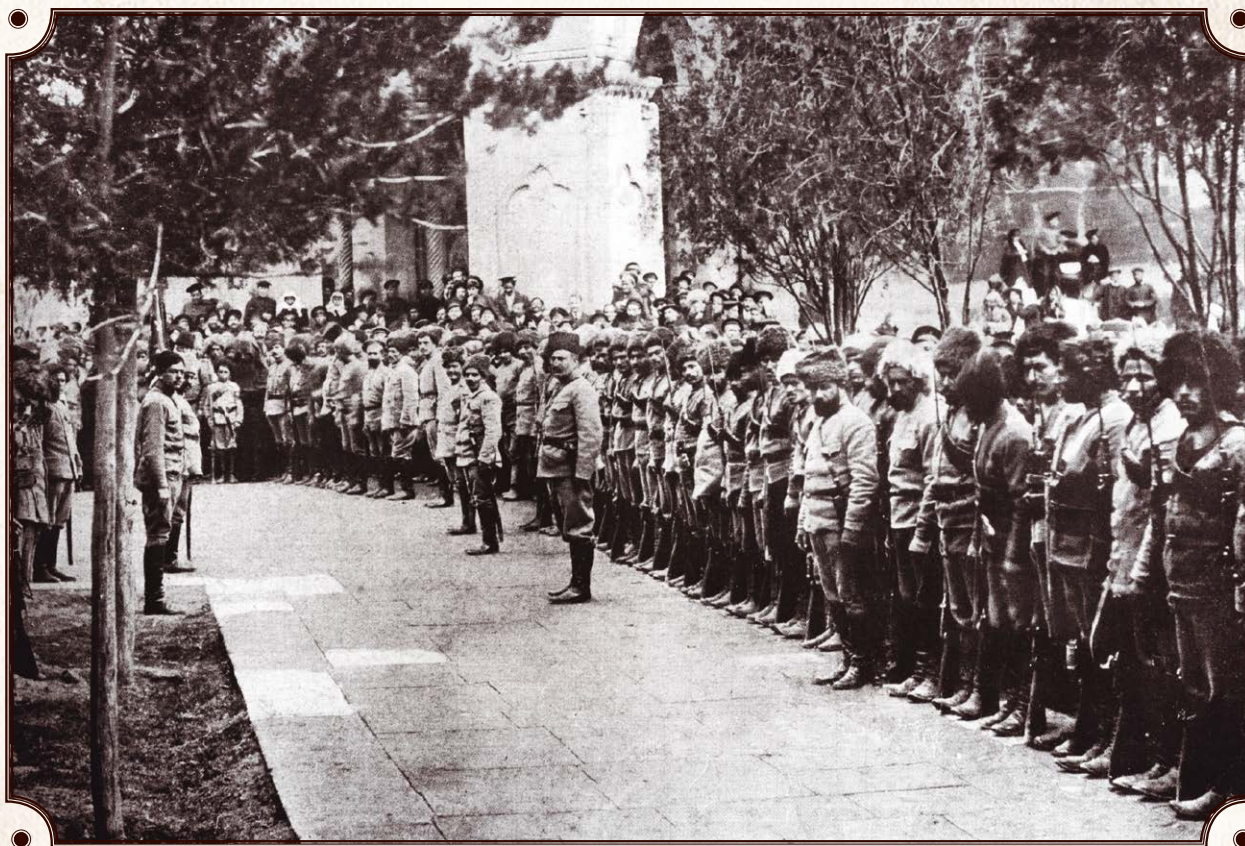
стало пополнить дружины и продолжить борьбу против Турции.

Это решение облегчалось наличием двух новых дружин (6-й и 7-й), сформированных в Эривани в течение лета и готовых к отправке на фронт.

Героическое решение о продолжении неравной борьбы с турками было поддержано в своём воззвании к армянскому населению командира 1-й дружины легендарного Андраника.

Я требую от вас, чтобы вы немедленно прибыли в Эривань и вступили в ряды дружины, реорганизация которой должна быть закончена самое позднее 13 сентября.

Друзья мои, в течение десяти месяцев мы страдали в горах и ущельях, перенося все лишения, преодолевая огромные переходы, страдая часто от голода и отсутствия обуви. Но нельзя отчаиваться. Пришло время доказать наше мужество и силу. Цель, которой мы дорожим и которую преследуем, должна вести нас к нашей отчизне, взывающей к освобождению и отщизнению.

Парад дружин Амазаспа в Эчмиадзине

Реорганизация дружин продолжалась более трёх месяцев: август, сентябрь и октябрь. Приказом по 4-му Кавказскому армейскому корпусу все армянские дружины, как сформированные, так и находящиеся в стадии формирования, были подчинены командиру 1-й территориальной бригады.

Этот приказ полностью совпадал с намерениями Армянского Национального Совета, желавшего объединения всех армянских дружин в одну войсковую часть под единым управлением.

Но в противоположность данному приказу в момент возобновления военных действий эти дружины были вновь распланы, частью на фронте 4-го корпуса, частью на фронте Ванской группы.

Сопrotивление 4-го Армейского корпуса, который после отступления к русской границе противостоял противнику, окопавшемуся на южном склоне горного хребта Агри-Даг, и затем перешёл в наступление, в то время как войска генерала Баратова из состава Сарыкамьшской группы действовали на левом фланге турок, имело результатом сперва остановку атак турок, а затем их поспешное отступление, вскоре превратившееся в беспорядочное бегство.

6-я дружина входила в состав войска генерала Баратова. Её командир поручик Авшарян погиб смертью героя в этих боях.

Трофеи победителей составляли 5000 пленных и значительное количество артиллерии, снаряжения, обоза и т. д.

План турецкого командования, задуманный с целью прорвать фронт 4-го корпуса, занимающего левое крыло Кавказской армии, чтобы затем захватить Эриванскую провинцию и разделить два театра войны: турецко-кавказский от персидского, потерпел неудачу, тогда как русские войска, развивая своё преимущество в конце августа, восстановили свой фронт в Ванском вилайете.

Главными событиями начала 1916 года на Кавказском фронте были: взятие Эрзерума, Битлиса и Трапезунда на турецком театре военных действий и Керманшаха — на персидском.

Командир 4-го корпуса, получив приказ командующего армией взять Муш и Битлис, выдвинул вперёд в этом направлении колонну генерала Абацьева

Военный оркестр армян-добровольцев

(большую часть батальона, 10 орудий и 3 казачьи сотни).

В конце января 1916 года эта колонна заняла район горы Немрут (западный берег озера Ван), откуда и начала своё наступление на Битлис.

Чтобы поддержать действия колонны генерала Абацьева, командующий Ванской группой генерал Кулебякин получил приказ продвигаться двумя колоннами: одной по северному берегу озера с целью очищения от курдских банд пространства в тылу войск генерала Абацьева. Эта колонна затем должна была соединиться с последними, продвигаясь через Ахлат и Кармундж, в то время как другая колонна должна была наступать по южному берегу озера Ван.

1-я дружина была в составе колонны, производившей обход озера с севера, имея три казачьи сотни в качестве кавалерии и два полевых орудия.

2 февраля колонна вышла из Арчеша, опрокинула курдские банды, которые она встретила в 10 километрах к западу от города, и преследовала их в северо-восточном направлении до перевала Зераклу и до села Норшен, которое она заняла к вечеру того же дня.

Конница Сѣбата

Здесь колонна оставалась в течение 8 дней и только 11 февраля получила приказ двигаться в направлении Адильджеваза.

Со своей стороны курды решили сопротивляться русскому наступлению и заняли позиции между южными склонами горы Сипан и озером. Но энергичной атакой кавалеристов дружины и казачьей сотни Андраника левое крыло курдов было опрокинуто и отброшено к Адильджевазу. В то же самое время пехота дружины после жаркого боя овладела на правом фланге противника селом Кочерер.

Это поражение до такой степени повлияло на боевой дух курдов, что в дальнейшем они уже были не способны оказать серьёзное сопротивление русскому наступлению, и 12 февраля дружина заняла Адильджеваз, а затем и Ахлат.

Чтобы обеспечить себе позиции, с которых должна была начаться атака Битлиских укреплений турок, генерал Абациев приказал 1-й Армянской дружине, поддержанной пехотным батальоном и двумя орудиями, занять Битлисское ущелье.

Несмотря на превосходство турецких сил, которые восемью батальонами занимали позиции у входа в ущелье, дружина 21 февраля пыталась проложить себе путь к дороге Муш — Битлис, но безуспешно.

Общее наступление началось 28 февраля. Войска были сведены в три колонны: 1-я дружина вошла в состав центральной колонны, а 2-я — в состав правого фланга.

Противник отступил от своих передовых позиций, чтобы занять высоты южного берега реки Битлис-су, которые преграждали подступы к Битлису.

Центральная колонна завязала бой рано утром 29 февраля, продвигаясь по

глубокому снегу на крутых склонах, но ей, несмотря на отчаянные усилия, не удалось овладеть неприятельской позицией.

С наступлением ночи бой прекратился: дружина потеряла убитыми 15 и ранеными 55 человек.

В ночь со 2 на 3 марта было принято решение овладеть позицией врага ночной атакой. Дружина по-прежнему входила в состав центральной колонны.

Молча, без единого выстрела, она приблизилась к предписанному ей участку и бросилась на противника, который, будучи застигнутым врасплох, бежал, бросив два горных орудия.

Линия турецких укреплений была прорвана, и центральная колонна, настойчиво преследуя противника, охваченного паникой, ворвалась по его пятам в город.

После занятия Битлиса 1-й дружине было поручено охранять дорогу Муш — Битлис от курдских налётов. Она была крайне обессилена и понесла жестокие потери (почти все её начальники вышли из строя).

3-я дружина входила в состав левофланговой колонны, состоявшей из 4 батальонов (включая саму дружину) и располагавшей 4 орудиями, под общим командованием полковника Образцова.

Эта колонна имела задачей занять позиции на участке между линиями Битлис — Верван и Битлис — Хан с целью организации длительной обороны.

В свою очередь турки оказывали этой колонне сопротивление тремя батальонами, занимавшими покрытую снегом горную цепь к югу от Эльнефа.

Дружина на своём участке имела частичный успех, вызвавший лестный отзыв в очередном приказе начальника колонны полковника Образцова от 28 апреля 1916 года:

«Во время атаки покрытой снегом горной цепи у села Эльнеф 25 и 26 апреля 3-я Армянская дружина атаковала с замечательным порывом. Особенно героически вели себя офицеры, но, к несчастью, почти все они были выведены из строя в ходе боя. 25 апреля дружина одна за другой овладела всеми линиями стрелковых окопов противника, откуда тот был выбит огнем или штыками».

Атака была столь стремительная, что турки не имели времени эвакуировать свои бивуаки, которые попали в руки армянских дружинников.

Командование Кавказского фронта высоко оценило действия армянских добровольцев, проявленные ими отвагу и мужество.

ДОСТОЙНЫЕ ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

Участие добровольных армянских дружин на Турецком фронте Первой мировой войны (вплоть до их реорганизации в стрелковые батальоны) — героическая страница в боевой летописи этой сознательно полузабытой войны, когда в неимоверно жутких условиях неурядиц сохранялся высокий боевой дух и готовность к самопожертвованию за спасение своей Родины от её извечных врагов.

Они с честью выполнили свой долг, взятый на себя добровольно.

Разрешив организацию армянских дружин, высшее командование Кавказского фронта строго не установило для них численный состав, организацию или систему снабжения. Их

представляли себе скорее как отдельные партизанские группы, снабжаемые на особый манер, без органической связи с регулярными войсками, блуждающие по всему фронту и переходящие из одной группы в другую, что делало невозможным для высшего командования вступление в прямую связь с ними и позволяло ставить дружинам лишь такие задачи, которые они могли бы выполнить или к которым они были, в частности, приспособлены.

Вооружение дружинников было очень разнообразным, часть из них не имела никакого вооружения. Больше всего испытывали трудности со снабжением патронами; особо тревожила

Никол со своими соратниками

их нехватка во время сражений. Отсутствие или крайний недостаток технических средств связи, инженерных инструментов, парков, походных кухонь, солдатских котелков, палаток и т.д. осложняли положение. Обуви и зимнего обмундирования постоянно не хватало.

Командиры дружин и их заместители не имели офицерских званий. Вследствие этого, когда дружины входили в русскую часть, то командиры оказывались в ущемлённом положении, что часто бывало причиной тяжёлых недоразумений.

Недостаток врачей, санитарного и административного персонала часто

серьёзно сказывался на ходе военных операций.

Вместо того чтобы снабжаться и экипироваться интендантством и другими компетентными военными учреждениями, дружинам часто приходилось обращаться в Армянский Национальный Совет, находившийся в Тифлисе.

Несмотря на все эти трудности, которые следовало преодолевать с самого начала формирования дружин, несмотря на всякого рода препятствия, недостаток опыта командиров, явное или тайное недоброжелательство в некоторых руководящих кругах, дружины были организованы и принимали участие в операциях регулярной русской армии, часто

Дружина Кери

в важных делах и самостоятельно, как, например, операция трёх армянских дружин на южном берегу озера Ван с 21 мая по 27 июня 1915 года.

Иногда историки-исследователи боевых операций на Кавказском (Турецком фронте) стоят перед вопросом: а дали ли эти дружины всё, что могли с них требовать, как с боевых частей, были ли они полезны Кавказскому фронту?

Ответ находим в архивных связках, приказах и журналах боевых действий конных полков, пластунских батальонов, ежедневных приказах и распоряжениях

высшего командования Кавказской армии.

Армянские добровольные дружины, реорганизованные в батальоны и полки, «были всегда на высоте тех задач, которые им ставились, что является доказательством их дисциплины, их глубокого чувства долга и высокого боевого духа».

Они дрались с врагом до конца: до последнего патрона, до последнего бойца, зачастую спасая от неминуемой гибели тысячи и тысячи своих соотечественников, дрались с многократно превосходившими силами врага, оставшись с ним один на один после ухода русской армии.

Кери, Вардан, кн. Аргутинский
со своими поварями

**ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРИКАЗУ
по Сарыкамьшскому отряду 1914 года, № 26**

**СПИСОК
нижних чинов Сарыкамьшского отряда,
награждённых Георгиевскими крестами и медалями
за отличия в боях против Турции в 1914 году**

№ п/п	Звание, имя, фамилия	Степень крестов и медалей	№ креста	№ медали
3-го отряда Армянской дружины				
1	Начальник отряда Христофор Амазасп	1	-	934
2	Доброволец Хачия Аветисов	4	-	177018
3	Доброволец Левон Микиртумов	4	-	177019
4	Доброволец Сергей Манучарянц	4	-	177020
5	Доброволец Сергей Мурадян	4	-	177021
6	Доброволец Хаджи Мурадянц	4	-	177022
7	Доброволец Ованес Ованесов	4	-	177023
8	Доброволец Аршалуйс Тер-Погосов	4	-	177024
9	Доброволец Арутюн Алоян	4	-	177025
10	Доброволец Михаил Мурадян	4	-	177026
11	Доброволец Григор Митоянц	4	-	177027
12	Доброволец Егия Газарян	4	-	177028
13	Доброволец Гассум Гассумов	4	-	177029
14	Доброволец Хачик Арутюнянц	4	-	177030
15	Доброволец Микиртич Мкртичанц	4	-	177031
16	Доброволец Арем Осепян	4	-	177032
17	Доброволец Саркис Антонянц	4	-	177033
18	Доброволец Варган Гаспарянц	4	-	177034
19	Доброволец Газар Гаспарянц	4	-	177035
20	Доброволец Петрос Мкиртичанц	4	-	177038
21	Доброволец Гегам Тогоян	4	-	177039

№ п/п	Звание, имя, фамилия	Степень крестов и медалей	№ креста	№ медали
22	Доброволец Геворк Петросянц	4	-	177040
23	Доброволец Аветис Хачатурянц	4	-	177042
24	Доброволец Александр Миносянц	4	-	177043
25	Доброволец Оваким Оксантельбакян	4	-	177044
26	Доброволец Погос Аветисян	4	-	177045
27	Доброволец Сумбат Пилюянц	4	-	177046
28	Ст.у.о. Грач Аветисянц	4	153774	-
29	Ст.у.о. Акоп Мартигосянц	4	-	176144
30	Взв. Агасий Исханян	4	-	179145
31	Взв. Касым Касылыян	4	-	179146
32	Десят. Наджи-Геворг Мураян	4	-	179147
33	Ком. пехот. Григор Хлгядян	4	-	179148
34	Ком. пехот. Сергей Манучаров	4	-	179149
35	Комп. пехот. Леон Мкртумян	4	-	179150
4-й армянской дружины				
36	Начальник Аршак Кери	4	-	2001
37	Нач. шт. Михаил Арзуманов	3	-	13396
38	Дружинник Хикар Парсегов	4	-	101727
39	Дружинник Вартан Искандарянц	4	-	101881
40	Дружинник Ерванд Баберянц	4	-	101894
41	Дружинник Ованес Качиянц	4	-	101612
42	Дружинник Хачатур Тер-Карпетов	4	-	102099
43	Дружинник Казар Казарянц	4	-	102072
44	Дружинник Карпет Чаликов	4	-	102128
45	Дружинник Тигран Аветисов	4	-	102159
46	Дружинник Эрванд Мануков	4	-	102167
3-й армянской дружины				
47	Нач. дружины Амазасп	2	1977	-

ПРИКАЗ
по 4-му Кавказскому армейскому корпусу
№ 5
10 января 1915 г.
Кавказская армия
§ 8

Нижепоименованные команды рот Армянской дружины Андраника награждаются Георгиевскими медалями:

1-й роты **Сумбат** за № 102214

2-й роты **Сеубух** за № 102215.

5 ноября 1914 года под селом Ашпак по собственной инициативе перешли в наступление и атаковали турок, захватили командные высоты, чем предупредили охват нашего левого фланга.

3-й роты — **Арташ** за № 102216

4-й роты — **Никол** за № 102217.

7 ноября 1914 года под селом Бурушхоран, прикрывая наш левый фланг и видя скопище гамидийцев, направляющихся на наш левый фланг, перешли с ротами в контратаку и отбросили турок, успешно выполнив возложенную на них задачу.

(Государственный архив Краснодарского края. Ф. 436. Оп. 1. Д. 603)

*Приложение
к § 1 приказа по 4-му Кавказскому
армейскому корпусу от 9 марта сего года*

СПИСОК

нижним чинам 4-го Кавказского армейского корпуса,
награждённым Георгиевскими крестами за боевые отличия
Императорским Высочеством Великим Князем
Георгием Михайловичем

Армянской дружины Дро

238. **Драстамат Канаянц (Дро)** — 4-й степени, № 2111806.
239. **Хачо Амиров** — 4-й степени, № 211736.
240. **Михаил Бадалтехян** — 4-й степени, № 213953.

I-й Армянской дружины

- Доброволец **Семён Бозоянц** — 4-й степени, № 296551.
Доброволец **Мкртыч Барсемянц** — 4-й степени, № 296552.
Доброволец **Егин Пахлазуян** — 4-й степени, № 296555.
Доброволец **Филос Арутюнянц** — 4-й степени, № 296556.

Из приказа № 59
по 4-му Кавказскому армейскому корпусу № 59 от 28 июля 1915 г.

За отличия, оказанные в боях против турок в 1915 году, командир
2-й Армянской дружины **Дростомат Канаянц** (он же Дро) награждается
Георгиевским крестом 3-й степени за № 10980.

*(Выписка из приказа № 68
по 4-му Кавказскому армейскому корпусу
1 сентября 1915 г.)*

ПРИКАЗ
по 4-му Кавказскому армейскому корпусу
№ 45
15 июня 1916 года
Кавказская армия

За отличия, оказанные в боях против турок в январе месяце 1916 года, командир 2-й Армянской дружины награждается Георгиевским крестом 2-й степени со старшинством с 24 января 1916 года.

Канаянц «Дро» – крест 2-й степени № 6833.

Во время наступления войск корпуса в январе 1916 года на горе Хныс 2-я Армянская дружина под начальством «Дро» состояла в колонне генерала Певнева, с отличием участвовала в целом ряде боев и при Кара-Кепри облегчила задачу выхода нашей конницы на путь отступления турок.

За отличное руководство действиями своей дружины и за выдающееся мужество, проявленное в целом ряде боев.

Георгиевский крест
2-й степени

Подлинный подписал:
Командир корпуса
Генерал-лейтенант Де-Витт

С подлинным верно:
Начальник штаба
Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
Генерал-майор (подпись)

Удостоверение

Знаком Отличия Военного
Ордена Святого Георгия

2-й степени за № 6899
Награжден Канаянц Дро
2-я Армянская дружина.
За отличное руководство
действиями своей дружины
и за выдающееся мужество,
проявленное в боях
против турок
в январе 1916 года

НАГРАЖДЕННЫ Георгиевским крестом 4-й степени

«За то, что в бою 18 апреля 1915 года под Дильманом, вызвавшись охотниками, под перекрёстным огнём противника заняли холм, выдающийся в расположение противника на правом фланге, и тем облегчив роте занятие выгодных позиций»:

Георгиевский крест
4-й степени

1. **Гаспорян Мелик Егоевич** — рядовой 3-го Кубанского казачьего полка, Георгиевский крест № 364282.
2. **Дантиян Мкртыч Аганесович** — рядовой 3-го Кубанского казачьего полка, Георгиевский крест № 364283.
3. **Погосян Багдасар Акопович** — рядовой 3-го Кубанского казачьего полка, Георгиевский крест № 364284.
4. **Грикян Ерванд Михайлович** — рядовой 3-го Кубанского казачьего полка, Георгиевский крест № 364285.
5. **Шероян Маркар Геворкович** — рядовой 3-го Кубанского казачьего полка, Георгиевский крест № 364286.
6. **Хачоян Армо Генджоевич** — рядовой 3-го Кубанского казачьего полка, Георгиевский крест № 364287.
7. **Аветисян Сандро Акопович** — рядовой 3-го Кубанского казачьего полка, Георгиевский крест № 364288.
8. **Казарян Баруняк Казарович** — рядовой 3-го Кубанского казачьего полка, Георгиевский крест № 364289.
9. **Аслиян Аристокес Аганесович** — рядовой 3-го Кубанского казачьего полка. Награждён Георгиевским крестом 4-й степени № 364290 «...За то, что в бою 18 апреля 1915 года под Дильманом, благодаря своему хладнокровию и распорядительности, прекратил панику в обозе и всячески способствовал доставке патронов и припасов на передовые позиции».
10. **Григорян Надо Дамелович** — взводный командир 3-го Кубанского казачьего полка. Награждён Георгиевским крестом 4-й степени № 364274 «...За то, что в бою 18 апреля 1915 года под Дильманом, командуя взводом и находясь на передовом пункте, отбил неоднократные атаки противника».
11. **Техмерчан Ерванд Акопович** — помощник ротного командира 3-го Кубанского казачьего полка. Награждён Георгиевским крестом 4-й степени № 364275 «...За то, что в бою 18 апреля 1915 года под Дильманом после ранения ротного командира принял команду во время боя, восстановил порядок в роте и мужественно встретил противника».
12. **Абрамян Манкуель Рафаелович** — взводный командир 3-го Кубанского казачьего полка. Награждён Георгиевским крестом 4-й степени № 364276 «...За то, что в бою 18 апреля 1915 года под Дильманом, командуя своим взводом, отбил атаку турецкой роты, удержал порученную ему важную позицию».

НАГРАЖДЕННЫ Георгиевским крестом 4-й степени

«За то, что в бою 18 апреля 1915 года будучи разведчиками проникли в с. Амзакянд и с явной опасностью для жизни доставили сведения о силах противника»:

13. **Давтян Вахтан Михайлович** – рядовой 3-го Кубанского казачьего полка. Георгиевский крест 4-й степени № 364277.
14. **Бежанян Авак Карапетович** – рядовой 3-го Кубанского казачьего полка. Георгиевский крест 4-й степени № 364279.
15. **Ананян Ваган Степанович** – рядовой 3-го Кубанского казачьего полка. Георгиевский крест 4-й степени № 364281.
16. **Папазян Ерванд Карапетович** – ординарец 3-го Кубанского казачьего полка. Награждён Георгиевским крестом 4-й степени № 364278 «...За то, что в бою 18 апреля 1915 года под Дильманом под жестоким огнём противника артиллерийским, пулемётным и ружейным передавал донесения ротных командиров, командиру дружины и приказания командира дружины – ротам».
17. **Кумкумаджян Артавазд Степанович** – рядовой 3-го Кубанского казачьего полка. Награждён Георгиевским крестом 4-й степени «...За то, что в бою 18 апреля 1915 года под Дильманом, будучи ранен, после перевязки вернулся в строй и принял участие в бою и был ранен вторично».
18. **Мерзоян Арташес Карапетович** – помощник ротного командира 3-го Кубанского казачьего полка. Награждён Георгиевским крестом 4-й степени № 3564291 «...За то, что в бою 18 апреля 1915 года под Дильманом после ранения ротного командира и смерти помощника ротного командира принял командование ротой и повёл роту в контратаку, отбив предварительно атаку противника, численностью его превосходящего».
19. **Арутюнян Мурад Погосович** – рядовой 3-го Кубанского казачьего полка. Награждён Георгиевским крестом 4-й степени № 364292 «...За то, что в бою 18 апреля 1915 года под Дильманом, будучи опасно ранен, после перевязки вернулся в строй и остался в строю до конца боя».
20. **Крикян Овнан Асатурович** – рядовой 3-го Кубанского казачьего полка. Награждён Георгиевским крестом 4-й степени № 364293 «...За то, что в бою 18 апреля 1915 года под Дильманом, под действительным огнём противника, доставлял донесения своего ротного командира, командиру дружины».
21. **Газарьянц Семён** – младший унтер-офицер 3-й сотни 17-го Кубанского пластунского батальона. Награждён Георгиевским крестом 4-й степени № 744877 «За отличие, оказанное в деле 19 апреля 1917 года против турок».
22. **Барсемянц Мкртыч** – доброволец 1-й Армянской дружины. Награждён Георгиевским крестом 4-й степени № 296552 «За блистательные подвиги, мужество и храбрость в боях с турками под Софианом».
23. **Габобянц (Алабадянц) Ефрем** – доброволец 11-го Кубанского пластунского батальона. Награждён Георгиевской медалью 4-й степени № 101848 «За проявленную отвагу в бою против турок».

Георгиевский крест
4-й степени.
Вид с обратной стороны

ПРИКАЗЪ
Главнокомандующаго войсками и флотомъ Кавказа
№ 234
14 декабря 1918 года
г. Баку
§ 1

Въ то время, когда все фронты Великой Россійской арміи противъ внешняго врага перестали существовать, когда ей и стране былъ навязанъ позорный Брестскій миръ, здесь на Кавказе доблестные сыны Россіи, верные своему долгу передъ Родиной и союзническимъ обязательствомъ, одни, до конца, плечомъ къ плечу съ братьями по оружію — нашими союзниками защищали Россійскую территорию отъ турко-немцевъ.

За оказанныя боевыя отличія, за проявленное безпримерное мужество и доблесть, стойкость и храбрость, а равнымъ образомъ и за выслугу летъ, какъ единственный и по приемству представитель здесь на Кавказе Россійскихъ Военныхъ Властей нижепоименованныхъ чиновъ и флота Кавказа награждаю:

**Орденомъ Св. Великомученника
и Победоносца Георгія 4-й степени**

Тер-Погосова и Саака Восканяна;

**Солдатскимъ Георгіевскимъ крестомъ
4-й степени:**

**Джигитяна, прапорщика Тартанянца,
Гайка Наджарова, Саако Саакяна, шофера Сергея Айрапетова,
Гавриила Григорянца, Абрама Захоряна, врача Н. Акопянца,
П. Задахчана, Варгана Саркисова, фельдшера Осипа Осипянца,
ст. унтер-офицера Сергея Матевосова, поручика Гукасова,
всадников: Арутюна Арутюнова, Аванеса Акопова, Армаиса Аванесова,
Геванда Тер-Багдасарова, Рубена Багатурова;**

**Георгиевской медалью 4-й степени:
Погоса Погосова и Айрапета Арзуманова.**

Подлинный подписали:
Главнокомандующий Лаз. Бичерахов
Начальник штаба Мартынов

ПРИКАЗЪ

Главнокомандующаго войсками и флотомъ Кавказа

№ 0174

14 декабря 1918 года

За самоотверженную работу и храбрость, проявленные въ бояхъ съ турками на Кюрдамирскомъ направлении и подъ г.Баку, Дербентомъ и Петровскомъ, нижепоименованныхъ офицеровъ, солдатъ и казаковъ награждаю:

Кубанская сотня партизанского отряда Л. Ф. Бичерахова

Георгиевским крестом 3-й степени

138. Солдата **Винотянца Гайка.**

Георгиевским крестом 4-й степени:

135. Солдата **Аветисова Григория.**

139. Солдата **Аванесова Сетрака.**

147. Солдата **Акопова Исаака.**

148. Солдата **Косьянца Мисака.**

149. Солдата **Багдасарова Григория.**

151. Солдата **Кохралланова Арсена.**

Горско-Моздокская сотня партизанского отряда Л. Ф. Бичерахова

Георгиевским крестом 3-й и 4-й степени:

351. Солдата **Агабекова Аршака.**

352. Солдата **Мелкумова Мкртыча.**

353. Солдата **Авакова Богдана.**

354. Солдата **Саакова Христофора.**

463. Солдата **Данилянца Григория.**

465. Солдата **Беглярова Айрапета.**

467. Солдата **Карапетянца Иосифа.**

469. Мл. унтер-офицера **Саркисова Мартироса.**

472. Мл. унтер-офицера **Саркисова Артема.**

474. Мл. унтер-офицера **Надирова Айрапета.**

475. Мл. унтер-офицера **Хачатурова Мирона.**

480. Мл. унтер-офицера **Мискарьянца Арменака.**

481. Мл. унтер-офицера **Мнацаканова Моваса.**

Георгиевским крестом 3-й степени:

617. Ефрейтора **Ейкова Анушавана.**

618. Ефрейтора **Хачатурова Саркиса.**

619. Ефрейтора **Хачатурова Арменака.**

620. Ефрейтора **Астурова Пелипоста.**

621. Ефрейтора **Галечана Гарегина.**

622. Ефрейтора **Татеосова Серопа.**

623. Ефрейтора **Григорова Хачатура.**

- 624. Ефрейтора **Кеворкова Мкртыча**.
- 625. Ефрейтора **Арутюнова Карапета**.
- 626. Ефрейтора **Басхасарова Авакима**.
- 627. Ефрейтора **Кочарова Исаака**.
- 628. Ефрейтора **Аракелова Мелитона**.
- 629. Ефрейтора **Акопова Баграта**.
- 630. Ефрейтора **Минасова Хачатура**.
- 631. Ефрейтора **Маркарова Рубена**.
- 632. Ефрейтора **Агнаесова Ефрема**.
- 633. Ефрейтора **Мартиросова Аршака** (и Георгиевской медалью 3-й степени).
- 634. Ефрейтора **Фаргодиана Аванеса** (и Георгиевским крестом 2-й степени).
- 635. Ефрейтора **Авестисова Сарибека**.
- 636. Ефрейтора **Аветисова Ерома**.
- 637. Ефрейтора **Аганесова Сурена** (и Георгиевским крестом 2-й степени).
- 645. Ефрейтора **Авакова Гегама** (и Георгиевским крестом 2-й степени, Георгиевской медалью 2-й степени).

4-я лёгкая полевая батарея партизанского отряда Л. Ф. Бичерахова

Георгиевским крестом 4-й степени:

- 715. Фельдфебеля **Гелян Осанеса**.
- 716. Фейервер. **Цатурова Акопа**.
- 719. Фейервер. **Мирзхоянца Ашота**.
- 720. Наводчика **Халафьяна Левона**.
- 721. Наводчика **Мелик-Дадоева Вагана**.
- 722. Наводчика **Саркисянца Татеу**.
- 723. Разведчика **Дадаева Израила**.
- 724. Разведчика **Тер-Минасова Мкртыча**.
- 732. Номерного **Габрелельяна Гургена**.
- 741. Номерного **Григорьяна Степана**.

Георгиевским крестом 3-й степени:

- 717. Фейервер. **Барсегова Сергея**.
- 718. Фейервер. **Тер-Багдасарова Татеу**.

Георгиевской медалью 4-й степени:

- 725. Разведчика **Гасян Сергея**.
- 726. Разведчика **Маркосьяна Рубена**.
- 728. Разведчика **Арутюнова Евгиазара**.
- 735. Номерного **Арутюнова Гевора**.
- 737. Номерного **Газиянц Николая**.
- 739. Номерного **Крамова Нерсеса**.
- 740. Номерного **Арзумова Арутюна**.

Георгиевской медалью 3-й степени:

713. Телефониста **Максумяна Балабека**.

2-я тяжелая батарея партизанского отряда Л. Ф. Бичерахова

742. Вахмистра **Месропова Айкиса** – Георгиевским крестом 3-й степени.

746. Наводчика **Степаняна Авака**.

2-я полевая батарея партизанского отряда Л. Ф. Бичерахова

Георгиевским крестом 4-й степени:

762. Номерного **Аванесова Сергея**.

772. Номерного **Аванесова Хачатура** (и Георгиевской медалью 4-й степени).

773. Номерного **Базиянца Аракела** (и Георгиевской медалью 4-й степени).

784. Номерного **Ахумова Арсена**.

786. Номерного **Атоянца Бахии**.

787. Номерного **Оганесова Исаака**.

788. Номерного **Тер-Оганесова Самвела**.

789. Номерного **Шанаева Сетрака**.

790. Канонира **Мирзоева Аванеса** (и Георгиевской медалью 4-й степени).

791. Канонира **Алахвердова Леона** (и Георгиевской медалью 4-й степени).

792. Канонира **Григорянца Артема**.

794. Канонира **Базиянца Аракела** (и Георгиевской медалью 3-й степени).

**Георгиевским крестом 2-й степени
и Георгиевской медалью 2-й и 3-й степени:**

793. Канонира **Ахимова Арсена**.

1-я тяжелая батарея партизанского отряда Л. Ф. Бичерахова

799. Старшего фейер. **Арутюнова Гайка** (и Георгиевской медалью 4-й степени).

808. Бомбардира **Сандаряц Новосарта** (и Георгиевской медалью 4-й степени).

848. Канонира **Григорянца Мисака**.

*Подлинный подписали:
Главнокомандующий Лаз. Бичерахов
Начальник штаба Мартынов*

ПРИКАЗЪ
Партизанскому отряду Л. Ф. Бичерахова
отъ 8 іюля 1918 года
№ 168
По части инспекторской
§ 2

Казаковъ и солдатъ, награжденныхъ Георгіевскими крестами и медалями Командиромъ Кавказского Кавалерійского Корпуса за отличія, оказанныя въ бояхъ противъ турокъ въ Мессопотаміи в 1917 г.

Георгіевской медалью 4-й степени:

15. Мл. унтер-офицер **Коковянц Гером.**
17. Мл. унтер-офицер **Хахладжин Манук.**
20. Мл. унтер-офицер **Акопов Дадош.**
37. Ефрейтор **Енгибаров Мкртыч** (медалью 3-й степени).
40. Ефрейтор **Вартаньян Аслан** (медалью 3-й степени).
58. Рядовой **Михитаров Корен.**
63. Рядовой **Мартиросов Аршак.**
64. Рядовой **Аганесов Ефрем.**
67. Рядовой **Богдасаров Наум.**
69. Рядовой **Ташеосов Сергей.**
70. Рядовой **Кеворков Мкртыч.**
71. Рядовой **Аветисов Сарибок.**
73. Рядовой **Аванесов Леон.**
75. Рядовой **Минасов Хачатур.**
79. Рядовой **Григоров Хачатур.**
84. Рядовой **Крикорянц Карагин.**
93. Рядовой **Хачатуров Арменак.**
94. Рядовой **Акопов Баграт.**
102. Рядовой **Фаргодаянц Оганес.**
104. Рядовой **Кочаров Исаак.**
105. Рядовой **Хачатуров Асатур.**
106. Рядовой **Кеворков Амаяк.**
111. Рядовой **Австиков Ером.**
117. Рядовой **Аваков Коган.**
118. Рядовой **Арутюнов Аршак.**
132. Рядовой **Аганесов Сурен.**
174. Рядовой **Маркарьянц Рубен.**
180. Рядовой **Галичьянц Гарегин.**

201. Рядовой **Асатуров Пелинос**.
203. Рядовой **Ейков Анушаван**.
211. Рядовой **Арутюнов Карапет**.

Команда штаба отряда:

11. Ефрейтор **Каламерьянц Хачатур**.
12. Ефрейтор **Аваков Гегам**.

**Автомобильная команда партизанского отряда Л. Ф. Бичерахова
Георгиевским крестом 4-й степени:**

941. Пом. шофёра **Филипосьянц Анушеван**.
942. Пом. шофёра **Саркисьянц Мкртыч**.

*Подлинный подписали:
Главнокомандующий Лаз. Бичерахов
Начальник штаба Мартынов*

Лазарь Фёдорович Бичерахов – во втором ряду второй справа

ГЕРОИ АРМЯНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

АНДРАНИК
Торосович Озаян
(1865–1927)

Выдающийся деятель национально-освободительного движения, национальный герой армянского народа. Также известен как Полководец Андраник, (Зоравар Андраник), Генерал Андраник (в Российской империи) и Андраник-паша (в Османской империи). Учился на родине, в Шапин-Гарахисаре, в школе Мушегян. Был рабочим в Константинополе, затем – в Румынии. Возвратившись на родину, работал плотником, принимал участие в общественной жизни. В 1891 году стал членом партии Гнчак, некоторое время спустя вышел из неё и вступил в ряды партии Дашнакцутюн. Дважды порывал с Дашнакцутюн – в 1907-м (возобновил связи с партией в 1914 г.) и в 1917-м – окончательно, заявив об этом в печати.

В начале 90-х гг. XIX в. Андраник вступил в армянское гайдуцкое движение, развернувшееся в Западной Армении. Был рядовым гайдуком, затем десятником и командиром группы в гайдуцких отрядах Абро, Гургена, затем Ахбюр Сероба. С целью приобретения оружия и установления связей с силами, действовавшими в разных местностях, Андраник побывал в Севастополе, Тифлисе, Батуме, Карсе, Александрополе, Ереване, Эчмиадзине, Нахичеване, Тавризе, Салмасте и других местах, установил контакты с видными деятелями армянской национально-освободительной борьбы Грайром, Николом Думаном, Мец Мурадом. После гибели Ахбюр

Сероба (1899) Андраник был признан общим руководителем гайдуцких сил, действовавших в Васпуракане и Сасуне. Участвовал во многих боях с турецкими регулярными войсками и курдскими разбойничьими бандами, защищая население Западной Армении от их посягательств. Проявил личное мужество, незаурядные способности военачальника. Громкую славу в народе и широкий резонанс в печати многих стран Европы, а также России и Кавказа принесли Андранику, в частности, **бой у монастыря Араке-лоц 1901 года** и **Сасунская самооборона 1904-го**, в ходе которых бойцы Андраника успешно отражали атаки во много раз превосходящих сил турецких погромщиков. Только в 1904 году группа Андраника свыше 30 раз вступала в бои с турецкими регулярными войсками.

В конце 1904 года Андраник покинул Западную Армению, побывал в Иране, Баку и Тифлисе, имел встречи с местными армянскими общественно-политическими кругами, затем обосновался в Женеве (Швейцария). Здесь он издал «Боевые инструкции» (1906), представлявшие, по существу, наставление по ведению гайдуцкой борьбы. Находясь в Швейцарии, а затем в Болгарии (с 1907 г.), Андраник внимательно следил за развитием национально-освободительного движения армянского народа, деятельностью армянских политических

партий. Он убеждённо считал, что острей освободительной борьбы армянского народа должно быть направлено против османского деспотизма, что нельзя допускать никакого сближения армянских политических кругов с младотурками, поскольку подобный курс чреват губительными последствиями для западных армян. Во время 1-й Балканской войны Андраник принял деятельное участие в формировании отдельной роты армянских добровольцев, которая затем под командованием Г. Нжде и Андраника приняла активное участие в войне против Турции в составе македонской группировки болгарской армии.

В начале Первой мировой войны 1914–1918 гг. Андраник прибыл в Тифлис, был назначен командиром 1-го отряда армянских добровольцев, который в составе русских войск Кавказского фронта отличился в боях при взятии Вана, Битлиса, Муша, в известном сражении при Дилмане (апрель 1915 г.). В январе 1918 года Андраник был назначен командиром дивизии вновь сформированного Армянского армейского корпуса с заданием обеспечить оборону Эрзерумского укрепленного района. В том же месяце командование Кавказской армией присвоило ему звание генерал-майора. В условиях начавшегося распада Кавказского фронта, ухода русских войск, под натиском превосходящих сил турок, дивизия Андраника была вынуждена отступить по линии Карс — Александрополь — Воронцовка, заняла позиции у Джалал-оглы, имея задачей не допустить продвижения турецких войск в направлении Еревана. В июне Армянский отдельный ударный отряд (командование им Андраник принял в апреле) отступил через Дилижан — Севан — Нор — Баязет — Селимский перевал к Джульфе и Хою (Иран) с целью оказать помощь скопившимся в Северном Иране армянским беженцам, а также армянскому населению Вана. Встретив

сопротивление превосходящих сил турок, отряд Андраника возвратился в Нахичеван. Провозгласив Нахичеван неотъемлемой частью Советской России, Андраник телеграфно сообщил руководителю Бакинской коммуны С. Шаумяну, что отдаёт свой отряд в распоряжение центрального правительства Советской России. Совершив в сложных условиях переход в Зангезур, отряд Андраника сыграл решающую роль в обороне этого края от турецких войск и мусаватистов. В ноябре Андраник во главе своего отряда двинулся на Карабах, чтобы защитить его от посягательств турок и мусаватистов, но по требованию представителей английского командования на Кавказе, давшего обещание решить вопрос мирным путём, возвратился назад. Разочаровавшись в политике держав Антанты в отношении Армении, не разделяя действий правительства Республики Армения, Андраник в апреле 1919 года привёл свой отряд в Эчмиадзин, распустил его, а сам уехал за границу. Находясь во Франции, а затем в Англии, Андраник разрабатывал планы оказания помощи армянам Киликии в их борьбе за независимость. С 1922 года жил в США, продолжал оказывать содействие армянам диаспоры, выступал за сплочение сил всех армян ради достижения заветных целей народа, лояльно относился к Советской Армении.

Умер в курортном местечке Чико, близ гор. Сакраменто (Калифорния), был похоронен во Фрезно. В 1928 году был перевезён в Париж и погребён на кладбище Пер-Лашез.

Ещё при жизни Андраника народ сложил о нём много песен. В Советской Армении именем Андраника названы площади, улицы, школы в городах и сёлах, установлены памятники. Андраник — один из наиболее любимых героев армянского народа.

Имел российские награды: Георгиевский крест и саблю, ордена Святого Станислава и Святого Владимира.

Амазасп
(Срвандзтян Амазасп)
(1873–1921)

Признанный деятель армянского национально-освободительного движения. Начальное образование получил на родине, в Ване, затем обучился профессиям ювелира и часовщика. Работая в Ване, вовлёкся в национально-освободительное движение западных армян, вступил в ряды национально-политической партии Арменакан казмакерпютюн. В 1890 году, преследуемый турецкими властями, покинул Ван, переехал в Ереван, затем в Шуши, продолжал работать по профессии. Стал членом партии Дашнакцутюн. В период армяно-татарских конфликтов на Кавказе в 1905–1906 гг. в полной мере проявились незаурядные организаторские способности и талант военного руководителя Амазаспа. Действовавшая под его командованием группа армянских бойцов обезопасила жизнь мирного населения Карабаха, Гандзака, отразила нападения татар, погромщиков. В 1908 году Амазасп был арестован царскими властями и по так называемому делу Дашнакцутюна был приговорён к смертной казни; по ходатайству Католикоса всех армян этот приговор был заменён на ссылку в Сибирь сроком на 15 лет. В 1913 году Амазаспу удалось совершить побег из ссылки, перебраться в Европу, а затем в Константинополь. В июне 1914 года Амазасп в качестве делегата, избранного от Константинополя, принял участие в VIII съезде партии Дашнакцутюн в Карине, на котором решительно высказался против любого сотрудничества с младотурками. С началом Первой мировой войны отправился на Кавказ, где принял участие в организации армянского добровольческого

движения. Осенью 1914 года был назначен командиром 5-го армянского добровольческого отряда и отправился на фронт, в район Басена. В условиях внезапного отступления русских войск отряд под командованием Амазаспа сыграл решающую роль в спасении армянского населения Басена и Алашкерта, обеспечении его переселения в Восточную Армению. Отряд Амазаспа принял участие во многих боях на Кавказском фронте, его действия высоко оценивались русским командованием. В мае 1915 года бойцы Амазаспа одними из первых вступили в освобождённый Ван, затем вели упорные бои на Битлисском и Хизанском направлениях. В 1917 году был назначен командиром военной полиции района Алашкерта, но вскоре русские войска, после победы Октябрьской революции, покинули Западную Армению.

В 1918 году Амазасп находился в Баку, был назначен командиром армянской бригады (3000 бойцов), которая в течение почти пяти месяцев успешно отражала наступления турецких войск на Баку, где в это время была установлена советская власть. После падения Баку Амазасп находился в Иране. После поражения Турции в Первой мировой войне он возвратился в Армению, был назначен командующим Норбаязетской группой войск, принял участие в защите Республики Армения на разных фронтах. После установления советской власти в Армении был арестован и в феврале 1921 года в Ереванской тюрьме вместе с 50 заключёнными зверски убит.

**Григор Авшарян
(1891–1915)**

Армянский военный деятель. Член партии Гнчак. Окончил Казанское военное училище, получил офицерское звание. В начале Первой мировой войны сражался на Западном фронте, был ранен. По выздоровлении возвратился в действующую армию, был назначен

командиром 6-го армянского добровольческого отряда, действовавшего в составе войск Кавказского фронта. В боях отличился личной отвагой, проявил способности военачальника. Был награждён золотой Георгиевской саблей. Погиб в бою с турками в 1915 году.

**Кери
(Гафавян Аршак)
(1858–1916)**

Военный деятель армянского национально-освободительного движения. Член партии Дашнакцутюн. Окончил армянское училище на родине — в Карине. Был членом организации «Паштпан айрениц». В 1889 году сотрудничал с Уно (Арутюн Тер-Мартirosян), в 1890-м принял участие в походе С. Кукуняна. В 1895-м, во время резни в Карине, возглавлял вооружённую группу, охранявшую резиденцию армянского духовного предводителя. В 1903 году с конной группой гайдуков Торгома перебрался в Сасун, принял участие в Сасунской самообороне 1904 года. В 1905 году перебрался из Васпуракана в Восточную Армению. Во время армяно-татарских столкновений Кери был одним из организаторов самообороны армян

Зангезура (в частности, в Ангахакоте). В последующие годы принял участие в революции в Иране (1908), присоединился к фидаи Епрем Хану, стал его помощником, а после его гибели — отомстил убийцам. Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. Кери являлся командиром 4-го армянского добровольческого отряда, принял участие в Сарыкамышской операции (1915). Проявил себя умелым военачальником. В 1916 году по пути на Мосул, у Ревандуза, Кери попал в окружение со своим отрядом, но, проявив находчивость, сумел вывести бойцов из окружения, а сам пал в бою. Похоронен в Тифлисе. Кери был известен как один из смелых командиров армянских гайдуков, народ сложил песни о нём.

**Вардан
(Меграбян Саргис)
(?–1943)**

Известный деятель армянского национально-освободительного движения. Родился в Карабахе. Служил в русской армии. С 1890 года принимал участие в переброске оружия из Ирана в Васпуракан. В составе групп сопровождения транспортов с оружием неоднократно вступал в стычки с курдами и турецкими пограничниками. Весной 1896 года Вардан возглавил самооборону Шатаха, в сентябре принял участие в боях в Ване. В 1897 году был назначен командиром Ханасорского похода.

В 1905 году во время армяно-татарского конфликта на Кавказе Вардан руководил самообороной Карабаха. После младотурецкого переворота 1908 года перебрался в Турцию, некоторое время жил в Измире. Во время Первой мировой войны Вардан был назначен (1915) командиром Араратского отряда, который в составе авангарда русских войск пришёл на помощь армянам Васпуракана. После установления советской власти в Армении жил в Ереване. Армянский народ сложил о Вардане песни.

**Дро
(Канаян Драстамат)
(1883–1956)**

Армянский политический и военный деятель. Член партии Дашнакцутюн. Учился в русской гимназии в Ереване, затем в военном училище в Пятигорске. В 1908 году перебрался в Западную Армению (Баязет), руководил переброской оружия из Восточной Армении. Во время Первой мировой войны командовал 2-м Армейским добровольческим отрядом, принимал участие в боях на Кавказском фронте. В конце 1917 года был назначен комиссаром армейского

корпуса. В 1918 году принял участие в Башпаранском сражении против турецких интервентов, командуя войсками прикрытия. В последующие годы — эмигрант (жил в Румынии, Ливане). После Второй мировой войны участвовал в деятельности Американского национального комитета армян без родины (АНЧА), содействовавшего размещению армян из числа перемещённых лиц в Западной Европе и США. Умер в США в 1956 году.

**Смбат Махлуто
(Бороян)
(1881–1956)**

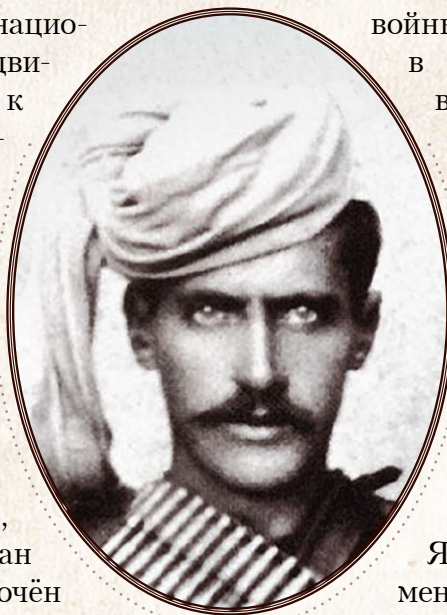
Деятель армянского национально-освободительного движения, фидаи. Член партии Дашнакцутюн. В национально-освободительное движение вступил в 1900 году, действовал в составе группы гайдуков «Еркат». Сотрудничал с Андраником, Грайром. В ноябре 1901 года принял участие в бою у монастыря Аракелоц, был одним из руководителей Сасунской самообороны 1904 года, возглавлял вместе с Геворгом Чавушем один из её участков. После самообороны переехал в Ван, затем на Кавказ.

Принял участие в Иранской революции 1905–1911 гг. После младотурецкого переворота 1908 года действовал в Муше. В годы Первой мировой войны Смбат являлся заместителем командира 1-го Армянского добровольческого отряда (командир Андраник). В 1918 году сражался в Зангезуре. Принял участие в февральских событиях 1921 года в Армении; после поражения восстания перебрался в Иран, затем уехал во Францию. В 1947 году репатрировался в Советскую Армению, жил и работал в Ереване.

**Сепух
(Нерсисян Аршак)
(1872–1940)**

Деятель армянского национально-освободительного движения, фидаи. Примыкал к партии Гнчак, затем вступил в партию Дашнакцутюн. Учился в Трапезунде. В армянское освободительное движение вступил в Константинополе, затем действовал в Западной Армении. Участник Сасунской самообороны 1904 года. Сотрудничал с Грайром, Ишханом, был арестован турецкими властями, заключён в тюрьму Муша. В последующие годы действовал в Баберде, Тароне, Карине. С началом Первой мировой

войны (1914–1918) вступил в ряды армянских добровольцев, сражавшихся в составе русских войск на Кавказском фронте, был командиром роты 1-й Армянской добровольческой дружины. В 1916 году в Ерзнка вместе с Мурадом Себастици основали фонд в целях оказания материальной помощи армянским беженцам и сиротам. Являлся членом парламента Республики Армения. После установления в Армении советской власти — в эмиграции. Умер в США.

**Нжде
(Тер-Арутюнян Гарегин)
(1886–1955)**

Армянский политический и военный деятель. Член партии Дашнакцутюн. Учился в школе на родине — в Нахичеване, окончил среднюю школу в Тифлисе (1902), поступил на юридический факультет Петербургского университета (в 1907 г. оставил университет). В 1907 году окончил офицерскую школу в Софии (Болгария). В 1909 году был арестован на Кавказе царскими властями. В 1911 году переехал в Болгарию, вместе с Андраником организовал Армянскую добровольческую роту, которая во время 1-й Балканской войны приняла участие в военных действиях против Турции в составе болгарских войск. Умелое руководство ротой и личная храбрость Нжде были высоко оценены болгарским командованием: он был награждён боевым орденом. С началом Первой мировой войны 1914–1918 гг. Нжде переехал в Тифлис, вступил в Армянское добровольческое движение и был назначен заместителем командира 2-го добровольческого отряда. После роспуска Армянских добровольческих отрядов находился в Александрополе. В мае 1918 года принял участие в Караклисском сражении. С первых дней образования Республики Армения занимался формированием и обучением национальной армии. В ноябре 1918 года был назначен командующим войсками в Зангезуре. На этом посту проявились полководческие способности Нжде: им была успешно организована оборона Зангезура от турецко-азербайджанских сил. Опасаясь, что

в результате заключённого 10 августа 1920 года соглашения между Советской Россией и Республикой Армения Зангезур, Карабах и Нахичеван могут быть заняты войсками Советского Азербайджана, Нжде не признал этого соглашения, 25 декабря 1920 года провозгласил «Автономную Сюникскую республику» и возглавил её правительство. В апреле 1921 года это государственное образование было переименовано в Республику Нагорной Армении, а Нжде был назначен её спарпетом. Зангезур, успешно защищённый от притязаний Азербайджана, остался в составе Армении, где в ноябре 1920 года была провозглашена советская власть. В 1921 году, после установления советской власти в Зангезуре, Нжде переехал в Иран, затем жил в Болгарии, некоторое время — в США. В 1944 году, когда в ходе Великой Отечественной войны советские войска вступили в Болгарию, проживавший здесь Нжде был арестован, перевезён в СССР, предан суду и осуждён на длительный срок заключения. Умер в тюрьме г. Владимира. Прах Нжде был в 1983 году перевезён в Армению; часть его предана земле на склоне горы Хуступ (Кафанский район), другая часть — у церкви Спитакавор (Ехернадзорский район).

Перу Нжде принадлежит ряд поэтических и публицистических произведений, опубликованных в разные годы на страницах армянской зарубежной печати.

**Овсеп Ишхан
(Аргутян)
(1863–1925)**

Деятель армянского национально-освободительного движения, один из основателей партии Дашнакцутюн. Окончил школу Нерсисян в Тифлисе, затем работал учителем в армянских школах Тифлиса, Сурама, Джалалогли. В 1889 году для ведения революционной деятельности перебрался в Западную Армению, где установил связи с епископом Нерсесом Хараханяном, Арабо. Однако вскоре был арестован, выдан царским властям, по решению которых выслан в Кишинёв. По возвращении из ссылки Аргутян обосновался в Тавризе (Иран), где по поручению партии Дашнакцутюн наладил производство оружия, возглавил его переброску в Западную

Армению. В 1897 году принял участие в Ханасорском походе, после чего был арестован персидскими властями и выдан русскому правительству. Был заключен в Метехскую тюрьму (Тифлис), затем выслан в Вологду. Из ссылки возвратился на Кавказ в 1903 году, принял активное участие в организации самообороны армян во время армяно-татарских столкновений. В годы Первой мировой войны Аргутян командовал 7-м Армянским добровольческим отрядом, участвовал в боях на Кавказском фронте. После образования Республики Армения был членом её парламента, затем послом в Иране. В 1922 году переехал во Францию, умер в Париже.

**Даниел-бек Пирумян
(Пирумов)
(1861–1921)**

Армянский военный деятель, полковник русской армии. Окончил Шушинское городское училище. Военное образование получил в Тифлисском пехотном юнкерском училище, окончил также курсы офицерской стрелковой школы Ораниенбаума (ныне г. Ломоносов Ленинградской области). Службу в русской армии начал в 1881 году. Накануне Первой мировой войны (1913) имел

звание подполковника. Во время войны сражался на Кавказском фронте, командовал батальоном, полком. Участвовал в Сардарapatском сражении 1918 г. в качестве общего командира Сардарapatского отряда. Проявил талант военачальника. Руководимые им войска разбили турецких интервентов на центральном участке фронта и отбросили их назад.

**Товмас Назарбекян
(Назарбеков)
(1855–1928)**

Армянский военный деятель. Генерал-майор русской армии. Окончил Московскую военную гимназию, затем Александровское военное училище. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Русско-японской войны 1904–1905 гг., отличился в ряде сражений. Во время Первой мировой войны (1914–1918) воевал на Кавказском фронте, командовал бригадой, затем 2-м Кавказским стрелковым корпусом. В апреле 1915 года части русской армии под командованием Назарбекова нанесли поражение турецким войскам в сражении у Дилмана. В 1916 году командовал группой войск, действовавшей на направлении Ван-Коп.

В 1917 году был назначен командиром отдельного Армянского армейского корпуса. Под общим командованием Назарбекова армянские войска и ополченцы нанесли поражение турецким войскам в сражениях у Караклисы и Сардарапата и остановили продвижение врага. После образования Республики Армения Назарбеков, не состоявший ни в одной из партий, продолжал служить в армии, отдавая свои знания и опыт созданию регулярной армянской армии. К Советской Армении относился лояльно. Автор неопубликованных воспоминаний о военных действиях на Кавказском фронте в 1914–1918 гг.

**Мовсес Силиков
(Силикян)
(1862–1937)**

Армянский военный деятель, генерал-майор русской армии. Окончил Московскую военную гимназию, Александровское военное училище, офицерскую стрелковую школу. С 1884 года служил в русской армии, пройдя путь от батальонного адъютанта до командира дивизии. В годы Первой мировой войны участвовал в боевых действиях на Кавказском фронте. Командуя полком, а затем Ванской группой войск, полковник Силиков отличился при взятии Муша, Битлиса, при штурме

Эрзерума, после взятия которого был назначен его командантом. За боевые заслуги был награжден многими орденами, Георгиевским оружием и произведен в генерал-майоры. После развала Кавказского фронта и ухода русских войск Силиков вышел в отставку, но уже в январе 1918 года был назначен командиром 1-й Армянской стрелковой дивизии. За короткий срок Силиков создал боеспособные регулярные части, подготовил их к отражению турецкой агрессии.

Вскоре Силиков был назначен командующим Ереванской группой войск. В мае 1918 года, когда турецкие войска, заняв Александрополь, начали наступление на Ереван, Силиков принял общее командование регулярными войсками и ополченцами. В сражениях при Сардарапате и Баш-Апаране турецким войскам было нанесено поражение, в результате которого была устранена нависшая над Ара-ратской долиной угроза вторжения турецких захватчиков. В этих сражениях проявился незаурядный полководческий талант Силикова. Участник

Сардарapatского сражения, будущий Маршал Советского Союза И. Баграмян впоследствии отмечал, что Силиков был «наиболее одарённым военачальником из всех армянских генералов того времени».

Осенью 1920 года Силиков командовал армянскими войсками на Карсско-Александропольском фронте, стремясь сдержать продвижение во много раз превосходящих сил противника. После увольнения из армии Силиков работал в ряде советских учреждений. В 1937 году был репрессирован, реабилитирован посмертно.

**Погос-бек Пирумян
(Пирумов)
(1864–1922)**

Армянский военный деятель, полковник русской армии. Окончил гимназию в Шуши, затем юнкерское училище. С 1878 года служил в русской армии, последовательно занимая должности командира батальона, полка. В 1914 году в звании полковника вышел в отставку, но с началом Первой мировой войны 1914–1918 гг. вступил в действующую армию. Сражался

на Западном, затем на Кавказском фронте. С 1916 года командовал 5-м Армянским стрелковым полком, принимал участие в боях за Ван, Муш. Участник Сардарapatского сражения 1918 г. Будучи командиром 5-го (Карабахского) полка, сыграл важную роль в достижении победы над турецкими войсками, проявил полководческие способности и мужество.

ГЕРОИ ЗАБЫТОЙ ВОЙНЫ

После Первой мировой войны прошло больше века. К сожалению, многое забылось и растерялось, но память об истинных героях, навечно сохранилась в сердцах благодарных потомков. Они приходят с цветами к святым местам — памятникам героям самообороны Вана, Муша, Сасуна, Муса-дага, жертвам Геноцида, к обелиску донским, кубанским и терским казакам в Ереване, павшим русским воинам и казакам в битве при Ошакане.

Ежегодно в мае сардарпатские колокола наполняют тревожным набатом Араратскую долину, как дань тому, что было и предупреждение о том, что не должно больше никогда повториться...

Эта память и сегодня жива в сердцах кубанских казаков, бережно хранящих семейные реликвии-фотографии

своих дедов и прадедов, со скупой надписью на обороте «На память о Баязете, Карсе, Эрзеруме».

В городе Анапе 4 ноября 2017 года у самого моря открыта мемориальная арка героям этой забытой войны — казак-таманцам и добровольцам армянских дружин Андраника, Кери, Дро, Амазаспа, Вардана... На одной из плит высечено: «Всем, кто прошёл через муки, чьи души слетелись, сошлись, и видел Господь: наши руки в едином пожатье сошлись...» (слова автора).

В годину тяжких испытаний, выпавших на долю Отечества, армяне всегда были с русскими. В боях с общими врагами закалялось и крепло великое братство отважных друзей по крови и оружию. Выбрав однажды себе друга, армяне остались верны этой дружбе навсегда...

Священник 1-го Кавказского казачьего полка Константин Образцов

ГЛАВА IV

ИЗ ДАЛЁКИХ СТРАН ПОЛУДЕННЫХ

Сегодня на каждом торжественном мероприятии на Кубани обязательно звучит гимн «Ты Кубань, ты наша родина». Его слова трогают душу своей глубокой и преданной сыновней любовью к своей малой родине — Кубани-матери родной. В них тоска об оставленных вольных станицах, об отцовском доме, о готовности постоять за всё это, идя на смертный бой на врага, на басурманина.

И далеко не каждому известно, что слова гимна написаны священником 1-го Кавказского казачьего кавалерийского полка Кубанского казачьего войска Константином Образцовым на Турецком фронте в Армении и были опубликованы в 28-м номере «Кубанского казачьего вестника» в 1915 году. Сохранившиеся его стихотворения и письма — бесценный литературный памятник той далёкой войне.

Ты Күбань-ли наша родина.

(Пѣсня Күбанскихъ казаковъ)

Посвящаю казакамъ 1-го Кавказскаго казачьяго полка
въ память боевой ихъ славы во вторюю Великую Отечественную войну.

Ты Күбань-ли, наша родина,
Вѣковой нашъ богатыйрь!
Многоводная, раздольная,
Разлилась ты въ даль и въ ширь!

Изъ далекихъ странъ полуденныхъ.
Изъ турецкой стороны
Бьютъ челомъ тебѣ, родимая,
Твои вѣрные сыны.

О тебѣ здѣсь вспоминаючи,
Пѣсню дружно мы поемъ
Про твои станицы вольныя,
Про родной отцовскій домъ.

О тебѣ здѣсь вспоминаючи,
Какъ о матери родной,
На врага, на басурманина
Мы идемъ на смертный бой.

О тебѣ здѣсь вспоминаючи,
За тебя-ль не постоять,
За твою-ли славу старую
Жизнь свою-ли не отдать?

Мы, какъ дань свою покорную,
Отъ прославленныхъ знаменъ
Шлемъ тебѣ, Күбань родимая,
До сырой земли поклонъ.

1915 года.
Турція. Кавказская армія.

1-го Кавк. казачьяго полка священникъ
Константинъ Образцовъ.

МИРОВАЯ БИТВА

I

Борьба великая в разгаре,
Борьба народных двух миров,
И в роковом её пожаре
Оценка жизненных даров...
Дар жизни первый и священный —
Дар всеобъемлющей любви.
Он красотой своей нетленной
Взывает миру: «Мной живи!
Во мне мечты твои о счастье,
Простор и радость бытия,
Я на пути твоём в ненастье
Опора верная твоя...»
Другой дар — правда мировая,
Её закон велик и свят.
Она звучит не умолкая,
Как Богом движимый набат.
Она, сверкая неподкупной,
Неуязвимой чистотой,
Борьбу с неправдою преступной
Внушает совести людской
И говорит: «Простора много,
Обширна житница людей...
Цена своё, не тронь чужого,
Трудись над долею своей...»

II

Но зависть гадом ядовитым
Ползёт в людскую плоть и кровь,
И взором, желчию налитым,
Глядит на правду и любовь
И говорит им: «Я не верю!
Какое счастье там, в мечтах?
Я только разуму лишь верю
С станком и молотом в руках.
Что мне любовь и состраданье!
Кто хочет жить, тот берегись:
Жизнь — только сильным достоянье,
А слабосильный — удались.
К чему для сильных договоры
О существе народных благ?
Одни пустые разговоры:
«Клочки» подписанных «бумаг»!
Не сила правды — право силы:
Вот мой девиз, вот мой закон!
Пусть голос Крупа из могилы
Заговорит со всех сторон.
Я так хочу, — она сказала, —
Я перестрою этот мир
И дам ему свои начала,
Свою святыню, свой кумир».

III

Так зависть гордая хулила
 Дары небес — и смертный бой
 Во имя силы объявила
 Любви и правде мировой...
 И вот идёт теперь в разгаре
 Борьба народных двух миров
 И в роковом её пожаре
 Оценка жизненных даров...
 Земля дрожит и тяжело стонет
 Под этот гром кошмарных гроз,
 Но горький стон врага не тронет:
 Он жаждет крови, жаждет слёз.
 Как новый варвар, злой и дикий,
 Громя нещадно города,
 Он сокрушает плод великий
 Тысячелетнего труда...
 Кто победит? Чем завершится
 Вся эта страшная борьба?
 Пред кем усталый мир склонится?
 Какая ждёт его судьба?..

IV

Но, внемля пушечному гулу,
 Мольбам замученных врагом,
 Его кровавому разгулу,
 Его хулы над Божеством
 И видя страшные картины
 Усилий зависти и зла,
 Как смертоносная машина
 Калечит братские тела,
 В душе растёт неотразимо и
 Крепнет вера в Божий Суд,
 И ждёт: наполнится незримо
 Терпенья Божьего сосуд...
 С последней каплей совершится
 Небесной воли торжество...
 Враг содрогнётся, враг смирится,
 И над вселенной воцарится
 Любви и правды Божество...
 Итак, вперёд, дерзайте смело!
 Вперёд, соратники-друзья:
 Велико, свято ваше дело,
 За Вас Всемирный Судия!

*1915 г. Кавказская армия
 На передовой позиции*

Неся службу среди кубанских линей-
 ных казаков, К. Образцов проникся
 отеческой любовью к их традициям

и обычаям и, не замечая того, стал
 сам по духу казаком и патриотом
 Кубани.

В МЕЧТАХ

В горах турецких в полдень знойный
Стоит кубанец на посту.
К коню склонивши стан свой стройный,
В душе лелеет он мечту.

И видит он Кубань родную
Там далеко за гранью гор,
И ширь зелёную степную,
Родных полей своих простор.

И дальше в этой грёзе сладкой
Свою станицу видит он...
Перед своей уютной хаткой
Стоит он, в думу погружён...

Вот здесь отец и мать родная
И всё, что мило для него, —
Жена — хозяйка молодая
И дети малые его...

И загрустил казак невольно,
Счастливой грёзой обуян...
На сердце стало тяжело, больно,
Как от смертельных вражьих ран...

Ах, не грусти, казак, не надо:
Кубань твоя всегда с тобой,
Кубани честь — твоя награда,
Твоё веселье, твой покой.

Бог даст, пройдёт пора лихая,
И с ней печаль твоя пройдёт,
И снова радость золотая
В душе, как солнышко, взойдёт.

И ты, как верный сын Кубани,
К ней с новой славою придёшь
И, как отец твой, время брани
С улыбкой детям помянёшь.

Расскажешь им, как вы служили,
Царя и Родину любя,
И славой вечною покрыли
За службу верную себя.

*1915 г. Кавказская армия
На позиции*

Казак ст. Сергиевской старший урядник Павел Федосеевич Стрельченко,
полный Георгиевский кавалер. Кавказский фронт, 1916 г.

ОТВЕТНЫЙ ПРИВЕТ МОСКВЕ ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ ОТ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ-КАВКАЗЦЕВ

(по поводу посещения нашего отряда уполномоченными
Всероссийского земского союза)

Вы к нам пришли сюда с приветом
От нашей Матушки-Москвы,
И видит Бог: в привете этом
Так много нам сказали вы.

Вы нам сказали: «Вечной славой
Вновь будет Русь осенена
За тот тяжёлый Крест кровавый,
Какой несёт теперь она».

Мы верим этому, мы знаем:
Отдаст ли русский богатырь
Ту землю-мать, что он ратаем
Издrevле мерил вдоль и вширь.

Нет, он свой меч в ножны не вложит.
С своей Голгофы не сойдёт,
Пока врага не превозможет,
Пока обиду не сотрёт!..

Смирится враг наш троеликий,
Свои полки погонит вспять,
И огласят победы клики
Святую Русь, Отчизну-мать!
И в день победы Богу славы
С Московских сорок-сороков
Польётся голос величавый,
Скликаая в храм своих сынов.

Далёко звуки те польются,
Полмира меряя простор,
Им Львов и Галич отзовутся,
И Серб, И Сокол Чёрных Гор!

Тот голос славного привета
Могучим эхом прогремит
И здесь, где знамя Магомета
Уже склонилось и дрожит.

Да, верим, верим мы: настанет
Та заповедная пора,
Когда на звон московский грянет
И здесь великое «ура!».

Вот в этой вере наша слава,
Она тверда в нас, как алмаз!..
Скажите ж это златоглавой,
Когда вернётесь к ней от нас.

Скажите ей, что славу эту
казак-кубанец стережёт
И не отдаст ни Магомету,
Ни тем, кто с запада идёт.

Не в первый раз в могучей брани
И Эрзерум, и Баязет
Видали соколов с Кубани...
В них крепок дедовский завет...

Скажите ей, что неизменно
Мы встанем все за Царский трон,
И передайте ей смиренный
Привет и низкий наш поклон!

1915 г.

Стихи К. Образцова любили слушать
не только кавказцы, но и соседи пласту-
ны, казаки-черноморцы 1-го Таманского

кавалерийского полка; их переписывали,
письма посылались казаками домой, в свои
станции. Стихи становились песнями...

Сергиевские казаки на действительной службе в составе 3-й сотни
1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска, 1908 г.

СЛАВА КУБАНЦЕВ

Посвящаю славным бойцам 1-го Кавказского казачьего полка

Труба прозвучала! Кубанцы, в поход
Собирайтесь на ратное дело!
На вражью силу спешите вперёд,
Летите, как соколы, смело!

Ура вам, Кубанцы! Ура, молодцы!
За славу родную лихие бойцы!

Не ведает страха Кубанский казак,
Ничто ему голод и жажда,
И зной, и метели Кубанцу пустяк,
Знаком он с невзгодой каждой.

Ура вам, Кубанцы! Ура! Молодцы!
За славу родную лихие бойцы!

Как в старые годы, при ваших отцах,
Живёт ваша слава и ныне,
И с гордостью, слыша о ваших делах,
Воскликнет отец и о сыне:

Ура вам, Кубанцы, Ура, молодцы!
За славу родную лихие бойцы!

1915 г.

Перед боем у сел. К.

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

Мы родились казаками,
С нами слава родилась.
Над турецкими горами
Наша слава пронеслась.

И над швабами летала
Наша слава, как орёл,
И венец она сплетала,
Для Отчизны — ореол.

И бессмертна слава эта,
Нашей кровью вспоена,
Долетит до края света
Быстрым соколом она.
Пусть узнают все народы,
Что такое наш казак:
Сын победы, сын свободы,
Там, где он, погибнет враг!

1915 г. Турция

ПЕВЦЫ

Вблизи села турецкого у берега реки
С набега молодецкого собрались казаки.
Горят костры дымучие, сверкают в темноте.
Кругом снега сыпучие на горной высоте.
Ущельями бездонными к подножью горных скал
Туман волнами сонными припал и задремал.
И, словно шапкой, тучею ряд гор вдаль покрыт;
Внизу волной гремучею Тузла-река шумит.
У берега усталые спят кони казаков;
Промеж костров удалья стоит толпа певцов.
Их песня беззаботная, как на море прибой,
Как пташка перелётная в лазури голубой,
Звенит, и разливается, и рвётся на простор,
И эхом откликается далёко между гор.
Растёт она, певучая, вольна и широка,
Удалая, могучая, как сердце казака.

ПЕСНИ КАЗАКОВ

Гей вы, хлопцы удалые, слуги верные Царя,
Гряньте песни разливные через горы и моря!
Что враги там и невзгоды нам, Кубанцам молодцам:
Пусть дивятся нам народы, как дивилися отцам.
Выходи-ка, запевало, становись среди кружка,
Дружной песне дай начало для веселья казака.

1. Запевало:

Песня первая поётся Божьей пташкой про зарю,
А у нас в ней воздаётся слава Батюшке-Царю.

Певцы:

Слава Руси православной!
Наша жизнь ей, как и встарь!
Много лета наш державный,
Наш Великий Государь!
Наше сердце не устанет
Русь родную величать,
И живой стеною станет
За Царя казачья Рать!

2. Запевало:

И другую песню славы дружно, братцы, мы споём:
О красе его Державы, О Царевиче младом.

Певцы:

Наша Зорюшка родная, августейший атаман,
Песни, верностью пылая, шлёт тебе казачий стан.
Как цветы от нашей славы на турецкой стороне,
В честь родной твоей державы сердцем собраны оне.
И восторженно забьётся сердце соколов Твоих,
Если эхом донесётся до Тебя звон песен их!

1916 г. Мир

Сергиевские казаки на действительной службе
в составе 3-й сотни
1-го Черноморского полка
Кубанского казачьего войска, 1908 г.

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

После боя под Комсором
(Посвящаю 1-й сотне 1-го Кавказского казачьего полка)

Славный бой был под Комсором,
По-над речкою Тузлой,
Пели пушки наши хором,
С пулемётом вперевой.

На горе, покрытой снегом,
Басурманы залегли,
Но лихим своим набегом
Там кавказцы их нашли.

И без долгих разговоров
С сотней соколов своих
С храбрым Леурда Алфёров
Лихо кинулся на них.

И как только услышали
Басурманы их «ура» —
Мигом ружья побросали
И пропала их гора.
Так-то храбрый наш Алфёров
Взял тогда с собой в полон
Пушки две, и офицеров,
И аскеров батальон.

29 февраля 1916 г. Сел. К-рь. После боя

Казаки становились свидетелями последствий геноцида коренного населения — армян — на территории Турции. Бывший адъютант 1-го Кавказского полка Ф. Елисеев писал много лет спустя: «...групп — несколько десятков женщин и детей, спасающихся на север, шли навстречу русским войскам. Среди них нет не только мужчин, даже стариков, но нет и 10-летних мальчиков, как нет и молодых женщин и подростков-девушек. Такого возраста мальчикам курды режут ножом горло,

а девушек-подростков берут в наложницы. Поэтому все они ушли в горы с мужчинами, спасая свою жизнь.

Как их спасать, куда везти — мы не знали. Кругом витала смерть, и они своим беспомощным присутствием только отягощали войска, вносили естественное сердолобие, столь отрицательный элемент в войнах».

Видимо, участие самого К. Образцова в этих событиях послужило сюжетом для его стихотворения «Находка».

НАХОДКА

(Посвящаю казакам 1-го Кавказского казачьего полка)

1

Спустилась ночь. Туман росистый
Залёг у пенистой реки.
Как тени, берегом скалистым
С разведки едут казаки.

Тяжёл их путь. Они устали,
По этим кручам и камням
Ни разу отдыха не дали
Они измученным коням.

Им не до отдыха. Терпенья
У казаков ли не найти?
Они спешили донесенье
В отряд скорее донести.

2

Гремя, вскипая, буйно спорит
С гранитным берегом река.
И гор семья ей дружно вторит,
Но чуток слух у казака.

Ступая тихо, осторожно,
Как будто крадучись, вперёд,
Он каждый шорох ненадёжный
Уловит быстро и поймёт.

Пускай река шумит и злится,
Пусть эхо гулкое гремит:
Коварный враг не утаится,
От казака не убежит.

3

Сквозь шум реки казак заметит
И не пропустит вражий шаг,
Он пулей меткою отметит.
Едва посмеет выйти враг.

Поутру буря грохотала,
В горах носился ураган,
Но казакам не помешала
Открыть врага коварный план.

И вот, довольные разведкой,
Они спешат теперь в отряд.
И меж утёсов цепью редкой
Идут как будто наугад.

4

Вдруг казаки остановились.
С другого берега реки
Донёлся звук. И притаились
В тот миг невольно казаки.

Река гремит, река бушует,
Волнами бьётся о гранит
И словно тяжко негодует,
Кому-то яростно грозит.

И вот средь грохота речного
Донёлся снова тот же звук.
Он был похож на стон больного,
Он полон был безмерных мук.

5

Кто б это там? Недоуменья
Мелькнула мысль у казаков.
Чей это план и стон мученья?
Не жертва ль бедная врагов?

Быть может, раненый, отсталый,
Бедняга двигаться не мог,
С дороги сбился и, усталый,
В камнях у берега прилёт.

Но только голос слишком тонок.
Подумать можно, будто там
Кричит отбившийся козлёнок:
Таких ведь много по горам...

6

А если это лишь уловка,
Лишь хитрость жалкая врага?
У них ведь всякая сноровка,
Чтоб одурачить казака.
Наш враг изведаль нашу силу,
Но если слаб он и убог,
Того не кинем мы в могилу:
Так нам велели Царь и Бог.

7

И казаки единогласно
Решили выведать, кто там
За речкой плачет так ужасно.
И вниз спустились по камням.

Неслышной поступью их кони
В поток бушующий вошли
И грудью сильною, как брони,
Седые волны рассекли.

С привычной ловкостью, украдкой
Следя за берегом реки,
За каждой каменною складкой,
На берег вышли казаки.

8

И видят: около потока
Среди камней сидит одна
Малютка-девочка: жестоко
Страдала, бедная, она.

Она по-прежнему рыдала
И, глядя вверх на казаков,
Ручонкой слёзы вытирала...
К её слезам не нужно слов...

9

Она одна — и эти скалы,
И та гроза, что пронеслась,
И здесь бродящие шакалы...
Как до сих пор она спаслась?

И казаки, вздохнув глубоко,
Её с собой решили взять.
«Она больна ведь, одинока...
Как сиротинку здесь бросать?..»

На то, как видно, Божья воля,
Что мы пришли к ней в этот час.
Быть может, лучшая ей доля
Судьбой назначена у нас...»

1915 г.

В письмах с фронта К. Образцов : походной казачьей жизни, где всегда
донёс до нас ощущение суровых будней : звучало слово верного пастыря.

* * *

Мы уже совсем приспособились к зимовке здесь, на этих санджанских высотах. Правда, пока еще не начали рыть себе землянки, но, говорят, что скоро начнем. Уже есть насчет этого распоряжения. Задержка, кажется, только в указании, какого типа должны быть

Казаки на Кавказском фронте, 1914 г.
Справа казак ст. Сергиевской Филап Сторчак

эти землянки. Подождем. Интересно, какой особенный фасон придумывают для наших нор наши многодумные инженеры? Вот пришлют планы, посмотрим. А без этого никак нельзя...

Пока что живем по-летнему, в палатках. Оно, пожалуй, и «не по сезону», но что поделаешь, здесь ко всему привыкать приходится, ко всяким обстоятельствам приспособливаться. Воюем и с природой этой басурманской, дикой стороны не меньше, чем с ее обитателями-османами. И трудно даже выбрать, какой из этих двух наших неприятелей приятный. Оба хороши. Ну и сторонка же, я тебе скажу. «Безглагольная, недвижимая, мертвая страна»... это уже подлинно одни пустынные горы.

А тут еще погода донимает. Одно время периодически ветры дули: то с востока, то с запада. Да как дули, не приведи Бог. Вдвигались целые вихри песка и мельчайших камешков, кружились тучами по склонам соседних холмов и с остервенением набрасывались на наши палатки. Целыми днями окутывала их эта непроницаемая желтая мгла, засыпала их и снаружи и внутри. Всюду забирался этот песок. И одежда. И постели. И пища наша — все покрывалось его густым сорным слоем. Прямо по-псаломски, «яз пепел, яко хлеб, ядох и питие мое плачем растворих». Настоящая епитимия нам от Господа. А музыка какая шла от этого вихря, только послушать! Нудный шелест песка и камней, хлестанье их о палатку. А палатка бедная непрерывно судорожно треплется; того гляди, подхватит ее вихрем, и понесется она, словно птица или аэроплан, по поднебесью...

Потом на смену вихрям пришли грозы. Настоящие грозы, раскатыстые. Черные тучи с медным отливом. Кругом полумрак.

Зарычали громы за горами, а потом и над нашими палатками. Словно раскалывались горы. Хорошая была канонада. В самую полночь разбудила нас. Пошел ливень с ветром. Палатка наша протекала, как решето. Спасибо тебе за клеенку: она отличную услугу оказала мне, укрылся ею, пока ливень этот поуспокоился... правда, моросило потом до утра и весь день, но хоть ветер перестал, не было этой пыли, хрустящей на зубах...

Наступили холода, сырость...

Да и пора уже: глубокая осень ведь.

Теперь вместо прежней желтой мглы песочной нас окутывают сырые туманы. Залегли неподвижно. Ничего не видать кругом. Вот уже несколько дней такая картина. Мало приятного в ней. Скуку наводит.

Но казаки наши не унывают.

Развлекаются по-своему в свободные часы. Уже вечерет. Туман гуще насаждает, пронизывает сырым холодом. Сквозь густую пелену его вдали виднеются трепетные желтые пятна огней. Это наши обозные развели костры у своих палаток и греются кругом них. Слышатся веселый смех и шутки. Стараются перещеголять друг друга в остроумии. Видимо, к нашим пришли «гости» — соседи из таманцев и батарейцев.

Доносится голос одного из них, очевидно таманца:

— А вы-то що? Вы кавкаи (так таманцы называют кавказцев).

— А вы що?

Передразнивает кавказец:

— Вы не люди, таманцы!..

— Як же не люди? — переспрашивает тот.

Казак 16-го пластунского батальона
Михаил Илларионович Колоднеча. Турецкий фронт, 1916 г.

— Да так. Сами же говорите. Вот как ваша сотня проходила, наш полковник спрашивает: «Что это за люди там?», а из ваших отвечают: «Мы не люди, мы таманцы!..»

Нашелся защитник. Но и с ним не соглашаются «казаки», отшучиваются.

— Вспомни-ка ты, как там было у Сурбатан в прошлом-то году, когда обозами с тобой на Турцию шли из Маку...

— А що? — спрашивает батареец.

— Забыл? — допытывается кавказец. — А как вы, хохлы, корову привязали к верблюду, а верблюда к фургону, а на фургоне петухи в клетках сидели, всю дорогу кукареку кричали, да потом на косогоре фургон опрокинулся и вниз покатился, ты в яму угодил с петухами, вниз, а на тебя фургон, на фургон верблюд, на верблюда корова... Петухи орут из ямы и ты тоже: «О Боже-ж ми!.. Помогайте, люди добри!» Еле вытащили кавкаи... Небось захромал тогда, а теперь так и «кавкаи»... Забыл?

Дружный смех покрывает слова шутника.

— Да що забыв там? — слабо защищается собеседник. — Ты брешешь, верблюда не было там!..

— Ну и что же? — отвечает рассказчик. — Только верблюда не хватало, а все остальное было... сам сознаешься.

— А то еще вот как, с орудиями шли на Ташличай... по берегу Евфрата... Прошлой зимой... Крутит, замечает все, а Евфрат разлился... Искали броду... Наши перешли... Полковник наш приказывал и батарея

Сергиевские казаки на Кавказском фронте.

Слева направо: С. М. Голубка, Ф. Андришечко, Я. И. Ковган, Г. И. Ковган, 1915 г.

перейти, а они поехали и ворочаются назад. И докладывает наш хлопец полковнику: «Орудия не пройдут...»

«А почему не пройдут?» — спрашивает полковник, а тот опять свое: так что, говорит, ваше высокоблагородие, орудия ни як не пройдут!

Снова дружным смехом прерывается рассказ казака.

Тут у соседнего костра ударили в бубен, запыликала лихой казачий танец где-то найденная скрипича на трех струнах (четвертая лопнула).

Рассказчики вскочили и мигом все закружились у костра. Быстро мелькают их тени сквозь туман. К ним тотчас присоединились и другие группы.

Образовался тесный большой кружок, в котором лихие танцоры показывали свое удивительное искусство. Особенно же старается между ними наш Артамоныч. Шустрый казак!.. Остальные усердно отбивали такт ладошами.

Получалась довольно фантастическая картина, полная своеобразной жизни и беззаветной казачьей удали...

Забуты холод, и туманы, и все невзгоды походной жизни. Словно все это миновало. Веселился казак «назло османам» и наперекор всем стихиям их басурманской страны.

Долго гудел и позвякивал бубен, попевая за бойкими переливами скрипичи. Не уставали танцоры, подбадриваемые криками и хлоппаньем ладош своих товарищей-зрителей. Густо дымил среди них костер, усиливая собой тяжелую завесу тумана.

Но вот послышался сигнал «на вечернюю зорю».

Замолкли бубен и скрипича. Танцоры разошлись, раздаются слова команды. За туманом не видно казачьих рядов, выстроившихся на вечернюю молитву. Доносится задушевная мелодия трубачей, играющих «зорю», потом слова молитв и народного гимна, подхватываемых бодро и сильно молодыми певучими голосами.

Потом наступает молчание. Казаки расходятся по палаткам. Только кое-где еще мигают костры. Там собрались певцы. Скоро соберется целый хор. Больших приготовлений не надо: все ведь родные, знакомые чуть ли не с колыбели. Неудержимой широкой волной разнесится могучая казачья песня, словно силясь разбить и развеять собой эти густые покровы окружающего тумана.

Нередко в этом пении принимают участие и офицеры. Особенно отличаются у нас певцы хорунжего Елисеева. У него большое разнообразие и хороший подбор песен. Любит песню наш казак. Он в ней отдыхает, набирается новых сил. Она утешает его, веселит и учит, поднимает над всеми невзгодами и лишениями.

Вот и теперь. Сажу в палатке и вслушиваюсь в эти своеобразные переливы казачьих песен. Какая ведь непогода и чего только мы не пережили за эти недавние походы! Но невольно чувствуешь, что в них поет сама душа нашего казака, могучая и широкая, братски нежная и вместе с тем суровая, страстно любящая родину и всегда готовая на подвиг ради нее.

Гремит и рыдает казачья песня. «Бойцы вспоминают минувшие дни»... Поминают свой отчий кров, свои станицы; свою ненаглядную родимую Кубань... И не насытится их сердце, поминая ее заветное, священное для них имя. И кажется им, что это она, вековой их богатырь — наследие их славных дедов и отцов, — около них катит свои могучие струи, а не этот чуждый им, хотя и библейский Евфрат!

Турция, сел. Санджан
10 октября 1915 г.

* * *

Сегодня я схоронил солдата Агинского пехотного полка. Он был убит гамидайцами при исполнении царского долга. Гамидайцы учинили засаду. Там участвовали и наши. Пехота и кавалерия. Обычная разведочная служба на нашей передовой позиционной линии. Но ведь местность-то здесь какая! Уже не раз я описывал тебе эти бугры, овраги, крутогоры, эти дикие пересекающиеся ущелья, эти черные и серые глыбы камней, словно навороченные какими-то титаническими силами. Как тут до тонкости распознаешь противника, особенно теперь, когда еще нет снега, когда все кругом под один колорит — и природа, и курды, особенно в ночной или вечерний час. Сидит себе этот подлый курд за такими вот камнями со своими «кардашами», и высматривает, и знает, когда мимо его логовища должны пройти наши. Пойди-ка найди его.

И в голову не придет подумать, что там, среди причудливых камней, виднеются курды, а не те же камни. Не только ночью, даже и днем, при самом великолепном солнечном свете, можешь вдаться в такую ошибку и влетишь в такую историю, из которой дай Бог вылезти по-доброму. Вот в такую историю попал и наш подьесаул Лытиков под Араратом среди камней. Прямо ни за что пропал бедняга. По неопытности, несмотря на свои боевые подвиги. Чтобы освоиться и ориентироваться в такой местности, нужно, что называется, всю исследовать ее вдоль и поперек, не оставив без внимания ни одного овражка, ни одного камня. Да и то, узнавши, еще берегись: сегодня пусто за камнем, а завтра как раз наскочишь.

Так вот и наши наскочили. Хорошо, что отделались только одною жертвой, а то могло бы обойтись и дороже. Вот так под Араратом, где лишились мы одного из лучших бойцов полка (командира сотни — подьесаула Лытикова и подхорунжего Дубины — теперь он прапорщиком числится, — да еще около восьми нижних чинов выбыло тогда из строя).

Грустная и трогательная картина похорон солдата, убитого в бою при исполнении долга перед Царем и Родиной. Совсем не то, что, например, погребение мирянина при обыденных условиях жизни, совсем не те переживания. Мысли и чувства особенные просятся в душу. Кругом-то, пожалуй, ничего особенного не увидишь: обычная будничная жизнь на позиции, приспособленной к зимней стоянке. На одном холме длинный ряд землянок, на другом холме другой ряд; расположились планомерно или вразброску, словно могильные курганы или огромные сусликовые норы с темными отверстиями с боков для входа. Там коновязи, там стога соломы желтеют, дымятся походные кухни. Казаки и солдаты, каждый занят своей обычной работой. Одни просушивают свое белье, другие хлопочут возле коней или двуколок, иные наводят чистоту кругом своих землянок, иные группами или в одиночку сидят и греются на солнышке. Теперь ведь так дорог каждый луч этого солнышка: ноябрь ведь на дворе. Того и гляди, опять ветром нагонит теплые тучи, и заглянут густые туманы по всем окрестным горам, и пойдут непогодные дни. Да и снегу пора уже быть, судя по прошлогоднему. Но эти дни стоит у нас на диво теплая да солнечная погода, словно лето вернуться хочет. Вот только сегодня с утра потянулись по небу сизые тучи. Дальние горы покрылись прозрачной кисейкой тумана, а на север за Клыч-Гядукским перевалом основательно нахмурилась снеговая вершина Кессадаг. Но все-таки тепло и тихо. Это хорошо, есть возможность совершить погребение

с надлежащею торжественностью, отдать герою последний долг нашей любви и признательности за его подвиг.

Солдаты на носилках принесли заботливо сколоченный из тесаных досок гроб с останками убитого товарища. Тут же выстроился взвод для проводов последнего. На фланг поместился хор полковой музыки. Возле гроба стали рядами певчие того же полка, те самые, о дивном пении которых я уже писал неоднократно. Собрались офицеры и командующий полком (сам командир их полка недавно был в отпуске). Отдана команда «На молитву!.. шапки долой!..».

Панихида началась. Тихо и задушевно полились надгробные песнопения в исполнении на диво поставленного хора. Душа невольно вслушивается в эти строго-печальные, рыдающие звуки, в эти слова молитв и песнопений, исполненных неотразимой красоты, величия и покоряющего утешения. Задумчиво стоят в рядах своих солдаты, смотрят на гроб убитого и на окружающих, скользят взорами по биваку, по разбросанным курганам своих землянок, по окрестности, открывающейся с высоты холма широкой, убегающей вдаль панорамой.

Некоторые, вероятно, вспоминают и свои обстоятельства боевой жизни, подобные тем, в каких находился их убитый товарищ.

Да, нелегка служба нашего солдата и казака в этой турецкой дикой стороне. Правда, нет здесь немецких «чемоданов» и ураганного огня убийственной артиллерии тевтонов, но эти камни, крутые горы, эти дикие ущелья и овраги не уступают тем же «чемоданам» в своем предательском значении. Здесь требуются особенная сноровка и зоркость от нашего воина. Сплошным подвигом отмечается здесь его многотрудное дело. Это подлинно «путь узкий и прискорбный», и тем ярче венцы нетленной славы подвизающихся здесь наших чудобогатырей. И вот одни из них стоят сейчас здесь, в этих сырых своих шинелях, окружая гроб своего собрата и задумчиво-благоговейно творя молитву об упокоении его души. Он ушел, оставив здесь измученное тело и вечный след подвига.

Честь и слава отошедшим бойцам! Их следа
Не забудем мы здесь никогда.
Честь им, слава! Они в лучезарном краю
Торжествуют победу свою!..

Тихо и торжественно разносятся рыдающие звуки песнопения: «Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего...»

И растут, и крепнут в живом уповании, и реют звуки эти под коленопреклоненными рядами этих героев-богатырей в сырых шинелях. Незабываемый момент, особенно в такой обстановке! Все окружающее приобретает для сердца особую цену, глядишь уже не будничным взглядом, а тем внутренним, которым видишь весь мир сквозь призму Святых упований.

Вспоминается знаменитая картина Васнецова «Успокоение праведных в Боге». Великим Христианским упованием одухотворена эта картина. В ней нет земного, одно только небо, безгрешный мир, отразившийся в благоговейном сознании художника. Созерцаешь облики людей, или, вернее, человеческих душ, ушедших на небо и оставивших на земле свое брненное многотрадальное тело, прошедшее свой «путь узкий и прискорбный». Впереди душа царственной мученицы. Ее несут к Престолу Бога ангелы на своих легких, белоснежных, лучезарных крыльях.

Она внимает их торжествующим хвалебным гимнам. Ангелы утешают ее и осеняют миртовыми и лавровыми ветвями в знак победы и вечной радости. Эта радость и блаженство покоя отразились на лице мученицы. Всем существом своим она теперь живет в ощущении непосредственной близости Бога. Лучи небесной славы окружают ее, лучи незакатного Солнца – Христа Победителя.

И кажется, что вот те же лучи и сейчас протягиваются с неба сквозь обрывки плывущих по лазури облаков, с горячей и нежной лаской проникают к останкам героя-мученика и уносят душу его к незакатному Солнцу, ко Христу Победителю, в Царство Славы Его...

Эти мысли и переживания высказал и в краткой надгробной речи после отпевания. Я сказал: «Смерть считается самым печальным в жизни человека, но при свете христианства она получает совсем иной смысл, особое значение, согласно заповеди Христа, услышанной нами из евангельского чтения при отпевании: «Грядет час, егда мертви во гробих услышат глас Сына Божия и, услышавши, оживутъ... и изыдутъ, сотвориши благая въ воскресении живота...»

Это «благая» совершил воин-мученик, верный Царский слуга, кровью запечатлевший свой подвиг верности. Своей мученической кончиной он искупил свои грехи. Поэтому здесь не должно быть места неутешной печали. Но помолимся Богу, чтобы дух почившего собрата нашего был принят в обителях Небесного Отца как лучшая и бесценная жертва земли и чтобы и нам всем Господь помог так же мужественно исполнить свой долг до конца. Вечная память достойному сыну великой Отчизны!..

Туриция, сел. Санджан
10 ноября 1915 г.

* * *

Город Ольты надолго будет на устах у российских граждан по воспоминаниям о прошлой зиме, когда «осман дерзнувший» перешел через этот «ольтенский порог». Да, были дни... жители в ужасе бежали, бросая свои пожитки и дома. Осман вдогонку им сыпал пули и гранаты. Сильно исковеркал этот маленький городок. Даже церкви не пощадил, внутри все поизгадил, попортил стены, иконостас, кощунственно поисцарапал все иконы. По изгнании турок наши сфотографировали на память это издевательство османов над святыней. Вчера я был в этой церкви за литургией по случаю праздника Сретения. Мне показывали эти царятины на иконах. Теперь их уже реставрировали, только небольшие следы заметны. И храм весь отремонтировали на средства астраханских купцов-благотворителей. Опять чистенько и благолепно стало в храме. Просторно и уютно.

Вчерашний праздничный день много собрал богомольцев. Все солдаты были. Стройно и задушевно пел хор наших саперов-туркестанцев. Прекрасные и сильные голоса гибко и выразительно исполняли священные мелодии под умелым управлением своего регента...

— А вот, батюшка, обратите внимание: и это наша работа, — сказал мне саперный адъютант, когда мы выходили из церкви после богослужения.

Он указал на памятник, воздвигнутый саперами-туркестанцами возле храма над могилой наших героев, павших здесь в прошлогоднем бою.

ВЪ ПАМЯТЬ

Российско-Германно-Австрийской и Турецкой Войны 1914-1915 г.

Майкопъ, фотогр. Кузнецова.

Кубанские пластуны – участники Первой мировой войны

Он сложен из широких, тщательно тесанных каменных плит в два яруса. На верхней площадке водружен массивный металлический крест. Работа прочная, долговечная. Символ могучей России. Молодцы саперы-туркестанцы — они почтили и увековечили память почивших здесь ее героев!..

Офицеры пригласили меня к себе на обед в свой «табльдот». Последний помещается в одном из городских зданий, в верхнем этаже.

Наступил вечер. Заведующий по хозяйственной части штабс-капитан А. Н. Шутихин предложил мне заглянуть, как развлекаются здесь наши саперы.

Сами оборудовали себе «театр» и «кинematограф», чтобы разумнее проводить время, свободное от требований «бога войны». Идут дневные и вечерние сеансы. Вход платный. С нижних чинов — 15 коп., с офицеров — от 50 до 75 коп. за место. Дневной сеанс мы пропустили. Пошли на вечерний. Программы почти одни.

Программа вечера была составлена довольно разнообразно, интересно и продуманно. Силы подобраны умело. Каждый был на своем месте. Все делалось вовремя, без всяких замешательств. Не буду перечислять в подробностях все номера программы. Ограничусь признанием, что вся она была воспринята без малейшего утомления: и картины, и пьеса, и декламация, и музыка, и пение. Все было простое и жизненное, доступное для понимания широкого круга публики. Интересно было наблюдать, как отмечает она свои впечатления.

Вот на экране показалась мощная фигура Великого Князя Николая Николаевича¹. По зрительному залу прокатился восторженный гул:

— Это Он! Это Он!..

Раздавался кругом сдержанный шепот.

И в этом гуле зрительного зала, в этом шепоте сотен уст невольно ощущалась самая верная и искренняя оценка полученного впечатления. Чувствовалось, что в этот миг вся масса воинов-зрителей слилась в едином восторге, увидев перед собой своего обожаемого Вождя...

Будет за что помянуть добрым словом потрудившихся над организацией этого культурного развлечения для нижних чинов.

Потом пойдут они в свои окопы и землянки, в свои опасные разведки на боевую страду, будут лицом к лицу встречаться со смертью за Царя и Родину, но добрые и сильные духом, овеянные любовью и заботой о них культурных своих начальников, понимающих, что для воспитания настоящих воинов недостаточно учить уставам и «вгонять дисциплину», но необходимо также возможно щедро дать живую пищу их сердцу и уму, освежать их, развивать, «сеять в них разумное, доброе, вечное!» Спасибо великое скажет им за это наш русский воин!..

Одной из крупных операций на Кавказском фронте было взятие важной крепости — Эрзерума частями 1-го Кавказского армейского корпуса генерала Калитина и 2-го Туркестанского генерала Пржевальского 4 февраля 1916 года.

К началу штурма Эрзерума на главном направлении было сосредоточено более 31 сотни казаков, среди которых указаны две сотни 3-го Черноморского, переброшенные из 4-го Кавказского корпуса и влитые в 1-й Кавказский полк.

¹ Николай Николаевич Романов — наместник на Кавказе, дядя последнего русского царя.

ОТЦОВСКИЙ ПРИВЕТ КУБАНЦУ

Посвящаю казакам 1-го Кавказского казачьего полка
в память взятия Эрзерума

Отец мой меня здесь проведаль,
Не лил при прощании слёз...
Одно лишь он мне заповедал:
Чтоб службу усердно я нёс.

И после писал он: «Сын милый,
Ты крепко за нас не журишь,
Но с новою верой и силой
За царскую службу берись.

Не ты ведь один разлучился
С Кубанью своею родной:
Смотри-ка, отважно как взвился
Наш сокол над вражьей страной.

И все мы с великой любовью
Следим за полётом его:
Ведь крепок он нашей же кровью,
Мы все ведь гнезда одного.

Нам спорить с османом не ново,
Мы тоже бывали, где вы:
За славу, за Царское слово
Мы в битву кидались, как львы.

Каких там невзгод ни терпели!
Под зноем, по камням, в пыли,
Под вихрями снежной метели
Вперёд наши соколы шли...

И дрогнули в страхе османы,
Напрасно хитрили в бою,
Оставили нам басурманы,
Как прежде, твердыню свою.

Победные наши знамёна
Опять Эрзерум увидал:
К подножию Русского Трона
Он вновь, поражённый, упал...

И только что весточки эти
Дошли до Кубани-реки,
От радости этой, как дети,
Заплакали мы, старики...»

В тот день над Кубанью раздольной,
Как в праздник великий, с утра
Носился трезвон колокольный
И дружно гремело — «ура!»...

4 февраля 1916 г.

Сергиевские казаки Ф.Н. Андришечко
(в центре), В.П. Харуцкий (справа) на Турецком фронте, 1915 г.
На обороте фото написано: «Пока Господь Богъ хранит насъ!»

Ф. Н. Елисеев оставил запись о похоронах казаков после боя с турками между двумя хребтами возле реки Тузла-Чай, недалеко от Мемахатуна: «...Полковой священник Константин Образцов начал служить панихиду. Казаки шанцевыми и лопаточками выкопали в аршин глубиной общую могилку.

Отец Константин имел дрожащий театрально-трагический тембр голоса, тенор. А тут после скоротечного боя,

погребая казаков на турецкой земле безо всякой надежды перевезти тела на Кубань, в свои станицы, как это традиционно водится у казаков, он, отец Константин, пламенный патриот, славянофил, поэт, мистик, фанатик-священнослужитель, так тягостно произносил-пел слова погребальной молитвы «О погибших воинах на поле брани», что многие офицеры и казаки прослезались...»

* * *

Через день по моем приезде пришло приказание двигаться нам на передовую линию. И вот мы двинулись на Аг-Дага. 18 февраля. 8 часов утра. Проезжали мимо Эрзерума, дальше, на юг...

До Хай-Дари был труден наш путь: все по городам да по тропинкам, в которых лошади увязали по колено то в снегу, то в грязи. Но все это были только цветики, а ягодки-то пришлось вкусить после, дальше. До того дня хоть погода немного благоприятствовала нам, но потом за этим Хай-Дари пошла беда наша. Поднялись метели, в упор хлестая нас, замечая единственную тропинку и леденя дыхание. Мы взбирались среди глубоких снегов на заоблачные вершины, двигаясь по отвесным почти скалам над пропастями, закутанными в туман, и тучи ползли под нашими носами. Двигаться было до того трудно, что приходилось, чтобы не свалиться, спешиваться и держаться за лошадиные хвосты. Так мы кое-как добрались до селения Чат, без всякого отдыха и без пищи целый день. Вообще во время переходов мы ограничивались лишь утренним и вечерним чаем да кое-какой закусточкой вместо ужина...

27 февраля дошли до селения Хараба... кое-как разместились по его скаленкам, изнывая от желания хоть немного прилечь, согреться, протянуть ноги.

Казаки лепили лепешки из добытой у жителей муки. Я побеседовал с ними немного. Читал свои ободряющие казачьи песни. Была суббота. Не хотелось лишать молитвы хотя бы некоторых желающих участвовать в ней. Вместо всенощной отслужил молебен Божией Матери Тихвинской — нашей Путеводительнице, Помощнице и Охране Небесной. В конце молебна прочитал с коленапреклонением молитву из акафиста Св. Иоанну Воину и сказал небольшое напутственное поучение.

Но этот случайный отдых был омерзительный и не давал нам никакого успокоения. Каждую минуту мы были готовы к наступлению. Лошади стояли с седлами и с вьюками. Так дотянули до вечера. Весь день шел мокрый снег, а по всем окрестным горам лежали неподвижно густые непроницаемые туманы. И вот в такую-то погодушку поздно вечером мы выступили из Хараба в дальнейший путь. В двух шагах нечего было разобрать — кругом туман, и больше ничего. Брели чуть ли не ощупью, гуськом, стараясь лишь об одном, чтобы не потерять из виду хвост передней лошади. Мне и теперь словно как сон кошмарный представляется то наше путешествие. Помню — туман, какие-то горы, подъемы, обрывы, ущелье, и снова туманы, и опять горы, по тропинкам которых мы провалились в глубокие снега. И слева

внизу чуть заметная темная полоска реки (Тузла). Так двигались мы всю ночь без передышки.

...Стали спускаться вниз, к волнистой местности. Турки тотчас же открыли по нам учащенную стрельбу из своих окопов. Но мы не обращали никакого внимания, пока не заняли свои позиции.

...Бой разгорался все более и более. К полудню он достиг крайнего напряжения. Турки держались упорно. У них были превосходные, заранее приготовленные и приспособленные позиции. Но не выдержали нашего огня. Наши перешли в наступление. Некоторые сотни пошли туркам в обход. А первая сотня, во главе с подбесаулом Алферовым и хорунжим Леурда, особенно отличилась. Облюбовав самую высокую турецкую позицию, выдвигавшуюся немного справа от нас, на огромной конусовой горе, они незаметно подкрались низом и, торопя коней по вязкой грязи, вдруг очутились в тылу у турок и с криком «Ура!» ринулись на них; те опешили и остолбенели. Хотели было навьючивать стоявшие на позициях свои орудия. Но было уже поздно. Наши молодцы первой сотни, как соколы, налетели на них, окружили, и в их тисках оказалось больше роты в полном составе, со всем командным персоналом и орудием. Понятно, турецкие офицеры скомандовали бросить оружие, и все сдались в плен. В общем, забрали наши сотни до трехсот аскеров и тридцать два офицера, почти целый батальон, в том числе два были штаб-офицера: это была необычайно молодецкая атака наших кубанцев. Она чрезвычайно повлияла на исход сражения в этот Кассианин день (29 февраля), ставший отныне бессмертным в истории боевой славы нашего полка. Наш генерал ликовал, узнав о такой блестящей победе, и тогда же поздравил полк. Турки отступили, бросив свои позиции. А мы пошли по их следам, довершая их поражение. Этот бой происходил ранее в селении Килиса-Куми (на 20-верстке оно не обозначено), неподалеку от селения Комсор, куда и мы двинулись на ночлег. Погода прояснилась. Наше настроение было ликующее. Усталости словно и не бывало. Теперь я знаю, что значит чувствовать победу после большого боя. Готовы были плясать от радости. На лица казаков нисходила торжествующая улыбка. Считали пленников. Казаки ласково угощали их папиросами и махоркой, называя каждого «кардаш» (брат). Один из турецких штаб-офицеров подарил казаку первой сотни Чеснокову свой бинокль на память и сказал на чистом русском языке: «На, дружище, тебе в подарок: мне не нужно, я уже отвоевался довольно...» Этот офицер (командир роты) оказался осетином, бывшим владикавказским жителем из турецкоподданных. В Комсоре мы великолепно отдохнули. Подкрепились закуской и чайком и самым блаженным сном. Были эпизоды. Явилась группа армян-беженцев. Едва добежали до казаков. Обрадовались до безумия своим освободителям. Узнали, что я «тер-тер» (священник), припали к моим рукам и стали их целовать наперерыв, мой крест наперсный весь измусолили губами. «Давно, уже несколько лет, — говорят они, — не видели креста». И еще рассказали любопытную историю своего спасения. Оказывается, их укрывали курды от турок. Здесь, то есть в этом районе, отношения армян и курдов не те, что в Алашкертском и Ванском районах: турки тут общие их угнетатели. Но когда наши части появились в этом районе, курды — укрыватели армян — возымели большое подозрение к последним и говорили им: «Это вы направили на нас русских и выдали нас». Решили резать укрытых ими армян. Те взмолились и пустились на хитрость. «Отпустите, — говорят они курдам, — отпустите последний раз помолиться, а потом уж, что делать, режьте нас». Курды поверили и отпустили помолиться, а те, пользуясь темной ночью, — на задворки, по

крышам, да и удрали в горы. Долго бродили по снежным вершинам, прячась от турок, пока наконец не набрали на наши казачьи части.

После Комсора природа словно преобразилась. Сразу почувствовался перелом на весну. Утро 1 марта. Эта необыкновенная, прекрасная, лучезарная заря в горах. Встали перед восходом солнца. На душе было так радостно и тепло. Хотелось молиться и петь гимны. Кругом на вершинах снега серебрятся. Уже розовеют. Утренняя звезда уже растаяла в лучах грядущего солнца. Легкий бодрящий морозец. Дышится легко. Казаки уже хлопочут около коней: седлают и навьючивают. Кони торопливо жуют раскиданное кругом сено, словно спешат запасть на дорогу, зная по опыту, каково голодать во время целодневных переходов.

...Полк вытягивается в походные колонны. Радостно было ехать, путь был по долине, пересеченной рекой Тузлой, поросшей густым ивняком. Направились по ее левому берегу. Часа через три подъехали к селению Парсеник, расположенному на вершине широкого плато. Там уже шел бой за обладание селением. Работали донцы и наши. Скоро турки были выбиты из первой линии и отошли за селение. Мы вступили в селение, пока прилегли под охраной саклей, через крыши которых несмолкаемо визжали турецкие пули. Бой длился упорно. Работали пулеметы. Турки готовили обход нам. Санитарным носилкам было приказано спуститься вниз. Укрепили на горе флаг с красным крестом. Стали приносить раненых. Делали перевязки и направляли дальше, в госпитали. Тяжелораненых я напутствовал. Трогательно и величаво было поражение одного раненого кубанца. Ни стоны, ни

Похороны казака ст. Сергиевской Т.А. Тимченко.
Первый справа казак Я.А. Хахуция, третий слева А.Ф. Ткаченко.
Армения, 1915 г.

жалобы... Я причастил его. Он был ранен в живот безнадежно. Вспоминал семью. Умирал у меня на руках, положив голову мне на колени. Я стал утешать его. Вот где страдания, милые. Как описать их? Нет, слово бессильно перед ними. Эти славные, бесконечно дорогие, милые герои наши! Земной поклон вам! Какое мужество, какое безграничное терпение!.. Много раненых было в этот день.

...Продвигались мы дальше все время с боем.

...В селении Парсеник похоронил убитого донца-урядника. Подошли к следующему селению — Чигнит. Там собрались почти все наши сотни. Оказались убитые и из нашего полка. Трое. Все из первой сотни. И все трое поражены в голову! Положили их рядом передо мной. Раскинув богатырские руки, они лежали бледные, с окровавленными молодыми лицами. Я указал место для их братской могилы. Казаки быстро приготовили крест и прибили дощечку к нему. Просили меня сделать карандашом надпись, чтобы потом вырезать по ней ножом. Я писал: «Павшие смертью храбрых казаки такого-то полка и сотни». От них осталось трогательное наследство: те воскресные листки, которые я раздавал и во время беседы о которых говорил им, чтобы не рвали и берегли. Они и это исполнили! Милые мои, дорогие мои духовные дети! Верные до конца и великой заповеди любви к Богу и к Отчизне. У одного же нашли Евангелие на славяно-русском языке, а в нем ту икону, которую я так долго и тщетно искал по Тифлису, — Воскресения Христова!.. Я прямо поражен был таким совпадением. Он, убитый, оставляет нам лик воскресенного Христа.

Это голос умершего из могилы, голос веры, побеждающей саму смерть. Да, как не повторить: «Честь и слава отошедшим бойцам! Их следы не забудем теперь никогда».

Честь им и слава!.. они в лучезарном краю, торжествуют победу свою!.. Вместе со Христом Победителем! Это голос и свидетельство бессмертия: могила убитого бойца, а над нею Лик Воскресшего Христа. Дорогие мои духовные дети, «Христос Воскресе!» Благословляю ваши святые останки, вашу родную, братскую могилу. С вами Христос неразлучно, как и с нами, пока живущими на Земле. Помолитесь за нас, мученики, сыны великой Кубани, положившие свою жизнь за Царя и Веру. Мир вам! Спите здесь. В урочный час и мы будем с вами все — без исключения. Лишь бы веру сберечь до того урочного часа. И не дрогнуть. Христос да поможет и нам сберечь для встречи Его светильник веры!.. Это Евангелие, оставшееся от казака, и найденную в нем икону Воскресения Христова я буду беречь как святыню. Они будут со мной в походе неразлучно, как лучшее напоминание о том, что нам должно быть важнее всего.

После похорон убитых мы двинулись дальше.

Я не отставал от полка. Моя славная Диза терпеливо справлялась со всеми трудностями переходов, неся на себе не только мою особу, но и церковные принадлежности. Господь помогал нам и давал нам силы. Шли бодро вперед. А шаловливая Бегри неумоимо вертелась и прыгала, вальсировала и брыкалась своими маленькими копытцами, смеша казаков. Весело позвякивал у нее на шее маленький бубенчик. Казаки острили и перекидывались шутками. В это время произошел эпизод с «кардашем» на скале, оказавшимся огромным орлом, эпизод, описанный мною в стихотворении под тем же заглавием: «Кардаш¹». Это стихотворение я написал экспромтом, сидя верхом, под свежим впечатлением комичной истории.

¹ Кардаш (тюрк.) — брат.

КАРДАШ

Бой закончен. Перестрелка
Еле слышалась вдали.
Под скалой у речки мелкой
Казачьи рядами шли.

На вершине меж камнями
Кто-то, спрятавшись, сидел
И свирепыми глазами
Вниз на всадников глядел.

«Поглядите-ка, ребята!..»
Встрепенулись казаки
И, заметив супостата,
Показали кулаки.

И пошла у них потеха,
Благо дело не в бою:
Каждый рад был ради смеха
Вставить шуточку свою.

— Ишь упрятался как ловко!..
Страх-то вон куда загнал!..
— А в руках, гляди, винтовка..
Ишь, сердечную, обнял!..

— Всё одно: не будет чуда,
Чтоб укрылся там от нас!..
— Эй, слезай, «кардаш», оттуда,
Аль сведём тебя сейчас!..

Но «кардаш» сидел, как прежде,
Неподвижен и упрям:
Видно, чуда ждал в надежде,
Что его не тронут там.

Но такого ослушанья
Наш казак не потерпел
И упрямцу в назиданье
Хватить винтовку «на прицел».

Грянул выстрел, прокатился
Гулким эхом по горам,
И «кардаш» зашевелился,
И запрыгал по камням.

А потом перед глазами
Удивленных казаков
Широко взмахнул крылами
И взлетел до облаков.

* * *

Придя в селение Кури-Гуль вместе с санитарными носилками, я расположился у сакли. Тут же поставил и Дизу. Достал свою записную книжку и делал набросок нового стихотворения: совсем по-мирному. Слово все кругом благополучно. И любовался, как над моею головой на краю плоской кровли ликовал скворушка, нежно и радостно трепеща и сверкая черными крылышками и словно выговаривая: вааа... вайй. Было тепло, солнечно. Дыхание весны разливалось над зеленеющей долиной. Но рядом с этим дыханием и трепетом весны и жизни над той же долиной носилось и разливалось другое, обратное дыхание, разрушающее и смертное. Гений смерти сыпал пулями, свистевшими над нашими головами. Слово искал и нащупал нас. Но вот вверху над нами пронесся зловеющий гудящий звук. Он остановился там на мгновение и внезапно разразился в гром, на месте которого клубом заколыхалось вверху бело облачко. Потом следом опять то же. И еще, и еще...

«Эге, — думаю себе, — это уже не скворушка будет... Басурманин шрапнель посылает нам. Мое почтение... надобно ориентироваться в создавшемся положении...»

Ближайший из офицеров командовал нам рассытаться и укрываться за ближайшей горой. И рассыпались кто куда. Вот была штука.

Потянулся и я за гору. А «Осман» все в том же духе угощал нас след: и справа, и слева, и на гору. Шрапнели с грохотом рвались, и белые облачка их таяли, расползались в лазурной вышине, золотясь в ярких солнечных лучах. Жутко стало на душе. Чувствовалась беспомощность своего положения. Вспомнил о вас, моих ненаглядных, и сердцем взывал к вам, и просил ваших молитв за меня, и верил, что для молитвы сердцу нет расстояний. Ясно, так ясно видел вас троих перед собою среди своего одиночества и верил, что ваши молитвы защитят меня и не дадут нагнать меня разгулявшемуся гению смерти. Скажу откровенно: во время наших переходов и сражений в моей душе живет несмолкаемая молитва и за вас, и за тех моих духовных детей, которых так тесно окружает опасность. Всеми силами души призываю Божью помощь и охрану нашей Небесной Путеводительницы и Заступницы — полковой святыни Тихвинской Пречистой, которой благословили нас в поход граждане города Мерва! В Ее помощи — наша сила и победа и все наше благополучие. Она всегда с нами неразлучна. Поэтому не смущайся и не бойся ничего, друг мой... Молитва непобедима никакими силами ада. Это сознание укрепляет меня в самые трудные минуты...

...Задача, поставленная нашему отряду, была уже выполнена, и нас сменили здесь другие части, а мы 8 марта рано утром через г. Мема-Хатун передвинулись в другое селение, в то самое Кизиложа, «Красное село», которое я описал выше.

Перед выступлением туда мне пришлось побывать одному в г. Мема-Хатун (5 марта), там совершил погребение наших казаков. На погребении присутствовал наш генералитет. Там же посетил я лазарет для раненых. Отслужил молебен, побеседовал с больными, утешил их.

В селении Кизиложа посчастливилось мне устроить говенье для казаков; воспользовался тем, что все наши сотни оказались в сборе. Служить пришлось, конечно, под открытым небом. Помещения такого

Ст. Сергиевская. Братья Синчук.
Слева направо: Федосей Евсеевич, Иван Евсеевич, Гурий Евсеевич, 1916 г.

не находилось. Но, слава богу, погода благоприятствовала нам. Установились теплые солнечные дни на все время говенья.

Для молитвы собирались казаки на расчищенную нагорную площадку в конце селения. Из самодельных глинистых кирпичей они сложили там особое возвышение, заменившее престол во время Богослужения. Торжественная и трогательная картина — служение Литургии среди этих диких гор и скал в далекой турецкой стороне. Христос освятил селение это Своим Великим Таинством. Пречистая Тихвинская благословила его Своим Божественным Присутствием. Счастливое селение! Теперь весь наш полк отговелся. Приготовился к встрече Великого Светлого Христова Воскресения.

20 марта 1916 г.
сел. Кизиложа

* * *

Христос Воскрес, моя родная!
Христос Воскрес, мои малютки!
Шлю вам привет весны и мая
И голубые незабудки.

Под небом Турции далёкой
Я их собрал с полей сраженья,
Собрал, как дань с земли жестокой,
В залог любви и возрожденья.

Витала смерть тогда над нами,
Весна же праздник свой справляла,
И солнце яркими лучами
Цветы-малютки целовало.

А те под гром военной бури,
Не зная слёз людской печали,
Глядели нежно в глубь лазури
И, голубея, трепетали.

И мне понятен был их трепет:
Под смертоносный гром сраженья
Я уловил в нём счастья лепет,
Святую радость Воскресенья...

Христос Воскрес, моя родная!
Христос Воскрес, мои малютки!

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Будет день победы славной,
Незабвенная пора:
Загремят в Москве державной
«Гимн народный» и «Ура!».
И взойдёт при этом клике
Царь на «Красное Крыльцо»,
Счастье, радость, мир великий
Озарят Его лицо.

И в восторге вдохновенном
Молвит Царь своим сынам:
«Русь родная, мир священный
Даровал Всевышний нам!

Внял молитве он смиренной,
Вашей верности помог:
Побеждён наш враг надменный
И лежит у наших ног!

Миновало время битвы!
В храм, великий Мой народ!
Богу сил свои молитвы
Наше сердце воздаёт!

Честь и слава, Русь Святая,
За великий подвиг твой!
Соберись теперь, родная,
К мирной жизни трудовой!»

*Свящ. Константин Образцов. Кавказская армия
1916 г. В день Святой Пасхи. На позиции*

* * *

Братья, в дни горя и муки
Нашей Отчизны родной
Крепче возьмёмся за руки,
Грудью станем одной.

Верные долгу и чести,
Клятву друг другу дадим:
Стражем быть, каждый на месте,
Взятом по силам своим.

Клятву дадим — неустанно
Богу служить и Тому,
Кто нас на подвиг желанный
К трону зовёт своему.

Прежде же, братья, смиренно
Душу крестом оградим,
Щедрому Богу вселенной
С верой мольбу сотворим:

Господи сил, с нами буди,
Милость свою ниспошли,
Братством скрепи наши груди,
Нашей молитве внемли!

Молебен

Русского сердца святыни
Ты сохрани в дни борьбы...
Господи сил, не отрини
Нашей смиренной мольбы!

Дай нам в напасти терпенье,
Будь нам победою Сам...
Боже, да внидет моление
Наше к Твоим небесам!..

Всё так же полноводно катит свои воды Кубань, воспетая в стихах и песнях незабвенного полкового батюшки, священника Константина Образцова. Всё больше свечей возгорается в возрождённых кубанских храмах, и мы, после долгого забвения, начинаем снова приобщаться к своим святыням, к своей Вере, к историческому прошлому своего Отечества... На сборах кубанских казаков, на праздничных торжествах в хуторах,

станицах и городах обновлённой Кубани торжественно и величаво звучат слова кубанского гимна «Ты Кубань, ты наша родина...». В них голос Великого патриота Отечества, духовного наставника отца Константина... Прорвавшись через толщу лет, он, как и прежде, зовёт нас к единению, к преданности своей Вере, к радости созидания, любви к миру и жизни, к безграничной преданности своей родине — России.

Походная икона

Золотой наперсный крест
на Георгиевской ленте

ГЛАВА V

ПО СТРАНИЦАМ «КУБАНСКОГО
КАЗАЧЬЕГО ВЕСТНИКА»

«Кубанский казачий вестник» — это небольшое издание на обычной типографской бумаге, до двадцати и чуть более газетных страниц, без особой обложки, с одним и тем же рисунком скачущего казака. С началом Первой мировой войны каждый номер его доходил до передовой линии окопов и был единственным печатным словом, которого всегда ждали казаки...

В этой главе подобраны статьи, заметки и стихотворения известных и малоизвестных авторов «Кубанского казачьего вестника». Мы постарались донести до нынешнего читателя те

чувства, переживания, которые испытывали родные и близкие казака, уходящего на Турецкий фронт. Репортажи с боевых позиций кубанцев-пластунов... трогательные письма домой... поэтический призыв «стоять насмерть» — вот далеко не полный перечень гражданской тематики, широко разлившейся на страницах «Кубанского казачьего вестника». Все эти публикации довольно точно дополняют скупые академические строчки научных монографий о той теперь уже далёкой войне 1914–1917 гг., названной современниками Второй Отечественной войной.

ПРОВОДЫ КАЗАКА ИЗ СТАНИЦЫ

— Господи Иисусе! Никак пожар, — выбегая за ворота и обдергивая на ходу подоткнутую юбку, — говорит старая Петровна Горлова, — оглядываясь по сторонам на таких же встревоженных соседок.

— Да нету. Нигде как будто не горит, а на большой колокол раззвонились, — отвечает ей соседка Микитишина.

«Ванятка! Ну что там, не видать?» — обратилась она к сынишке, оседлавшему гребень сарая.

— Не, дыму не видать, а только на колокольне красные флаги так и трепляться, так и полоскают!

— Что ж бы это такое? — недоумевают соседки.

— Митюшка! Беги-ка к правленью, — догадывается наконец одна.

А набат гудит и гудит над станицей, по которой, как встревоженные муравьи, засуетился народ.

— Вой-на! Вой-на! — размахивая руками и высоко подбрасывая пятки, кричит, захлебываясь, Митюшка, узнавший около правленья о причине набата.

Потемнело в глазах Петровны.

Ни слова не сказала, только приткнулась к плетню, а потом, оправившись, молча побрела в хату доканчивать вместе с невесткой стряпню.

Заныло, затрепетало материнское сердце за любимого сына Пронюшку.

— Видно, нужно... Как Бог даст... Мать Пречистая... Царица Небесная... — мелькают обрывками мысли в ее голове.

— Когда же Митрич выступает? — робко она спрашивает своего старика.

— Да, сказывают, в четверг.

КУБАНСКИЙ КАЗАЧИЙ ВѢСТНИКЪ

23 Ноября 1914 года
г. Екатеринодаръ.

— Обед надо?

— Да уж, известно, что без хлеба-соли провозжать. Справь там, чтобы все как следовало, честь честью, — приказывает Митрич.

В четверг собралась у Горловых вся родня, кроме тех, у которых оказались тоже сыновья — воины.

Набралось родни что-то очень много.

Так что часть пришлось рассадить обедать на дворе.

Петровна с невесткой Аксиньей из сил выбились, угощая, и в то же время обеим женщинам хотелось, чтобы обед этот никогда не кончился и не скрылся бы из глаз их ненаглядный Пронюшка.

— Болючий мой... вернется ли? — запричитала было тетка Орешиха, но дядя кстати дал ей такого «раза» в спину, что та сразу замолчала.

— Эка, дура. Вздумала при таком случае тоску наводить, — вразумляет он ее.

— Ну, сваточки и родненькие, — проговорил, вставая из-за стола, Митрич, — извиняйте. Некогда дюже сидеть-то. Не свадьба. Пора и к церкви собираться.

Мигом бабы убрали со стола, побросали посуду в теплушке, отодвинули скамьи к стенам и кто подперев рукой щеку, а кто сложил руки на животе, столпились у дверей, оставив свободной середину хаты.

— Присядем, — коротко пригласил Митрич присутствующих.

— Сюда, Пронюшка. Вот тут, — суется Петровна, стараясь усадить сына поперек половиц.

Все сели — кто на чем попало.

Кому не хватило места — притулились на краешке стула или скамьи.

В хате на несколько мгновений воцарилось молчание, прерываемое бабьими вздохами да материнскими всхлипываниями.

Хочется ей сказать что-то такое важное, необходимое, да не то перезабыла все, не то сообразить не может.

— Ну, Господи благослови, — крестясь широким крестом, проговорил отец. — Становись, Прокофий, вот туда. Помолимся Господу Богу.

Присутствующие начали усердно креститься, класть земные поклоны, а Петровна, став на колени, впиалась взором в лик Богоматери, вручая Ей в эти минуты жизнь и судьбу любимого сына.

— Ну, сынок, — проговорил Митрич, беря в руки икону и обращаясь к виновнику всего этого торжества:

«Бог тебя благословит и я тебя благословляю».

«На великое, значит дело. Служи Царю — Отечеству верой-правдой».

«Товарища из беды выручай».

«На службу не напрашивайся и от службы не отказывайся».

«Что велят господа начальники, то ты и делай. Потому, на службе своей воли нету, а за все думает начальник».

«Он знает куда и зачем посылает».

«Ты спишь, а он за тебя думает, потому не сумлевайся и никакой опасности не бойся».

Петровна, прижав фартук к глазам, беззвучно рыдает, о чем можно догадаться по ее трясущимся плечам.

— И помни еще, — преодолевая подступившую слезу, почти выкрикивает Митрич.

«Как ежели понадобится... не жалея крови... Ни первой, ни последней капли».

«За Царя, Отечество. Вот. Ну вот. Господи благослови. Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа», — заключил он, осеняя воина троекратно иконой, к которой тот благоговейно прикладывается, отвесив предварительно родителю земной поклон.

— Сыночек... Пронюшка... Царица Небесная... — только и могла выговорить Петровна, когда ей вложили в руки икону.

Не сумела старая казачка сказать связной речи, зато много слезинок уронила на казачью голову.

Благословили дяди и тети, попрощалась остальная родня.

— Вот тебе на дорогу, — проговорил старший дядя, подавая Прокофию серебряный рубль.

Тот взял монету, посмотрел на нее, потом с недоумением перевел взор на мать и по ее знаку бухнулся в ноги дяде.

— Ну, что уж там, служи хорошенько, — бормочет растроганный дядя.

Примеру его последовала остальная родня, протягивая отъезжающему кто полтинник, кто двугривенный, а кто и гривенник.

Наконец окончилось прощание в хате.

Петровна взяла чашку с овсом и краюшкой хлеба, подошла с угощением к коню.

— Конь ты наш, конечек, — причитает она, заливаясь слезами. — Сбереги ты сыночка нашего в бою-брани. Не выдай врагу-супостату; принеси живым-целым на родительский двор, — всхлипывает она, кланяясь в ноги коню, обнимая его копыта.

Кое-как оттащили старуху.

Отец берет коня под уздцы и с сосредоточенным видом сводит его со двора.

Рядом идет Прокофий с Аксиньей, прижимающей ребенка к груди, сзади плетется мать, тесть, теща и прочая родня.

— Сыночек ты мой милый! От ветра я тебя укрывала, от солнца я тебя защищала! В бурю-непогоду я тебя оберегала! От службы Царской не укрыла, не упрятала я тебя, сокол ты мой ясный, голубь ты мой сизый!! — захлебывается мать.

— Ой, Петровна! Да ты не убивайся, голубка, так, — утешала соседка Микитишна.

Между тем церковная площадь вся запружена народом.

На разбросанном сене стоит, в ожидании молебна, стол, к которому вскоре из церкви при колокольном трезвоне вышел причт «со святостью», в состав которой вошли все иконы, которые можно было снять со стены, и все хоругви, в разное время пожертвованные усердными прихожанами.

Все это расположилось широким полукругом, за которым стали отъезжающие казаки, каждый со своим боевым товарищем конем.

Солнце, как бы опасаясь не использовать все свое тепло перед надвигающейся сивой тучей, печет невыносимо.

Жарко, душно.

Загорелые, потные лица усердно осеняются заскорузлой рукой, а огромный хор могучими волнами шлет к Небесам моления о славе русского оружия, победе над врагом, о здравии, спасении воинства христоролюбивого...

После молебна и соответствующей случаю речи воины, окропленные святой водой и осененные святым крестом, разбившись на группы, двинулись по главной улице за станицу.

Проводы казака на службу.
ст. Пашковская, 1913 г.

— Ну ты! Дура такая! Чего рот раззявила? — вразумляет бабу, проходя мимо, пожилой казак.

— Ох, родненький! Ой, тошнехонько, магуты моей нету-ти! — вздрагивает баба.

— Как будто одного твоего взяли. Вон у Федоровых всех четырех взяли. Эка беда!

— Ох, моченьки моей нету-ти! — стонет она.

— Тю-ю, — отмахнулся утешитель, устремляясь за общим людским потоком, втянувшимся в улицу.

— Афанасий Петрович! — останавливает рослого урядника учитель. — До свидания! Вернетесь, Бог даст, «кавалером».

Урядник торопливо стаскивает шапку, крепко жмет учительскую руку и, троекратно облобызавшись, спешит на свое место.

— Стой! Стой! Ванюша! погоди, детка. — Мелкими старческими шажками ковыляет седой дед к соседскому сыну. — Дай Бог тебе там... Усякого успеху... — нескладно бормочет он, держа шапчонку на отлете и целуя казака.

Потянулся обоз с вещами, бабами и детьми.

Вот запоздавший казак, чернобровый, сухощавый, с радостной улыбкой на устах, скачет, нагоняет обоз.

— Прощайте! — мимоходом бросает он мне, взмахивая шапкой.

— Прощай, милый!

— С Георгием! — кричу я вдогонку, совершенно незнакомому казаку.

Оборачивается. Что-то кричит хорошее, радостное и скрывается в облаке пыли, поднятой его конем.

Валентина Дульцева

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ КУБАНЦА

Прощай мой край, где я родился,
Где жизнь впервые увидал,
Где казаком на свет явился,
Царю, России присягал.

Прощай отец, старик служивый,
Прощайте мать, жена, семья,
Прощай простор полей родимый,
Прощайте милые друзья!

Настал тяжелый час разлуки,
Иду за родину служить.
Могли деды, сумеют внуки
Живот за веру положить.

Мой дед и прадед прослужили
На пользу родине, Царю,
За Русь головушки сложили —
Коли нужна, отдам свою.

Не плачьте, кровные родные,
Окончу службу, ворочусь,
На смену мне пойдут другие,
А я за прежний труд примусь.

Но если ж я, по воле Бога,
В курень родимый не вернусь,
Тогда одна моя дорога —
Погиб со славою за Русь.

Уймись слезы расставанья,
Вперед, товарищ Вороной.
Прости, прощай и до свиданья,
Очаг родительский, святой!

ККВ, 1914 г.

ПИСЬМО АРТИЛЛЕРИСТА-КУБАНЦА

На днях получил письмо из Кавказской армии, которое привожу здесь почти дословно.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

«Наконец сегодня я получил от тебя давножданное письмо, на которое, пользуясь выпавшим на мою долю свободным временем, спешу ответить. Первым-наперво, конечно, должен похвалиться, что с 18 октября наша дивизия, состоящая из казачьих полков и казачьих батарей, нашей N Кубанской и Терской, вступили в бой. Первая наша встреча с турецкой пехотой была на Калибардинском проходе, где сотня наших казаков-кубанцев, бросившись в атаку на неприятеля, вырубил 127 турок и 17 взяла в плен, наши потери: 9 убито и 6 ранено. С этого дня мы гнали турок, не останавливаясь верст сто.

К нашей дивизии присоединились еще 4 батальона храбрых пластун-кубанцев, которые моментально стали показывать свою пластунскую удалость, выдирая турок из гор и ущелий. За последнее время нами взято в плен много турецких солдат и офицеров, солдаты одеты очень плохо, не преувеличивая можно сказать — полуголые, большинство из них босые; среди убитых и взятых в плен турецких офицеров и солдат очень много германцев; турецкие солдаты большими партиями сдаются в плен без боя. У турок, с которыми нашей дивизии приходится иметь дело, винтовки, пушки и лошади почти все исключительно германские.

С утра, 3-го ноября, страшно много турецкой пехоты наступало на наш левый фланг, здесь N батарея целый день вела непрерывный огонь, и благодаря умелой распорядительности командира нашей батареи, который сам отлично владеет пушкой, противник к вечеру начал отступать назад. Мы, переезжая на другую позицию, с трудом пробирались через трупы турецких войск. При виде этой массы трупов кружится голова. В этом бою наша убыль в батарее — 8 раненых лошадей, и только.

В настоящее время мы остановились в селе А., в котором живет немного армян. Живем в саклях, в которых, что называется, томимся, так как всем нам хочется на передовые позиции, и это желание настолько сильное, что вы себе и представить не можете. Передовая позиция от сел. А. в 10 верстах, и происходящие там перестрелки всегда слышны нам. В ночь на 6-е декабря, приблизительно в 3 часа, полк курдов, атаковавший селение Мешки, в котором

находилась небольшая часть наших войск, подоспевшими из соседнего селения нашими храбрыми пластунами был выбит почти весь, если не считать нескольких сдавшихся в плен. 8 декабря, с раннего утра, с передовых позиций особенно ясно доносились до нас частые выстрелы пушек и винтовок. Слушая эти звуки, сидя в селении, неудержимо забушевала кровь в казачьей груди, так и хочется полететь туда, где, быть может, так много оказал бы полезного; но вдруг слышим — трубач нашей батареи играет тревогу. Поднялась на ноги вся батарея, лошади подняли уши, один миг — и были заседланы и запряжены в пушки, появились впереди песенники, и полились наши родные песенки «Засвит встали казаченьки», «Ой сив пугач на могили», «Ой гай маты» и т. д., а выстрелы с позиции доносились все чаще и чаще. Но вдруг подается команда: «Садись, казаки». Веселые как никогда, взлетаем на лошадей, подъезжает наш славный командир батареи, здоровается, а затем командует: «Справа, по-орудийно, за мной». Каждый из нас, осенив себя крестным знаменем, двинулся за командиром с уверенностью, что не дольше как через час покажем честь и славу казаков-кубанцев. Не успели выехать за селение саж. 100, как навстречу нам попался ординарец с позиции, передает какую-то бумагу командиру батареи, который быстро прочитал, а затем скомандовал: «Налево, кругом!» — и приказал нам следовать за ним назад; приутихли здесь веселые казачьи песни, опустилась голова, поехали опять скучать в селение.

30 ноября нашу Кавказскую армию посетил горячо всеми нами любимый наш Царь-Батюшка Е. В. Государь Император Николай Александрович. Встречали Его Величество в селении Миженедер. Один взвод наших батарейцев ездил для встречи Его Императорского Величества, мне лично ехать не пришлось (о чем до глубины души жалел), так как я еще 28 ноября поехал за фуражом и возвратился в батарею только 1 декабря.

Сердечно благодарю тебя, дорогой..... за конверты и бумагу, которые здесь стоят очень дорого, один конверт стоит 10 коп., да лист бумаги 10 коп., да и то не всегда найдешь.

Благодарю тебя и редактора журнала «Куб. Казач. Вест.» за присылку на мое имя экземпляра нашего родного казачьего печатного органа, которому не нарадуется весь состав нашей батареи, экземпляры этого журнала явились единственным печатным словом, за которым так соскучились все.

Сидя в саклях, мы стараемся разгонять скуку. На днях вздумали мы, казаки, напечь пирожков с мясом. Сказано — сделано: угостили своих хозяев армян, которые не нахвалятся нашими пирожками, хозяйка дома часто просит нас научить ее готовить что-нибудь порусски, мы всегда удовлетворяем просьбы хозяев, которые нас тоже уважают, бесплатно стирают белье.

Погода у нас великолепная, прохладная, морозы бывают в 30 градусов.

Все лишения и невзгоды переносим с удовольствием. Помним слова нашего Государя «Не положим оружия до тех пор, — пока враг будет окончательно побежден».

А. Опомах
Сообщил Н. Сирота
ККВ № 51—52, 1914 г.

КУБАНЦЫ В БОЮ

(Вести с позиции)

3-го июня сего года бригаде нашей, состоящей из №-го 10-го и №-го 5-го Кубанских казачьих полков, приказано было зайти в тыл туркам, находящимся в сел. Коп.

В 9 часов утра, того же числа, мы вышли из бивуака и пошли на сел. Коп левой стороной реки Евфрата. По берегу реки мы прошли около 10 верст и взяли направление на сел. Диза. Дорога к этому селению гористая.

Не прошли мы и 3-х верст от Евфрата, как приказано было спешить, потому что турецкая пехота стала появляться с востока и юга, а с западной стороны носились шайки курдов.

3-я, 4-я и 5-я сотни 10-го полка спешили и заняли хребет, чтобы остановить наступление цепи противника, двигающегося с востока. 6-я сотня 5-го полка спешила правее нас и заняла небольшой каменистый хребет к югу, потому что оттуда двигалась рота турецкой пехоты, намеревавшаяся остановить наше движение в тыл.

После получасовой перестрелки 6-я сотня 5-го полка вдруг встала в цепи и бегом бросились к лошадям. Не зная в чем дело, можно было полагать, что на черноморцев наступает большая неприятельская сила и они решили отступить. Но получилось совершенно обратное и неожиданное. Черноморцы не из таких, чтобы отступить перед турками. Через 10 минут вся черноморская сотня была построена в развернутый фронт, впереди ее был отважный командир сотни есаул Стороженко. Блеснули стальные клинки шашек и передняя шеренга стала быстро расходиться в лаву и рысью пошла по направлению неприятеля, а пропустив сто шагов дистанции, двинулась и вторая шеренга за первой, так же развернутая в лаву. И стало понятно, что храбрый есаул Стороженко, определив численность неприятеля, по собственному почину решил атаковать турецкую роту в конном строю.

Пройдя рысью около 200 шагов, черноморцы карьером понеслись на турок, последние открыли частую ружейную стрельбу. Но не могло это остановить наших храбрых и отважных черноморцев, которые во главе себя имели любимого есаула, готовые с ним в огонь и воду. Через две минуты на месте расположения турецкой роты слышен был ужасный лязг стали — и не больше как через 15 минут турецкой роты как не существовало. На месте ее расположения валялись более ста изрубленных турецких солдат.

Потери черноморцев: 5 убито и 7 ранено. В числе убитых и подхорунжий 6-й сотни. Убитые были доставлены на место ночлега и с воинскими почестями были преданы земле. Слава вам, павшим воинам, положившим жизнь свою за Царя и Родину. Пухом будет над вами турецкая земля, и да будет она вам своею. Имена ваши не забудет родная Кубань и гордо будет вспоминать о вас.

После шестидневного боя под селением Коп наши войска сбили турок с занимаемых ими Копских высот, и мы, преследуя турок, заняли селение Диза, отстоящее в 20-ти верстах западнее Копы. На следующий день мы получили от разведчиков сведения, что турецкая регулярная кавалерия (сувари) находится за рекой Евфратом, у селения Енжалу.

Это селение расположено на северо-востоке от селения Диза, присутствие там турок угрожало нашему тылу, что и побудило нас спешно идти по направлению сел. Енжалу, выбить из него турок и таким образом обеспечить свой тыл.

Не прошли и пяти верст, как нам стали попадаться партии турецких разведчиков, которых мы гнали перед собой. Подойдя на шесть верст к селению, ввиду наступавшей темноты мы остановились на ночлег. Турки, знавшие о нашем наступлении, всю ночь нас не беспокоили. На следующий день, утром, было получено приказание 4-й сотне

№-го 10-го и 3-й сотне №-го Черноморского полков выбить турецкую кавалерию из селения Енжалу. После совещания сотенных командиров решено было атаковать турок в конном строю.

Селение Енжалу отстояло в 2-х верстах от реки Евфрат, у поворота течения его с запада на юг, где был удобный для переправы брод, почему туркам представлялся только один путь отступления за реку Евфрат через этот брод. Селение Енжалу было занято двумя эскадронами турецкой кавалерии сувари с пулеметами.

3-я сотня N-го Черноморского полка левее селения, а 4-я сотня N-го 10-го полка — прямо в лоб селению. В колонне по три вытянулась вся сотня, переваливаясь через хребет, и турки открыли частый пулеметный огонь, командир 4-й сотни есаул Толмачев приказал рассыпаться в лаву. Но здесь на пути попались две труднопроходимые речки Коп и Чая, проход через которые возможен только по двум узким мостикам (по одному на каждой реченьке), по которым был сосредоточен ружейный и пулеметный огонь турок.

Чтобы преодолеть это препятствие и понести возможно меньший урон в людях и лошадях, опытный есаул Толмачев скомандовал: «По три, карьером проходить мост и вновь в лаву».

Ни частый ружейный и пулевой огонь, ни природные препятствия ни на минуту не останавливали закаленных в боях Черноморцев, которые по брюхо лошадям перешли вброд и третьей реченьку и ураганом понеслись на турок.

Турки спешно бросились отступать по направлению к броду. Но 4-я сотня, имея неотлучно во главе себя своего старого, но подвижного командира, пересекла путь отступления турок и врезалась им на бок.

Турки, настигнутые с одной стороны Хоперцами, а с другой Черноморцами, разбились на несколько групп, и здесь началась ужасная сеча. Отбитые от брода турки, спасаясь от острых казачьих шашек, с 3-саженной высоты бросались с лошадьми в реку Евфрат с вьюком. Около ста трупов турецких валялось на месте сечи, 30 человек с офицером взяты в плен с лошадьми, оружием и полным походным вьюком, и много турок погибло в священной реке Евфрат.

*Старший урядник 4-й сотни
N-го 10-го полка
Иван Сергеевич Шамалов.*

ККВ № 39, 1915 г.

С Кубанских позиций Ала-верды

(Составлено в 16-м Кубанском пластунском батальоне)

С времен давным-давно минувших,
С времен Сечи, Хопра-реки,
В боях лихих, уж промелькнувших,
Стяжали славу казаки.
Не раз знамена к ним склонялись
Поляков, турок, злой орды,
Все запорожцам удивлялись,
Ала-верды, Ала-верды.

Потом мы волею Державной
Переселились на Кавказ,
И враг лукавый и коварный
Затрепетал при виде нас.
Родные земли на Кубани
Завоевали нам деды,
Стяжали славу вновь на брани,
Ала-верды, Ала-верды.

И не один был бой горячий
В Кавказской медленной войне,
В них закалялся дух казачий
И слава шла о пластуне.
Потом бесстрашно и умело
В дни Севастопольской страды
Пластун вел боевое дело,
Ала-верды, Ала-верды.

В нас сохранился дух орлиный,
В бою тверда всегда рука,
И враг упорный, но гонимый
Повсюду встретит казака.
Артиллерист, пластун иль конный —
Роды всех войск нам не чужды,
Мы все на бой пойдём спокойно,
Ала-верды, Ала-верды.

Но среди всех сынов Кубани
Есть брат, считавшийся меньшим,
В Сарыкамыше, Ардагане

Враги склонились пред ним.
Ура, пластун, ты представитель
Минувшей славы и страды,
Врагов бесстрашный истребитель,
Ала-верды, Ала-верды.
А мы, наследники прямые
Покрытых славою отцов,
Мы свято чтим их боевые
Заветы бить своих врагов.
Всегда к опасностям открыто
Пойдем мы все без череды.
Ура живым, хвала убитым!
Ала-верды, Ала-верды.

*Сотник М. М-й и хорунжий А. П-в
Февраль 1915 г., м. Ардануч. ККВ № 40*

НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТЕ

Девятый месяц войны на Кавказском фронте дает такую картину: обессиленные, мечущиеся из стороны в сторону в последних конвульсиях турки и полная бодрости, энергии и стойкости закаленная русская мощь, сжимающая врага железными тисками.

Успешные и в то же время осторожные, строго продуманные действия нашей славной Кавказской армии создали обстановку, при которой мы приближаемся к завершению выпавшей на нашу долю трудной задачи. При самом скептическом отношении к тому, что сейчас происходит внутри разлагающейся страны Оттоманов, брошенной немцами в опасную авантюру, нельзя не прийти к одному определенному выводу: вековой враг настолько обесилел, что уже недалек час его неизбежного поражения.

С невероятным напряжением турки бросили на Кавказский фронт все, чем располагали, что могли собрать: в рядах турецких войск и 15-летние мальчуганы, и 55–58-летние кочевники, занимавшиеся до войны грабежами и разбоями. К половине мая вооруженные силы турок, оперирующие на громадном по своей растянутости Кавказском фронте, равнялись, считая и все иррегулярные войска, приблизительно семи корпусам, но около трети этих сил в течение месяца уже растаяли в боях, а источники пополнения их иссякли. Несмотря на ценные услуги немцев, пославших туркам, при любезном содействии Болгарии и Румынии, своих офицеров-инструкторов и, что еще важнее, изрядный запас оружейных и ружейных патронов и пулеметных лент, положение нашего противника крайне тяжелое.

Видя, как уплывает и переходит в наши руки территория Турции, прилегающая к нашей государственной границе, турки резко изменили тактику периода весенней кампании и с конца мая перешли от обороны к наступлению по всему фронту, главным образом

в ольгинском и эрзерумском направлениях. Казалось, все благоприятствовало наступающим: условия местности, численное превосходство в главнейших районах наступления, обилие оружейных снарядов и ружейных патронов, помощь местного сельского населения в доставлении провианта и фуража, и, тем не менее, отчаянный конвульсивный натиск врага, остановленный мощной грудью наших молодецких войск, только ухудшил положение турок, ошеломленных сыпавшимися на них ударами и понесших громадные потери.

Интересен и не лишен поучительности майский период турецкого наступления в эрзерумском направлении, в районе, приближающемся к нашему сарыкамышскому фронту. Здесь турки, не может быть сомнения, широко пользовались советами своих немецких руководителей, стараясь нащупать наиболее уязвимое место нашего расположения.

Свое «победоносное наступление» (как выразился в своем приказе начальник одной из турецких дивизий) турки начали 21 мая, стянув из Гасан-Калы, а частью из Девебойнского ущелья, значительную часть всех родов оружия. Шли «победители» со стороны Х., наметив, в первую очередь, оттеснение нашего отряда, занимавшего удобную горную позицию близ А. Еще с ночи загрохотали турецкие пушки, но вся масса выпущенных снарядов цели не достигла: узнав о намерении неприятеля, мы еще с вечера произвели перегруппировку своих частей, так что турки зря палили по пустому месту. Наши батареи, разумеется, не отвечали, а турки израсходовали громадное количество снарядов совершенно понапрасну.

На утро, едва рассвело, густые ряды турецкой пехоты, под прикрытием горной артиллерии, двинулись вперед. Мы воспользовались прекрасными прикрытиями и приготовились к должной встрече противника, решив подпустить его возможно ближе, именно в удобную

для нас в смысле обстрела лоцину. Едва турки достигли района, сделавшегося для них ловушкой, мы открыли жесточайший пулеметный и ружейный огонь, турки валились как подкошенные: вся лоцина была усеяна их трупами. Однако упорство турок пересилило очевидную безнадежность лобовой атаки, они по трупам своих продвигались все ближе и ближе и взбирались на возвышенность, за которой рассчитывали найти прикрытие. Перестрелка развивалась, огонь усиливался. Весь день шел почти непрерывный огневой бой, в конце утомивший турок и нанесший им чрезвычайный урон. Когда завечерело — мы сами пошли в атаку. Грянуло дружное ура, бросились наши молодцы на опешившего врага, началась наша дикая штыковая работа. Переколов немало аскеров, мы обратили уцелевших в бегство. Только вилось в воздухе заунывное, полное отчаянья «Алла! Алла!».

Ночь прошла спокойно, а утром, после восхода солнца, началась с турецкой стороны вялая перестрелка, редкая, беспорядочная. Турки, видимо, хотели ввести нас в заблуждение: пусть, мол, Рус подумает, что мы, получив хороший урок, оставили всякую мысль продолжать наступление. Наша разведочная служба, сняв турецкий пост и доставив его в наше расположение живьем, точно установила, что турки опять готовятся. И действительно, после двухдневного затишья, 24 мая, противник повел наступление со стороны крутой горы Д., ухитрившись втащить на почти отвесные склоны свои пушки.

Именно с этой стороны мы меньше всего ожидали вражеского натиска, но он не застал нас неподготовленными, так как в течение последних суток мы выполнили новую перегруппировку, правда, потребовавшую много искусства и напряжения.

Местность нового турецкого наступления отличалась редкою даже для этого края дикостью, вдобавок туркам пришлось перевалить очень высокую гору, покрытую, несмотря на конец мая, толстой снежной пеленой. Жажда

победы пересилила утомление после тяжелого перехода: турки с какой-то звериной яростью начали опять-таки лобовую атаку. Несколько раз достигали они передовой линии наших окопов, но были осыпаны нашими пулями и отступали. В некоторых местах наиболее разъяренные пехотницы даже вскакивали на наши брустверы, но тот час же валились назад от наших пуль и штыковых ударов. Бой дошел до рукопашных схваток. Много полегло здесь аскеров, много израсходовано здесь неприятельского боевого материала. Вечером турки сразу прекратили свои атаки, прекратился и их огонь. Под покровом ночи разбитый неприятель, сохраняя полную тишину, отступил и возвратился к своим исходным позициям. Утром лишь груды турецких трупов свидетельствовали о полнейшей неудаче турецких стратегов, вообразивших, что Русс-де не совладеет с численным превосходством Оттоманов.

Прошло немного дней внешнего спокойствия. Наши разведчики знали все, что делали турки; делали они нечто для них в высшей степени важное и спешное, пополняли свою убыль резервами, приводили в порядок свои разбитые части, передвигали на новые позиции свою артиллерию. Центром нового расположения пополненных турецких частей была большая деревня К. Пока турки «готовились», мы завязывали с чисто демонстративной целью перестрелки по всему фронту, окончательно сбивая противника с толку: где нас было меньше, там перестрелка была чаще и сильнее. Турки энергично нам отвечали. Наконец в ночь на 31 мая турки двинулись от деревни К. по прямой дороге, шли они очень медленно. Мы нарочно усилили огонь совершенно в другом месте, а там, где ждали турок, где ежеминутно были наготове, где искусным маневром приготовили наступающему своего рода сюрприз, молчали.

Ранним утром мы заметили осторожное турецкое продвижение. То на одной, то на другой возвышенности появились неприятельские колонны, спускались вниз, затем опять поднимались, так как местность была особенно

волнообразной. Часа через три передовые неприятельские части подошли к нам довольно близко, и сразу грянули наши залпы. Турки, не обращая внимания на убыль, упорно приближались. Мы пустили в ход пулеметы. Свалился один ряд аскеров, за ним другой. Турки, отстреливаясь, попятились, а в это время на их флангах показались казаки. Снова разгорелся ожесточенный огневой бой.

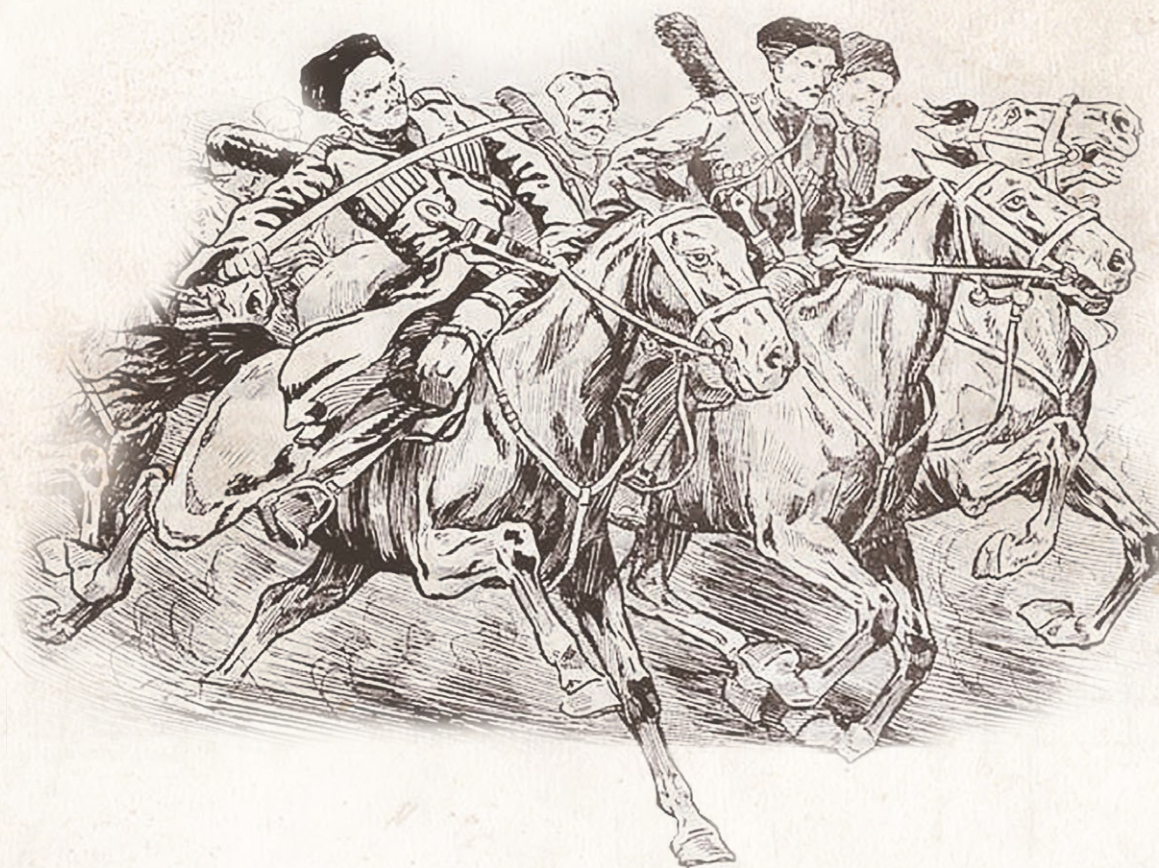
Участники передают, что бой этот турки вели прямо-таки бешено. Но вот в самый разгар сражения наши казаки налетели как ураган на толщу турецкой пехоты — и пошла работа. Наши стрелки

обдавали турок пулевым градом, наши батареи шрапнелью вырывали из строя десятки, сотни турецких бойцов, а казаки рубили, мяли и топтали пришедших в ужас «победителей». Среди всей турецкой массы началась паника, пустились бежать одна за другой оставшиеся живыми турецкие части. Бегство одних заражало других. Удальцы казаки настигали беглецов и кололи их.

— Ура! — неслись дружные клики наших войск, разбивших врага наголову.

Ни немецкие учителя, ни немецкие ружья и пули не спасли турецких воинов, принадлежавших к отборнейшим частям лучшего турецкого войска.

*Затерянный
ККВ № 29, 1915 г.*

ПЛАТУНЫ

Темные тучи клубятся,
С запада, юга идут.
Мощные громы рождаются,
Мощные споры ведут.
Эй, пластуны удалые,
Снова над Русью гроза!
Эй вы, орлы боевые,
Глянем ей смело в глаза!
Много сулит испытаний
Эта гроза впереди,
Но мы чужды колебаний,
Нет их в пластунской груди!
Сколько уж раз грохотали
Пули, шрапнели врага,
Нас они кровно братали,
Память о них дорога!
Знаем мы брани невзгоды,
Бодро их держим плечом,
Дикость, стихийность природы
Ценим всегда нипочем.
Верим в победу мы свято,
Ляжем костями за нее,
Так наши предки когда-то
Дрались за имя свое.
Помня заветы былые,
Стойки казачьи сердца.
Эй, пластуны удалые,
Бой, так уж бой до конца!

*А. П-ов
Турция. Куб. пл. бат.
ККВ № 33, 1915 г.*

МОЛОДЕЦКОЕ ДЕЛО ПЛАСТУНОВ

Уже несколько месяцев, как пластуны N-го Кубанского пластунского батальона, наступая на сверкавшие пятки турок, очистив Зачорохский край и даже прихватив часть турецкой территории, заняли, окопавшись, позицию у горы Дамбла-Курун. И вот, томясь бездействием, время от времени производили удачные всегда разведки, причем сплошь и рядом приносили турецкие винтовки, часто окровавленные. Не ходить к туркам в гости пластуны не могли, очень уж велико было искушение. Окопы нашей 2-й сотни находятся на расстоянии четырехсот шагов от турецких, а сторожевой пост, расположенный на самом конце гребня, вдающегося в ущелье «мешка смерти», еще ближе.

Ущелье «мешок смерти» получило свое название в апреле месяце сего года, когда пластуны брали гору Дамбла-Курун. Кто ни спускался по тропе в это ущелье, не возвращался: или ранен или убит. Это воистину был мешок смерти.

Мешок смерти. Но теперь пластуны по два или по три часто спускались в него, доползут бывало до турецкого часового, снимут его с поста, возьмут винтовку и патроны, и, пока турки сообразят в чем дело, их и след простынет.

Как-то урядник Персан обратил внимание на совершенно одинокую багафу, стоящую почти в самом ущелье. Он решил проверить, не служит ли она местом для ночного турецкого караула. С двумя пластунами он часа в три дня спустился в ущелье, спрятавшись за камнем и стал ждать... Тс... шорох. Полминуты спустя вышел один турок, потом другой, третий, их насчитали 15–20.

Пластуны вернулись в сотню. Эта багафа не давала им покоя: очень уж хотелось проведать ее хозяев. И вот в ночь под 25 сентября шесть пластунов, с прапорщиком Сергиенко во главе, решили пойти и угостить кое-чем турок.

Сборы были недолгие. Патроны и винтовки всегда с пластуном. Захватили несколько ручных гранат, пошли в полдень, под вечер спустились в ущелье. Расползлись в стороны, осмотрелись хорошенько — никого не видно. Тогда осторожно поднялись к багафе и расположились в нескольких саженях от нее в густой рододендре. Было еще почти светло. Урядник Персан беспокоился, что турки заметят след протоптанных дорожек, и от души желал, чтобы скорее темнело.

Не прошло и получаса, как послышались уверенные шаги и голоса турок. Пластуны притаили дыхание. Турки, не глядя по сторонам, направились к багафе, оставили двух часовых, а сами в количестве семи человек расположились на ночлег, покуривая и весело разговаривая.

Невыносимо долго тянулось время, минуты казались часами. Пластуны сползли к месту для совещания. Решили сначала прикончить часовых, если удастся, без выстрела. Часам к десяти разговор в багафе затих, наверно, турки уснули.

— Ну, пора, — шепнул прапорщик.

Все поднялись и пошли к багафе. Часовые, услышав шорох, куда-то скрылись: интересно, почему они не подняли тревогу? Пластуны подкрались к багафе, прислушались, слышно, как турки храпят да у кого-то из спящих тикают часы. Открыли дверь. Трах, трах — эти два выстрела пластунов были началом того ада, который поднялся в багафе.

Прежде чем послышались резкие выстрелы уцелевших турок, пластуны сделали по три, по четыре выстрела. Минуту спустя настала тишина. Пластуны вошли в багафу, кто-то зажег спичку. Увидели убитых турок, на их лицах виднелось застывшее выражение ужаса. Трупы лежали в ужаснейшем беспорядке, словно кто-то разбросал их. Кто лежал ничком, кто согнувшись,

у некоторых еще сочилась кровь. Пластуны взяли шесть винтовок, несколько подсумков с патронами. В одной винтовке была перебита ложа, некоторые были в крови. Пластуны двинулись обратно, и, пока турки не надумали стрелять, они были в безопасности. Из пластунов никто не пострадал, только

один потерял кисет с табаком, да эта беда невелика.

Благополучно добрались до своих, и на утро трофеи были доставлены в штаб боевого участка. Храбрецов начальство представило к награде.

Теперь уже турки не спускаются на ночь в ущелье и не ночуют в багафе.

Ст. мед. фельдшер N-го Кубанского пластунского батальона Григорий Картыш ККВ № 42, 1915 г.

СРЕДИ ПЛЕННЫХ ТУРОК

Их привели сегодня огромной толпой оттуда, с Алашкерской долины.

Еще вчера они упорно сражались, цепляясь за голые каменистые хребты, а сегодня жалкой толпой оборванцев они стоят и сидят около каменного сарая на берегу Аракса.

Огромное большинство разуты.

Широкие закорузные ступни, с полупавшимися пятками, покрыты слоем пыли. У некоторых одежда еще напоминает воинский вид — защитные куртки и такие же фески, но большинство без всяких признаков военной формы. У одного я заметил на ногах старые голенища сапог, одетые на ступню. Старые, ободранные плащи коричневого и серо-стального цвета, остатки пеглиц на грязных воротниках у некоторых и канты на штанах — все это только у немногих.

Я пошел посмотреть пленных турок, думая, что увижу хоть некоторое подобие солдат, но то, что увидел, поразило меня неожиданностью.

Я привык видеть пленных австрийцев. Серо-синие, немного сутулые фигуры пленных австрийцев хотя и были немного забавны своим далеко не воинским видом со своими неизменными длинными трубками и желтыми штиблетами, однако все же видно было в них солдат, а эти ... Господи боже мой — и это воинство?..

— Ты тоже солдат? — спрашиваю старого седого турка с расшлепанными губами и гноящимися глазами, одетого бог знает во что.

Кивает головою.

Однако молодой турок, по-видимому, настоящий солдат, машет отрицательно рукою и утверждает, что это не солдат.

— У нас нет таких солдат. Это курды.

Они прошли сегодня 40 верст, и по дороге не попадалось ни одного ручья. Где-то, вероятно на наших биваках, они понабрали пустых жестянок из-под консервов и, протягивая эти жестянки, именем Аллаха просили дать им воды.

Амазасп с пленными курдами

К нам подошел молодой турок в синем мундире и, приложив руку к феске, сказал:

— Эфенди, я и мои товарищи умираем от жажды, прикажите пустить нас к реке напиться.

— Но вы заболете от этой воды, она грязная.

— О, эфенди, лучше умереть от болезни, чем от жажды.

Хорошо. Отобрал партию и повел к реке.

Около конюшни, где остановились пленные турки, виднелись следы наших биваков: рассыпанная гречневая крупа, солдатские портянки и толстый слой конского навоза. Несколько пленных начали рыться в навозе, что-то доставать оттуда и есть. Я любопытствовал: что такое они нашли там съедобного?

Оказывается, они выкапывали из навоза старые корки солдатского хлеба и ели их с жадностью и остервенением.

До какой же степени эти люди не требовательны и как они должны быть голодны, чтобы есть эти корки, которые были пощажены даже собаками?

Человек 5 турок подошли к нашему солдату и, протягивая к нему свои коробки от консервов, просят «су» (воды).

К ним быстро подходит небольшого роста турок с лицом типичного османа и что-то резко говорит им.

— Что такое он говорит? — спрашиваю у переводчика.

— Он ругает их за то, что они позволяют себе просить, как нищие.

— А кто такой он сам?

— Фельдфебель одной из рот.

Я заинтересовался этим фельдфебелем. Левая рука у него была забинтована.

— Это какая рана? — спрашиваю его, указывая на руку. Фельдфебель вытянулся и приложил руку к феске.

— Шрапнель!

— Шрапнель?

— Да, да, шрапнель.

Было что-то приятное в выражении его серых мутноватых глаз и смуглого лица. Конечно, он сам страдал от голода и жажды, но он забыл о себе, он все время следил за своими товарищами по несчастью, ослабевшими в лишениях, чтобы они не роняли звания воинов Падишаха — не унижались и не попрошайничали.

Это был фельдфебель одной из рот того батальона, который засел на Калье-Падукском перевале и, несмотря на сильный артиллерийский и ружейный огонь, не хотел сдаваться в течение двух дней, несмотря на то, что был почти окружен и отрезан.

Этот батальон просто растаял от нашего огня, и в плен попали его жалкие остатки. Я не видел, когда и чем накормили эту жалкую толпу, потому что пошел посмотреть на офицеров, которых поместили в комендантском доме.

К офицерам в комнату зашел как раз в то время, когда они ели суп из баранины.

Их было, кажется, 10 человек, 2 капитана, остальные лейтенанты.

Одному капитану лет, вероятно, под 50, если не больше.

Он накрошил в тарелку кусков хлеба и вылавливал их оттуда вилкой. Смотрит, как пойманный ястреб.

В общем, очень вежливы и на вопросы по-французски отвечают по-французски же охотно.

Офицеры все одеты довольно прилично.

Сейчас получено известие по телефону, что наш конный отряд взял в плен целую партию молодых турецких офицеров в количестве 24 человек.

Они ехали на пополнение в свои части и были целиком в дороге захвачены нашими казаками.

Это трофей не заурядный.

А. Дульцев
ККВ № 33, 1915 г.

ТРЕВОГА

Вот уже несколько дней как наступило затишье на передовых позициях N-ского пластунского батальона, стоящего в окрестностях местечка О.

После нескольких неудачных попыток сбить нас с занимаемых позиций турки успокоились и стали сильно укрепляться, справедливо ожидая с нашей стороны должного возмездия за причиненное нам беспокойство.

Непрерывные дожди, шедшие в продолжение чуть ли не целого месяца, сменились великолепной погодой, и даже на наших высотах, доходящих до десяти тысяч футов и, несмотря на конец июня, покрытых еще кое-где снегом, стало сравнительно тепло. И сразу ожила позиция.

Пластуны, как пчелы из ульев, повылазили из своих землянок, вытащили бурки и черкески, промокшие на постах и еще не высохшие от последних дождей, и поразвешивали их на деревьях просушить. Тут же, на небольшой зеленой площадке, чудом оказавшейся среди диких гор и ущелий, примостились сотенные мастера, появились чеботари, откуда-то нашелся сапожный инструмент и пошла работа: кому нужно подбить каблуки или подметки, кому наложить латки. И пластуны, длинной вереницей стоя перед ними, терпеливо ждут очереди. Перед самоучкой портным, единственным на всю сотню, навалена целая гора рубах и шаровар. Возле ручья, извивающегося

несколько далее в неглубокой щели, горит большой костер — это прачечная, в ручье стирают белье и тут же над огнем его сушат. В толпе шум, говор и смех.

Глядишь на этот муравейник, на бьющую ключом жизнь, и как-то не верится, что идет война, война тяжелая с упорным и хитрым врагом и с трудноодолимой природой, что недавно были бои и еще предстоят, что приходится переносить всякие невзгоды и лишения, связанные с боевой обстановкой. А между тем каких-нибудь 600—700 шагов отделяют нас от неприятеля, который тоже зорко следит за нами и с винтовкой в руках сторожит неосторожно не окопавшегося пластуна, чтобы немедленно послать ему свинцовый орех. Но близость неприятеля и опасности не смущают его. Природный вояка, покрывший свое казачье имя громкой славой и в эту войну, пластун ко всему привык, и в жилах его не даром течет бурная кровь лихих предков запорожцев, а природный юмор — отличительная черта старого Запорожья, передался с веками пластуны и не покидает его и здесь на войне, шутки и остроты, нередко очень меткие, так и сыплются со всех сторон.

Да! Есть еще порох в пороховницах, силен духом казак, и я невольно вспоминаю слова из славной песни, сложенной тут же на позициях офицером-пластуном:

*В нас сохранился дух орлиный,
В бою тверда всегда рука,
И враг упорный, но гонимый
Повсюду встретит казака.*

Из небольшой, но опрятной землянки, стоящей немножко в стороне от остальных, вышел бравый фельдфебель с блестящим на груди новеньким Георгиевским крестом и зычным голосом крикнул: «А ну, хлопцы, кто на посты — живо собирайся!» Через 10—15 минут несколько партий пластунов разошлись в разных направлениях.

Турки от нас очень близко, занимают противоположный хребет и так же несут сторожевую службу. Их посты мы видим простым глазом, так как только узкая, но глубокая лощина разделяет нас.

До нашего ближайшего поста шагов 400. Партия в 7 человек пластунов с урядником скрытно пробирается туда

и, сменив старый караул, остается здесь на сутки для наблюдения за противником... Вечереет. Закутавшись в бурки, с ружьями в руках, сидят пластуны за камнями. Шагов в пятнадцати впереди, в окопе, так же сложенном из камней, виднеется неподвижная фигура часового.

Тихо, тихо. Вдруг где-то с турецкой стороны раздался выстрел, резко прорезал тишину наступающего вечера, раскатился длинным эхом по ущельям и замер. Испуганный орел поднялся с соседней вершины и с тревожным гортанным криком, описывая в воздухе широкие круги, постепенно исчез в вышине.

Пластуны насторожились.

— И шо вона за бисова душа палит, пробурчал тихо пластун Орда.

— Та бачь, воны бояться, шоб мы у ночи не надавыли на их, и палют, вроди показывают нам, шо и воны не сплят, — ответил ему так же тихо на посту урядник Шкряба.

— А шо, хлопцы, — продолжал первый, — не чули вы, шо турок замирения просить?

— Не бреши, Орда! То мабудь «пластуньска телеграмма», а ты вже и уши пораспустыв, — возразил ему пластун Гарбуз.

— Та деж там пластуньска? Сегодня мени ото казав станишник, шо прийшов со штабу; вин каже, охвыцеры у газети читали, шо турок не хоче войны, а то усе, просты Господи, тая нечиста сила, Вильгельм, старается.

— Нехай старается, — отозвался пластун Харь. — Пид Москвою Хранцюз старался, старался и достарался, шо ему набыли гузно. Як прийде наша «ваканция», то те ж буде и немцам.

Мирная «политическая» беседа пластунов была внезапно прервана шумом скатывающегося вниз, как бы из-под ног идущего мелкого щебня. Услышав это, весь пост быстро перебрался в окоп, залег и, сжав винтовки, стал напряженно прислушиваться и вглядываться в зияющую внизу пропасть, готовый грудью встретить дерзкого врага.

— Господин врядник, должно хтось ходе у низу, — шепотом доложил

часовой. И действительно, шум скатывающихся камней становился все ближе и ближе, и наконец показался сперва один, а за ним и другой силуэты. Пластуны навели винтовки. По данному урядником условному знаку семь выстрелов слились в дружный залп. Внизу что-то зашумело, побежало, долго грохотали срывающиеся камни, и затем все смолкло. Но долго еще сидели пластуны и все ждали...

На выстрелы с соседнего поста прибежал встревоженный дозор, а через 3—5 минут, вытянувшись длинной черной змеей, спешно вышла на позицию во главе с офицерами вся сотня.

Сотенный командир, расположив людей и сделав соответствующие распоряжения, вызвал к себе охотников, пожелавших опуститься вниз, узнать в чем дело.

Получив от него инструкцию о ходе разведки, охотники, разделившись на несколько групп, осторожно спустились вниз и вскоре пропали из глаз, а командир медленно пошел вдоль цепи и, остановившись возле молодого прапорщика, на днях прибывшего в сотню, давал ему указания относительно дальнейших действий. Кончив служебный разговор, офицеры, разостлав бурку, опустились на нее и вполголоса повели оживленную беседу. Томительно долго тянулось время, вот уже и заря стала занимать, а разведчиков все нет. Мало-помалу спокойное настроение офицеров уступило место тревоге за людей, которая постепенно стала заползать в их души; разговор как-то сам собою оборвался, и задумавшись, долго лежали они молча, стараясь ничем не выказать друг другу навеванных тревогой сомнений. Но вот командир поднял голову и насторожился: внизу, едва уловимый, послышался знакомый шум камней. «Слава тебе Господи! Должно быть наши идут, — проговорил сотенный командир. — Пойдем, Алексей Максимыч, вперед, скорее узнаем все, а то я было не на шутку начал беспокоиться за наших молодцов, ведь все отчаянные головушки!» И поднявшись, оба офицера ушли.

Тот час же по цепи в обе стороны быстро полетела весть: «идут наши», и сбившись в кучки, стали пластуны строить всякие догадки и предположения: «Шо як воны турка пригонять? Мабут ихнего разведчика поймали», — проговорил один. «Так его и поймашь в этих горах», — ответил другой. «А як же, — отозвался новый голос, — ежели Опанас пийшов у разведку, то той и черта за хвист пиймае; учера мы з Опанасом ходили у селение за медом и тутою, так вин, сто чертив его

матери, старого зайца голыми руками поймал...»

А между тем разведчики медленно карабкались наверх, куда порой доносился их сдержанный говор и смех. Уже совсем рассвело, когда усталые и потные, но довольные, вылезли они на позиции, таща на носилках, устроенных из ружей, двух больших диких горных козлов, найденных ими в самом низу ущелья у речки.

Весело вернулась сотня на бивак, а через полчаса на площадке затрещали костры и задымились котлы.

*Сотник М. Зенченко 16-го Кубанск. пласт. б-на
Кавказская действующая армия
ККВ № 35, 1915 г.*

*В нас сохранился дух орлиный,
В бою тверда всегда рука,
И враг упорный, но юнымый
Повсюду встретит казака.*

ПИСЬМО ИЗ-ПОД ЭРЗЕРУМА. КАВКАЗСКАЯ ШИПКА

То, что происходит сейчас у нас, гораздо больше и труднее, чем на балканской Шипке.

Невероятные труды, невероятные лишения.

Делается то, больше чего человек никакими силами сделать не может.

Как часто приходится вспоминать чеховское «все на свете относительно, приблизительно и условно».

Вот взять хотя бы жилищный вопрос.

В мирное время мой станичный дом казался мне несколько тесноватым.

Этот же самый тесный дом представлялся мне огромным светлым дворцом в то время, когда я, свернувшись калачиком, лежал в вырытой пещере в Карпатских горах.

А теперь?

Теперь и эта звериная берлога вспоминается мне жилищем полным тепла и уюта.

Ведь там как-никак, а я был со всех сторон защищен от непогоды, подо мною были душистые сосновые ветки, вокруг хоть и терпкий, но теплый дым, а в углублении висел черный и блестящий от дыма чайник с горячим чаем.

Был он мутный и припахивал луком, но горячий.

Теперь нет и этого.

Взобрались на высокую снеговую гору и бухаем из пушек по Эрзеруму, что раскинулся в долине по ту сторону хребта.

Ночь. В небольшой горной складке у самого перевала расположился штаб нашей дивизии.

Все, кому полагается бодрствовать, — бодрствуют.

Остальные спят тяжелым, быть может предсмертным сном, так как термометр показывает -20° .

Лошади, тесно прижавшись друг к другу, понуро стоят хвостами к ветру. Жаль этих наших верных боевых товарищей. Они только что сделали

огромный переход, сутки ничего не ели и не пили и сейчас стоят голодные.

Люди, завернувшись в бурки, лежат в снегу и, кажется, будто становятся все меньше от нанесенного на них ветром мелкого, колючего снега.

Недалеко от меня, сидя на каком-то свертке и низко опустив голову с седыми, обледенелыми усами, спит старый генерал.

«На Шипке, действительно, все покойно».

Спокойно смотрит на эту заброшенную горсть людей луна, при свете которой я пишу, так как нельзя, да и негде зажечь фонаря.

Кажется, будто обледенел мозг, закоченели руки. А надо писать и много писать, так как от этого зависят много жизней.

Я забыл сказать, что это ужасная, кошмарная ночь была с 4-го на 5-е января, когда турки, не выдержав нашего огня, удирали по Пассинской долине в Эрзерум.

И удирая, конечно, огрызались: то и дело над нами то разорвется шрапнель, то запоют пули.

Сколько ячменя, медной посуды и всякой драгоценной домашней утвари побросали они!

Очевидно, жарко им пришлось от нашего огня.

Теперь, в этой деревне, отъедаемся лепешками из турецкой муки на турецком масле.

Удивительно вкусно. Никогда такого пирожного не едал раньше. А может быть, так кажется.

Помню, как юношей восхищался я поступком Скобелева, завернувшегося в бурку и спокойно заснувшего под турецкими пулями.

Какой героизм! Какая отвага и презрение к смерти!

А теперь вот и мы привыкли к свиновому дождю.

Пусть себе барабанит, думаю.

Все не всякая пуля попадет. А пока можно и отдохнуть.

Я завернулся во все, что было у меня теплого — бурку, шубу, шлем, шарф, перчатки — стал на колени, сжался в комок, уткнулся головой в снег и... заснул.

И вдруг мне стало удивительно тепло и удобно.

Как будто в своей детской кроватке около лежанки. Совсем как дома.

А вот и малыш мой, сынишка. Ишь ведь шельмец какой: раскинулся, ручками, ножонками болтает. Бормочет что-то, смеется и все, что попадает, в рот тащит. Ах т-ты!..

И вдруг встрепетнулся.

«А ведь это я замерзаю», — подумал.

Встал, размялся, почувствовал страшный голод, так как за весь день удалось съесть всего одну сардинку с черным сухарем.

Пошарил в карманах шубы. Попались засахаренные орехи. Пожевал, как будто полегчало.

Снова уткнулся прежним способом в снег, проспал еще часа 2 и опять принялся писать под аккомпанемент турецких орудий с Девебойнских фортов.

Думали мы их окружить, отрезать от Эрзерума, но не успели.

А теперь, спрятавшись, они и вовсе обнаглели: так и поливают нас пулями.

Впечатлений много, всего в короткой заметке не опишешь.

В общем, картины войны ужасны, и мне, участнику «Великой Галицийской Битвы», та битва представляется шуточной

перед лишениями и трудностями, какие приходится преодолевать здесь.

Турки, здешние жители, и те не выдерживают: попадается масса их замерзшими.

А мы вот, слава Богу, все же выдерживаем, хотя это стоит высшей степени напряжения.

Но вот перевалили мы на южный склон, спустились в деревню в 10-ти верстах от турецких фортов.

Место удивительно хорошее. Что-то вроде Пятигорска. Только более дико и без леса.

У подножия Хасанкалинского вулкана бьет тепло-серный источник, а недалеко от него кислый. Вода очень вкусная. Впрочем, такая же, как и наш Нарзан.

А все же своей охотой сюда не заедешь.

Во время бегства турок видно было, как вся долина внизу перед нами блесла в зареве огромных пожаров.

Очевидно, удирая, уничтожали какие-то запасы.

И только спустившись в долину, увидели, какая масса добра погибла тут.

Сколько погибло пшеницы! Целые закрома крупной, янтарной, какой я никогда не видел у нас.

Сколько сгорело сена и еще много осталось.

По-видимому, здесь сильно развито пчеловодство, так как в каждой хате валяются разбитые ульи.

Кто их разбил, кто пасеки разорил — трудно сказать. Война есть война.

ККВ № 8, 1916 г.

ПАЛ ЭРЗЕРУМ

Пал Эрзерум — турецкая твердыня —
 Под натиском бойцов Великого Царя...
 Пал мощный Эрзерум. С его паденьем ныне
 Сияет новая, победная заря... —
 Победа говорит о нашей мощной силе,
 Свершившей за войну немало славных дел.
 Мы — смелы, мы — бодры; — врага же утомили;
 И к нам приблизился желанный наш удел!
 Союзные и русские солдаты!
 Вы строите покой, — Европы вечный мир,
 Вы — «победить» стремлением объята,
 И ваши подвиги гремят на целый мир.
 ...Пал мощный Эрзерум. Ликует вся Россия,
 Хваля оружие защитников-бойцов,
 Хваля их подвиги безмерные, святые,
 Не уступившие и подвигам отцов!..
 Да, дважды русский флаг среди боев великих
 Вносили воины России в Эрзерум,
 И город вражеский «ура» победы клики
 Тревожили не раз под битвы грозный шум.
 Пал Эрзерум... Его воспел когда-то
 Наш Пушкин радостным, пленительным стихом.
 ...Победа славная! Россия вся объята
 Восторгом пламенным и мыслит об одном:
 «Пал Эрзерум — турецкая твердыня —
 Под натиском бойцов Великого Царя,
 Пал Эрзерум... С его паденьем ныне
 Сияет новая, победная заря!..»

*А. Сиверский
 ККВ № 7, 1916 г.*

Казаци – участники штурма Эрзерума, 1915 г.

АРДАГАНСКИЙ БОЙ

Турок с немцами сдружился,
Стал в войне им пособлять.
Втайне он на Русь злобился —
Ардаган решился взять.

Но мы турков угостили:
Заманивши в свой капкан,
Всю их армию разбили, —
Будут помнить Ардаган!

Нас там было слишком мало;
Воевать было трудно,
Кой-чего не доставало.
Но для русских все одно:

Им нередко так случалось
Верх над врагами брать,
Побеждать в бою неравном
Их бесчисленную рать...

Встрепетнулись казаки,
Услыхав Царев указ:
«Со станиц своих, казаки! —
Хлынул турок на Кавказ».

Вздумал он щипнуть Россию:
Взять Тифлис, Батум да Карс,
Русь, мол, немец обессилил,
Так легко их взять сейчас.

Просим милости! Давно ли
Турки Карс отдали свой?
Тогда шею им сломали,
А теперь — башку долой!

Вот собралися Кубанцы —
Из станиц в поход идут:
Бубон, скрипка, пляски-танцы,
Песни с присвистом поют!

Нет о будущем заботы
Бесшабашной голове:
Шутки сыпались, остроты
Поминутно в их толпе.

«Не плачь, милая молодка:
Как жив буду, так приду.
И тебя, моя лебедка,
Крепко к сердцу я прижму...»

Так пел песню забияка,
Удалой казак Степан:
Он в груди был — два обхвата,
Ростом, силой — великан;

Словно вылит из железа,
Лихо шапка набекрень,
И не сдвинуть его с места,
Коль упрется — точно пень...

Всех бойчей несясь вприсядку,
Выбивал он «гопака»,
Без отдышки, без оглядки,
Лихо взявшись за бока.

Но пора пришла за дело
Взяться добрым молодцом:
На врага нагрянуть смело —
Не ударить в грязь лицом!

Указ Царский выполняя,
В бой несутся казаки,
Грозной лавой налетая,
Теснят курдские полки.

Развеваются знамена
По сотням и по полкам,
И несут казачьи лавы
Страх и смерть своим врагам.

Будет помнить враг веками
Ардаганский славный бой,
Где летел он вверх ногами
От потехи удалой!

Наших было там немного,
Зато хваты на подбор;
Турка ж было хоть и много,
Да он воин не хитер.

То не вихор кверху взвился,
Унося комьями снег,
То герой Степан врубился
В стан врагов и крошит всех:

Шашка острая сверкает,
Головы катятся с плеч;
На героя так и валят —
Управляйся молодец!

Конь его на дыбы вьется,
Правит крепкая рука,
Через трупы вскачь несется,
Мчит стрелой седока!

Если пуля не подцепит,
То казак не пропадет:
Вмиг от курдов, врагов цепких,
Добрый конь его спасет...

Наши храбрые солдаты
Да герои пластуны,
Стрелки доблестные, хваты,
Все отвагою полны.

Крепко били супостата
Пулеметами, в штыки:
Страшна была их атака,
Грозны были их полки!

Дружным натиском пехота
Нанося удар врагу,
В щелях гор и на высотах
Бодро шла по грудь в снегу.

Как траву, врагов косили!
Бесконечно орлы шли.
Турка тут мы в прах разбили,
Много в плен его взяли.

Горы трупов навалили;
Кровью рделася земля.
Стаи воронов летели
На кровавые поля:

Воздух криком оглашали,
В синеве небес кружась,
Очи с трупов вынимали,
На полявины садясь...

Там вблизи, вдали, повсюду,
Сколько хватит только взгляд,
Вражьих тел, скелетов груды,
Кости белые торчат...

И голодный, и холодный,
Враг бессильный стал, как тень,
К бою был совсем негодный.
Сам паша попался в плен.

Тьма его в горах замерзла,
В снежных сугробах, в степях.
Покарал его рок грозный
За предательство в друзьях...

Все оружие, припасы,
Знамена его частей,
Все обозы, все запасы —
Был от турок нам трофей,

Так окончился ужасный
Для несчастных турок бой:
Ардаган-то был не смашный!
Им пришлось хоть волком вой!

В отпуск ездили в станицы
После боя казаки:
Их встречали молодежи,
Девки, парни, старики.

Снова бубон, песни, танцы —
Веселятся казаки,
Наши славные Кубанцы —
Им кручина не с руки!

Что же сталося с Степаном?
Что гласит о нем молва?
Крепко спит под Ардаганом
Удалая голова.

Он, врагами окруженный,
Двадцать курдов уложил,
И сам, пулею сраженный,
За Русь голову сложил.

Слава-честь ему навеки!
Слава доблестным бойцам,
Что победный путь пресекли
Русским исконным врагам.

Пусть же знает враг кичливый,
Как Русь-Матушка сильна:
Пусть века стоит Россия
Своим недругам страшна!

*Д. Е. Манило
ККВ №9, 1916 г.*

* * *

В долине турецкой границы,
На склонах зеленой горы,
Из крови там льются потоки,
С утра до вечерней зари.

Там слышны глухие раскаты,
То пушки рокочут сердясь,
Там рвутся шрапнели, гранаты
И землю взрывает фугас.

Там бьются линейцы лихие,
И смерть не страшна храбрецам;
Ура! В бой пойдём мы — седые,
Пойдём мы опять в Хоросан!..

Взглянувши на мертвое тело
Ушедшего в вечный покой,
Товарищ вздохнул, поклонился
И мирно опять пошел в бой.

Быть может, и он ляжет рядом
Мгновенье одно лишь спустя;
Под Богом мы все, когда градом
Рой пуль пролетает свистя...

Вот бой утихает, смирился,
Угрюмо казаки идут;
Меж ними чернеют «носилки»,
То в бурках героев несут.

В могилу спустивши собрата,
«Мир праху герою» поют;
И дружно, для чести казака,
Из ружей салют отдадут...

А дома отец в злой кручине
И с ним, пригорюнившись, мать;
Газету читают про битву,
Желая про сына узнать.

Как вдруг получают из штаба
О смерти их сына приказ —
И с дрожью в душе забурлило,
И хлынули слезы из глаз.

Убит он турецкой гранатой,
И кости в долину вросли;
Никто не узнает могилы
Защитника Русской земли.

А что будут делать малютки,
Жена иль невеста его;
Страдать и грустить, ведь не шутки,
Когда ты лишился всего?..

Потомки пусть вспомнят достойно
Всю удадь, отвагу седых,
Уснувших сном смерти спокойно
С мольбою за счастье же их!

Умрем за Родину Россию,
Возвысим мы славу Царя,
Пусть будет истории в память
Геройская смерть казака!

*Землянка передовых позиций
Прапорщик Сорокин
ККВ № 4, 1916 г.*

Фронтной снимок, 1915 г.

НА БЕРЕГУ ЧОРОХА

Перед нами бегут турецкие войска, а перед войсками бежит, сорвавшись с насиженных гнезд, мирное население.

И везде одна и та же картина: сначала с лихорадочной поспешностью удирает по железной дороге более зажиточный класс.

За ним тянутся поселяне. На подводах навалена всякая домашняя рухлядь, а кругом в облаке пыли двигаются старики, женщины, дети, скот.

Все это орет, кричит, причитает каждый своим голосом и Господом ему данным способом.

Картины эти обрывками проходят в моей памяти сейчас под шум и грохот неугомонного, похожего на наш Терек, Чороха.

Несколько дней тому назад мы вступили в Испирь, и нашему штабу досталась квартира в гаремах какого-то турецкого паша.

Баб своих он успел вывезти, но следы их в виде неприятного хлама остались.

Пока наши деньщики приводили квартиру в порядок, я вышел на берег Чороха и с тех пор всякую свободную минуту провожу здесь, отдыхая уставшим телом и душой.

Если бы не эти следы, оставленные войной, можно было бы и забыть о ней.

Вот недалеко от меня стоит пустая лавка, а в ней, должно быть, более по вкоренившейся привычке, чем по необходимости, сидит турок в красной феске с грязной чалмой.

Хочется спросить, чем он собственно торгует и зачем здесь сидит, но так устало все во мне, что перевозжу взгляд на другого приближающегося турка.

Старый-престарый, на кривых дрожащих ногах и с невероятно длинным носом, свешивающимся через губу.

Вообще эти горбатые носы и глупо выпученные глаза стали каким-то кошмаром для меня: так они примелькались и надоели.

Прямо передо мной, на противоположном берегу развалины старинной Испирской цитадели, к которой ведет наскоро построенный нашими саперами мост.

Был тут и каменный монументальный мост, от которого остались только зубчатые концы, повисшие над водой.

Это турки, отступая, пытались задержать нас, взорвали его.

На обломке чугунных перил сидит в живописных лохмотьях турчанка с медным узкогорлым кувшином в руках.

Я не знаю, поет ли она, не то плачет: такие унылые звуки доносятся с ее стороны. Возможно, что потеряла когнибудь.

Вот она, наклонившись, опустила кувшин в воду, и с ее шеи повисла целая гирлянда из монет и еще каких-то кружков.

Далеко забросила меня война.

Помнится, в дни юности пришлось мне предпринять поездку в один приволжский город, и как мои домашние, никогда не выезжавшие из станицы, в шутку просили меня привезти... флакончик волжской воды.

Как много набралось бы теперь флакончиков: с Волги, Невы, Днепра, Дона, Терека, Аракса, Вислы, Сана и проч. разноименных и вовсе безыменных.

Вон на мосту сейчас шагает часовой, мой соратник по переходу через Сан.

А теперь вместе с ним любимы бурными волнами Чороха.

На мосту показались первые казаки с вьючными лошадьми, нагруженными сеном.

Очевидно, с фуражировки.

— Далеко достали? — спрашиваю, когда они поровнялись со мною.

Передний казак некоторое время с недоумением хлопает глазами, потом, приложив правую пятерню к шапке, а левой, придерживая шашку, поспешно подбегает ко мне, так как за грохотом волн не разобрал моего вопроса.

— Далеко, — спрашиваю, — сено достали?

— Так что за 35 верст отсюда.
— А-а... Ну, проезжай, не задерживай. Дальше подвигается по мосту группа солдат.

Эти по-своему принарядились: у каждого в петлях рубахи воткнуты какие-то белые цветы.

И сразу запахло мне станицей, и садом цветущим, и землей душистой.

Туда бы теперь. С лопатой и плугом в руках воспроизводить, а судьба толкает вперед и вперед к новым разрушениям.

Но нет! Не время унынию.

— Здорово, ребята! Где это вы грушу ограбили?

— Никак нет, ваше высокоблагородие. Проходили заброшенным садом да мимоходом и сорвали. До того сильный цвет, вся белая стоит.

— А барана? Тоже «мимоходом» захватили? — спрашиваю.

— Так точно, ваше высокоблагородие, — отвечает, выступая вперед, юркий солдатик, очевидно не понявший моего вопроса.

— Ходили хлеба добыть, а его нигде нету. А тут турок назвался бараном, 50 копеек взял.

Все перевернула война.

В одном углу — весь баран — полтинник. В другом за эту же цену получить 1 фунт от этого же барана нельзя.

Положим, и между «углами» дистанция огромного размера: я вот из Тифлиса 8 дней ехал сюда.

Поднялся ветер. По небу бегут редкие облака, цепляясь за снежную вершину горы, что высится против моего окна.

В середине эта гора красная как кирпич. Ниже — зеленая от травы, а совсем внизу опять белая от цветущих садов.

ККВ № 19–20, 1916 г.

СРЕДИ КУБАНЦЕВ

Дорогие, родные лица; дорогой, милый сердцу родной говор. Походно-боевая обстановка придает всей картине особый колорит.

Лица все живые, бодрые, одухотворенные. Усталости или разочарования не видно нигде и ни в чем.

Напротив, они способны и вас заразить бодростью и уверенностью, которая по временам колеблется в нас в зависимости от тех или других печальных картин тыла, где мародеры спешат сорвать с народа клоки шерсти в таком количестве, чтобы и для них самих и для их детей хватило на всю жизнь.

Вот быстро выдвинувшийся полковник Х., вот — знакомый прапорщик бывший учитель и журналист Т. Боже мой, да здесь больше знакомых, чем, казалось мне, было у меня за всю жизнь.

Иду к генералу. Он все тот же веселый, милый, сердечный, доступный. Едем на автомобиле. Проходят перед глазами трогательные картины прощания генерала с казаками...

Едем назад в штаб. Здесь мне показывают только что поступившее прошение донской казачки о зачислении ее в ряды войска.

— Нельзя, нельзя, — отвечает, смеясь, генерал: — существует безусловный запрет на прием женщин в войска.

Спрашиваю генерала, зачем он, целуясь при прощании с офицерами, поцеловал два раза руку солдату, стоявшему в ряду первым с правого фланга.

Он хохочет:

— Да это супруга командира, она делит с войсками дни боевой страды, наши и радость и горе.

Всюду живописные группы казаков: вот три казака бреются на открытом воздухе, увидели генерала и смущены, хоть бритву на караул держи.

— Вольно, вольно, брейся, ребята, — кричит генерал. — А это что за бабы? — спрашивает он группу казаков, окруженных женщинами.

— Для пополнения приехали жинки из станицы, Ваше Привосходительство, — отвечает с запорожскими усищами пластун, заставляя своим остроумным, двусмысленным ответом хохотать всех окружающих.

К большому сожалению, в описании этого свидания я настолько стеснен, что должен на этом и прекратить. Могу добавить еще, что настроение в армии бодрое, спокойное. Войска сыты, одеты и обуты. Боевые снаряды — в изобилии. Так что пусть враг трепещет.

Да хранит их всех, этих милых родных людей, Господь, да сопутствует им всюду удача.

Позиция пластунской бригады

И. Б.

ККВ № 13, 1916 г.

ПЕРЕБЕЖЧИКИ

В мае месяце 1916 года 2-я сотня одного из пластунских батальонов занимала позицию на высокой горе, где каждый день дул холодный ветер, шел дождь, нередко переходивший в град или снег, или появлялся густой туман. Доставка продуктов была плохая, пластуны голодали, но не падали духом. От наших окопов на склоне упомянутой горы находились турецкие окопы, шагах в 200–600.

Первоначально турки целый день не давали покоя, а в особенности на рассвете поднимали сильную ружейную стрельбу, после чего, как говорили пластуны, уходили пить чай. Пластуны,

дабы экономить патроны, не стреляли напрасно, а если и стреляли, то редко, да метко. Вскоре и турки перестали стрелять и между нами завязалась дружба. По утрам, вместо стрельбы, со стороны турок из окопов раздавались голоса. «Кардаш, кель бурья тютюн вар, сюд вар, чурек вар!» (Брат, иди сюда: табак есть, молоко есть, хлеб есть!) Пластуны в свою очередь из окопов звали к себе турок, но не особенно доверчиво к ним относились и не решались выходить из окопов. Однажды пластуны, чтобы проверить турок, действительно ли они к ним дружелюбно относятся, одели на штыки свои папахи и постепенно начали

Пулемётный расчёт пластунского батальона на боевой позиции

поднимать их из своих окопов. Турки, думая, что это показываются головы пластунов, подняли крик: «Корхма, кардаш, корхма!» (Не бойся, брат, не бойся!), но сами тоже не выходили из окопов. Приказный Решетников (не раз проявивший доблесть в боях и разведках, за что получил Георгиевский крест 4 ст. и две Георгиевские медали) предложил выйти одному из турок из своего окопа и сойтись вместе с ним между нашей и турецкой позициями. Аскер не заставил себя ожидать, вылез из окопа и медленным шагом пришел к условленному месту. Решетников в свою очередь вышел к нему навстречу. Сошлись, поздоровались и сели друг против друга. Вражда забыта: пробудилось теплое товарищеское чувство между двумя воинами враждебных лагерей. Пластуны и аскеры с любопытством смотрели из окопов на эту картину. Вскоре аскер и пластун закурили, а потом разошлись.

— Що вин тобі казав? — расспрашивали пластуны Решетникова.

— Казав кой-чего богато, та тикэ ны разбэрэшь бусурманскаго языка!

— А ты ему що казав?

— Кель бурья, на свий окоп показував, що у нас есть чай, сахар, чурек и чехь-якши (очень хорошо)! Вин мини дав трохы табаку, а я ему три куска сахарю, а потом и разийшлысь.

Спустя несколько дней фельдфебель Листровой сошелся с одним аскером и знаками его начал переманивать на нашу сторону. Аскер понял его и заплакал. Разошлись. Листровой, взяв с собой казака Голуба, начал уговаривать их перебежать на нашу сторону. Аскеры дали слово в эту же ночь перебежать на нашу сторону и указали на один из ближайших окопов, куда именно они придут. Узнав об этом, я выслал

засаду. Настала темная ночь. Набежали тучи, подул холодный, пронзительный ветер и пошел небольшой дождь. Все не спали, так как противник мог воспользоваться ненастной погодой и незаметно приблизиться к нашим окопам. Со стороны турок раздавались через каждые 10–15 минут отдельные ружейные выстрелы: дескать, мы не спим! Турки, очевидно, тоже боялись нашего наступления в эту ночь. Перебежчиков не было. Утром Листровой и Голуб опять сошлись с двумя аскерами. На наш вопрос, почему они, дав слово, не перебежали, один из аскеров заявил: «Да, это не хорошо с нашей стороны, что мы не сдержали своего слова, но в эту ночь обязательно перебежим». Листровой через Голуба начал уговаривать их теперь же перебежать, не ожидая ночи. «Якши!» (хорошо!) — сказали оба аскера, и один взял еще с собой трех аскер и направился с ними к Листровому. Пластуны в окопах, видя, что к Листровому еще подходит 3 аскера, взялись за винтовки, боясь, что его захватят в плен. Но подходившие аскеры не остановились возле Листрового, а быстро прошли мимо него по направлению к нашим окопам и спрятались за камнями от своих же аскер, находившихся в окопе, а потом вскочили и прибежали в наш окоп. Вскоре Листровой, Голуб и аскер, находившийся при них, прибежали в окоп. Из пяти перебежавших (турецкий пост) был один унтер-офицер, имевший две боевые награды: звезду и полумесяц. В этот же день перебежчики под конвоем были отправлены в штаб батальона. Пластуны перехитрили турок! С турками дружба лопнула и больше не возобновлялась, а перебежчики еще были.

21 сентября 1916 года
Кавк. действ. армия
С. С-кий
ККВ № 45, 1916 г.

НА КАРГАБАЗАР

Кто не был на Каргабазаре, тот, конечно, никогда не будет в состоянии представить себе всех тех невыносимых трудностей и лишений, которые пришлось испытать нашей дивизии, брошенной на эту высоту для прорыва в Эрзерумскую долину. Каргабазар — это высокое скалистое плато вулканического происхождения, 15 верст в длину и 5 в ширину, с абсолютной высотой в несколько тысяч футов. В официальных описаниях говорится, что даже летом Каргабазар проходим только для небольших частей; зимою же он абсолютно не проходим. Надеюсь на это, турки не построили на нем даже маленького укрепления.

И вот 29 января, в период жестоких морозов и метелей, не только взошла туда целая стрелковая дивизия, но даже втащила туда и свои пушки, и не только горные, но даже легкие...

Это дело не меньше Сан-Готарда, а по результатам оно больше. От подножья каргабазарского плато до его начала пришлось самим разработать жалкое подобие тропы. За ночь ее заносило снегом, а с утра снова ползали батальоны вверх с лопатами и кирками и подновляли работу.

Подъем около пяти верст. Верблюды тащили продовольствие и снаряды, скользили и падали.

Один при мне упал на задние ноги и разорвал себе промежность.

Огромные валуны, обмерзшая земля, большая высота — все это делало восхождение на Каргабазар до чрезвычайности тяжелым.

И вот в ночь с 28 на 29 января вся наша дивизия сосредоточилась на плато. Передвижение было сделано скрытно, чтобы турки с девебойнских укреплений не заметили. Это удалось вполне. Турки оценили значение Каргабазара, но поздно: он был уже занят нашими батальонами, которые не дали им

возможности укрепиться на скалистых высотах, господствовавших над плато.

В ночь с 29-го на 30-е полкам было приказано спускаться на запад для прорыва в эрзерумскую долину между фортами Чобан-деде и Тафтой.

В глубоком снегу были проделаны коридоры на плато, и этими коридорами поползли полки. По этим жилам столпились люди, лошади, верблюды и носилки с ранеными. Проехать стороной было совершенно невозможно, так как лошадь тонула в снегу с головой.

Как только начали спускаться наши головные батальоны, турки открыли по ним страшный огонь.

Именно турецкий, ураганный, ружейный.

Мутно светила луна, и турки стреляли прямо по темным лентам, спускающимся по западным склонам.

Иногда они принимали остроконечные вершины обнаженных камней за группу людей и начинали щедро осыпать ее залповым огнем.

Наблюдателям, прятавшимся за этими камнями, приходилось жутко, их не спасло укрытие, так как отраженные пули и осколки камней доставали их и за закрытием.

Наш штаб приютился в юртах за одной из этих скалистых вершин.

Мы перешли сюда вечером 30-го.

Пока расставляли юрты, я пошел на высоту. С этой вершины открывался обширный вид на всю эрзерумскую равнину.

Влево дымился Эрзерум и гордо вышлся форт Чобан-деде, весь черный от снарядов нашей тяжелой артиллерии, а вправо, совсем близко, чернелся небольшим пятнышком форт Тафта. До него было 8 верст, но он казался отсюда верстах в 2–3.

А совсем под нами, за горками, на небольшом плато прижались темными кучками наши батальоны, спустившиеся за ночь.

К ним все подтягивались тонкой и бесконечной нитью наши стрелки, спускавшиеся по тропе с Каргабазара.

Над ними рвались турецкие шрапнели, но они медленно и безостановочно все шли и шли, опираясь на ружья.

Небольшая кучка турок, засевших недалеко от передового нашего батальона на пологой вершине, вдруг поднялась и быстро побежала по скату назад в овраг.

Настала ночь и все затихло.

С утра 31-го густой туман окутал Каргабазар. В 20 шагах ничего не было видно. И день пропал даром. Мы не могли двигаться вперед. Люди уже не спали третьи сутки. Редкий воздух и холод не давали возможности хорошо отдохнуть и во время остановок.

Ночь с 31-го на 1-е продремал кое-как, надев валенки и укутавшись во все, что было теплое. Заря обещала ясный день.

Мы собрались на наблюдательный пункт. С первыми лучами февральского солнца загремели наши орудийные выстрелы с высот Каргабазара. Отсюда с высоты видно было, как турки укрепились на всех вершинах.

Их оказалось перед нашим фронтом очень много.

Черные тучки густо усеяли целые ряды снежных окопов.

Наш артиллерийский огонь, сначала редкий, перешел в напряженный.

Били по большому окопу перед нашим средним боевым участком.

Наша передовая рота, спустившаяся в глубокий овраг, уже поднималась медленно к турецким окопам.

— Два патрона, беглый, — хриплыми голосами вопят командиры, и вихрем несутся шрапнели к турецким окопам.

Пристрелялись очень точно.

Туркам, видимо, немоготу.

Они то занимают передовые окопы, то кучками убегают назад.

Но там их, видимо, расстреливают свои, и они снова согнувшись бегут в передовые окопы и, посидев минуту, снова бегут назад.

Пулеметы шумят безостановочно, и бегающие кучки турок становятся все меньше и меньше.

Там, где час назад был чистый белый снег, теперь, как возле кузницы, все стало грязно, черно.

Маленькие черные точки усеяли весь склон горы.

То лежат убитые турки.

Одна наша граната попала в самый левый конец окопа, занятого турками, и они побежали назад, но не добежали и повернули назад.

Несколько точек осталось на месте.

Видно, встретили свой пулеметный огонь.

И вот — сердце замерло. Наша передовая рота, разделившись на две части, уже совсем близко от турок.

Их пока не видно.

Они скрыты гребнем.

А сейчас будет видно, и турки откроют огонь на дистанции 100—200 шагов.

Наши пушки воют и надрываются.

Два наших стрелка, шедшие во главе правой полуроты, вдруг сели.

Полурота остановилась и начала окапываться.

А левая все идет и идет.

Прямо по турецкой протоптанной дорожке к середине турецких окопов.

Идут кишкой.

Впереди офицер; идет, опираясь на палку или ружье: разобрать трудно.

И вот происходит что-то невероятное. Маленькая полурота головой своей вышла к туркам и остановилась на мгновение.

Перед ней окопы, унизанные турками.

Мгновение — и эта горсть людей бросается в штыки на турок.

Турки поднимаются из всех окопов и... вы думаете, уничтожают несчастную полуроту? Нет, они убегают.

Убегает целый турецкий полк от одной полуроты, истомленной ходьбой, но с остатками сил бросившейся на многочисленного врага. Они, конечно, не преследуют турок. У них уже нет сил.

Да и кому преследовать?

От этой полуроты осталось человек 20. Остальные лежат и сидят вдоль дороги внизу и перевязывают свои раны.

Которые дошли до передовых окопов, или сидят на бруствере или же пошли чего-то шарить вдоль окопов.

Но зато артиллерия наша насела на убегающих турок.

Она совершенно забрасывала их гранатами и шрапнелями и не давала им возможности зацепиться за ближайший гребешок.

Так этот полк и сбежал целиком в овраг.

Только часа через 2 длинная кишка турок обозначилась на дальнем хребте.

Но и там достали их наши гранаты и метким, ураганным огнем согнали их в Эрзерумскую долину.

А полки, развернувшись, медленно, но безостановочно шли вперед по глубокому снегу.

Неудача у турок против нашего центра заставила их напрячь все свои силы против нашего наступающего левого фланга. Но стрелки все шли. Иногда какой-нибудь остановится, выстрелит стоя и опять идет.

Тяжелая фронтальная артиллерия с Чобан-деде пыталась было обстреливать наш левый фланг, но ее бомбы только поднимали к небу высокие столбы снега, не причиняя существенного вреда.

Через 2—3 минуты наши гранаты поднимают столбы черного дыма на турецкой батарее, и там заметна суета.

— Смотрите, смотрите, они увозят свои пушки! — кричат кругом.

— А я их провожу, — спокойным голосом говорит Владимир Антонович и командует: «Беглый огонь!»

Турки нахлестывают своих выючных мулов и бегут, бегут. Гранаты рвутся и впереди и по бокам.

Слава Богу! Нашим стало легче.

Тем временем турки прочно и в большом количестве заняли гребень

большой гробовидной горы, у подножья которой находится форт Тафта.

Эту гору необходимо было взять, чтобы прорваться в Эрзерумскую долину. На ней сосредоточили огонь и мы, и туркестанцы.

Туркестанские гаубицы уже с утра начали громить Тафту. Под их страшным огнем турки постепенно начали очищать форт.

То выскочит всадник, то небольшая кучка турок выбегает из ворот и согнувшись скатывается в овраг. С полдня из Тафты полезли густые колонны.

Среди них взрывались наши бомбы, и высокие черные столбы дыма заволакивали по временам бегущих турок. А на гробовую гору уже полезли наши стрелки. Сначала кишками, извивающимися как черные змеи, а с полгоры разошлись в цепь.

Гора высокая и очень крутая.

Турецкие снежные окопы, опоясавшие вершину этой горы на полторы версты, были очень густо заняты турками. Их хорошо было видно и простым глазом, а в десятикратную стереотрубу видно было, что делает каждый турок.

К 4 часам дня центр тяжести боя перешел на северо-восточный конец гробовой горы. Стонал Каргабазар от оружейной пальбы, и как эхо ревел Карагюбекский проход, откуда почти вся туркестанская артиллерия сосредоточила свой огонь по гробовой горе.

Ее вершина порою совершенно скрывалась в дыму.

И я вижу такие картины:

Группа турок человек 20 согнувшись бежит по окопу с левого фланга на правый.

Как раз над ними разрывается шрапнель.

На мгновение их окутывает желтая пыль от снега и пуль. Пыль рассеивается, и из всей темной кучки поднимаются только два человека. Они успели пробежать согнувшись не больше 10 шагов, и новая шрапнель уложила и их...

Как затравленные зайцы, турки толпами бегали по окопам то в одну, то в другую сторону. А над ними безостановочно рвались шрапнели, и в окопах поднимались черные столбы дыма от наших гранат. Под таким огнем существовать было невозможно.

Турки стали очищать северо-восточную часть гробовой горы и стягиваться к южной вершине.

Стрелки уже подошли к окопам. Они перелезли через них и идут все выше.

Один из них, как видно, самый здоровый и выносливый, далеко оставил позади себя своих товарищей и бежит за турками. Что он хотел сделать один с толпой турок, Бог его знает.

Но он бежал, как бежит пастух, загоняющий стадо.

Часть турок не успела выбраться из окопов снизу и подняла руки.

Остальные скрылись за горой.

Кто-то гнал их снизу назад, потому что они вдруг повернулись и сделали вид, что хотят сами перейти в наступление, но, увидев наших, бегущих им навстречу, снова повернули назад, и больше я их не видел.

Бой на Каргабазаре затих в 6 часов вечера.

Наши полки прорвали оборонительную линию турок, и с этого момента началось падение фортов, удерживать которые в дальнейшем для турок не представлялось никакого смысла.

Пала Тафта, пал Чобан-деде и прочие.

Эту ночь мы провели еще на Каргабазаре, а на утро стали спускаться вниз. Что это за ужас, а не дорога!

Пешие безоружные стрелки предпочитали спускаться на собственных салазках, чем плестись по узкой снежной траншее с острыми камнями по дну.

Вот один стрелок подобрал под себя

шинель, сел на снег меж двумя выступами и весело закричал в пространство перед собой:

— Айда без пересадки в Эрзерум! — Сдвинулся с места и покатился вниз.

По дороге его что-то подбрасывало. Вероятно, попадал на камни. Он переворачивался и летел некоторое время кувырком, но до конца, по-видимому, докатился благополучно, так как черная точка встала внизу на ноги и стала отряхиваться.

Каргабазар был пройден.

Турки сбиты, и наши войска спустились в широкую Эрзерумскую долину. Остальное вы уже знаете.

Уже в Эрзеруме мне говорили турки, что гром пушек с Каргабазара вызвал у турок панику, так как никто из них никогда и не думал, чтобы можно было втащить туда пушки, да еще в самый разгар зимы. И потом один вид этих бесконечных колонн, спускающихся с Каргабазара со всех сторон, убил у турок веру в возможность успешной обороны Эрзерума.

Теперь, когда я пишу эти строки, только отдаленные раскаты орудийной стрельбы глухо доносятся до моего уха.

То преследуют отступающих турок наши казаки-кубанцы. Турки отскочили далеко на запад. Их много порубили в этой долине наши кубанцы.

Недавно от той деревни, где расположился наш штаб, несколько дней назад валялось на снегу более 300 турецких трупов и масса брошенных артиллерийских снарядов.

А теперь пока все затихло.

И турки, местные жители, не пожелавшие бросать своих очагов, на вопрос: зачем они воюют? — отвечают, указывая на небо:

«Один Аллах знает, зачем эта война, а мы не знаем».

А. Дульцев
ККВ № 10, 1916 г.

ПЕСНЯ КУБАНЦЕВ

(Посвящается генерал-майору Гулыге, начальнику
1-й Кубанской пластунской бригады)

Взволновались, зашумели
Сунжа, Терек и Кубань,
Поднялись, полетели
Казачи на поле-брань.
Генерал Гулыга бравый,
Из Кубанских удалцов,
Как на пир — на бой кровавый
Поведе нас, пластунов.

Гей вы, Царские орлята,
Не забудьте, что в бою
С неприятелем, ребята,
Надо помнить мать свою.
Мать свою — Кубань родную,
Царя батюшку, народ,
Также славу боевую,
Что к победам нас ведет.

Так поддержим же, ребята,
Славу старую свою:
Полетим на супостата
Мы в Турецкую страну.

*Петр Засоба,
стар. уряд. 5-го батальона
ККВ № 12, 1916 г.*

ГЕРОЙ-КУБАНЕЦ

Пал смертью храбрых командир 1-й сотни есаул Иванов, храбрый, доблестный вояка и испытанный и заботливый батько своих пластунов. «Нет нашего батька», — говорят теперь пластуны, — погиб он! Но зато как славно погиб! Шел он под градом пуль впереди всех, и когда стали приближаться к турецким окопам, крикнул громовым голосом: «Вперед, ура!»

«Ура!» — гаркнули пластуны и побежали за своим командиром.

Турки забросали их бомбами и ручными гранатами, многие падали убитыми и ранеными, а остальные бежали все вперед и вперед. Но вот

есаул Иванов, сраженный сразу двумя пулями, упал. Он не добежал всего несколько саженей до вражеского окопа. Увидев смертельно раненного командира, пластуны перебили защищавшихся турок, дорого мстя за своего батька. Сопка была взята, турки отступили, потеряв много убитыми и ранеными, но не радовались пластуны, слишком дорого заплатили они за успешный исход сражения, такой потери еще не было в 1-й сотне.

Вечная память тебе, дорогой, любимый батько, спи тихо, покойно и зная, что твои дети никогда не забудут тебя.

15 марта 1916 г.

Кавказская армия

Г. Кор.

ККВ № 15, 1916 г.

Пластуны совместно с солдатами отражают атаку противника

НА ТРАПЕЗОНД

1-го апреля наши войска повели наступление на турецкие позиции, расположенные по скатам горного кряжа, на левом берегу р. Кара-Дерэ.

Трудную задачу предстояло решить нашим пластунам-кубанцам; чтобы добраться до противника, нужно было сначала перейти быстроходную довольно глубокую реку, совершенно открытую для обстрела из неприятельских окопов.

Особенно тяжелые условия наступления были для правого фланга нашего отряда, наступавшего по береговой полосе. Здесь, помимо преодоленной реки, нужно было пересечь довольно широкую долину, не имевшую ни малейшей складки, ни малейшего естественного, искусственного прикрытия. Наступающие войска были как на ладони.

Преодолеть это препятствие и, войдя в соприкосновение с противником, выбить его из удобно расположенных окопов можно было только при сильной поддержке артиллерии. Только ураганным батарейным огнем можно было поколебать прочно засевшего в окопах противника и заставить его ослабить губительный пулеметный и ружейный огонь по наступающим нашим стрелкам.

Эту задачу должен был выполнить наш Черноморский флот.

Но пришедшие на рассвете 1-го апреля для этой цели броненосцы долгое время должны были бездействовать, так как спустившийся вдруг туман густою пеленою закрыл окопы противника и лишил возможности корректировать артиллерийскую стрельбу. Бомбардировка с моря таким образом могла оказаться совершенно безрезультатной.

Учтя, очевидно, это обстоятельство, флот вначале боя ограничился лишь редкими выстрелами «наугад» по позиции противника.

Попытки же пластунов, под прикрытием тумана приблизиться к противнику были тщетными, так как турки, зная заранее все расстояния и подступы, вели непрерывную пулеметную и ружейную стрельбу, нанося дерзающим пересечь роковую черту чувствительный урон.

Создалось таким образом скверное положение. Обе стороны, осыпая друг друга градом пуль, что называется, топтались на месте, не поддаваясь ни вперед, ни назад.

Бой при таких условиях мог окончиться «в ничью». Задача, данная пластунам, их первая задача на этом фронте, могла остаться нерешенной... Но вдруг положение неожиданно резко изменяется. Батальоны левого фланга отряда, руководимые испытанным уже в горных боях ведущим пластунов генералом Гулыгой, неожиданно для турок оказались переброшенными через реку.

Этот блестящий маневр был совершен следующим образом.

В районе расположения левофланговых батальонов местность более пересеченная, чем в приморской полосе и, кроме того, во многих местах густо поросла лесом. Оба эти условия делают ее менее доступной для действительного обстрела и в то же время представляют возможность продвижения скрытно, хотя небольшими частями, к противнику.

Батальоны, используя эти условия, незаметно в разных местах перебросили через реку небольшие разведывательные партии, которые, затем рассыпавшись в редкую цепь, вступили с неприятелем в перестрелку.

Турки, приняв, очевидно, эти партии за крупные силы, все свое внимание перенесли на них, оставив в сравнительном покое берега Кара-Дерэ. Батальоны

же, использовав ошибку противника, быстро под покровом тумана, всей массой перебрались на правый берег реки и, слившись затем с передовыми партиями, открыли убийственный ружейный и пулеметный огонь по противнику.

С этого момента наш левый фланг по отношению к противнику был почти в одинаковых с ним условиях. Дальнейшее разрешение боевой задачи теперь зависело только от личных качеств сражающихся.

К этому же моменту положение нашего правого фланга пошло на улучшение. Туман стал редеть, открывая горизонты для стрельбы флота.

Редкие выстрелы из морской тяжелой артиллерии все учащались и учащались и наконец слились в сплошную непрерывную канонаду.

Бой все разгорался и разгорался. К полудню флот развил такой страшный огонь, что к чести турок нужно сказать, не всякие войска способны держаться при таких боевых условиях. А они продолжали держаться.

Наконец к вечеру успех заметно стал клониться на нашу сторону. Отгеснили турок прежде всего наши левофланговые батальоны и заставили занять менее удобные позиции.

Наконец и части, действующие против правого фланга нашего отряда, отчасти парализованные губительным

огнем флота и ожесточенным напором правофланговых батальонов, отчасти же из боязни быть обойденными успешно продвигающимися нашими левофланговыми батальонами, попятлись и начали отступать. Отступать сначала по всем правилам военного искусства, с боем, а затем стали отступать «по-турецки» — бежать.

Так закончился 1-й бой пластунов с турками. Бой, нужно сказать, самый упорный из всех последующих затем, включительно до боя за обладание Трапезондом.

Между прочим во время движения пластунов к турецким позициям, 27 марта, генерал Гулыга, обгоняя отряд, свалился с конем в пропасть и спасся благодаря случайности: конь зацепился за дерево, предварительно пролетев более трех саженей, и генерал удержался ногой, застрявшей в стремях. Если бы не это, он разбился бы насмерть, так как пред ним пропасть была саженей в пятнадцать, а катиться пришлось бы по острому скалам. Сильно зашибленным оказался весь правый бок, рука и нога, но генерал Гулыга не ложился в госпиталь, а продолжал сам вести в бой свою колонну, которая, как я сказал выше, главным образом и содействовала поражению турок, обращенных затем в бегство.

*В. Т-ко
ККВ № 19—20, 1916 г.*

НА ЯЛАГУЗ-ЧАМСКОМ ПЕРЕВАЛЕ

Снег сыпучий поднимают,
Ветры злятся и ревут.
Пластуны вперед шагают,
К перевалу держат путь.
Нет воды на перевале,
Нет и дров, трещит мороз.
Только вьюга завывает,
Снег дорогу всю занес.

Нет укрытых помещений.
Голод, холод здесь царит,
Да пластун весь посинелый
На часах с ружьем стоит.
Перед ним Кубань мелькает,
Стройный ряд в станице хат.
Лица деток воскресают:
На кроватке мирно спят.

Возле них жена тоскует,
По отцу своих детей,
И портрет его целует,
Что «на память» был у ней.

Буря злится, завывает,
Снег метет еще сильнее.
Часового засыпает.
Он не борется уж с ней...

Вот пришла к нему и смена:
«Часовой, не спи! проснись!..»
Пластуна оттерли снегом,
Вновь вернули ему жизнь.

На суровом перевале
Долго были пластуны.
Несли службу, замерзали
В дни тяжелые войны.

*С. Савицкий. 10 января 1917 г.,
ККВ № 7*

ОКО ЗА ОКО

Было на нашем участке затишье. Настолько, можно сказать, тихое, что окопы наши и турецкие поначалу было начали переговариваться, а потом нередко стали и в гости ходить.

— Чем же вас, приятель, угощали? — как-то спрашиваю своего Федосова.

— Да хлебом своим тряпочным, ваше высокоблагородие. И как они только живы с еного хлеба. Как у нас бабы на лапшу катают. Мы так и прозвали ентот хлеб ихний Божьими портянками.

— А вы чем гостите их?

— Да, что есть, то и дашь ему. Раз, ваше высокоблагородие, накормили турка салом свиным.

— Как же это он согласился?

— Так мы крадучись. Он и не знает. Жрет, да все похваливает: «Чох якши, чох якши». Жрет, а мы все ничего. Только приходит опять через сколько-то дней, а Загорный возьми да и скажи: «Мы, мол, тебя свиной накормили». Так он как выпучится, как заругается «Шайтан, сабак урус». И тут же его сорвало. Смеху тут было с ним.

Совсем перестали наши стрелки опасаться неприятеля.

Сидят-сидят да и выйдут прогуляться.

Поговорят издали, поговорят вблизи, а там и в окоп полезут.

— Ну из-за чего вы воюете? — обычный вопрос наших.

— А вы зачем? — так же вопросом отвечает какой-нибудь горбоносый хозяин.

— Так ведь вы немцу взялись помогать. То-то и наградил он вас. Хоть бы обул.

— Да, с обувью плохо, — соглашается немецкий пособник, обвязывая бичевкой вокруг ноги какую-то рвань.

— Начальство приказывает.

— Тут недавно большой начальник приезжал и так ругал нашего офицера, как увидал, что вы окопы роете, а мы по вас не стреляем.

— Мы вам дадим знак, когда будет какое начальство, так вы не работайте...

Такие мирные разговоры велись несколько дней между нашими стрелками и турками.

И вдруг что-то случилось.

Положим, случилась вещь весьма обычная в дни войны.

Пошла партия наших стрелков за пригорок и не вернулась.

Все убиты.

— Как тут быть, чтобы вернее подсесть милых дружков? — задумчиво проговорил наш весельчак и мастер на всякие выдумки сотник К.

— А знаешь, говорю, какой анекдот рассказывал нам генерал, когда мы были еще в Карсе? «Это в прошлую турецкую войну было.

Турки занимали настолько выгодную позицию, что били наших на выбор.

Ружья же были не такие скорострельные, как теперь. Зарядит, прицелится и уложит наповал.

Вот один офицер и надумал, как заставить их сразу разрядить ружья, чтобы без потерь броситься в атаку...»

— А-а.. знаю, знаю. Этот анекдот тогда же всю армию, кажется, облетел.

— Ну да погодите. И мы придумаем штучку с ручкой, — перебил меня находчивый сотник.

Куда-то он сходил; о чем-то с высшим начальством переговорил, и тут же стали по своим местам пулеметы и залегли с готовыми ружьями стрелки.

— Где это вы гармошку раздобыли? — спрашиваю сотника.

— А разве у нас выступает хоть одна часть в поход без гармошки? — вопросом ответил он мне. — Своя, наша окопная. Ну, кажется, все по местам, — проговорил он, оглядываясь кругом. — Что бы это сыграть им?

Сыграл, пробуя инструмент, одну грустную мелодию.

Тихо кругом. Ни звука.

Сыграл другую, повеселей.

Несколько фесок высунулось из-за турецкого окопа.

— Гм... Клюет, — пробормотал сотник, перебирая клавиши.

— Скорей, пожалуйста, — говорю. — Смотрите-ка, сколько их повывлезло. Как тараканы из щелей. Веселенькую какую-нибудь.

— Гм...

*Улица, улица
Широкая моя-я...
Травушка-муравушка
Зеленькая-я...*

— Ай султан! Чок якши! Чок якши! — раздаются возгласы одобрения со стороны турецкого окопа.

— Совсем вылезли. Вот бы шарануть, — проговорил близ лежавший стрелок. Вот так цель!

*По тебе мне, улица,
Не ха-аживати.*

Поет и играет сотник, быстрым взглядом окидывая своих и совсем вылезших турок.

*Мне тебя-я, муравушка,
Не таптывати.*

Пли!

— А-а-а... Алла! — слышались стоны и вопли из кучи турецкого мяса.

— Джаным курбак! Зачем так?

— Урус, шайтан!

— Кардаш! Зачем так? — оправившись, спрашивали немногие, оставшиеся в живых.

— Немецкие собаки! Куда наши стрелки девались, что за курган пошли? — спрашивали в свою очередь «шайтаны» своих недавних друзей.

— Нам начальник сказал — мы стрелял. У-у-у! — оскаливая зубы и грозно потрясая кулаком, прокричал аскер.

В ответ слышался из наших окопов смех, несколько выстрелов, и турок, не успев разжать кулака, грозно шлепнулся наземь.

— Так-то. Война есть война, — проговорил сотник, любовно осматривая гармонику. — Тоже смертоносное оружие. Береги, братец, — добавил он, отдавая гармонику хозяину ее. — Дома расскажешь, сколько турок уложила она.

А. 1917 г.

Однополчане

НЕОСТОРОЖНОСТЬ

Памяти прапорщика Всеволода Дмитриевича Пискуна

Молодой, жизнерадостный, полный воинственного пыла, привел 1 октября 1915 года прапорщик Пискун эшелон на пополнение батальона в селение Х. Его тянуло туда... на позиции, где пластуны по-над Чорохом вели разведки и перестрелки с турками.

— Когда же наконец я доберусь до позиции? — говорил прапорщик Пискун. — Мне давно уже хочется сразиться с турками, посмотреть, какие они вояки.

Первое время каждый думал, кто с ним говорил, что он только герой на словах, а на деле — совсем другой. Но он был исключением: не только на словах, но и на деле был герой.

Вскоре все в этом убедились.

Дабы удовлетворить желание прапорщика Пискуна скорей побывать в разведках и перестрелках, командир батальона послал его на высоту N, где в это время находился на позиции взвод пластунов. От упомянутой высоты до Чороха тянулось глубокое обрывистое ущелье, в конце которого у самого берега реки находилось селение Б... Недалеко от него, на горе стояло два турецких полевых караула, с которыми часто в разведках пластуны вели перестрелку.

Спустя несколько дней по прибытии на высоту, в ночь под 7 ноября, прапорщик Пискун с партией разведчиков сбил их с высоты и сжег караулку, о чем и было донесено телефонограммой командиру батальона.

На другой день он подробно доложил начальнику бригады полковнику Камянскому, проезжавшему по позиции, о своей разведке, а также высказал свое намерение в скором времени с разведчиками пробраться в селение Б. и сделать засаду.

— Не делайте этого теперь: дайте туркам успокоиться, нужно усыпить их бдительность, а потом уже можно будет предпринять что-либо и посерьезнее. По крайней мере неделю-две не беспокойте

их, — сказал начальник бригады прап. Пискуну и поехал дальше по позициям.

А не так-то легко было ездить здесь. Батальоны бригады были слишком разбросаны по Чороху. Высокие крутые горы, глубокие ущелья, отсутствие по ним дорог делали поездку страшно утомительной. Несмотря на свои уже сравнительно преклонные лета, начальник бригады часто посещал пластунов и не только на заставах, но и на опасных наблюдательных пунктах, куда пластуны первоначально не допускали и мысли, чтобы на них побывал неутомимый, храбрый полковник (ныне генерал) Камянский.

Но не послушался совета прапорщик Пискун старой, умной и опытной, убеленной сединами головы. Ему было скучно сидеть без дела, когда можно было теперь уже попытаться счастья пробраться в селение Б... и, при случае, захватить в плен аскеров.

Трудно сказать, что, собственно говоря, его так тянуло в опасные серьезные разведки: или любовь к родине, или старание скорей добиться бранной славы, или высокие боевые ордена, или еще какие-либо другие причины. Но факт тот, что ему не сиделось без дела.

От высоты до противника, как я уже сказал, тянулось глубокое ущелье, которое имело некоторые свои особенности. Пробегавший по нему быстрым потоком горный ручей в некоторых местах был глубок и вплотную подходил к ответным обрывистым склонам ущелья, оставляя едва заметную тропинку, по которой с большой осторожностью и по одиночке нужно было пробираться, чтобы не упасть в воду. Местами склоны ущелья были пологи и по ним свободно можно было выбраться из него.

От нашей позиции до противника было ходу 2—3 часа. В горах вообще измеряют местные жители расстояние не верстами и не саженьями или какими-либо другими своими единицами мер длины, а временем. Это гораздо удобнее

и вернее, так как здесь расстояние не определяет скорость прохождения: иные пять верст пройдешь в три часа, а иные и в три дня.

В ночь под 10 ноября прапорщик Пискун с командой пластунов отправился в сел. Б., куда и прибыл на рассвете.

На горе не оказалось полевых караулов, которые им были сбиты в прошлую разведку. Северные и южные упомянутые селения были на нашем берегу Чороха, по склонам же гор находились турецкие полевые караулы. Выставив вокруг селения по-над Чорохом наблюдательные посты, прапорщик Пискун свободно начал разгуливать по селению.

На противоположном берегу Чороха паслась хорошая турецкая лошадь.

— Видишь, Свинченко, лошадь?

— Так точно, вижу, ваше благородие!

— Хорошая лошадь! Вот если б ее достать!

— А вот дождемся ночи: я попытаюсь переплыть через Чорох, и, может быть, мне еще удастся притащить ее сюда.

Прапорщик Пискун пошел по берегу к другим наблюдательным постам.

Откуда-то появился возле лошади турок. «По паршивому турку», по приказанию прапорщика Пискуна, было дано пластунами несколько выстрелов. Турецкие посты через Чорох открыли по селению огонь, а вслед за ними и ближайшие посты, находившиеся на нашем берегу с упомянутых выше высот. Пластуны попали под перекрестный ружейный огонь.

— Перебегайте по одиночке в ущелье: будем отступать! — командовал прапорщик Пискун.

По перебежавшим пластунам турки открыли сильный огонь. Пули как пчелы жужжали над селением. Пластуны в свою очередь открыли стрельбу.

— Скорей перебегайте к ущелью, а то турки уже обходят нас и отрежут путь отступления!

Турки действительно начали уже по горам обходить селение Б...

Прапорщик Пискун решил отступить последним и не двигался с места. Уже возле него осталось только два

пластуна: казак Яков Свинченко и приказный Иван Люшня (оба ст. Северной).

— Эй, кардаш, гет селение (эй, брат, иди в селение)! — кричали с гор окружавшие пластунов турки, махая им руками на селение, чтобы они шли назад.

— Ваше благородие, перебегайте к ущелью, а то турки нас захватят в плен! — крикнул каз. Свинченко сидевшему за кустом прапорщику.

Свинченко и Люшня стояли возле селения в масличных деревьях, за толстым дубом и стреляли по туркам.

Но прапорщик Пискун не побежал к ущелью за отступавшими пластунами, а подбежал к ним.

Турки заметили стрелявших из-за дуба двух храбрецов и сосредоточили по ним огонь. Сбиваемые пулями листья и небольшие веточки, как градом оббиваемые, падали на землю.

Прапорщик Пискун сел за дуб, склонил голову и ... тихо засмеялся.

— Ваше благородие, перебегайте к ущелью, а то вас здесь или перестреляют, или захватят в плен! — опять сказал Свинченко своему командиру. Но тот опять потихоньку засмеялся и ничего не ответил.

— Ик!

Свинченко оглянулся.

Прапорщик Пискун неподвижно лежал на земле лицом вверх.

— Иван, командир убит!

Оглянулся назад и приказный Люшня: увидел и он неподвижно лежавшего командира.

Свинченко быстро достал из кармана свой индивидуальный пакет и передал его Люшне:

— Ты скорее вскрой пакет, а я осматрю командира: куда его попала пуля, да сделаем перевязку!

В затылке зияла небольшая ранка. Пуля попала в затылок, очевидно, зацепила спинной мозг и засела где-то внутри.

Свинченко, перевязав своего командира, снял с него патронташ и взял его винтовку.

— Ну, Иван, давай и мы бежать: все равно вдвоем здесь ничего не сделаем!

— Нет, беги ты первый!

Свинченко наклонился над своим командиром, поцеловал его и... заплакал...

Прапорщик Пискун открыл глаза, зашевелил губами... На глазах у него блестели слезы...

Свинченко опять наклонился.

— Свинченко, спасайсь... пусть тебе Бог... помогает... Я... готов... — тихо проговорил свои последние слова прапорщик Пискун, закрыл глаза и больше их не открывал...

— Ну, Иван, если ты не хочешь первый бежать, то я побегу, а ты потом за мной!

Одев на себя патронташ прапорщика Пискуна, взяв его и свою винтовку, Свинченко побежал по единственной тропинке к ущелью. Пули как град посыпались на бежавшего пластуна, но не попадали. Турки

настолько били метко пулями по тропинке, что поднимавшаяся от них пыль скрывала ее. Дабы не сбиться с тропинки, Свинченко присел за камнем, осмотрелся и вновь побежал по ней к ущелью.

— тюв...тюв...чшш...тюв...тю-в-в... — затювкали и зашумели пули вокруг бежавшего пластуна.

Пули перебили на Свинченке ремень, на котором через плечо висела бурка и последняя слетела с него. Молнией пронеслась мысль в голове: «поднять бурку...»

— Эх, пусть пропадает: жизнь дороже бурки!

Свинченко побежал дальше уже без бурки, скрылся в ущелье, по которому я выбрался благополучно к своим, с двумя винтовками. В некоторых местах указ. Свинченко одежда была пробита пулями, но его не зацепило.

* * *

Рассказав мне все подробно о разведке прапорщика Пискуна, Свинченко спросил:

— Ваше благородие, а на що це воно вам?

Я ему ответил «на що це воно мини».

— А-а! Эх хочь бы мидальку дали, а то скільке не приходилось бывать в разведках и перестрелках и ничего

немае... Хочь бы в отпуск пустили: я с первой мобилизации...

Я молчал.

Замолчал и он.

— Разрешите идти!

— Иди.

Я только слышал, как он, повернувшись, хлопнул каблуками и вышел из землянки... Что-то сдавило мое сердце, слезы подступили к горлу и я... заплакал...

* * *

В этот же день, к вечеру, добрались разведчики к своей позиции.

Прапорщика Пискуна, приказного Ивана Люшни и казака Тихона Золотарева (ст. Бейсугской) не было между ними. Золотарева видели разведчики, как он взбирался из селения на гору, а больше никто о нем ничего не знал.

Вечером (в ночь под 11 ноября) с высоты взвод пластунов пошел к селению Б. за телом прапорщика Пискуна.

Казак Свинченко осторожно пробрался по ущелью к селению. До того места, где был убит прап. Пискун,

оставалось ему пробраться не более двадцати пяти шагов, как вдруг треснула у него под ногами сухая ветка...

Турки, которых уже ясно были видны силуэты в селении и вокруг него, открыли по нему стрельбу. Рассыпавшиеся сзади в прикрытии пластуны в свою очередь подняли ружейную трескотню. С неприятельского берега затарахтел пулемет. Пули с шумом струей полетели над головами пластунов...

Пластуны возвратились назад.

8 января 1916 г., когда уже началось турецкое отступление, батальонный

священник о. Антоний Проскурин, вместе с пластунами, спустился в селение Б...

На том месте, где был убит прапорщик Пискун, кроме него лежали почерневшие трупы приказного Ивана Люшни и казака Тихона Золотарева с пробитыми, очевидно прикладами, черепами. Прапорщика Пискуна узнали по повязке, наложенной раньше казаком Свинченко.

Недалеко от селения в ущелье были подобраны и кости еще раньше убитого в разъезде прик. Субботы (ст. Ильской) и принесены под маслины.

Над прахом павших воинов за отчизну батюшка отслужил панихиду.

Вскоре тут же под маслинами были вырыты штыками и лопатами две ямы, в одной из них похоронили останки трех пластунов в большом деревянном гробу прапорщика Пискуна. Под его гроб была положена с запиской закупоренная бутылка с обозначением: кто и когда был убит.

Так, под маслинами, где-то далеко в Турции появились еще две новые могилки сынов Кубани, с небольшими деревянными крестами.

*С-кип. Турция
ККВ № 13–14, 1917 г.*

Разведка

АРМЯНЕ-МУЧЕНИКИ

Во время пребывания моего на турецком фронте, с января месяца сего года, во всех походах из Турции в Перст и обратно, мне несколько раз приходилось видеть ужасные картины мучений несчастных армян. Озлобленные турецкие войска своими частыми неудачами в боях с нашими войсками стараются вымещать свои неудачи на беззащитных армянах. И каким только истязаниям они не подвергают этих людей. В своих кознях против армян турки не останавливаются ни перед какими ужасными способами нанесения возможно больших медленных мучений. Не щадят они не только мужчин или женщин, но даже и детей.

Случайно оставшиеся в живых армянки рассказывают о таких способах мучений армян. Предназначенное к уничтожению семейство выводится за селение, где на глазах матери и отца отрезают части тела их детей и живых еще кидают в яр или кладут на костер и сжигают. Многие матери не могут переносить таких мучений своих детей и бросаются в огонь выхватывать невинные жертвы, обжигая себе руки и лицо; причем таких матерей турки здесь же сжигают, а мужа подвергают медленным смертельным мучениям.

При проезде N-го X-го полка по восточным берегам озера Ван, недалеко от озера, было найдено два костра, где мною насчитано 46 человеческих ног, обгоревших до колен, а остальные части туловища обгорели до неузнаваемости, причем трупы обожжены настолько, что черепа, черные как котелки, валяются отдельно от туловищ.

На западной стороне Ванского озера найден огромный овраг, заваленный голыми трупами армян. Из всей этой массы разложившихся трупов вопила о помощи одна израненная армянка, которая не могла освободиться, так как ноги ее были завалены другими

трупами. А когда казаками она была освобождена, то первым долгом просила знаками утолить ее жажду и через переводчика пояснила, что в этом яру убито 800 армян. Многие казаки без слез не могли слушать рассказ армянки через переводчика, при каких обстоятельствах убивались эти люди. Вся эта масса людей была согнана к яру, атакована вооруженными людьми, и когда по одиночке крючками железными стали брать и тащить к яру сперва мужчин, то поднялся душераздирающий вопль атакованных. Женщины бросались к мужьям, ища защиты, отцы заживо прощались с детьми, видя ужасы казни, многие умирали, не дождавшись очереди. Все это делалось на закате солнца. Рассказчица представляла вид покойницы.

В Ванском озере очень часто волнами прибывает к берегу несколько трупов армян, а сколько их похоронено на дне озера — одному Богу известно. В степи ли, в деревне или овраге, везде на каждой версте можно встретить десятки трупов армян, и, безусловно, голых. При наступлении на селение Енжалу, на берегу реки Чая, на дороге, найдена мертвой армянка, умершая, как надо полагать, от быстрого и продолжительного бега с тяжелой ношей. На груди у нее мертвый грудной ребенок, а за спиной — придавленный ею, двухлетний, со слабыми признаками жизни, и около трупа, с корзинкой в руках, с запухшими от слез глазами, 5—6 лет девочка. Труп матери уже начинал издавать дурной запах, а девочка все время будила мать.

Кровь леденят подобного рода картины. Волосы дыбом становятся при виде такой ужасной казни-расправы сильного человека над слабым беззащитным, и невольно напрашивается вопрос:

— За что и скоро ли праведная десница покарает зверей-извергов?

*Старший урядник 4 сот. N-го X-го полка
Иван С. Шамалов. г. Кара-Килиса
ККВ № 40, 1915 г.*

СЛАВНЫЕ БОГАТЫРИ-КУБАНЦЫ

Рассказ урядника Ивана Луценко о последнем бое в Зачорохском крае, в котором был убит подьесаул Никольский и два раза ранен сам рассказчик

22 февраля с. г., около 7 часов утра, нашему N Пластунскому батальону приказано было экстренно двинуться на помощь туркестанцам, занимавшим позиции по-над морем. Задача наша, насколько нам было известно, заключалась во взятии горы под названием Лыса 994 над Моргульским ущельем, где сильно укрепились турки. Приблизившись мы к этой горе около 2 часов дня, где встретили сторожевые посты турок и вслед за ними на самой горе большие силы резерва. Не теряя ни минуты времени, мы с налета ворвались на гору и взяли ее после страшного огневого и рукопашного боя в штыки. Было это около 4 часов дня. Прогнав далеко турка и расставив посты, мы расположились на ночь, кто раскладывал огонек и готовил себе «обед», кто чинил истрепанный свой мундир и сапоги, как вдруг впереди нас и с обеих сторон послышалась горячая стрельба наших сторожевых охранений.

Сразу же нам было дано знать, что турки наступают на нас большими силами с трех сторон с целью вернуть взятую нами позицию, так как с потерей ее им приходилось далеко отступать без боя. Наступление велось с левой и правой стороны по ущельям и против нас по хребту. Правое ущелье и хребет должны были оборонять мы, а левое ущелье тоже наши, но другая сотня, поэтому, что происходило в это время в левом ущелье, мы не знали, но на нашей стороне все было видно как на ладони. Только мы успели приготовиться к бою, мгновенно расположившись в цепь по занятым нами на горе турецким окопам, окопы вырыты в снегу и легко пробиваются пулей, и установили два пулемета: один по направлению правого ущелья и другой по хребту, т. е. откуда наступали на нас турки, как нас начал осыпать свинцовый дождь с трех сторон. Доблестный наш командир сотни подьесаул Никольский, как

Кубанские пластуны (на переднем плане) в полной боевой выкладке. Кавказский фронт

всегда неустрашимый, открыто стоя командовал нами. Я с своим отделением спешил занять ближайший к нападавшим окоп и только стал подходить к своему отцу командиру, как его сразила неприятельская пуля в грудь навывлет, продвинулся я на несколько четвертей вперед, и мне та же пуля угодила бы. Я видел его лицо в предсмертной агонии, и когда санитары уносили его из сферы огня, то видно было спокойное лицо за нашу судьбу. Больше я своего командира не видел. Командование сотней принял наш неустрашимый подхорунжий Дятлов, а турки лезли на нас взводными колоннами, причем бить их приходилось прямо в упор, пулеметы косили целые колонны, но их была такая масса, что ни мы, ни пулеметы не успевали их уничтожать. Пулемет, направленный по правому ущелью, стоял возле моего отделения, куда турки особенно стремились, желая захватить пулемет и самую удобную для него позицию, но, к нашему несчастью, пулемет этот от сильного накаления на моих глазах лопнул. Положение наше становилось отчаянным, тем более что и у нас начала сказываться потеря. Я и другие просили дать пулемет из нашего резерва, где таковые имелись, но моментально ведь сделать это не было возможности, и мы решили держаться до помощи. А турки еще больше напирали, стараясь выбить нас и захватить окоп, приблизились уже было сажень на десять к нам, мы били их из своих винтовок в упор на выбор, метя в смельчаков, но и нас осталась горсть. Я вижу, что нам неминуемо придется погибать, сказал своим товарищам, что раз так, то надо нам побольше выбить турка. После чего мы вгорячах поднялись из окопов во весь рост, турки как будто приостановились,

думали, мы пойдём в штыки, а мы тем временем на выбор сразили залпом больше двух десятков смельчаков. Нам хорошо было видно, как наша одна пуля вырывала из ряда неприятеля по несколько человек, так как шли они на близком расстоянии прямо толпой. Я ясно видел, как впереди турецкой толпы шел с шашкой наголо немецкий офицер, мне страшно хотелось сразить его пулей, но тут моя рука отказалась работать, я два раза в нее был ранен, пробовал стрелять одной рукой, но ничего не выходило, т.к. рука не владела. В эту минуту к нам пришла помощь и прямо с налета бросилась на турка в штыки; немца-офицера наш урядник надел на штык. Турецкая толпа было отхлынула, но, заметив, что наша помощь невелика, опять бросилась на нас в контратаку, но у нас уже ждали гостей установленные новые пулеметы, и толпы как не бывало вовсе, много раз их так косили, и наконец они отхлынули. Наши пошли преследовать, а меня раненого отправили на перевязочный пункт, а потом в госпиталь. На третий день этого боя в Батумском госпитале мне сказали, что турка оттуда, где я был ранен, прогнали очень далеко. Я был рад, вспомнил тогда картину боя: весь снеговой покат горы на большом расстоянии и все ущелье было завалено турецкими трупами, а где были площадки..., там от крови алел снег. Потери турок были страшно велики, у нас же далеко меньшие.

Теперь вот я приехал домой на несколько дней, рукой еще не владею и вряд ли буду владеть, зато окопы не отдали туркам.

Так закончил свой рассказ урядник Луценко.

Сообщил Пчелкин

ПИСЬМА КУБАНЦЕВ

В данное время каждое письмо с боевых позиций представляет большой интерес.

Конечно, для лица, которое внимательно следит за ходом событий по многочисленным источникам, более полным и авторитетным, чем письмо простого казака, осведомленного только в действиях своей небольшой части, интерес представляют не те факты о боевых действиях данной части или отряда, о которых повествует автор письма, а самый дух письма.

Чрезвычайно интересно отношение самих авторов к происходящим событиям, любопытно их отношение к тем тяготам, которые взвалила им на плечи война.

И вот в этом отношении, на основании сотен прочтенных мною писем, прошедших через мои руки, я могу сказать, что Кубанцы все герои. В письмах нет уныния, нет ахов и охов. И когда какой-нибудь казак описывает невероятные трудности похода, чрезвычайно суровые условия войны, то это выходит у него не как жалоба, а как напоминание оставшимся дома, чтобы они ценили военные труды тех, кто сражается с врагами.

Даже намек на отчаяние нигде не встретил ни в одном из многочисленных писем.

Атаман станицы Тифлисской подрунжий Рогов получил от своих станичников письмо следующего содержания:

«Глубокоуважаемый Николай Степанович, рождественские подарки, доставленные на позиции уполномоченным Гонским, мы получили, за что приносим искреннюю благодарность Вам и всем нашим родственникам и станичникам, вспомнившим о нас в такую тяжелую минуту. Но как ни трудно переживать такие праздники в горах с сильнейшими морозами, как ни тяжело было нам двигаться по глубоким снегам бездорожных местностей, а все-таки и для нас выпали светлые дни: первый — это 23 декабря, когда наши неутомимые орлы слетелись к Сарыкамышу и разгромили два турецких корпуса, а остатки их со штабами брали в плен, что особенно ободрило каждого нашего воина; второй — это 1-го января, когда нам доставили подарки от станицы и Красного Креста, как это было приятно. У многих слезы радости появились на глазах, каждому из нас понятно было, что о нас не забыли дома, а пекутся больше, чем когда-либо. Еще раз, Николай Степанович, благодарим Вас и молим Бога, чтобы он дал возможность скорее покончить с нашим врагом и благополучно вернуться к своим родным семействам и просим Вас внушать детям, ученикам нашим, «подобающее уважение» к врагам нашим, которые прославились своими неслыханными зверствами. Мы же уверены, что оборванного «турка» с наступлением весны доколотим.

Подписали:
Урядник Михаил Билевцев и друг».

Вот частное письмо артиллериста:

«10 декабря мы выступили на позиции, погода была холодная (Кавказский фронт) и морозы драли вовсю; но они нам не страшны были, зато турок морозы донимали, судя по тому, что их находили целыми сотнями в окопах замерзшими. Некоторые сидели в окопах, как будто живые, держа в руках винтовки, а некоторые, очевидно, чтобы согреться, слезились в кучу и так в куче и замерзали».

«Весь декабрь стояли крепкие морозы, долина покрывалась густым туманом, из которого не видно было картин боя. Слышны были только выстрелы винтовок и гремящих пушек. И изредка слышно было в тумане громкое ура орлов-пластунов, бросавшихся в атаку на турок... Неутомимые пластуны каждый день с криками «ура» выбивали более многочисленных турок из их окопов, батарея наша неизменно поддерживала атаку пластунов, а доканчивала дело наша кавалерия, заставлявшая турок показывать голые пятки...»

А вот письмо, интересное в том отношении, что подчёркивает огромное значение ободряющих писем из дому.

М. В. Шевырев благодарит отца за такое письмо: *«...Я вижу, что несмотря на удары судьбы, вы не падаете духом, — пишет сын с позиции домой отцу, — а еще бодрите нас, за что Вам большое спасибо...»*

Тут уже хочется пожать руку старику Шевыреву, который понимает свой отцовский и гражданский долг. Вместо жалоб и причитаний, как это, к сожалению, делают часто женщины, этот отец, которому может быть тоже нелегко живется, утешает сына, бодрит его дух. Честь и слава таким старикам-отцам. Они, очевидно, были и сами прекрасными служаками Царю и Родине и теперь умеют служить им, хотя бы простыми, безыскусственными письмами своим сыновьям.

Представляю письмо такого высокочестного отца: *«О хозяйстве и семье, дорогой сын, не беспокойся, — пишет отец. — Семья не голодная и хозяйство не погибнет, если боевые подвиги нашего воинства возвеличат и украсят славой нашу родину. Знаю, сынок, все тяготы и трудности войны, но ты не ропщи, ибо ты воин, ты казак и должен пострадать за Царя и Родину. Если бы на войне получали только развлечения и удовольствия, то война не уважали бы так и не оказывали бы ему такой высокой чести. Все в мире проходит и всему настает конец. Настанет конец и этой тяжелой войне. И кто исполнит честно свой долг, тот будет славен и радостен..!»*

Заслуживает внимание также порыв религиозного чувства, сказывающегося во всяком письме: *«Прошу вас, дорогие папаша, и мамаша и ты, многолюбивая моя жена Ариша, не забывают меня, ходите почаще в церковь и молитесь Богу за меня и за всех русских воинов», — пишет казак М. Саньков.*

Но просьба его не к тому, чтобы Бог спас его жизнь, нет, а «чтобы нам не опозорить своего Царя-Батюшку, самих себя и казачьего звания...» «Верьте, вы мои дорогие родители и все домашние жители, мы сокрушим врагов Батюшки Царя, тогда и до вас дойдем с русским ура. Кто жив будет — счастливый возвратится домой...»

«Вот папаша и мамаша, — пишет дальше Саньков, — помню Ваше наставление и победу я кровью куплю и еще раз прошу прощения (наставления) послужить отечеству и Батюшке Царю и чтобы не изменить себе».

До слез трогательны бывают письма. И чем проще казак, тем трогательнее его простые, полные геройства, патриотизма и самоотверженности слова.

Господи, какая огромная нравственная сила, какие духовные богатства заключены в душе простого русского народа! Здесь самоцветные камни духовной красоты, здесь бриллианты чистой души.

Да будет же отныне нашим девизом — все для народа и все через народ, ибо сила и мощь родины покоятся на силе и мощи духовной и физической ее детей.

И. Б.

ПЕРВОЕ СРАЖЕНИЕ

(отрывок из книги Н. М. Свидина «Тайна казачьего офицера»)

Меня направили на Кавказский фронт. Мой 22-й пластунский батальон располагался далеко в горах. Добираться туда пришлось целую неделю в очень тяжелых условиях.

У батальона были большие трудности со снабжением. Дорог практически не было, раненым было особенно тяжело, когда их отправляли в госпиталь. Все грузы укладывались на спины осликов, хлеб настолько пропитывался запахом животных, что есть его было практически невозможно.

На горах не было никакой растительности, негде было взять дров, чтобы разжечь костер, отогреться. Когда наступали холода, нам стало совсем неуютно в наших палатках. По ночам изголодавшиеся шакалы подбирались близко к нашему жилью.

Так, еще до встречи с противником пришлось испытать много страданий. К вечеру от усталости, голода и холода слезы отчаяния навертывались на глаза, и, тоскуя по дому, я повторял: «Мама, мама!..» А поутру я уже стыдился своей слабости и говорил себе: «Ну, какой же ты офицер!» В редких письмах домой я писал, что все хорошо, что наконец счастлив, что нахожусь на фронте.

Война оказалась вовсе не игрой, о которой я мечтал.

Вскоре наш батальон выдвинули на передовую, я впервые услышал свист пуль.

...Мы все чаще ходили в разведку. В моей роте было трое офицеров. Лейтенанта тяжело ранило осколком снаряда, и с этого момента я должен был руководить разведкой.

Я помню еще точную дату, 4 октября 1916 года. С наступлением ночи двадцать казаков отправились в разведку. Я получил приказ дойти до развалин турецкой деревни, в трех километрах от расположения нашей части. Нужно сказать,

фронтальная линия не была сплошной и постоянно перемещалась. Этому способствовала пересеченная местность. Ночь была очень темной. Холодный ветер дул нам в лицо, что немного облегчало нашу задачу. Я разделил казаков на две группы. Одной из них командовал я, другую поручил унтер-офицеру. По возрасту он вполне мог бы быть моим отцом, и у него был большой фронтальный опыт.

Мы договорились так, если один из нас обнаружит врага, скрывающегося с целью выследить возможное появление патруля, другой нападет на него с тыла. Чтобы двигаться бесшумно по каменистой почве, мы обмотали сапоги лентами, вырезанными из одеял. Мы двинулись. Вдруг я увидел человека, сидевшего в двух шагах от нас.

Один из моих солдат бросился на него и прижал к земле, приставив к горлу казачий нож. Я услышал турецкое слово «карда», что означает «друзья». У этого человека оружия не было. К счастью, один из казаков говорил довольно хорошо по-турецки. Он начал допрашивать задержанного. Это был армянин. Его семью, находившуюся в деревне, убили турецкие солдаты. Ему чудом удалось спастись. Несколько дней он прятался в пещере, о которой турки не знали. Он готов был присоединиться к русским войскам. Уже несколько дней у него не было ни крошки во рту.

По его словам, в деревне засело не более пятидесяти солдат и двух офицеров. С двумя пулеметами я решил попытаться счастья и передал другой группе приказ присоединиться к нам. Вместе с унтер-офицером мы разработали план атаки. Он атакует слева, я — справа.

Армянин сказал: турецкая позиция прямо перед нами. Он пошел вместе с нами, так как я не мог поручить кому-то из казаков доставить его в тыл.

Отправься он один, его могли бы убить наши передовые посты.

Мы продвигались ползком в полной тишине. Для моих подчиненных, знаменитых пластунов, это было привычно, а я чувствовал, что с трудом выдерживаю эти испытания и не проползу и ста метров. Но нужно было терпеть. За час мы проползли почти километр. Застигнутые нашим обходным маневром турки отважно защищались. Но все закончилось в течение двадцати минут. Мы взяли в плен двадцать человек, один из них был офицером. Остальные были убиты.

У нас четверо убиты, семеро ранены, из них двое — тяжело.

Основная сила противника находилась в пяти километрах, и вскоре две батареи легких пушек открыли огонь. С нашей стороны тоже открыли огонь, чтобы прикрыть наш отход. Мы вернулись. С нами были: армянин, захваченные пленные, два пулемета и документы, которые, как оказалось позже, были очень важны.

За первый бой я был произведен в лейтенанты и награжден орденом Святой Анны, который носят на пашке с подписью «За храбрость»...

*Н. М. Свидин, хорунжий
22-го Кубанского пластунского батальона
Турецкий фронт, 4 октября 1916 г.*

Император Николай II награждает кубанских пластунов, 1 декабря 1914 г.

В ГОРАХ КУРДИСТАНА

... Одно селение, занятое турками, уже прошли, обойдя его по дну глубокого оврага, расстилая бурки и делая из них мост, так как иначе лошади провалились бы в глубокий снег по самое седло и вытянуть их не было бы никакой возможности. Путем нечеловеческих усилий, пробившись почти целую ночь над обходом одного селения, разъезд наконец выбился снова на тропу и тихо, не нарушая мертвую тишину ни одним звуком, идет дальше. Загорелые, обветренные лица казаков с сурово сжатыми губами ясно выражают всю трудность и опасность возложенного на них поручения; зорко пронизывают острые орлиные глаза предрассветную мглу, не пропуская ни одного камня, ни одной темной точки.

Винтовки, заряженные 5-ю патронами, в руках наготове, шашки освобождены из ножен. Лошади, чуя опасность, слились с всадниками в одно целое и прекратили даже обыкновенное фырканье, а только, внимательно глядя в след тропы, беспокойно поводят своими мокрыми от снега ушами, чутко настораживая их при всяком подозрительном шуме. Уже вдали показалось темным пятном селение, через которое надо было прорваться, как вдруг раздался тихий заячий писк — условный знак, разъезд остановился и замер, винтовки моментально были закинуты и руки судорожно сжали клинки. Все — напряженное ожидание.

Тихо подъехал дозор и доложил, что внизу, под обрывом, слышны какие-то тихие стоны. Сейчас же пять человек бесшумно спешили, и через пять минут на руках была принесена армянка молодая с грудным младенцем. Курды взяли ее себе, как и сотни других, в качестве наложницы, она не выдержала того позора и тех надругательств, которым ее подвергли, и сбежала, надеясь пробраться за их посты. Но преодолеть метель в горах у нее не хватило сил, и она,

прижимая к себе ребенка, лишенная сил, упала в овраг, решив лучше замерзнуть, чем подвергаться позору. Полузамерзшую женщину сейчас же укутали в шубу, и она начала отогреваться.

Казаки грубыми, неумелыми руками ласкали дитя, вынимали свои черствые сухари и наперерыв, предварительно разжевав их, старались кормить малютку. Суровые лица сгладились, на них сияли добрые счастливые улыбки, глаза любовью глядели на сосущего мягкий сухарь малютку. Рука каждого протягивалась, чтобы дать ему долю ласки; и странно было смотреть и странно было знать, что эти руки, ласкающие сейчас дитя, через 20 минут могучими ударами сверкающих клинков отправят к Магомету в Эдем десятков жизней.

Надо было торопиться, так как приближался рассвет. Дитя и мать были завернуты каждый в несколько бурок, чтобы шальная пуля не могла пробить, еще завернуты в шубы и приторочены к заводным лошадям. Ну, с Богом. Тихо двинулся разъезд вперед к темнеющему селению. Особая бдительность ненастной ночи сильно утомила часовых. Полная тишина кругом обманывала их, а предрассветная дремота, с которой особенно трудно бороться, сладко сковывала члены, — веки отяжелели. А в вырытых в снегу ямах вражеские часовые мирно поклевывали своими громадными носами. До селения осталось не более четырехсот шагов. С гиком в карьер, со стрельбой марш-марш. Гулко раздалась стрельба, и эхо, несясь по ущелью, то замирая, то усиливаясь, наполнило шумом горы. Вскочив в селение, разъезд рассыпался по улицам, дико гича, рубя и стреляя выскакивающих, ошалелых со сна турок. Бьюки с дорогой находкой тем временем карьером вылетают за селение и по тропе несутся к виднеющейся в версте скале,

откуда начинается спуск к Евфрату и лежит наша почти безопасная дорога назад. Разъезд, не дав опомниться туркам, карьером идет туда же, поддерживая только двух раненых орлов-казаков. Бьюки и раненые спущены вниз и уже идут по ущелью, а разъезд, спешившись и отослав коноводов, занял позиции и открыл редкий огонь по селению, приглашая врага обнаружиться и показаться, — сколько их там есть. Завязалась перестрелка — дело сделано, число определено. Ну теперь ходу. Тихо спустились и пошли по узкому ущелью. Тропа шириной в аршин, пролежавшая здесь, была нашим спасением. Обхода не могло быть, окружить нас невозможно; с одной стороны почти отвесный обрыв, на пятисаженной глубине которого мило урчит священный Евфрат, а с другой стороны высокая, доходящая местами до ста аршин, скала. До 50–70 человек конных

бросились за нами, но тут хозяевами положения были мы, гнаться за нами можно было в один конь, винтовки наши бьют дальше, и, что называется, «сердца» у нас больше. Турки быстро бросились за нами, стреляя на скаку, но когда мы, подпустив на хороший прямой выстрел, положили сразу человек семь передних, да вероятно раненых было столько же, они смешались, отхлынули, дав друг друга, назад, и уже остальное время делали честь — конвоировали нас, безрезультатно стреляя, так как пули не долетали. Смелчаки же, пытавшиеся подскочить поближе и пустить свой привет, оставались лежать в самых непринужденных позах на тех местах, где их встречала наша пуля. Таким образом, конвоируемые, мы дошли до нашей сторожовки и благополучно вернулись назад, блестяще выполнив задачу, имея только двух раненых и приобретя еще двух попутчиц.

Н. Бабиев

СКРИЖАЛИ ИСТОРИИ

«Прощай Турция! Прощай жестокий, холодный и каменисто-гористый этот край, который, как оказалось, мы больше не увидим...»

Прощайте братья-казаки.., погибшие геройской смертью в этих далеких трупобах и похороненные навеки там.

Прощайте... не увидят вас, родных, сгорбленные от семейного горя старушки-матери, с вечно заплаканными глазами... как не увидят вас суровые седобородые отцы-казаки, пославшие вас умирать за свое Великое Отечество...

Прощайте... Умрут все – и ваши жены-вдовицы, и ваши матери-старушки, и ваши отцы-бородачи, как умрем и мы, ваши соратники и командиры.

И только скрижали истории... сохранят о вас память всему войсковому потомству...»

*Ф. Елисеев, адъютант
I Кавказского полка*

Михаил Тимченко

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Памяти павших казаков посвящается

Я вновь с тобой, мой древний город,
Мой старый друг, отец и брат.
И в снежно-солнечном дозоре —
Большой и Малый Арарат.

Тепло запомнив нашей встречи
И дружбу ту, как крест, храня,
Ты провожал меня под вечер
Слезами длинного дождя.

Давно с тобой я подружился,
И воля Господа была —
Мой дед вдвоём с тобой молился
За одоление врага.

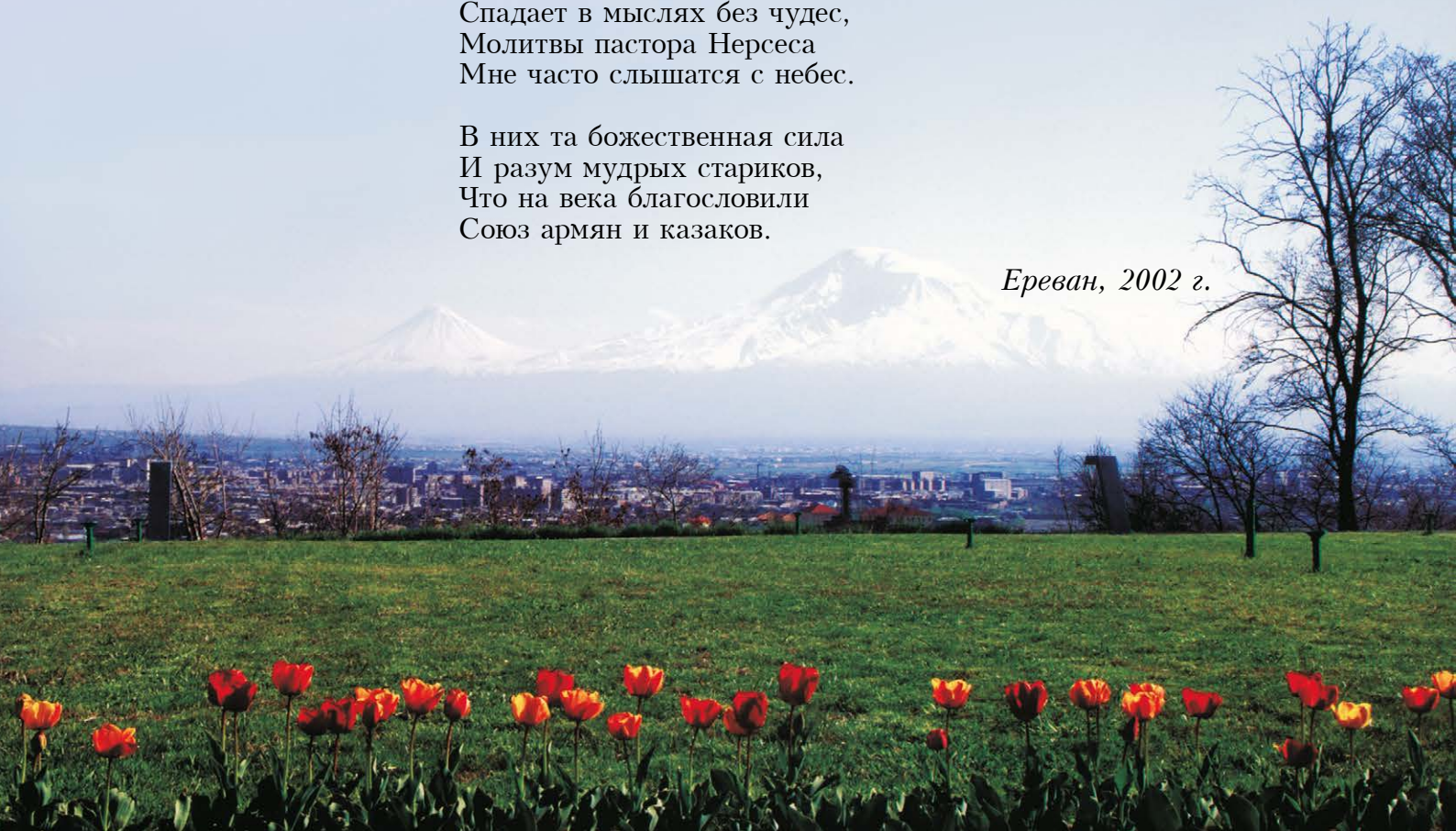
Он гнал его от Ошакана,
Считая каждую версту.
На берегу седого Вана
Остался вечно на посту.

Там с той поры весной рано
В своём наряде огневом
Играют дикие тюльпаны
Казачьим красным башлыком.

Не потому ль веков завеса
Спадает в мыслях без чудес,
Молитвы пастора Нерсеса
Мне часто слышатся с небес.

В них та божественная сила
И разум мудрых стариков,
Что на века благословили
Союз армян и казаков.

Ереван, 2002 г.

КАЗАЧИЙ ХРАМ НА АРМЯНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Есть еще одна интересная страница воинского братства, характеризующая общее историческое прошлое Армении и Кубани.

В 1912 году в Ереване был освящен православный храм «Покрова Божьей Матери» специально для того, чтобы казаки Первого Полтавского полка Кубанского казачьего войска могли молиться Богу. В советские времена храм, как и многие культовые сооружения, был закрыт, а в 1991 году здание вернули православной общине. Существует любопытный факт, связанный с этим храмом: его первый настоятель

иеромонах Макарий, не ведая, в честь какого святого был назван храм (все церковные книги и документы были утрачены), по какому-то наитию предложил назвать церковь в честь Покровов Божьей Матери. А через некоторое время другой служитель, иеромонах Давид, в книге священника Григория Титовича, посвященной русским военным церквам, обнаружил информацию о ереванском православном храме, чей престол, оказывается, с самого начала был освящен в честь Покровов Божьей Матери... Воистину Промысел Божий!

Храм во имя Покровов Божией Матери

Центральный вход

Часовня в память о погибших воинах

Сегодня это действующий приход, входящий в Екатеринодарскую Кубанскую Епархию. Здесь служат священники-армяне: иеромонах Давид и настоятель храма отец Арсений, к которым за Словом Божиим обращаются армяне и русские, проживающие в Ереване и окрестных городах и селениях.

На территории храма построена часовня, в центре которой сооружён крест в память о всех православных воинах, отдавших свои жизни за освобождение Армении...

В честь ратного подвига казаков, защищавших юго-западные приграничные территории Российской империи, населённые армянами, от османских войск, недалеко от храма установлен памятник воинам, пролившим свою кровь вместе с братьями-христианами, защищавшими свои дома.

ДОРОГИЕ ГОСТИ

Впервые у стен древнего Эчмиадзина (казацьки атамань
В.Ф. Петренко, М.С. Тимченко, В.Н. Чуб), 1998 г.

Казакь в церквь Св. Саркиса. Священнослужитель владыка Навасард.
27 апреля 2005 г.

На приёме в мэрии г. Еревана. Слева направо:
казачий полковник В.И. Замараев, атаман М.С. Тимченко,
зам. мэра К.А. Ареян и зам. атамана В.Н. Чуб

Казачи на встрече с заместителем министра
обороны Армении генерал-лейтенантом Гагиком Мелконяном.
27 апреля 2005 г.

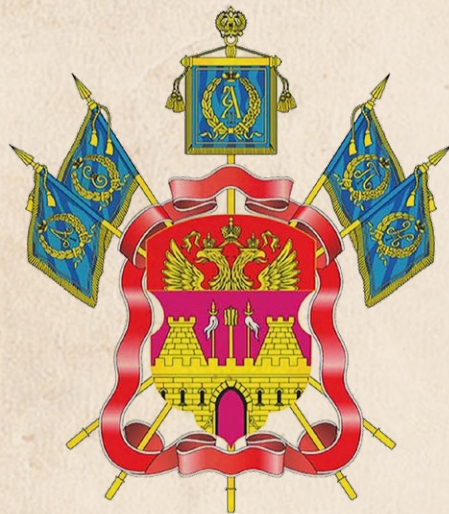
Во время встречи с Каполикосом всех армян Гарегином II.
Эчмиадзин, октябрь 2008 г.

КУБАНСКОЕ
КАЗАЧЬЕ
ВОЙСКО

*9 октября 2005 г. в Ереване в Канакер-Зейтуне
открыт памятник российским казакам.*

*На стилизованных четырёх плитах высечено:
«Всевеликому войску Донскому, Кубанскому
казацъему войску, Терскому казацъему войску
от благодарного армянского народа».*

А ВОТ ЧТО ДУМАЮТ ПО ПОВОДУ НОВОГО ПАМЯТНИКА...

Мы рады за те тёплые отношения, которые сложились между вашими казаками, между Республикой Армения и нашими благоверными народными чадами.

Казаки воевали за освобождение армянских земель, которых на ратное поле провожал армянский патриарх и католикос Нерсес из Аштарака. И настолько отрадно, что эта дружба сегодня продолжается.

И сегодня в знак этой вечной дружбы и признательности армянского народа в Ереване был воздвигнут мемориал вашим казакам.

И вы прибыли сюда, чтобы принять участие в этом прекрасном мероприятии, чтобы вновь подтвердить и утвердить, что дух казачества неизменен. Он продолжается, живёт и стучит в сердце казачества.

Армянская земля сокровенна для вас, потому что она освящена кровью ваших предков.

Мы также высоко ценим ваше служение в деле созидания российской государственности.

Мы знаем, какие усилия прилагают казаки, чтобы Российское государство укрепляло своё могущество, чтобы русский народ жил в благосостоянии мирной и счастливой жизнью.

Мы знаем также, что столь же теплы ваши отношения с чадами нашего народа, проживающими в южной России, которые, как и ваши отцы, благодаря своим предкам сокровенную Российскую землю и своим честным трудом вносят свою лепту в жизнь России.

Пусть Господь благословит братство наших народов, основанное на искренней любви.

Мы должны и впредь сохранять, как цветок, незыблемую дружбу наших двух народов.

Мы боролись вместе, мы строили вместе для наших народов свободную и счастливую жизнь, и так будет всегда продолжаться, всегда!

Даст Бог, чтобы мы так же приносили свое участие в созидании нашей новой жизни!

Гарегин II, Католикос всех армян

Армянская общественность с нетерпением ждала этого события, которое превратилось в крупную акцию в русско-армянских отношениях, служит ещё одним свидетельством верности двух народов, вековому боевому братству, скреплённому совместно пролитой кровью в борьбе против общего врага.

Мы высоко чтим память казаков, в составе Кавказского корпуса русской армии воевавших за освобождение Армении. Многострадальная Армянская земля окроплена также их кровью. И возрождением хоть маленькой Армении мы обязаны также им. Но, к сожалению, до сих пор не было в Армении посвящённого им памятника. Инициатива была проявлена кубанскими казаками, атаманом Михаилом Тимченко на встрече с мэром Еревана Базеяном, который поддержал эту идею. Коллектив института «Армпромпроект» выполнил 9 эскизных вариантов будущего памятника; «Друзья России» взяли на себя инициативу по доведению начатого дела до конца. Вместе с общиной «Канакер-Зейтун» окончательно определили место сооружения памятника, которое было

Институт «Армпромпроект». Обсуждение проекта памятника казакам в Ереване. Слева направо: Ф. А. Казарян – директор института, В. И. Галушко – член совета стариков ККВ кубанского казачества, М. С. Тимченко – атаман Кореновского РКЮ. Ереван, 2001 г.

оформлено соответствующим решением мэра города. Проектный институт «Респромпроект» оперативно разработал полный проект, в том числе рабочую документацию. Затем обратились к генеральному консулу РА в Южном регионе России А. Д. Гомцяну с просьбой содействовать решению вопроса спонсорства, который посоветовал вместе с документацией вылететь в Ростов для рассмотрения вопроса на месте.

И я благодарю господина Гомцяна как за дельный совет, так и за приложенные в дальнейшем усилия в течение всего процесса строительства объекта. Но от имени армянской общественности особо хочу выразить глубокую благодарность нашему соотечественнику, руководителю Ново-Нахичеванской-на-Дону армянской общины Эдуарду Вараздатовичу Вартаняну, который, просмотрев документацию, не долго думая, твердо сказал: «Мы это построим».

И вот пожалуйста. Памятник сооружён.

Выражаем также благодарность мэрии Еревана, выполнившей все благоустроительные работы, префектуре общины «Канакер-Зейтун», коллективу института «Респромпроект», его директору Феликсу Казаряну, архитектору, автору памятника Степану Мурадяну, заведующему отделом Роланду Джанояну, бескорыстно разработавшим рабочую документацию, представителю Ново-Нахичеванской общины Д. Антоняну, руководившему строительством, генеральному директору ЗАО «Армсантехмонтаж» Н. Геворкяну, ООО «Саакянстрой» и другим, внёсшим свою лепту в осуществление общего святого дела.

А. А. Папов, председатель общественной организации
в РА «Друзья России»

Казачьи атаманы Кубани В. Ф. Петренко,
М. С. Тимченко, В. Н. Чуб с коллективом института
«Армпромпроект» (директор Ф. А. Казарян)
в Эчмиадзине, 1998 г.

В первую очередь должен сказать, что армянский народ всегда с благодарностью относился к русскому, к казакам, которые в разные годы освобождали Армению сначала от персидского, а затем и турецкого ига.

Мы хорошо помним участие русского народа и особенно казаков в спасении армян от геноцида. Армянский писатель Хачатур Абовян сказал, что будет благословен тот час, когда нога русского ступила на армянскую землю. Этим всё сказано! Мы всегда с благодарностью относились к казакам, тем более что с кубанскими казаками нас связывает давняя дружба. За освобождение Армении погибло очень много казаков. Коллектив института посчитал своим патриотическим долгом спроектировать этот памятник в их честь.

Я хочу пожелать, чтобы казаки здравствовали! Хочу, чтобы армяне Кубани были достойными гражданами, как подобает настоящему армянину, и чтобы они чётко знали, что от них зависит, какая судьба их ожидает на казачьей земле.

*Ф. А. Казарян,
директор института «Армпромпроект»,
коллектив которого спроектировал на общественных началах
памятник воинам 409-й стрелковой дивизии
в станице Сергиевской Кореновского района
и памятник казакам в Ереване*

Делегация Кубанского казачьего войска на открытии памятника казакам.
Слева направо, первый ряд: Р.Х. Джаноян, И.В. Безуглый, В.А. Еrimiцкий, генерал В.П. Громов,
А.А. Папов, М.С. Тимченко. Второй ряд: А.А. Огилец, С. Мурадян –
автор проекта памятника, В.Н. Чуб.
Ереван, октябрь 2005 г.

Возложение цветов к памятнику славным казакам-кубанцам. Атаманы В. Н. Чуб и М. С. Тимченко.
9 августа 2005 г.

К сожалению, то, что у меня творится в душе, я не могу передать словами. Для этого надо иметь дар Божий. Но я попытаюсь выразить то, что в моих силах.

Моё детство прошло в годы Второй мировой войны, и уже тогда я проявлял интерес к русско-армянским отношениям и понял потом, что армянский народ смог найти себе большого друга в лице великой России. Мы стали духовно близки с русским народом.

Я всё время интересовался подвигами русских солдат, военачальников, с детства знал о великих полководцах Суворове, Кутузове, Ушакове, Нахимове и многих других.

Корни нашей дружбы уходят далеко в историю, когда армянский народ вместе с русским вёл суровую борьбу с общими врагами. Этот памятник – символ не только павшим на армянской земле казакам, но и символ великой дружбы двух христианских народов. Бог дал нам одну религию, и Он велел, чтобы мы были всегда вместе, помогали друг другу.

Спасибо вам, посланцам великого народа и отважного казачества, за то, что вы приехали на это торжество и участвуете в столь славных мероприятиях!

*С. Мурадян, архитектор,
автор проекта памятника казакам в Ереване*

Казачи в пантеоне Цицернакаберда

Делегация кубанских атаманов и Армяно-казачьего объединения на заставе «Казачий пост», построенной кубанскими казаками в 1856 году. Гюмри, 13 октября 2009 г.

Атаманы Кубанского казачьего войска В. Г. Светличный, М. С. Тимченко
и В. А. Калинин на праздновании Дня казака.
Ереван, община «Канакер-Зейтун», 11 октября 2009 г.

На этом приёме у мэра Еревана Альберта Мушеговича Базеяна родилась идея построить
памятник казакам, погибшим в боях с общими врагами, 5 октября 2000 г.

У памятника генералу И. Ф. Паскевичу, командующему Кавказским корпусом (построен обществом «Друзья России»). Дань памяти и чести войскового старшины М. Тимченко и казачьего полковника В. Замараева

От Аракса до Кубани

РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!

ВОЕННАЯ ПРИСЯГА

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту моей Родины—Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

*Вы шли и шли навстречу славе,
Свой долг исполнив до конца.
С тех пор забыть мы вас
Не вправе —
Ваш путь и ваши имена...*

ГЛАВА I

ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРМУЛЯРА 409-й АРМЯНСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

- Сформирована в августе 1941 года в составе: 675-й, 677-й, 684-й стрелковые полки, 964-й арtpолк, 682-й саперный батальон, 486-й медико-санитарный батальон, отдельный противотанковый и зенитно-артиллерийский дивизионы и ряд специализированных подразделений при управлении дивизии.

- Первое боевое крещение получила под Моздоком. На Северном Кавказе закончила бои у р. Протока ст. Красноармейской.

- 5 января 1944 года дивизия получила боевой приказ начать решительное наступление совместно с другими дивизиями по освобождению г. Кировограда. 7 января 1944 года г. Кировоград был освобожден, а 8 января приказом Верховного главнокомандующего дивизия получила наименование 409-й Кировоградской.

- За отличие в боях 29 марта 1944 года при освобождении крупных железнодорожных станций дивизия была награждена орденом Богдана Хмельницкого II степени и стала именоваться 409-й стрелковой Кировоградской ордена Богдана Хмельницкого армянской дивизией.

- За участие в освобождении столицы Словакии Братиславы в апреле 1945 года в числе 15 соединений получила почетное наименование «Братиславская». Таким образом, 409-й стрелковая дивизия стала Кировоградско-Братиславской ордена Богдана Хмельницкого армянской дивизией.

- Впоследствии дивизия была расформирована. Ее боевое знамя хранится в музее Вооруженных сил Северо-Кавказского военного округа.

В БОЯХ НА КУБАНИ

В ночь на 03.01.1943 противник начал в полосе 409-й стр. дивизии отход. Личный состав соединения стал неотступно преследовать его.

Дивизия имела вполне здоровый личный состав: многие солдаты и офицеры были отмечены правительственными наградами. В боях под Безорукином и Шефтовом было награждено 134 человека,

в том числе: орденами 15 — среднего и старшего комсостава и 2 — младшего комсостава; медалями — соответственно 14 и 55 человек, а также 48 рядовых.

К этому времени командиром дивизии был назначен гвардии полковник Михаил Игнатьевич Добровольский, который вступил в исполнение своих обязанностей с 05.01.1943.

Дивизия продолжала выполнение прежней боевой задачи. Преследуя отходящего противника, она вошла в состав 58-й армии, 07.01.1943 получила от её командующего боевую задачу: сосредоточиться в районе Макуховский, Нетуридов, подтянуть тылы и подготовиться к форсированному маршу с утра 09.01.1943 для преследования противника в направлении Левокумский.

Плохая дорога, сильно истощённый конный состав, отсутствие горючего и других видов довольствия привели к тому, что части и подразделения дивизии растянулись на глубину 70–80 км. Транспорт далеко отстал от личного состава, в питании и вещевом довольствии ощущались большие перебои...

С утра 15 января дивизия выдвинулась из района Левокумский в направлении Старо-Марьевка — Бешлагир для занятия там обороны.

19 января в пути следования было получено боевое распоряжение, из которого стало известно, что дивизия вошла в состав Северной группы войск Закавказья и составила её резерв.

К исходу 20.01.1943 она сосредоточилась в районе Верхний Янкуль, Старо-Дворцовый, Гуляй-Поле, штаб дивизии разместился в Гуляй-Поле.

Северная группа войск Закавказья в это время преобразовывается в Северо-Кавказский фронт. С 24.01.1943 409 сд, согласно боевому распоряжению штаба Северо-Кавказского фронта от 26.01.1943, включается в состав 37-й армии и форсированным маршем следует в район Петропавловская, Курганская, Лабинская для занятия обороны по восточному берегу р. Лаба, на рубеже: Темиргоевская, Курганская, Лабинская, имея задачу обеспечить левое крыло фронта со стороны Майкопа.

Готовность обороны была определена к исходу 30.01.1943.

В соответствии с данным распоряжением части дивизии продолжали следовать к указанному рубежу и к 12.00. 04.02.1943 находились: 675 сп — южная окраина Усть-Лабинская, 677 сп — в движении из СТФ, 684 сп — на переправе через р. Кубань у Хлебный Рынок,

964-й артполк — в движении из Некрасовки на Хлебный Рынок, спецподразделения — в районе церкви Усть-Лабинская.

В частях дивизии имеется значительное количество отставших воинов. Полковая и батальонная артиллерия, 120 мм минометы всех стрелковых полков также отстали. Приняты соответствующие меры.

05.02.1943 в соответствии с боевым приказом по Штарму 37-й, дивизия продолжала движение, имея задачу к 08.02.1943 выйти на рубеж Будёновский, Медведовская и нанести главный удар по противнику левым флангом. КП дивизии — Суходольный.

В период с 04.01.1943 по 08.02.1943, преследуя противника, дивизия не встречала какого-либо серьёзного сопротивления. Противник отходил в направлении Краснодар — Керчь.

Мелкие арьергардные группы легко уничтожались частями дивизии, лишь в районе Платнировская, Нижний, Суходольный противник занял заранее подготовленную оборону, где части дивизии были вынуждены с 08.02.1943 снова вступить в бой со значительными силами противника.

Здесь при выполнении боевого задания погибли начальник развед. отделения штаба дивизии майор Айвазян и его помощник старший лейтенант Ахмедов.

К этому времени дивизия совершила более 800 километров марша.

В дальнейшем по мере продвижения вперёд у станиц Величковская и Медведовская поступило пополнение: младшего нач. состава 50 и рядовых 495 человек. Всего 545 человек. Из Старо-Ниже-Стеблиевской соответственно 211 человек. Всего 218 человек.

09.02.1943 дивизия вела бой с противником у Нижне-Суходольной.

Справа фланговым ударом 675 сп противник был выбит из обороняемых позиций и отступил на Старо-Величковскую, закрепился там и стал оказывать упорное сопротивление.

Артиллерия и шестиствольные миномёты противника из глубины обороны вели непрерывный обстрел подступов к станице.

Дивизия имела здесь перед собой сильного противника, не говоря уже о наличии в его распоряжении выгодной в тактическом отношении местности.

Боевые действия наших войск под Старо-Величковской продолжались до 17.02.1943.

В ночь на 18.02.1943 под прикрытием подвижных аррьергардных групп противник оставил станицу и отошёл на заранее подготовленный рубеж у Старо-Ниже-Стеблиевской.

У подходов к Старо-Величковской 682-м отд. сапёрным батальоном было обезврежено более 500 мин.

Боевым распоряжением Штарма 37-й, которое было составлено на основании телеграфного распоряжения командующего СКФ, — 409 сд вышла из состава 37-й армии и поступила в распоряжение командующего 9-й армией СКФ, продолжая выполнять прежние задачи.

Командный состав 409-й сп. дивизии: М.И. Добровольский – комдив (в центре), Тесленко, Гусев – нач. штаба, С. Степанян – нач. тыла, А. Саркисян – ком. артиллерии, А.А. Гусев – командир 675 сп, С. Нерсисян – замком п/ч 675 сп, А.О. Арутюнян – комиссар 684 сп, Степанов – замком п/ч 684 сп, А. Арутюнян – зам. нач. дивизии, С. Казарян – ком. 964 ап, Х. Григорян – зам. ком. 677 сп, И.Б. Костанян – прокурор дивизии

Дивизия вела ожесточённые бои под Старо-Ниже-Стеблиевской и Красноармейской по 09.03.1943.

Ведя 14-дневные бои, дивизия, естественно, понесла значительные потери.

Были случаи, когда штурм огневой точки противника осуществлялся только усилиями командного состава.

В ночь на 09.03.1943 противник оставил Красноармейскую и отошёл на новый рубеж обороны в районе станицы Славянская, где создал прочную систему

обороны за серьёзной водной преградой р. Протока шириной до 80–100 метров.

Несмотря на понесённые в боях большие потери, части и подразделения дивизии продолжали наступать с большим упорством и прежней настойчивостью.

В полосе действий дивизии за счёт всех частей был укомплектован сводный батальон в составе 323 человек, командиром которого был назначен старший лейтенант Астахов. В задачу батальона входило под покровом ночи форсировать

р. Протока, выбить противника с занимаемого рубежа обороны, способствуя тем самым успеху наступления дивизии при форсировании серьёзной водной преграды на других участках.

16.03.1943 на основании распоряжения штаба 9-й армии дивизия на длительное время была отведена в тыл для укомплектования и учёбы, а также производства оборонительных работ на

рубеже: колхоз им. Крупской, Ангелинская, Ново-Николаевская, по р. Ангелинская. Работы здесь продолжались до 02.04.1943. Позже, согласно боевому распоряжению Штарма 46-й от 31.03.1943, 409 сд в период с 02.04.1943 по 09.04.1943 железнодорожным транспортом была переброшена в район Миллерово, где окончательно сосредоточилась к 16.04.1943.

ИЗ ЖУРНАЛОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ 409-й СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ ЗА 1943 г.

5 и 7 февраля 1943 г.

Из боевого приказа Штарма 37-й от 05.02.1943:

...409-й стрелковой дивизии 05.02.1943 выступить из занимаемого района и к 10 часам 06.02.1943 выйти на фронт: Переясловская — Красная Поляна, Красная Нива, Барятинская, Новокорсунская, Будёновский — имея главную группировку в районе Будёновский.

...В готовности с утра 09.02.1943 наносить удар на своём левом фланге в общем направлении на Будёновский, Медведовская.

КП Штарма с утра 08.02.1943 «Берездская».

...С утра 05.02.1943 дивизия на марше и к 18 часам 05.02.1943 части достигли:

а) 675 сп с прежними средствами усиления — западная окраина Выселки;

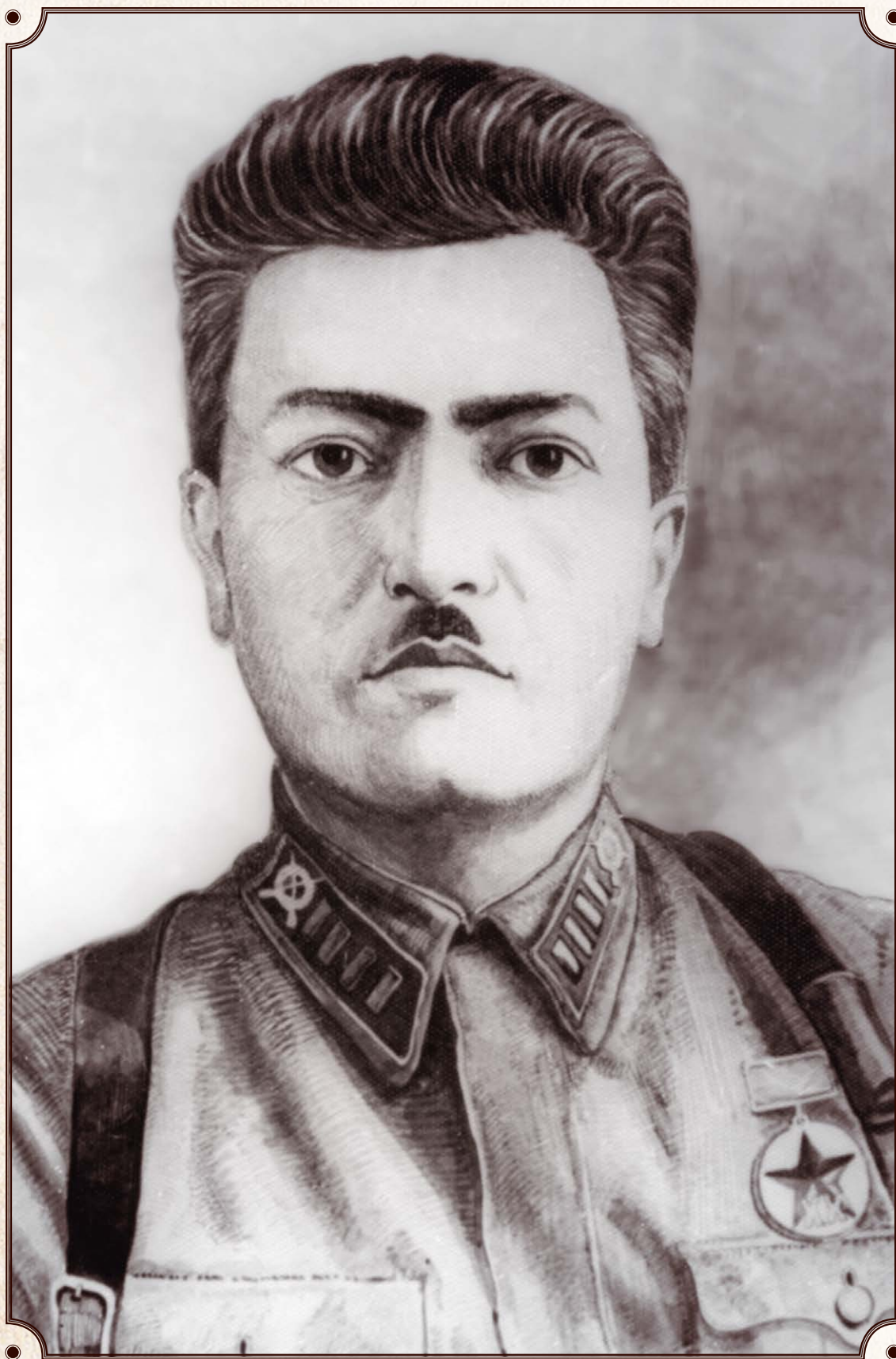
б) 677 сп с прежними средствами усиления — головной колонной прошёл курган с отметкой 78 — 2 км севернее Кирпильская;

в) 684 сп и его средствами усиления — исходный пункт для марша северная окраина Кирпильская;

г) уч. батальон осб, осб заградрота и комендантская рота — северо-восточная окраина Кирпильская — в готовности для выступления к дальнейшему следованию.

Хутор Суходольный. Делегация ЦК Компартии Армении.
Среди офицеров комиссар А.Н. Айрапетян и писатель Тигран Ахумян. Кубань, 14 февраля 1943 г.

Арташес Василян, старший батальонный комиссар, первый командир 409-й стр. дивизии

...Штадив с 7 часов 06.02.1943 в Кирпильской, в дальнейшем — Кореновской. Части дивизии при выходе из Платнировской и севернее её столкнулись с боевым охранением противника на рубеже: конный завод, севернее Платнировской...

8 и 9 февраля 1943 г.

1. Дивизия продолжала бои за х. Нижний, х. Суходольный, и к 11 часам 09.02.1943, преодолев упорное сопротивление противника, 675 сп вышел на западную окраину х. Суходольного, имея задачу ударом с юга овладеть Нижним. Остальные полки, действуя левее 675 сп, вышли на рубеж: безымянной высоты непосредственно против Суходольного.

...15 часов 09.02.1943 675 и 677 сп ворвались в Нижний — ведут уличные бои. 684 сп с 10 часов в движении через Суходольный на Старовеличковскую.

...КП — лощина — 4 км восточнее Суходольного.

2. Штадив в Суходольном.

10 февраля 1943 г.

1. Противник в течение дня 09.02.1943 нашими частями выбит из Нижнего.

2. Дивизия имеет направление и в дальнейшем преследует противника: Старовеличковская, Первомайская, Троицы...

С 2 часов 10.02.1943 начала наступление, имея задачу к исходу 10.02.1943 овладеть Старовеличковской, но под воздействием огня противника боевые порядки, выйдя на рубеж юго-западной окраины Нижнего — западные скаты отм. 42.2, залегли, ведя сильнейший огневой бой.

11 февраля 1943 г.

1. 42-й пехотный полк 46-й пехотной дивизии противника, сбитый с рубежа Нижний — Суходольный, продолжает оборонять западный берег р. Кочеты...

...В результате боя захвачены трое пленных (принадлежат 42-му пехотному полку 46-й пехотной дивизии).

КП штадива — «Рашпиль».

12 февраля 1943 г.

1. Огневой бой с противником на рубеже реки продолжается до глубокой ночи...

2. Во второй половине ночи с 11 на 12 февраля подразделения снова

в преследовании отступающего противника. К утру Медвёдовская была занята подразделениями 677-го стрелкового полка майора М. Т. Григоряна.

В тяжёлых зимних условиях (январь — март 1943 г.) при сильном сопротивлении противника части дивизии успешно справились с поставленной боевой задачей. Во время отступления фашисты разрушили железнодорожные пути, мосты, угнали скот, взорвали все более или менее ценные здания. В частях дивизии чувствовалась нехватка горюче-смазочных материалов, боеприпасов, транспортных средств. Не всегда наши подразделения успевали в указанные сроки сосредоточиться в районах назначения. И, несмотря на эти и другие трудности, 409-я дивизия приняла самое активное и непосредственное участие в освобождении таких крупных городов, станций и населённых пунктов, как Новопавловское, Прохладное, Георгиевск, Минводы, Суворово, Курсавка, Невинномысская, Ставрополь, Армавир, Петропавловская, Курганная, Усть-Лабинская, Платнировская, Кореновская, Сергиевская, хутор Нижний, Старовеличковская, Медвёдовская, Тимашевская, Гришковское, Старонижестеблиевская, Красноармейская, Славянская и мн. др., при этом многие населённые пункты были освобождены только силами частей 409 сд. Дивизия сражалась в составе 44, 58, 37 и 9-й армий.

Дивизия имела перед собой сильного противника, не говоря уже о наличии в его распоряжении выгодной в тактическом отношении местности.

Таким образом, с декабря 1942 г. по апрель 1943 г. 409-я стрелковая Армянская дивизия непрерывно находилась на переднем крае, с жестокими боями прошла около тысячи километров, внесла весомый вклад в освобождение от фашистских оккупантов Чечено-Ингушской АССР, Ставропольского и Краснодарского краёв и вплотную подошла к Таманскому полуострову.

В неравных тяжёлых боях, дневных и ночных походах, перенеся неимоверные лишения, дивизия потеряла значительную часть своего личного состава, боевой техники.

Ашот Осипович Арутюнян, комиссар 684-го стр. полка

Михаил Игнатович Добровольский,
полковник, командир 409-й стр. дивизии, 1943 г.

Сеник Гукасович Айвазян, майор,
начальник разведки
409-й стр. дивизии

Аршалуйс Нагапетович Айрапетян,
комиссар 409-й стр. дивизии

Саркис Егоевич Казарян,
подполковник, командир
964-го арт. полка

Михаил Тигранович Григорян,
майор, командир
677-го стр. полка

Грант Авакович Бахшинян,
офицер особого отдела
684-го стр. полка

Сарибек Александрович Балагезян,
лейтенант, командир
миномётной роты

Оганес Смбаатович Оганесян,
командир 7-й батареи 964-го арт. полка

Василий Григорьевич Боляков,
рядовой 684-го стр. полка

Андрей Петрович Ставцев,
майор, командир
684-го стр. полка

Акоп Арутюнович Саркисян,
полковник, начальник артиллерии
409-й стр. дивизии

Александр Евдокимович Когот,
капитан, начальник штаба
684-го стр. полка

БОИ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ...

Шёл 1942 год. Отборные, хорошо экипированные войска германского вермахта продолжали рваться к бакинской и грозненской нефти.

В числе пяти дивизий, сформированных в основном из жителей горных сёл и городов Армении, была 409-я стрелковая дивизия. Полковник Арташес Василян, принявший командование и знамя части, перед выступлением на фронт огласил обращение армянских трудящихся к своим сыновьям:

«Мы гордимся, что в рядах наступающей Красной Армии боретесь и вы, верные сыны нашего народа. Вас ждут как освободителей миллионы наших сестёр и братьев, изнемогающих под тяжким игом немецких захватчиков. Помните, что освободить их — ваш священный долг...

Помните, наши сыновья, что на каком бы участке фронта вам ни пришлось сражаться против немецких фашистов, вы боретесь за судьбу, за спасение, за свободу Армении. Во имя Советской Родины, во имя Матери Айастан бейтесь с врагом до последней капли крови...»

Из Степанавана в составе 44-й армии дивизия с ходу вступила в боевые действия под Моздоком — Шефатово — Микенская... Немец был ещё силен и организован, поэтому первые бои с ним для необстрелянного личного состава стрелковых полков и отдельной роты курсантов были тяжёлыми...

Командование 44-й армии решило использовать 409-ю стрелковую дивизию почти с ходу, не дав времени для настоящей подготовки к наступлению.

Дивизия несла тяжёлые потери... С горечью бойцы узнали о трагической гибели своего бывшего командира Арташеса Василяна, переведённого накануне в 89-ю дивизию под Грозный...

Во время прорыва из окружения немецкая механизированная колонна обошла фланг стрелкового полка и под покровом ночи прошла через расположение штаба дивизии. Бой был коротким и неравным. Те, кому удалось чудом выжить, потом расскажут о последних минутах жизни комдива, который с группой офицеров пошёл навстречу немецким танкам и пехоте...

Командир отдельной автороты 409-й стр. дивизии М. О. Патрикян с водителями Аршаком Даниеляном и А. Слюсарем

В тот миг другого не было дано...
Через смерть — в бессмертие...

В тех первых боях рождался и первый опыт в смертельной жизненной схватке с сильным врагом, который яростно оборонялся, но всё же отступал, сознавая своё безнадёжное положение после разгрома под Сталинградом.

Остались позади Моздок — Безрукино — Шефатово... Десятки офицеров и бойцов получили правительственные награды. Выполняя поставленные задачи 37-й армии, части дивизии вышли на степные просторы Кубани... К тому времени командиром дивизии был назначен гвардии полковник Михаил Игнатович Добровольский, который вступил в исполнение своих обязанностей 5 января 1943 года. «Высокий, плечистый, с мужественным обветренным лицом, огрубевшей от зноя и холода кожей, часто задумчивый... Иногда после 4–5-дневных переходов, когда бойцы буквально валялись с ног, отказываясь от еды, он не давал покоя офицерскому составу...» — так вспоминает о нём бывший комиссар 684-го полка Ашот Арутюнян. — Но Добровольский бывал и другим, когда позволяла обстановка. Он в корне менялся, становился терпеливым учителем и лично показывал, как надо складывать шинели, чистить оружие, применять средства маскировки, организовывать атаку подразделения на подготовленную оборону противника и т.д. М.И. Добровольский был кадровым военным, нестигаемым, бесстрашным и самоотверженным командиром».

После перегруппировки позиций, приняв пополнение из Нагорного Карабаха, Азербайджана, как сообщалось в оперативных штабных сводках, части дивизии, ведя в основном бои местного значения, на марше с ходу сбивали заградительные части фашистов, освобождая населённые пункты Северного Кавказа.

Плохая дорога, а вернее бездорожье, которое наступало с дневными оттепелями, зачастую крепкие морозы, подгоняемые северо-восточными ветрами, сильно истощённый конский состав, отсутствие горючего и других видов

довольствия привели к тому, что части и подразделения дивизии растянулись на глубину 70–80 км. Транспорт далеко отстал от личного состава, в питании и вещевом довольствии ощущались большие перебои... Обмундирования, оружия и боеприпасов не хватало для обеспечения мобилизованных и добровольцев из кубанских станиц...

К обеду 4 февраля 1943 года 675-й стрелковый полк прошёл через южную окраину Усть-Лабинской, 677-й — проследовал товарную ферму, 684 сп начал переправу через реку Кубань в районе Хлебного Рынка, 964-й артполк — в движении из Некрасовки, спецподразделения — в районе церкви.

К исходу следующего дня части дивизии обошли горевшие строения Кореновского сахарного завода и Выселковского элеватора, станицу Журавскую, хутор Малеванный и были вынуждены остановиться в открытой степи и балках, занять пустующие бригадные станы с тем, чтобы сосредоточиться, подтянуть отставшие подразделения полковой и батальонной артиллерии, боевые расчёты 120 мм миномётов всех полков, изучить сложившуюся обстановку, чтобы, выполняя распоряжение штаба 37-й армии Северо-Кавказского фронта, выйти в развёрнутом порядке к 8 февраля 1943 года на рубеж хутора Будённовский — Медведовская и нанести главный удар противнику левым флангом.

677-й стрелковый полк майора Михаила Григоряна остановился на восточной окраине в двух километрах от хутора Бабиче-Чернаговского. Подразделения 684-го стрелкового полка майора Даниеляна, перейдя главную ростовскую трассу, успели рассредоточиться вокруг корпусов животноводческих ферм кореновского колхоза. Уступом к ним на юго-восток вдоль глубокой балки остановился 675-й стрелковый полк капитана Трепетуна. Артиллеристы 964-го артполка майора Казаряна с трудом, по размёрзшейся грязи тянули свои пушки, несли за плечами снаряды, едва поспевая за пехотой...

684-й стр. полк.

Участники боёв за освобождение х. Нижнего и ст. Сергиевской со своим комиссаром А. О. Арутюняном

Штаб дивизии расположился в небольшой бригадной хате, крытой камышом. Пустующие оконные рамы солдаты закрыли плащ-палатками, растопили печку, натаскали соломы, осветили две комнаты нехитрыми самодельными армейскими светильниками.

Начальник штаба подполковник Литвинов развернул карту. Начальник разведки дивизии майор С. Г. Айвазян был озабочен. Из трёх посланных конных разведок в сторону Сергиевской до самого вечера никто не вернулся. Боевое охранение 677-го полка докладывало, что слышали глухие автоматные очереди и одиночные выстрелы... Дивизионная разведка молчала... Казалось, всех поглотила эта бескрайняя степь под покровом колючей морозной ночи, под разноголосую заунывную музыку северного ветра в степных зарослях высокого бурьяна и дребезжание ошестинившихся старых камышей...

Командиры полков докладывали обстановку... Батальоны неожиданно натолкнулись севернее Сергиевской на

заранее подготовленные оборонительные рубежи немцев... Идут перестрелки... Истинную обстановку могли обрисовать только дивизионные разведчики. Но к утру ни конная, ни пешая разведки так и не вернулись в штаб... Их судьба станет известна потом, по весне, когда колхозники, в основном женщины, старики и подростки, расчищая освобождённые поля, найдут их распухшие от жары тела у самых немецких траншей и похоронят там, на месте последнего боя. Молча, со слезами. Неубранные кукурузные поля, промёрзшая бадылка с бурьяном, хрустящая корка курчавого снега на ровной ладони нашей степи оказались плохими помощниками разведчикам...

Едва со стороны Платнировской начал алеть восток проблесками бордово-синей зари, автобус штаба дивизии, объезжая колдобины, раскачиваясь и подпрыгивая, ковылял в расположение 677-го стрелкового полка. В автобусе комдив М. И. Добровольский, командир полка М. Т. Григорян, начальник разведки майор С. Г. Айвазян, его

заместитель капитан Х. Ш. Ахмедов, связист старший сержант О. Оганесян, адъютант комдива младший лейтенант И. И. Иванов и дивизионная радистка Наташа...

Случилось так, что уставший водитель, выбирая дорогу, заехал слишком далеко в сторону Сергиевской и повернул вдоль окраины поля необранной высокорослой клещевины... Неожиданно в воздухе завывало, хлопнуло, открылась дверь, посыпались стёкла и забарабанили пули по железному обмёрзшему кузову автобуса. Немцы оказались совсем рядом... Айвазян, Ахмедов, Иванов и Оганесян выскочили и залегли...

Потом, спустя почти сорок лет, побывав на том самом месте, бывший командир стрелкового полка майор Михаил Тигранович Григорян вспомнит: «Это произошло в какой-то миг. Автобус буквально изрешетило... Водитель резко крутанул влево. Я слышал, как Айвазян крикнул: «Уходите, мы прикроем!» Автобус нёсся по клещевине. Её колючие кисти летели в кузов. Нас кидало из стороны в сторону, пока не выскочили на дорогу, противоположную той, которая чуть не привела нас всех к трагическому концу. По чистой случайности мы уцелели без единой царапины. Мы понимали, что там остались для прикрытия наши боевые друзья... Вернувшись, я дал команду одному из батальонов пойти им на подмогу. Однако пробиться не удалось. Немцы встретили нас заминированными полями, траншеями, пулемётным и миномётным огнём.

Нам потребовались сутки, чтобы разобраться в сложившейся ситуации, и уже к вечеру стали прощупывать фашистскую оборону до самого х. Нижнего. Мы понимали, что что-то не сработало. Штаб армии поставил задачу выйти к Медвёдовской, где были сосредоточены основные силы немцев, а мы неожиданно встретили их здесь, в степи, по сути дела на марше. Но война есть война!

В это же предрассветное утро произошёл ещё один трагический случай, который на всю жизнь оставил в памяти бывшего комиссара 684-го

стрелкового полка майора Ашота Арутюняна воспоминания о Сергиевской и х. Нижнем.

Пошла вторая половина бессонной ночи, когда две тачанки и три конных всадника, комиссар, старший лейтенант Акоюн, рядовые Мелкумов, Джангарян, Ткаченко и конный разведчик Хуршудян — всего одиннадцать человек — с трудом прощупывали замёрзшую дорогу, которая изредка искрилась застывшими лужами, когда луна выглядывала в проёмы тёмных, как сама ночь, облаков. Лошади порядочно устали и, понурив головы, шли медленно, но после часа блуждания в степи почему-то неожиданно взбодрились и остановились возле скирды, за которой темнели контуры небольшой хатёнки. Ткаченко подошёл к двери и постучал. Внутри хаты послышалась возня, что-то дзенькнуло, щёлкнул засов...

— Кто там такой?

— Свои, мамко, свои, открывай...

— Ой, боже, чи правда наши?! — запричитала старушка с трудом открывая осевшую дверь.

При свете самодельной коптилки изрядно проголодавшиеся бойцы мигом съели предложенный ужин — несколько холодных картошин и четвертинку сала.

— Простить, диткы, це всэ, шо осталось... Хлиба нэмае... Курочек на яичко держала — так усих прокляти фашисты выловили.

Из рассказов старушки стало понятно, что это была окраина Платнировской, которую те самые фашисты покинули перед вечером — шумно и быстро...

Арутюнян развернул карту.

— Наши должны быть где-то тут: Сергиевская — Медвёдовская... Нам надо обойти вот этот хутор, — он ткнул на карте в небольшую точку на изгибе речки, — и к началу дня быть в полку...

— Та тут недалечко, — добавила старушка. — Через мосток, навпростец и швиденько, с Богом...

Светало. Северо-восточный ветер затихал, но ещё дышал в спины бойцов. Мела редкая позёмка. Слева показались очертания незнакомого хутора,

прикрывшегося голыми деревьями и соломенными крышами хат, правый берег извилистой речки. Справа высился высокий курган, со сдвинутой на бок снежной шапкой, подтаявшей прошлым днём. Рядом еле заметными лентами виднелись траншеи, фигуры солдат.

— Неужели наши так быстро окопались, товарищ комиссар? — удивлённо спросил Акоюн.

— Сейчас узнаем... Гарник, Хуршудян, — позвал Аругюнян. — Узнай, сынок, кто там.

Любимец комиссара двадцатилетний красавец Хуршудян, сын весёлого Бакрада из горного армянского села Джаджур, лихо развернул коня, дёрнул уздечку и понёсся в сторону тех самых траншей, потом резко повернул вдоль них, но было уже поздно. Ударили длинные очереди, Гарник завалился на гриву коня, который успел добежать к тачанкам, споткнулся и упал.

Мгновенно с обоих флангов немцы открыли огонь. Лошади были перебиты. Горстка бойцов залегла в откосах дороги и, не прекращая огня, стала отходить назад. Вскоре был ранен Джангирян. Патроны подходили к концу. «И тут, — расскажет потом в 1970 году возле этого самого кургана полковник Ашот Аругюнян, — я вспомнил о планшете с ценными оперативными документами, который остался лежать в полусотне метров в разбитой тачанке. Я сбросил с себя полушубок, поднялся и побежал. Не знаю, о чём думали немцы, но они залегли и прекратили стрельбу, пока планшет не оказался у меня в руках. Они опомнились, когда я бежал назад, петляя, падая, полз, стараясь помешать фашистам вести прицельный огонь, пока не добежал до своих и упал рядом с ординарцем Ткаченко. Немцы поднялись и шли на нас в полный рост, а у нас осталось всего по одному патрону для себя. Стояло чудесное утро. Мороз ослабел. Я посмотрел на своих. Лёгкий пар поднимался над их шинелями. Он отчётливо виднелся в лучах восходящего солнца... Начинался новый день. Таким красивым, в оранжево-красном облачении тающей зари, я видел

его в первый и, подумал, в последний раз. Наши судьбы были предрешены. Это понимал каждый. И всё же нам не суждено было умереть. Неожиданно в небе послышался нарастающий гул, и вскоре низко над землёй пронеслась эскадрилья наших самолётов. На бреющем полёте они прошли над фашистскими траншеями, поливая их пулёмётным огнём. Немцы, оставляя убитых, отступили. Перебежками мы ушли назад к глубокой балке и вскоре нашли своих».

Не имея точных сведений о противнике, который удерживал оборону на северо-восточном участке ст. Сергиевская — х. Нижний — х. Суходольный, с траншеями и минными полями на протяжении более десятка километров, командиры полков к вечеру 7 февраля 1943 года силой отдельных подразделений вступили в бой.

В штабных оперативных сводках об этом сообщалось довольно скупо, и только сами участники тех былых боёв спустя десятки лет воссоздали их отдельные эпизоды. Вот как запомнил своё первое и последнее боевое крещение рядовой Василий Боляков.

«После освобождения Усть-Лабинской десятки моих сверстников и однокашников 1925 года рождения были зачислены в 684-й стрелковый полк. Не сразу нас поставили на довольствие, а винтовки, кому не досталось, командиры посоветовали добыть в бою. Многие воины были ещё не обмундированы, не обучены, не принявшие присягу. Вооружение было, разумеется, не классическое. Для меня, тогда 17-летнего паренька, было много непонятного. Я, например, ни разу не слышал объяснений предстоящих операций, не слышал инструктажей перед атаками. Было, вероятно, не до объяснений, не до инструктажей, не до уяснений задач ближайших и дальнейших. Шли без больших привалов. По дорогам и на полях горящие немецкие автомашины, автобусы, трупы лошадей, а за Журавской — трупы немецких солдат. Когда мы вошли в Выселки, станицу только что покинули немцы, их склады горели...

В Выселках мы были часов в 9–10 ночи на 6 февраля. А к утру 6 февраля уже примерно в 15–18 км западнее, где-то на подступах к ст. Сергиевской. И там, на степном стане, справа от дороги приняли первый бой с немцами. Они применили против нас артиллерию и миномёты. К 10–11 дня мы перегруппировались на соседнем степном стане (таборе) и пошли на запад, а потом, пройдя ложбину, пошли над дорогой на северо-запад.

Мы шли в боевом порядке так: третья рота слева, за ней уступом — вторая и первая. Часов в 10 вечера немцы обстреляли нас с ротных миномётов. Потерь не было абсолютно, потому что мы подошли тихо и настолько близко, что мины давали изрядный перелёт и ложились сзади нас на добрую сотню метров.

Затем мы взяли левее и пошли севернее в обход немцев. Шли по полю, сильно поросшему бурьяном. Сделали два небольших перехода с привалами, сохраняя боевое построение. Часов в 12 ночи капитан Муратов назначил меня своим связным к командиру батальона. Объяснил, что по первому его приказанию я должен буду выходить из строя и отходить к 1-й роте, где был командир батальона. Всех нас предупредили, чтобы не кашляли громко, не курили, не разговаривали — близко были траншеи немцев или их передовой заслон. Сделали привал. Долго ждали возвращения разведки (около часа), но, не дождавшись, вновь пошли в развёрнутом порядке уступом вправо. Шли около часа и, как мне тогда показалось, уже не на северо-запад и не на север, а в обход немцев, уже на восток. Привал. Была послана конная разведка. Она пошла (как мне показалось от бессонницы и усталости) ещё более правее. Не дождавшись возвращения конной разведки, мы пошли дальше. Я в цепи шёл седьмым слева. Мы вышли на открытое и более чистое место от бурьяна. Неожиданно немцы открыли кинжальный пулемётно-автоматно-винтовочный огонь. Звуки выстрелов были настолько сильны, что мне тогда казалось, что мы от них были

в сотне метров. Завыли мины и хлопали уже поближе, за дорогой. Заработали наши автоматчики. Перестрелка продолжалась более получаса. Помню такую картину: лежим мы на открытой местности, правый край нашего построения залёг в более выгодном месте, поросшем бурьяном. Ночь тёмная, со всех сторон: слева, спереди и справа — на нас неслись разноцветные струи пулемётно-автоматных очередей трассирующих пуль. Визг, а потом шелест пролетающих низко над землёй мин, звуки выстрелов слились в сплошной гул. Трассирующие очереди шли очень низко над землёй. Они косили бурьяны и шипели в снегу примерно сантиметров в 30–60. Многие из нас ждали команды «Огонь!», но трассирующие очереди настолько освещали нас, что командиры дали команду отойти на дорогу, а наш правый фланг обстреливал немцев по их левому крылу. В тот момент справа от меня лежал рядовой Семён Ванин. Он получил тяжёлое ранение разрывной пулей в область крестца. Я слышал его стоны. Его вытащили в кювет дороги. К утру пулемётный огонь со стороны немцев ослаб, тогда ударили мы — влево. Немцы замолчали.

Светало. Наступало утро 8 февраля 1943 года. Подул сильный северный ветер и мороз давал о себе знать. Лично я ног не чувствовал. Руки с трудом удерживали иранскую винтовку, которую в этих условиях часто клинило. Это не то что в школе мы тренировались на деревянном оружии, сдавая нормы Осоавиахима...

Спустя более тридцати лет я, подполковник медицинской службы, оценивая ту обстановку, понимаю, что нам отводилась трудная задача — прощупать немецкую оборону и выявить их огневые точки. При той плотности ночного огня командиры рот не рискнули послать нас на прорыв, навстречу неизвестности и перекрёстным светящимся трассам. Складывалось впечатление, что немец не имел недостатка в боеприпасах. Мы же считали каждый патрон. Скорее всего мы не наступали, а огрызались, когда продвижение наших рот вдоль немецких

траншей было ими обозначено. Эту долгую разведку боем я не пойму до сих пор. Подойдя слишком близко и не имея стратегически обоснованной тактики действий, нас били вслепую. Прорыва не получилось. Короткими перебежками наша рота уходила вдаль немецкой обороны в сторону хутора Нижнего. Кубанская ровная степь до самого горизонта — плохое укрытие. Зачастую не спасало и то, что мы лежали в ожидании команды. Очереди, выпущенные немцами с огневых точек, расположенных на курганах, быстро находили свои жертвы.

Вставая, чтобы отойти к дороге, я с трудом бежал рядом с Жорой Ткачёвым и Самвелом Папазяном. Поднявшись во весь рост, Папазян махнул рукой: «Сюда, ребята!» — показал влево, но тут же завалился на бок. Я подполз к нему и увидел кровь на голове.

Капитан Муратов, командир батальона, передал, что убитых будут перетаскивать к балке, куда мы вернулись до восхода солнца. Там, среди камыша и рогоза, нас ждало затишье. Солдаты постарше успели раздобыть на чердаке бывшего полевого стана обгоревший ячмень и початки кукурузы. Зерно передавали по горстям и ели трудно и долго, ибо надежды на вечно запоздалую кухню было мало. Появились маленькие костры, у которых пытались согреться по три-четыре человека. После разведки боем я уже

не встретил своих однокашников Славу Борисова и Володю Зайцева. Их в этот день унесут к балке, не обнаружив в школьных пиджачках и фуфайках именные пистоны. Их, как и многих других, даже не успеют занести в списки подразделений.

Взрослые — служивые, закалённые бойцы, большей частью горные армяне — в этих условиях были покрепче. Кое-кто из моих сверстников в гражданской экипировке, как и я, с трудом перенёс четвёртые полуголодные сутки и ночёвки в степных балках с морозом до -15 и колючим ветром, который пронизывал насквозь и всегда запевал одному ему понятную заунывную песню. Я до сих пор помню их лица, когда полуогнутые руки они тянули к костру, пытались согреть их своим дыханием и не могли снять окаменевшие на морозе ботинки. Кое-кто плакал откровенно и, скорее всего, не от духовного упадка, а от режущей физической боли, распухших и окаменевших пальцев, тихо причитая: «Мама, мама». Я был среди них. В полковом медсанбате у меня обнаружили глубокое обморожение левой ноги и руки, и я был отправлен в полевой госпиталь. Обморожение и открывшийся суставной ревматизм навсегда остановили моё дальнейшее участие в боевых действиях. Первое моё боевое крещение было последним в продолжавшейся войне...»

* * *

Военная хроника, скупые строчки сводок Информбюро сообщали, что «...на Кубани шли успешные бои местного значения. Под мощным натиском наступающих дивизий враг вынужден отступать, неся значительные потери. Одна за другой освобождались станицы, хутора и города Кубани».

409-я дивизия второй день прорывалась в кубанской степи слабые места хорошо подготовленной обороны противника. Выполняя приказ штаба 37-й армии, её полки правым флангом прошли восточную окраину станицы

Платнировской... Подразделения 675-го стрелкового полка на рассвете 9 февраля сбили немецкий заградотряд и заняли небольшой хуторок Суходольный. Оставшиеся его жители, в основном женщины, старики и подростки, всех шестнадцати обветшалых глинобитных хат вышли из своих погребов навстречу своим освободителям...

Топились печи, доставались из тайников последние продовольственные запасы... Каждая хата стала частью боевого фронта, госпиталем для раненых и обмороженных...

Участники боёв под х. Нижним. 964-й артполк.
Боевой расчёт: Ашот Агабекян, Сергей Габриелян, Каро Чебухчан

Части 684-го стрелкового полка развернулись в направлении хутора Свобода, а батальонам 677-го полка предстояло через хутор Левченко форсировать по льду реку Кирпили и левым крылом выйти на северо-восточную окраину хутора Нижнего.

Как станет потом известно, оборону у хуторов и станицы Сергиевской держала 46-я дивизия вермахта... Взятые полковыми разведчиками пленные немцы показали, что они принадлежат 42-му пехотному полку 46-й пехотной дивизии.

Получилось, что в степи встретились две дивизии, полк против полка...

Летописцев тогда не было... Жители х. Левченко Мария Скуб, Александр Шостак, Раиса Каменева, Остап Нижник, Лукерья Манько, Яков Гармашов, Роман Сабаев, Миланья Ярошенко — добрые, истинно русские люди — вперемешку

со слезами много лет спустя расскажут горькую правду о тех тяжёлых боях... «Наши хаты своими огородами упирались в речку. Правый берег был покруче, косогором. Там немцы окопались давно. До их траншей было две сотни шагов. Что там той речки, которая со своими редкими прибрежными камышами и рогозом с того берега была как на ладони?.. Под утро 9 февраля никто из нас не спал. Где-то ухало, светились и падали ракеты, прорывая морозную темень... Едва за окнами засерело, совсем рядом затарахтели пулемёты. Били с того проклятого берега по первым разведчикам, когда пригнувшись они бежали вдоль наших огородов мимо того самого рогоза и камышей. Их было человек двадцать. Это была разведка боем... Всех покосили».

На саях, одеялах их потом стянут эти жители через огороды к своим

хатам, а извещения-похоронки разошлёт адресатам штаб полка: «Ваш муж (сын), верный воинской присяге, в бою с немецко-фашистскими захватчиками за нашу социалистическую Родину пал смертью храбрых 09.02.1943 у х. Левченко». Тяжёлая весть не сразу найдёт родных и близких погибших на Кубани бойцов в далёких горных сёлах Армении, Нагорного Карабаха и Украины. Да и их фамилии военные архивы сохранят далеко не все. Но те, кто остался в сводках, заслуживают того, чтобы о них помнили сегодня живущие.

Старшего лейтенанта Андроника Алкешяна пулемётная очередь остановила в числе первых... Его принесли в хату после боя ещё живого, но помочь ему уже было нельзя. Фотографию с тремя детьми и женой, письмо, что оказались в кармане гимнастёрки, боевые друзья отошлют в Ереван. Их бережно, как самую дорогую реликвию хранит сын Альберт.

«Здравствуйте, товарищ Римма, — писали его боевые друзья. — С первого дня Отечественной войны мы служили в одной части. Старший лейтенант Алкешян А. Х. был одним из лучших командиров нашего полка. 9 февраля 1943 г. между х. Левченко и Нижним Кореновского района на Кубани он героически погиб в неравном бою с проклятыми фашистами. Его смерть была для нас тяжёлой утратой. Болью и слезами это горе отзовется в Вашем сердце и сердцах ваших детей. Ваш муж погиб за наше правое дело. Трудно придётся детям без отца, но пусть они знают, что он в трудное для Родины время отдал жизнь за счастье миллионов таких же детей, за их спокойное будущее...

Полевая почта 17365, февраль 1943 г.»

У куста взъерошенной осоки в огороде Меланьи Ярошенко на двадцать первом году не станет младшего сержанта Володи Помогаева. Эта весть долетит в украинское село через годы. Потом в сельский совет придёт короткое письмо: «...От имени матери и отца Володи, меня и сестры Ольги поклонитесь на его могиле. Он очень любил жизнь и хотел жить, но в самом расцвете

ушёл по призыву Родины и выполнил свой долг до конца».

Оранжево-синим расплывом занималась над рекой рассветная заря. Уже больше не придут письма в село Кандура Ахалкалакского района от младшего сержанта Мартироса Зурноджяна. Письма красивые, с рисунками... Ему шёл двадцатый год. Он был талантливым художником и мечтал учиться в академии.

Рядовой Ашот Мартиросян из села Лори-Берт Степанаванского района был тяжело ранен и продолжал отстреливаться до последнего патрона, пока билось сердце... В его далёком доме осталось пятеро детей, которые вместе с мамой узнают горькую правду об отце спустя двадцать лет...

У раскидистой вербы на том же берегу Нижник Остап и Лукерья Манько найдут и унесут в свой огород и похоронят рядового Татевоса Данеляна из с. Сарлы Гукасянского района, комсомольца, бывшего бригадира колхозной тракторной бригады.

После гибели дивизионной разведки, изучив обстановку, комдив и полковник М.И. Добровольский приняли решение подтянуть 964-й артполк майора Саркиса Казаряна и начать артподготовку. 684 и 675 сп ставилась задача перейти в наступление вдоль Кирпилей, а 677 сп через Сергиевскую отсечь отступление немцев на Медвёдовскую...

Снаряды дружно долбили промёрзшую землю фашистских траншей, высоко подбрасывая её вместе с осколками, которые, падая на лёд, визжали, крутились, сердито шипели... Развёрнутым порядком пошли в наступление стрелковые роты. Артиллерия сделала своё дело. Противник был сбит с рубежа х. Левченко и уходил в сторону х. Нижнего. Батальоны 677 сп двигались вперёд настолько быстро, что связисты едва успевали тянуть связь. Второй и третий батальоны старших лейтенантов Оганеса Акопяна и Николая Смирнова ворвались на окраину хутора Свобода. Отважно сражались солдаты из рот Рафика Овсепяна и Хайказа Адамяна. Навстречу командиру

полка М. Т. Григоряну выбежал колхозник Софрон Жуков. Он крепко обнял майора, приговаривая: «Наконец-то пришли наши освободители! Слава Богу, спасибо, родные!»

В это время подразделения 675 сп вышли в район западнее х. Суходольного, имея задачу ударом с юга овладеть х. Нижним. Фашисты открыли по наступающим шквальный артиллерийский и пулемётный огонь.

Первые две роты старших лейтенантов Николая Смирнова и Карапета Погосяна вышли на открытое поле. До х. Нижнего оставалось всего полкилометра. Правее шли отделения отдельного учебного батальона курсантов. Впереди виднелось одноэтажное здание школы. В проёмах чердачных окон немцы установили пулемёты. По обеим сторонам школы они вырубали колхозный сад, вдоль которого протянулись линии траншей и окопов. Оборону поддерживали пушечные батареи и шестиствольные миномёты. День подходил к концу. К 15 часам старший лейтенант Н. Д. Смирнов ворвался на южную окраину х. Нижнего. При этом сам командир, уроженец села Залегощь Ленинградской области, пал смертью храбрых. Роту повёл за собой политрук лейтенант Сероп Геворгян. Повёл, как оказалось, в свой последний бой... В далёкий Аштарак его жене Шушик, детям Спартаку и Степику долетит эта печальная весть.

Положение осложнялось тем, что подразделения дивизии испытывали острый недостаток боеприпасов. Не хватало патронов, снарядов. Некоторые бойцы бежали вперёд с пустыми винтовками, шли в атаку с криком «За Родину, за Сталина!». Такова была горькая правда того боя.

Между тем артиллеристы 964-го артполка продолжали выполнять поставленную задачу. Дивизия имела здесь перед собой сильного, хорошо оснащённого противника, не говоря уже о наличии в его распоряжении выгодной в тактическом отношении местности.

«Были случаи, когда штурм огневой точки противника осуществлялся только усилиями командного состава».

Эти строки из исторического формуляра дивизии, видимо, относились и к тем четырёхдневным боям у х. Нижнего, где в неравном бою полегло большинство командиров рот и политработников.

Лейтенант Рафаэль Манасян из Аштарака выкатил свою 76 мм батарею на окраину хутора Свобода для поддержки второго батальона Гургена Айрапетяна. Подошла рота противотанковых ружей младшего лейтенанта Егора Аракеляна из с. Сарчапет. На прямую наводку по фашистским траншеям настроили прицелы артиллеристы батареи лейтенанта Александра Исаханяна. Со своими расчётами сержант Каро Чебухчян из с. Ново-Баязет и лейтенант Андроник Манукян из с. Норашен первым залпом снесли крышу той самой школы, заставив замолчать немецкие пулемёты, которые свысока доставали даже тех, кто залёг в ожидании новой атаки. К этому времени заработали миномёты старшего лейтенанта Сарибекка Балагезяна.

Тяжело раненного в ногу заместителя командира 684 сп Михаила Танряна сержанты Мелик Аганян и Рафаэль Манасян на плащ-палатке под непрерывающимся огнём оттащили в балку и отправили на санитарной повозке в полевой госпиталь. Только в этом бою потери трёх полков составили 88 человек.

Когда над хутором сгущались ранние сумерки, со стороны станицы Старомышастовской, куда уже подошли части 675-го стрелкового полка, ударили залпом наши катюши. Снаряды достигли цели — и фашистская оборона была сломлена.

Огонь затих, однако во избежание дальнейших потерь командир отведи свои подразделения в занятые хутора.

На рассвете 10 февраля немцы поспешно покинули свои позиции у х. Нижнего и ст. Сергиевской, отходя к ст. Медвёдовской.

Боевые порядки дивизии развернутым фронтом повернули на юго-запад в направлении на Старовеличковскую, но, выйдя на окраину х. Нижнего на западных скатах с отметкой 42.2, залегли, ведя огневой бой с противником.

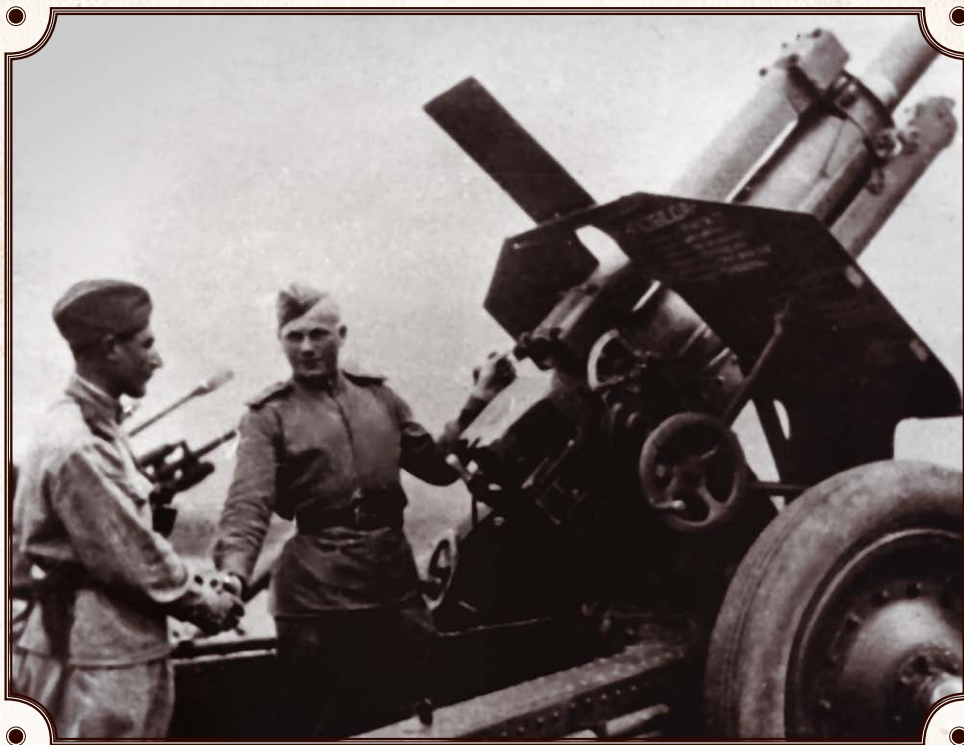
Отступая, фашисты оказывали отчаянное сопротивление. С юго-восточной окраины Сергиевской до 4.50 утра они вели огонь тремя шестиствольными миномётами и батареей тяжёлых орудий из лощины, что в двух километрах западнее станицы, периодически перенося его то по боевым порядкам, то по ближайшим тылам. Более 50 снарядов и мин разорвались возле командного пункта дивизии. Разведчики установили расположение вражеских миномётов, и огнём артиллерии они были уничтожены. Потери в дивизии в тот день — 20 убитых и 140 раненых.

Во второй половине ночи с 11 на 12 февраля подразделения снова в преследовании отступающего противника. К утру соседняя с Сергиевской станица Медведовская была полностью занята частями 677-го стрелкового полка. К обеду, собравшись на торжественный митинг, жители хуторов и станиц отмечали своё освобождение. Вокруг царил разруха. Разбитые полевые станы, заросшие бурьяном колхозные поля,

не было техники, скота, посевного материала. Война продолжалась.

Почтальоны стали приносить запоздалые письма с фронта, появились первые похоронки. Душераздирающий и отчаянный крик и причитания всё чаще слышались во дворах станиц и хуторов. Передовая линия и фашистская оккупация закончились. Начались трудные будни нового фронта — героического тыла, в котором во имя будущей Победы все встали в единый строй: и старики, и женщины, и дети.

Освобождение ст. Сергиевской и хуторов Нижнего и Суходольного обошлось дорогой ценой. Более 150 солдат и 21 офицер 409-й стрелковой дивизии отдали свои жизни, около 600 были ранены и искалечены. На трудных участках четырёхдневных боёв среди солдат находились политработники. Их живое слово, личный пример и отвага в бою вдохновляли солдат на подвиги, вселяя уверенность в победе над врагом. Немалая заслуга в этом была замкомдива по политчасти полковника А. Н. Айрапетяна. Остались навечно

964-й артполк. Оганес Смбабович Оганесян (слева).
Гаубица, прошедшая от Лениакана до Братиславы

Бойцы 409-й Армянской стрелковой дивизии

на поле боя политруки ст. лейтенанты С. П. Авагимян, В. О. Арутюнян, С. А. Дарбинян, В. Д. Мовсесян, В. А. Погосян, К. Х. Погосян, Ц. А. Акопян.

Хоронили погибших там, где их находили, скромно обозначив могилы, а уже в мае 1943 года в ст. Сергиевской и на х. Нижнем свезли в братские могилы, установив деревянные шпилы с пятиконечной звездой. До 1964 года они оставались безымянными, и только благодаря стараниям и поискам через Архив Министерства обороны СССР были установлены первоначальные списки погибших и адреса их родственников. Этим добрым благородным делом в 60-е годы уже прошлого века занимался учитель истории школы

х. Нижнего Василий Никифорович Ерпелев со своими помощниками. В последующем эту работу продолжил автор данных строк. Количество погибших не соответствует оперативным сводкам 409-й стрелковой дивизии лишь только потому, что на своём боевом пути дивизия попадала в очень трудные условия и не все сводки о потерях дошли до военного архива. Да и погибших на колхозных полях обнаруживали до самой осени, расчищая заросшие поля неубранной кукурузы или клещевины. Женщины и подростки натывались на распухшие, разложившиеся трупы. О поисках именных жетонов не могло быть и речи. Павших в бою хоронили на месте гибели молча, со слезами.

ПОХОРОНЫ РАЗВЕДЧИКОВ

12 февраля 1943 года штаб дивизии расположился в Медвёдовской. По старым картам, которыми располагал штаб, станица была уездным центром, к которому относилась Сергиевская. Поэтому здесь и решили предать земле четверых разведчиков с майором С. Г. Айвазяном. К тому времени в Медвёдовской остановилась делегация ЦК Компартии Армении в составе партийных, общественных и литературных сотрудников, которая уже два месяца находилась в рядах дивизии.

14 февраля в небольшую полуосвещённую комнату сельского Совета, где находились тела погибших, входили боевые друзья, солдаты и офицеры и выходили со слезами на глазах. Молча стояли возле крыльца командир полка М. Т. Григорян и дивизионный врач А. В. Шахмурадян. В комнату вошёл писатель Тигран Ахумян и склонился над телами. Шемящая боль сжала сердце, когда он увидел лица разведчиков, изуродованные фашистами.

«Вот они, — писал Ахумян, — четыре воина разных национальностей, но сыновья одного народа. Сейчас их трудно узнать... Кто вы? Может, товарищи, знакомые, возможно, я вас встречал в городе, когда вы шли по нашим далёким улицам, радовались, смеялись...»

Сухой комок подкатил к горлу, и Ахумян вышел. Во дворе стоял дивизионный художник Армен Челенгарян и плакал.

10 часов утра. Низкие свинцовые облака плыли над станицей... По широкой улице вслед за подводами, на которых установили гробы, медленно двигался огромный людской поток. Шли старики, женщины, дети.

Начался траурный митинг. Один за другим выступали офицеры 409-й

стрелковой дивизии и члены армянской делегации. К могиле подошёл Ашот Варосович Шахмурадян. Его лицо было суровым и голос дрожал от горя. «Дорогие товарищи! — сказал он. — Сегодня родная кубанская земля берёт в свои материнские объятия верных, честных сыновей нашего народа. Разные они были по национальности и языку, но едины по своей мечте, идеалам и цели. Их объединяла чистая, сыновья любовь к своей матери Родине, и они пали здесь за честь, за счастливую жизнь, за свободный труд кубанского народа.

Матери и сёстры! Я к вам обращаюсь!

Вы, их матери и любящие жёны, отправили на фронт Великой Отечественной войны своих любимых, родных и близких, никогда, никогда не забывайте этих четырёх товарищей, ставших вам родными и близкими, которые вечным сном будут покоиться на вашей земле. Когда придёт весна и эти поля покроются цветами, и каждый раз, когда вам будет грустно и больно, принесите букеты живых полевых цветов на эту могилу, вспомните имена этих самоотверженных героев и почувствуйте, что есть на свете смерть, которая рождает бессмертие, воскрешая собой новую жизнь. И тогда пусть наполнятся ваши сердца ещё большим гневом и ненавистью к врагу, и пусть каждый из вас на своём посту будет всегда таким же самоотверженным героем, какими были эти скромные сыновья нашего народа, которых мы оставляем здесь, как наш самый родной и дорогой капитал, как символ нашей дружбы, скреплённый кровью и слезами. Смерть немецким оккупантам!»

409-я стр. дивизия. Первые таблички на могиле павших героев

ПАВШИМ ВОИНАМ

Вечная память вам, павшие в битве,
Вечная память вам, жертвы войны,
Мы помянем вас в горячей молитве:
Вы наша гордость, вы — славы сыны.

Грудью своею вы Русь защищали,
Долг перед Родиной свято несли,
Пулей сражённые, в битве вы пали,
В серых шинелях вы в землю легли.

Рядышком вас положили, родные,
Холмик землицы насыпали там...
Спите спокойно, орлы боевые,
Царство небесное, вечное вам!

Ф. Аспидов

ВСТРЕЧА ОСВОБОДИТЕЛЕЙ

Тепло и щедро приняли своих освободителей жители ст. Сергиевской и близлежащих хуторов, приняли так, как умеют принимать у нас на Кубани. Женщины разместили в своих хатах раненых, делились последней пригоршней муки, спрятанной от фашистов. Пекли пирожки, угощали солдат борщом, штопали одежду, согревали материнской заботой. А если требовалась помощь в бою, они оказывали её, не задумываясь, как это сделал Софрон Лукич Жуков. Он собрал мешок продуктов и вечером 10 февраля, догнав на марше командира батальона 677 сп лейтенанта Бойцова, сказал: «Возьми, сынок, бойцам отдашь, у меня тоже Ванюшка-сын — лейтенант, воюет...»

И когда Софрон Лукич повернулся и стал уходить, Бойцов окликнул его: «Батя! Подскажи, как нам безопаснее и быстрее добраться в район Старомышастовской. Вот карта».

«Спрячь ты её, не пойму всё равно по ней. А провести можно, чего ж, всю жизнь по этим балкам траву косил».

И он пошёл впереди батальона, ведя солдат по знакомым местам, по балкам, где знал каждую кочку. Возвращаясь уже под утро, Софрон Лукич попал под миномётный огонь и, раненый, обливаясь кровью, с трудом добрался домой.

И в какую бы колхозную хату ни заходили уставшие после долгих боёв солдаты, их встречали так, как своих родных и близких.

10 февраля, вечером, после того как артиллерией был подавлен пулемётный огонь у х. Суходольного, члены армянской делегации, среди которой были писатели Тигран Ахумян, Вштуни,

14 офицеров с политотдела дивизии и отделение бойцов, остановилась в доме Кочергиных. Двое суток ни на секунду не отдыхали Наталья Устиновна, её семнадцатилетняя дочь комсомолка Марийка и их бабушка. Тигран Ахумян впоследствии вспоминал:

«С утра и до ночи эти прекрасные люди были на ногах — пекли хлеб, готовили пищу, стирали обмундирование, чинили нашу одежду, грели воду, чтобы мы могли выкупаться. Приготовили бойцам еду на дорогу. Это всё делалось так душевно и радостно, что наши воины были тронуты и не могли найти слов выразить чувство благодарности. И только тогда, когда машины были готовы и мы направлялись в Медвёдовскую, один из наших молодых бойцов подошёл к матери Марийки и обнял её, как сын обнимает свою мать, тихо, дрожащим голосом сказал: «До свидания, мама. Вы будете всегда в наших сердцах и не забывайте нас». Он ещё раз обнял и поцеловал её за себя и своих товарищей и, легко прыгнув в машину, помахал рукой.

Две пожилые женщины и молодая девушка, стоявшие в конце автомобильной колонны, вытирали слёзы. И я вдруг подумал, что эти воины, эти простые горные армяне никогда не отступят перед врагом, потому что каждый освобождённый населённый пункт, каждый дом в нём становился им родным и близким. И когда они, подобно орлам, шли в атаку и погибали, я знаю, что им давали большую силу не только свой край — Армения, но и горячие заботы таких семей, как семья Кочергиных, согревшая воинов своей любовью.

СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ, КОТОРЫЕ ПОЛУЧИЛИ ВОИНЫ 409-й ДИВИЗИИ НАКАНУНЕ БОЁВ ПОД СЕРГИЕВСКОЙ

«Дорогой, любимый папа, — писала дочь политрука Вараздата Мануковича Мнеяна. — Я ещё маленькая и не совсем понимаю то, что творится на свете. Но когда я вижу слёзы мамы, бабушки и других женщин, мне становится очень грустно и больно. Почему фашисты убивают даже детей? Что плохого им сделали дети? Вчера дядя Авитис рассказывал про войну... Как это страшно! Когда мама читает твои письма, мне всегда очень приятно и я вижу тебя. Папа, пиши чаще, и когда ты вернёшься домой, ты будешь очень доволен мной. Целую, твоя Света».

«Дорогой Гарегин! Получила твоё письмо и очень рада за твои успехи в борьбе с немецкими оккупантами. Гарегин-джан! Я знаю, что тебе сейчас трудно, но пойми, и нам не легче. Мы работаем по 10–14 часов в сутки, зная, что своим трудом помогаем фронту. Не беспокойся о нас! Мы как-нибудь проживём. Будь здоров, бесстрашный! Пусть твои пули будут меткими и разят проклятых фашистов на нашей земле... Если бы я могла взять оружие и вместе с вами громить этих людоедов! Жаль, что я не в силах сделать этого, мешают малыши. Но ты отомсти фашистам за то горе и слёзы, которые они принесли на нашу землю... Твоя Римма».

Записка из посылки на фронт:

«Дорогой воин! — писала азербайджанка Мамедова из Кировабада. — Посылаю эти шерстяные носки, зная, что тебе холодно. Ты, возможно, не привык к русской зиме. Пусть они согреют твои ноги. Я не знаю, кто ты, но ты — солдат нашей Красной Армии. Мне всего 17 лет, но я уже пережила большое горе. Недавно под Сталинградом погиб мой единственный брат Мехти. Мне хотелось заменить его на фронте, но говорят, что это невозможно.

Милый друг! Обращаюсь к тебе и твоим товарищам с просьбой: бейте и не щадите этих людоедов! Не жалейте снарядов и пуль, истребляйте их, а мы обеспечим вас всем, в чём нуждается наша доблестная Красная Армия!»

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ КОМАНДОВАНИЯ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФРОНТА К ТРУДЯЩИМСЯ АРМЕНИИ О ПОДВИГАХ ВОИНОВ-АРМЯН

31 августа 1943 г.

Дорогие товарищи!

Год тому назад, в августе 1942 г., бронированные полчища немецко-фашистских оккупантов вторглись в пределы Кавказа. Немецкое командование рассчитывало в короткий срок добиться осуществления своих разбойничьих планов. Видное место в этих планах отводилось захвату Армении. Немцы уже мнили себя хозяевами плодородных полей и плантаций, цветущих садов и виноградников, медных рудников и химической промышленности Армении, древнейших памятников многовековой культуры армянского народа.

Красная Армия развеяла сумасбродные планы «завоевателей» Кавказа. Хваленые немецкие войска оказались отброшенными на много сотен километров от жизненно важных центров Кавказа.

В исторической битве за Кавказ, которая началась в прошлом году на Тереке и продолжается сейчас в низовьях Кубани и на Тамани, вместе с другими народами Северного Кавказа и Закавказья принял активное участие армянский народ, пославший на фронт своих лучших сынов.

Сражаясь рука об руку со своими братьями, русскими и украинцами, воины-армяне не уронили чести и достоинства гордого и свободолюбивого народа Армении, они свято берегут его героические традиции, воспетые в национальном эпосе Армении...

Братство между бойцами — армянами и русскими, скреплённое кровью, вылилось в крепкую фронтовую дружбу, взаимопомощь и взаимную выручку в бою...

За время последних боёв на Кубани свыше 1200 отличившихся в бою бойцов и офицеров-армян награждено орденами и медалями Советского Союза.

Враг обломал свои клыки о стальную стену дружбы народов Закавказья с великим русским народом.

Час победы близок. Советские дивизии идут на запад, к Днепру. В рядах героев Белгорода и Харькова сражаются армяне. На Украине армяне защищают честь и свободу Армении, свободу и независимость нашей славной Советской Родины.

Военный совет и Политуправление фронта хотят, чтобы о доблестных сынах Армении знал весь армянский народ. Сейчас, когда провалилось немецкое летнее наступление и враг на Кубани дрожит, ожидая расплаты за кровь и слёзы советских людей, мы должны напрячь все силы, чтобы ускорить победу. Мы приветствуем и призываем трудящихся Армении ещё лучше работать в тылу, чтобы фронту не было ни в чём отказа. Фронтвики не останутся в долгу. Враг всё больше и больше испытывает силу наших ударов, его ожидает последний решающий удар.

В низовьях Кубани и на Тамани враг будет уничтожен. Да здравствуют свобода и независимость нашей славной Советской Родины!

Да здравствует нерушимая дружба народов нашей страны!

*Командующий войсками Северо-Кавказского фронта
генерал-полковник Петров*

*Член Военного совета Северо-Кавказского фронта
генерал-майор и/с Баюков*

*Начальник Политуправления Северо-Кавказского фронта
генерал-майор Емельянов*

ГЛАВА II

ЭТО НУЖНО ЖИВЫМ

Трудно восстанавливались разрушенные войной хозяйства сергиевских колхозов. Война принесла в каждую хату частицу горя. Шемящей болью отзывалась в сердцах матерей, жён и детей гибель родных и близких. Двести пятьдесят семей осиротело в столице...

Материально жили плохо, питались скудно. В колхозах работали за трудодень, который в конце года оплачивался зерном. Начисляемые из общего дохода деньги никто не получал. В принудительном порядке шла подписка на заём народного хозяйства. Деньги превращались в облигации, которыми со временем обклеивали изнутри крышки старинных сундуков... 1947 год выдался засушливым. Зерна собрали чуть больше, чем посеяли. Спасало молоко, подсолнечный и соевый шрот — макуха. На них менялись последние вещи.

В детские ясли и садики откуда-то привозили ржаной хлеб. Дежурные няньки жевали его в марлевые узелки и вместо сосок давали их совсем маленьким детям. От голода пухли, но не умирали. Три года спустя стало чуть полегче.

В августе 1950 года на общем собрании колхозников из пяти мелких был образован единый колхоз «Ленинец». Уже в следующем году в ст. Сергиевской и на х. Нижнем в День Победы состоялось открытие новых памятников павшим воинам 409-й стрелковой дивизии у их братских могил — в тенистом старинном скверике и у хуторской школы.

В 1965 году страна торжественно отмечала 20-летие Великой Победы над фашизмом. На общем фоне экономического подъёма праздники проводились очень торжественно, эмоционально, с размахом. Ещё были живы около трёхсот ветеранов недавно минувшей войны. Шли к памятникам с пышными букетами матери павших воинов. У детей героев появились и росли внуки — наследники Великой Победы.

Все классы хуторской школы в эти праздничные дни были отданы в распоряжение впервые приехавшим сюда семьям из далёкой Армении. Их было, пожалуй, более сотни. Приехали все, кого удалось найти. Восьмого мая никто из них не уходил от памятного обелиска. Плакали, рыдали, причитали... До глубокой ночи в тёмном безмолвии вокруг мерцали поминальные свечи. Кто-то привёз с собой дудук, и он своими незнакомыми для этих мест протяжно-траурными переливами народных армянских мелодий слышался далеко в округе, брал за душу и сердце, тревожил, не давая уснуть...

Утро победного 9 Мая выдалось тёплым, солнечным и безоблачным. В суровом молчании выстроились школьники, подошли жители хутора, гости, ветераны минувшей войны. Выступили председатель колхоза «Ленинец» И. Е. Убийко, секретарь парткома А. Я. Прозоров. К обелиску подошёл учитель русского языка армянской кандауринской школы Рафаэль Кургинян: «...Многих сыновей не дождалось домой армянские семьи. Так случилось и в семье М. Г. Зурноджан. Долгое время мы не знали о судьбе талантливого юноши, который мечтал стать художником. Но проклятая война оборвала его мечты. Теперь мы знаем, где находится его могила... От всех армянских матерей примите сердечное спасибо за святую память о павших, которая живёт в ваших сердцах...»

К обелиску героев легли венки и букеты живых цветов. Из далёкого Ширака, Зангезура, Аштарак, Карабахских гор и долин, далёких украинских сёл принесли их сюда матери, отцы, сёстры, жёны и братья, дети и внуки погибших. Шушик Геворгян приехала с сыновьями. Спартак и Степан положили на могилу отца горсти земли с Арагаца. Рядом дети и внуки братьев Казарян, родные отважного разведчика Агаси Хуршудяна.

Вечером в актовом зале школы все собрались на вечер дружбы. Песню на слова Егише Чаренца исполнила Жанна Татевосян. Директор кандауринской школы заслуженный учитель

Армении Г. Оганесян пел на украинском и армянском языках. Гости обменивались подарками, сувенирами. Вечер заканчивался. По залу плыла песня:

*Против беды, против войны
Встанем за наших мальчишек...*

Пели стоя и торжественно, и чувствовалось в этом пении единство душ и сердец, такое же, которое и в годы минувшей войны в немалой степени обеспечило победу над коварным врагом...

9 Мая 1970 года. День был ясный, чистый... К этому дню очень рано зацвела белая акация и в безветрие станция наполнилась медовым ароматом. Вечерело...

Из репродуктора-колокольчика, закреплённого на высокой опоре, что в центре станции, разносились, сменяя одна другую, фронтовые песни...

Вечерело... Сюда, к памятнику павшим воинам среди старых клёнов и ясеней, собирались фронтовики и жители станции. Организованно, поотрядно пришли и построились пионеры и комсомольцы... Фронтовики выстроились

напротив. Их тогда было в живых более двухсот...

В руках у старшеклассников факелы. Впервые было подготовлено факельное шествие «Это нужно не мёртвым, это нужно живым!». Звучат фанфары, барабанная дробь... Становится тихо, и вот тревожный баритон разносит далеко по парку слова о том, что была война и падали солдаты с высоты своих разных лет. Миллионы жизней отданы за то, чтобы над нами всегда было мирное, чистое небо, счастливое детство, радостная юность, надёжное будущее. За это счастье отдали свои жизни такие же ребята, как и вы.

И голоса в строю ведут переключку имён и фамилий своих земляков, дедов и прадедов, не вернувшихся с той войны.

*Встала пшеница спелая,
Тихо плывёт рассвет.
Всё, что смогли вы сделали
Ребята, которых нет.*

*Голос к живым взывающий
В наши сердца проник.
Мы поклялись, товарищи,
Прожить за себя и за них...*

И вот уже звучит звонкий детский голос, усиленный через микрофон: «Ежегодно к нам приезжают отцы и матери из городов и горных сёл солнечной Армении. Где их дети?..»

И уже другой: «Они, воины прославленной 409-й стрелковой

Армянской дивизии, пали смертью храбрых в феврале 1943 года за нашу станцию в бою с немецко-фашистскими захватчиками, за нашу Родину — Союз Советских Социалистических Республик...

*Будто склоняясь над судьбами,
Будто шагая вслед.
Нам они станут судьбами,
Ребята, которых нет...*

В честь памяти героев приготовиться зажечь факелы!

Погасли прожекторы и в парке стало темно. Затем вспыхнул мерцающий голубой огонёк, за ним другой, третий...

Слышится усиленный звук метронома на фоне траурной мелодии с протяжной песней дудука... Кажется, стучат сердца всех живых... Склонились к земле знамёна, отрядные флажки. Стихают слова клятвы поколений, и над парком звучит мелодия песни «Хотят ли русские войны...».

Выступают фронтовики... К микрофону подходит почётный гость, приехавший из Армении, воин-освободитель, бывший комиссар 684-го стрелкового полка Ашот Осипович Арутюнян.

«Дорогие колхозники, дорогие дети! Примите от нас, армянских воинов, глубокую благодарность за то, что вы помните своих воинов-освободителей. Сегодня нам радостно и грустно. Радостно потому, что сотни жизней, отданных воинами нашей дивизии на полях колхоза «Ленинец», не пропали даром. Памятником им стал растущий и богатеющий колхоз, счастливая и зажиточная жизнь колхозников, ваши

прекрасные дети, продолжающие славные дела старших поколений. У меня на глазах слёзы, когда я вспоминаю гибель нашего любимца, двадцатилетнего разведчика Агаси Хуршудяна, когда до сих пор вижу простреленную грудь молодого лейтенанта Василия Березюка, окровавленное письмо его девушки и комсомольский билет. Спасибо вам за то, что не умирает слава в этом краю о погибших и живых сынах нашего многонационального советского народа...»

...От памятника к памятнику идут с горящими факелами, освещая станичные улицы, молодые люди со своими отцами, дедами и прадедами, обещая беречь и умножать их традиции... Среди ветеранов войны комиссар А. О. Арутюнян, командир 677-го стрелкового полка М. Т. Григорян, разведчик Х. А. Мазманиян, офицер особого отдела Г. А. Бахшиян.

Идут вместе с русскими воинами-кубанцами, как в ту войну. Уверенно и навсегда.

Закончилось факельное шествие. Пустеют улицы, ложится спать неутомная детвора после необычного урока мужества... Завтра школа и другие уроки...

«Дорогие колхозники, дорогие дети! Примите от нас, армянских воинов, глубокую благодарность за то, что вы помните своих воинов-освободителей. Сегодня нам радостно и грустно. Радостно потому, что сотни жизней, отданных воинами нашей дивизии на полях колхоза «Ленинец», не пропали даром. Памятником им стал растущий и богатеющий колхоз, счастливая и зажиточная жизнь колхозников, ваши прекрасные дети, продолжающие славные дела старших поколений. У меня на глазах слёзы, когда я вспоминаю гибель нашего любимца, двадцатилетнего разведчика Агаси Хуршудяна, когда до сих пор вижу простреленную грудь молодого лейтенанта Василия Березюка, окровавленное письмо его девушки и комсомольский билет. Спасибо вам за то, что не умирает слава в этом краю о погибших и живых сынах нашего многонационального советского народа...»

Председатель колхоза «Ленинец» Н.М. Белобрицкий, архитектор К.Н. Ваганян, инженер Р.Х. Джаноян у обелиска разведчикам майора С.Г. Айвазяна. ст. Сергиевская, 1973 г.

НА МЕСТАХ БЫЛЫХ БОЁВ

В один из майских дней 1967 года из Хабаровского края в станицу Сергиевскую приехал бывший рядовой 684-го стрелкового полка Василий Боляков. Для него бой под Сергиевской зимой сорок третьего оказался первым и последним...

Вторая бригада колхоза «Ленинец». Насколько хватает глаз колыхнется густое зелёное море пшеницы. Ровными строчками поднялись всходы сахарной свёклы. Солнце ещё не успело высоко подняться, и утренняя прохлада придаёт бодрость женщинам, работающим в поле. Заметив нас, многие, оставив прополку, поспешили навстречу. Знакомимся. Большинство из них потеряли своих мужей на фронте прошедшей войны. Поэтому первое упоминание о бывших боях невольно уносило их в далёкую молодость, к тем, кого давно уже нет...

Краем косынки смахнув набежавшую слезу, Пелагея Ивановна Гордиенко, в прошлом колхозный бригадир, показала место бывших полевых станов, где она со своими подругами хоронила солдат 684-го полка.

«Наша хата была на самой окраине станицы, — дополнила её Васса Петровна Фирсова. — Трое суток почти рядом с нами грохотало, бухало, свистело. И уже когда всё затихло и немца не стало, мы всей семьёй отправились в сторону передовой линии по-над балкой через косогор. И там на краю поля, где кончался густой бурьян, недалеко один от другого лежали солдаты. Первый небольшого роста, светловолосый, в шинели, уткнулся лицом вниз и застывшими руками сжимал пучки сухого камыша. Второй, чернявый такой, красивый, рослый, согнулся на боку... Чуть поодаль нашли совсем молоденького паренька в форменной

фуфайке курсанта фабрично-заводского училища. Он, видимо, тащил ящик с патронами. Не успели мы их толком рассмотреть, подошли из станицы мужики... «Куда вас черти несут? Там дальше мины». Помню, мама рассказывала, что у всех троих были документы. Тот, что поменьше ростом — Зайцев, фамилия такая, легко запоминается, второй — армянин из Абхазии, а у паренька нашли фотографию белокурой девчонки и адрес. Говорили, что написали письмо в Усть-Лабинскую, отцу, но никто не ответил. На саях убитых отвезли в стансовет, где и похоронили в тихом скверике вместе со всеми. Их было семнадцать солдат-героев, павших в бою на подступах к Сергиевской, тех, кого нашли тогда сразу...»

И вот в очередной раз просматривая в Кореновском райвоенкомате пухлые пачки потерь личного состава за 1943 год, мне встретились несколько красноармейских книжек. Бережно открываю обложку, размашисто написано: «Убит под ст. Сергиевской Краснодарского края». Зайцев Владимир Иванович, русский, 1914 года рождения, образование 6 классов, рост 164(2), шапка — 56, сапоги — 40, винтовка №2286. Домашний адрес: г. Баку, село Бюль-Бюла, ул. Дзержинского, 95, Лаврухину Дмитрию Ивановичу.

«Чернявым, рослым и красивым» окажется Самвел Оганесович Папазян, 1923 года рождения, уроженец Абхазской АССР, которого пуля или осколок вражеской мины сразили в кубанской степи 8 февраля 1943 года. Его фотографию и подлинник извещения о гибели привезут в Сергиевскую сестра Маргарита и приехавшие с ней многочисленные родственники...

Красноармейские книжки рассказали ещё о двоих из тех семнадцати ребят.

Валиев Аскер — курсант полковой школы, 1922 года рождения. Родом из Азербайджана, Куткашинского района, с. Ванда; его сестра Валиева Пасты, комсомольский билет № 14722128, и Мидилов Аслан-Мурсаоглы, курсант учебного батальона, 1916 года рождения, родом из Грузии, села Рукет.

Остальные оказались безымянными. Пусть Бог будет судьёй тем, кто не смог оставить для потомков их фамилии и доказательства того, что они пали здесь в неравном бою в тяжёлую для нашей Родины годину испытаний. Мёртвые не говорят. Своей смертью они ушли в бессмертие.

Откликнется семья сержанта Вазгена Геворкяна из п. Арагац Таллинского района.

«Дорогие друзья, — писал его отец Вардан Геворкович, — горькую правду о нашем любимом сыне Вазгене принесло ваше письмо в наш дом. Его читали всей семьёй. Вернее, читал я, а слушали мама Маран, братья Максим, Вреж, Жора, сестра Шушик, племянники Мари, Магда, Ася и Амик. Низкий вам поклон и большое спасибо. Пусть кубанская земля будет нашему сыну мягким пухом».

Вскоре Вардан Геворкович приехал в станицу Сергиевскую. Он просыпался всегда очень рано и, когда ещё спали станичные улицы, шёл к памятному обелиску, шёл к сыну... Он становился на колени на краю могилы, молился, целовал прохладную землю, а когда возвращался — садился на скамейку, часами глядел туда, где первые лучи солнца пробивались сквозь кроны раскидистых кленов, к покрытому серебром обелиску с пятиконечной звездой, и что-то тихо

говорил, говорил, бормотал. Я не стал спрашивать отца солдата, о чём говорит он. Было понятно и так. Он общался с сыном...

23 октября 1972 года запоздалая весть о месте гибели мужа привела Гоар Акопян в Сергиевскую...

Командир 2-го батальона 684-го сп ст. лейтенант Оганес Саркисович Акопян 9 февраля 1943 года первым повёл свой батальон на штурм школы по открытому полю.

Он вырос сиротой в турецкой Армении, рано познал нужду. В советское время окончил политехнический институт и ушёл на фронт, оставив двоих маленьких детей — Гамлета и Омлета.

И вот они здесь — взрослые, красивые и серьёзные, как их отец. Такие же добрые, любящие и очень порядочные, как их мама.

Мне рассказывали, что после тех первых встреч с семьями погибших у братской могилы на х. Нижнем ежегодно в летний вечер между роскошными тополями останавливался КАМАЗ с армянскими номерами. Водитель доставал широкое сиденье, подушку, одеяло и, когда ночь вступала в свои права, засыпал рядом. Говорят, что в первый раз он сказал так: «Здравствуй, отец! Это я, тот, которого ты не дождался и ушёл на фронт. Прости меня, что, проезжая каждый раз по трассе в нескольких километрах отсюда, не знал, что ты совсем рядом. Я не слышал твоего голоса, не ощутил твою ласку. Мама говорила, что когда ты вернёшься — привезёшь много подарков и будешь спать со мной рядом... Ты не вернулся. Разреши мне побыть с тобой и уснуть рядом».

Что снилось этому сыну павшего солдата?

ПАМЯТЬ В СЕРДЦЕ И КАМНЕ...

Середина шестидесятых годов прошлого века была всплеском патриотизма. Великая многонациональная страна готовилась торжественно отметить 50-летие Октября. Школы включились во Всероссийский поход «Из искры возгорится пламя». Создавались экспедиционные отряды следопытов, собирались воспоминания героев трудового фронта и былых боёв, организовывались выставки, открывались памятники, музеи и комнаты славы, переименовывались улицы, проводились встречи ветеранов с молодёжью. Это была кропотливая, интересная и нужная работа, вся организационная тяжесть которой ложилась на плечи энтузиастов, в основном учителей истории.

К этому времени сергиевцы уже знали своих освободителей, знали и то, что на северной окраине станицы 7 февраля 1943 г. погибла группа разведчиков во главе с майором С. Г. Айвазяном. Архив Министерства обороны СССР прислал копию его наградного листа. Исполком Сергиевского сельсовета принял решение о переименовании улицы Базарной в улицу имени С. Г. Айвазяна. На объединённом заседании комитетов комсомола колхоза «Ленинец» и школы комсомольцы договорились о строительстве памятного обелиска на окраине той самой улицы. С пониманием к этой инициативе отнёсся и председатель колхоза И. Е. Убийко, который выделил весь

строительный материал. Целую неделю молодые колхозные строители Василий Лашко, Николай Курукин, Иван Фурса, Иван Бузинский и школьники заливали фундамент, клали кирпичи, штукатурили. В это время школьные учителя Владимир Грачёв и Алексей Фурса специально заточенным напильником старательно вырезали памятную надпись на мраморной плите.

9 Мая 1967 года станица в очередной раз отмечала День Победы. Улица, ведущая к построенному обелиску, была запружена людьми. Организовано пришли все трудовые коллективы, ветераны труда и войны, пионеры и школьники. Сотни букетов несли в руках малыши.

Председатель совета Александр Михайлов объявил о решении исполкома: улица получила новое название — имени С. Г. Айвазяна. Здесь сергиевцы впервые увидели своих освободителей: командира 677-го сп М. Т. Григоряна, комиссара 684-го сп А. О. Арутюняна, начальника особого отдела полка Г. А. Бахшияна, разведчика Х. А. Мазманяна.

Многие жители, у кого в памяти ещё были живы события сорок третьего года, подходили к ним, беседовали, обнимали, дарили цветы, смеялись, плакали. В их сердцах жило необычное чувство, замешанное на радости со слезами, которое всегда пробуждается в людских душах на майских победных торжествах.

* * *

Приближалась еще одна знаменательная дата в истории нашего государства — 50-летие образования СССР. Поэтому, когда школьники написали письмо в ЦК комсомола Армении с просьбой найти молодых архитекторов и на общественных началах разработать проект памятника павшим воинам 409-й дивизии в станице Сергиевской, на их просьбу ЦК КА ответил: «Вашу инициативу поддержал институт

«Армпромпроект», откуда вы получите ответ».

В то время институт был крупным ведущим творческим коллективом Армении. В нём работало до 900 человек, была своя типография. Пять архитектурных мастерских, десятки самостоятельных отделов постоянно трудились над проектами, выполняя заказы для многих великих строек не только СССР, но и за рубежом.

Институт возглавлял заслуженный деятель искусств, народный архитектор Армении Марк Владимирович Григорян. Ему принадлежат крупные уникальные проекты — Матенадара, здания Национального собрания, Сардарapatский ансамбль народного архитектора СССР Рафаэля Исраеляна и др.

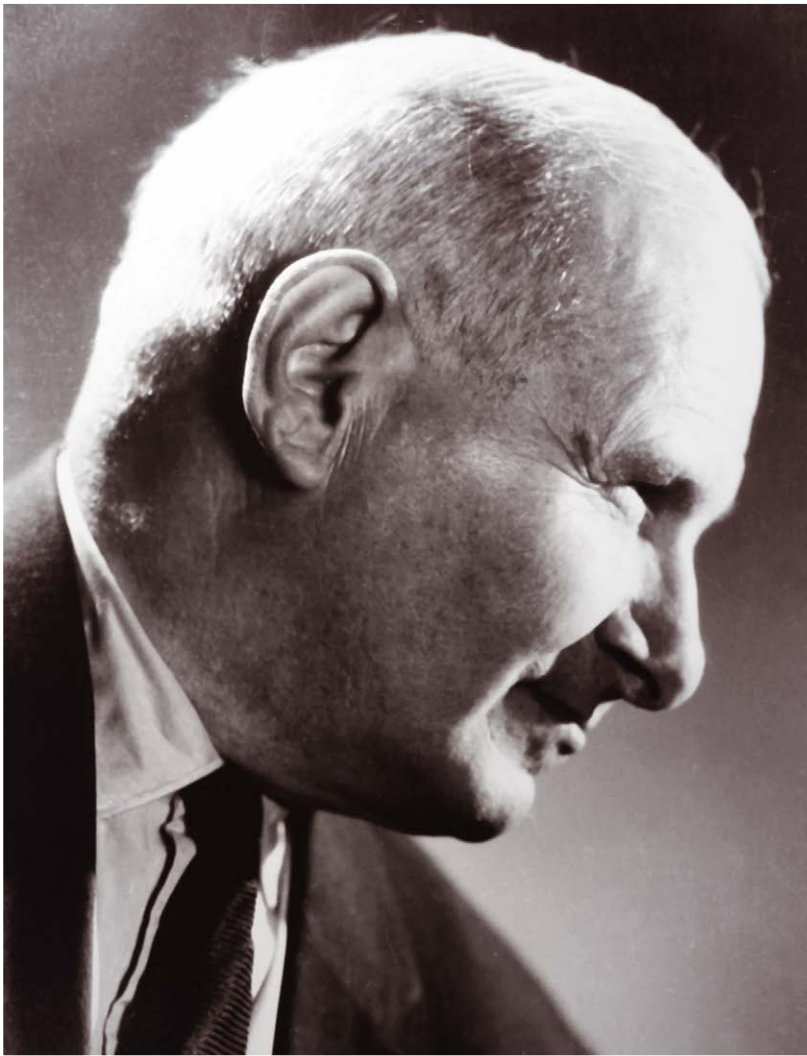
Родом из ростовских армян, М. В. Григорян был очень эрудированным человеком, хорошо рисовал, играл на пианино. Будучи учеником великого архитектора Александра Таманяна, он воспитал хорошее поколение архитекторов, которые творили красивые современные проекты, при этом сохраняя основные черты национальной

культуры. Он был очень чутким человеком.

И когда к нему в кабинет зашёл с письмом из Сергиевской секретарь партбюро Роланд Джаноян, Марк Владимирович читал его внимательно и долго. Со стороны казалось, что он его перечитывал. На самом деле строки из письма невидимой силой запали в его душу, тронули за живое. Он в эти минуты пытался удержать себя, но не смог. Достал платок, промокнул глаза полные слёз и лишь только тогда тихо сказал: «Роланд, этот проект памятника будем делать мы. Объявим конкурс, определим состав жюри, и чтобы никто не мешал нам в этом большом патриотически важном мероприятии».

Школьники выгружают базальтовые плиты для памятника, 1973 г.

Марк Владимирович Григорян,
директор института «Армпромпроект»

Родился 29 апреля 1900 г. в городе Нахичевань-на-Дону (ныне Пролетарский район города Ростова-на-Дону, Россия). В 1920–1922 гг. учился в художественной школе имени Врубеля.

В 1928 г. окончил архитектурное отделение технического факультета Ереванского университета. В 1938–1950 – главный архитектор Еревана, где построил крупные общественные здания.

1951–1955 – заместитель начальника Управления по делам архитектуры при Совете Министров Армянской ССР.

В 1957 г. по его проекту было построено здание Матенадарана. С 1955 г. и до конца своих дней – директор республиканского проектного института «Армпромпроект».

Участвовал в восстановлении здания монастыря Сурб-Хач в Ростове-на-Дону. Умер в 1978 г.

ПРОТОКОЛ

Заседания жюри конкурса на создание проекта монумента воинам, погибшим за освобождение станицы Сергиевской Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков

г. Ереван

10 мая 1972 г.

На конкурс было представлено 10 проектов. Все проекты соответствовали условиям конкурса и были приняты на рассмотрение. На заседании присутствовало 11 членов жюри:

М. В. Григорян (председатель), Р. Х. Джаноян, М. С. Тимченко, Р. С. Израелян, А. Х. Канаян (секретарь), С. М. Манукян, И. Е. Маринкин, А. Р. Мхитарян, М. С. Саакян, Сарксян, Р. А. Закарян.

После краткого сообщения секретаря жюри о представленных проектах заседание перешло к обсуждению проектов. В прениях участвовали все присутствующие члены жюри. В результате открытого голосования РЕШИЛИ:

1. Первую премию в размере 150 рублей присудить (единогласно) автору проекта архитектору Ваганяну Каро Назаровичу.

2. Вторую премию в размере 100 рублей присудить (большинством голосов – 9 против 2) проекту под девизом «Чёрные с белым стрелы», после вскрытия конверта автором упомянутого проекта оказался архитектор Аракелян Генрих Суменович.

3. В ходе обсуждения много положительного было сказано о проекте под девизом «Вечный огонь». Поступило предложение просить директора института тов. М. В. Григоряна ассигновать дополнительно 70 рублей для выдачи поощрительной премии вышеуказанному проекту. После голосования (единогласно) поощрительная премия была присуждена проекту «Вечный огонь». После вскрытия конверта автором оказался архитектор Саакян Варужан Саакович.

Председатель жюри М. Григорян
Секретарь жюри А. Канаян

В Сергиевскую ушла телеграмма, а вскоре там встретили делегацию «Армпромпроекта». В её составе были Р.Х. Джаноян, ветеран войны, начальник отдела А.Л. Мкртчян, архитектор К.Н. Ваганян, геодезисты во главе с Каро Чебухчяном, тем самым командиром, чья пушка била по пулемётным точкам на чердаке школы х. Нижнего в далёком 43-м...

Надо было определить, где быть памятнику. «Его место — напротив новой школы. Пусть он будет виден из окна каждого класса и заставит ребят думать», — эти слова принадлежат Николаю Яковлевичу Голубю, первому секретарю Кореновского райкома, разумному человеку, талантливому организатору, хозяину района.

Через время первый секретарь Краснодарского райкома А.С. Паремюзян направит в адрес Н.Я. Голубя письмо:

«Мы приветствуем это важное мероприятие, одобренное не только в станице Сергиевской, но и райкомом КПСС и райисполкомом. Одновременно считаем весьма необходимым Ваше личное послание председателю Совета Министров Армянской ССР тов. Г.А. Арзуманяну, с оповещением о начале строительства в 1973 году и с просьбой обеспечить строительным камнем, согласно смете».

Памятник по проекту надо было построить из кировоканского базальта и октемберянского красного туфа, который даже в те времена был уже большим дефицитом. Даже для строительства в самом Ереване было трудно получить наряд на его поставку.

13 сентября 1973 года новый председатель правления колхоза «Ленинец» Н.М. Белобрицкий получил телеграмму:

Министерство связи СССР

ТЕЛЕГРАММА

В строительный отдел Госплана АССР поступило указание о выделении камня по нашему проекту. Вам следует приехать в Ереван для оформления разнарядки на отгрузку туфа и базальта через Госплан АССР.

г. Ереван,
Армпромпроект
М.В. Григорян

И камень был доставлен... С железнодорожной станции его перевезли на своих КамАЗах водители автотранспортного предприятия «Трансельхозтехника», в порядке тогда принятых субботников выгружали у школы ученики со своими учителями, приходили на подмогу жители станицы. Вскоре привезли каменотёсную машину, приехали строители из Армении, архитектор Каро Ваганян, геодезисты сделали привязку памятника к местности.

Второй секретарь Краснодарского крайкома комсомола Михаил Килиний, бывший учитель сергиевской школы, с кем мы не один год собирали

материалы о погибших ветеранах 409-й дивизии, ходили в походы по местам былых боёв, вели переписку, печатали до рассвета фотографии, чтобы завтра продолжить то же самое, сопроводил меня письмом в ЦК ЛКСМ Украины. Для Вечного огня требовался красный гранит из Емельяновского карьера. И тоже он поступит вовремя...

Открытие памятника назначили на 9 мая 1975 года. За два дня стали прибывать гости из Армении, Украины, родные и близкие погибших, делегация института «Армпромпроект» Роланд Джаноян, Каро Ваганян, Каро Чебухчян. Не оказалось в её составе

Институт «Армпромпроект». Заседание жюри по конкурсу памятника в ст. Сергиевской. Председатель жюри – Марк Владимирович Григорян. Ереван, 1973 г.

ответственного организатора за материально-техническое обеспечение проекта Александра Леоновича Мкртчана. Он попадёт в автокатастрофу после отправки последней платформы камня в Сергиевскую. Придя на несколько минут в сознание, он попросит Джанояна: «Роланд! Ты узнай, дошёл ли камень до места, и доложи об этом Марку Григоряну...»

Рано утром вскрыли братские могилы на х. Нижнем и в ст. Сергиевской. Останки уложили в красные урны и на автомобильных катафалках в сопровождении бывших фронтовиков и взвода солдат привезли к обелиску и снова предали земле. Для родных и близких

павших героев это было тяжёлым испытанием. Они хоронили здесь своих любимых наяву...

Слетело белое покрывало, вспыхнул Вечный огонь, грянул десятикратный воинский салют и огромный людской поток с живыми цветами двинулся к памятнику. Впереди правительственная делегация Армении, Кореновского райкома и райисполкома. Сняли покрывала со склонённых каменных знамён, где вместе с павшими героями 409-й дивизии выстроились имена жителей станицы и хутора. Для всех хватило места. Они теперь в едином общем строю защитников некогда могучей и единой Родины...

Открытие мемориального комплекса. Венки несут жители станицы, делегация института «Армпромпроект». Справа: секретари Кореновского РК КПСС В. А. Трембицкий, Н. П. Сальников, председатель райисполкома И. М. Бредихин. ст. Сергиевская, 9 мая 1975 г.

На переднем плане делегация института «Армпромпроект». ст. Сергиевская, 9 мая 1975 г.

Памятник павшим воинам
409-й стрелковой Армянской дивизии
в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг.
в ст. Сергиевской

Воины-освободители 409-й стр. дивизии в гостях у пионеров сергиевской школы:
О.С. Оганесян – ком. 7-й батареи 964-го артполка, О.Т. Петросян – ком. мед. взвода,
В.А. Остапенко – командир сапёрного батальона, 1971 г.

Делегация кандауринской школы на могиле земляка
Мартироса Зурноджана. х. Нижний

Празднование Дня Победы. Школьники чествуют гостей – ветеранов 409-й стр. дивизии комиссара А.Н. Айрапетяна и разведчика Х.А. Мазманяна.
ст. Сергиевская, 1970 г.

Комиссар 409-й стр. дивизии А.Н. Айрапетян, разведчик Х.А. Мазманян со следопытами у степного колодца, где начинались бои за освобождение ст. Сергиевской

Встреча отряда следопытов учителя истории
М. С. Тимченко с семьёй погибшего политрука
О. С. Акопяна, приехавших на его могилу. (Жена Гоар
Оганесовна и дети Эдмунд и Гамлет.) 8 мая 1976 г.

Родственники и дети павших воинов
409-й стр. дивизии после открытия памятника, ст. Сергиевская, 9 мая 1975 г.

Встреча однополчан на Дне Победы в ст. Сергиевской. В. А. Остапенко – майор, заместитель командира 682-го сапёрного батальона, и О. С. Патрикян – капитан, командир отдельной автоторопы 409-й стрелковой дивизии, 1974 г.

Слева направо: Р.Х. Джаноян – секретарь парткома
института «Армпромпроект», М.С. Тимченко, архитектор К.Н. Ваганян. г. Ереван

Рядовой 684-го стр. полка В.Г. Боляков (крайний справа) у братской могилы
с детьми погибших воинов. х. Нижний, 9 мая 1967 г.

ИМЕННОЙ СПИСОК¹
военнослужащих 409-й стрелковой Армянской дивизии,
погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками
7–12 февраля 1943 г. при освобождении ст. Сергиевской
и х. Нижнего Кореновского района Краснодарского края

№ п/п	Ф.И.О.	Общие сведения о погибшем
1	Аракелян Ваган Саведович	Рядовой, зам. ком. отделения, 1918 г. рождения, уроженец Армянской ССР, Кафанский район, г. Кафан. Пропал без вести 11.02.1943 у х. Нижний. Родственники: отец Аракелян Савед, Армянская ССР, Кафанский район, с. Арагавар. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 876
2	Алкешян Андроник Хоренович	Ст. лейтенант, зам. ком. роты 682-го осб, 1905 г. рождения. Уроженец г. Тбилиси. Убит 09.02.1943 в бою х. Нижний – х. Суходольный. Родственники: жена Алкешян Римма, г. Тбилиси, ул. Георгия Церетели, 6. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
3	Айвазян Сенник Гукасович	Майор, начальник 2-го отдела 409-й стр. дивизии, 1903 г. рождения. Уроженец Нахичеванской АССР, Нахичевань-на-Араксе. Убит в неравном бою с группой разведчиков у ст. Сергиевской 07.02.1943. Похоронен в ст. Медвёдовской. Родственники: жена Шабанова Вера, г. Ереван, Сталинский проспект, д. № 18, кв. 6/7. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
4	Ахмедов Хашбала Шамшевич	Ст. лейтенант, пом. нач. 2-го отделения 409-й стр. дивизии. Погиб в неравном бою у ст. Сергиевской 07.02.1943. Похоронен в ст. Медвёдовской. Родственники: жена Ахмедова Бета, г. Ереван, гостиница «Севан», № 123. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458
5	Алавердов Ерванд Гаспарович	Рядовой, 1906 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, г. Степанакерт. Пропал без вести в бою на подступах части к ст. Сергиевской 07.02.1943. Родственники: жена Алавердова Тамара, г. Степанакерт, ул. Крылова, 24. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
6	Ароян Симон Мкртычевич	Рядовой, повозочный, 1910 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Гукасянского района, с. Палутли. Убит в бою на окраине х. Нижний 09.02.1943. Родственники: отец Ароян Мкртыч. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
7	Андроян Мамикон Михайлович	Рядовой, пулемётчик, 1902 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Ноемберянского района, с. Арджие. Пропал без вести в бою у х. Нижний 10.02.1943. Родственники: отец Андроян Михаил, с. Арджие. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 19001. Д. 876
8	Акопян Андроник Саркисович	Сержант, 677-го стр. полка, 1905 г. рождения, призван Спитакским РВК Армянской ССР. Убит 11.02.1943, х. Нижний. Родственники: сведений нет. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 158

¹ В «Именном списке» сохранено первоначальное написание имён и фамилий.

№ п/п	Ф.И.О.	Общие сведения о погибшем
9	Авакимян Сетрак Петросович	Ст. лейтенант, зам. ком. роты 677-го стр. полка по политчасти. 1907 г. рождения. Уроженец Азербайджанской ССР, НКАО Мартакертский район, г. Гюлашаг. Призван Мартунинским РВК. Погиб 12.02.1943, х. Нижний. Жена Авакимян Жена
10	Акопян Цолак Александрович	Лейтенант, зам. ком. роты по политчасти. 1902 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Зангибасарского района, с. Кепора. Убит 10.02.1943, х. Нижний. Жена Акопян Вартануш, Армянская ССР, Сталинский район, с. Джангулу
11	Амельницкий Александр Георгиевич	Мл. лейтенант, команд. свето-сигнального взвода, 1923 г. рождения. Уроженец г. Тбилиси Грузинской ССР. Призван Тбилиским РВК. Погиб 10.02.1943. Жена Амельницкая Лафа, ул. Челюскинцев, 51
12	Акопян Оганес Саркисович	Ст. лейтенант, 1909 г. рождения. Уроженец Турции. Погиб 09.02.1943, х. Нижний. Родственники: г. Ереван, ул. Комсомольская, 57
13	Арутюнян Ваган Оганесович	Сержант, командир отделения, 1912 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Кировоканский район, с. Кологеран. Погиб 10.02.1943, х. Нижний. Родственники: с. Кологеран
14	Березюк Василий Михайлович	Лейтенант, ком. взвода 88-й мин. батареи 684-го стр. полка, 1921 г. рождения. Уроженец Житомирской области, Чудновский район, с. Красное. Убит 11.02.1943, х. Нижний. Родственники: сведений нет. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 1001. Д. 156
15	Балоян Сетрак Авакимович	Рядовой, телефонист, 1911 г. рождения. Уроженец Азербайджанской ССР, НКАО, Гадрутский район, с. Калибек. Убит в бою у ст. Сергиевской 09.02.1943. Родственники: жена Жена Гайковна, с. Калибек (Калбек). ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
16	Багдасарян Арташес	Сержант, 1920 г. рождения, уроженец Азербайджанской ССР, НКАО, Красносельский район. Призван Красносельским РВК Армянской ССР. Погиб 12.02.1943, ст. Сергиевская. Родственники: отец Багдасарян А.А.
17	Брутян Гарегин Гайрамович	Рядовой, 1922 г. рождения. Погиб 11.02.1943. Родственники: Армянская ССР, Шамшадингский район, с. Првакар
18	Восканян Аршак Татевосович	Рядовой, 1914 г. рождения, уроженец Армянской ССР, Дузкендский район, с. Чарахли. Пропал без вести в бою на подступах части к ст. Сергиевской 07.02.1943. Родственники: отец Восканян Татевос, с. Чарахли. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
19	Вершиловский Максим Васильевич	Рядовой, сапёр 682-го особого сапёрного батальона, 1900 г. рождения. Уроженец Казахской ССР, Актюбинский район, с. Пемирчевск. Убит 08.02.1943 у ст. Сергиевской – х. Нижний. Родственники: жена Вертиловская Евдокия. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
20	Валиев Аскер	Курсант полковой школы, 1922 г. рождения. Погиб под ст. Сергиевской 09.02.1943. Родственники: Азербайджанская ССР, Куткашинский район, с. Ванда, сестра Валиева Пасты

№ п/п	Ф.И.О.	Общие сведения о погибшем
21	Геворкян Вазген Вартанович	Сержант, писарь, 1921 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Дузкенский район, с. Млхаты. Убит 08.02.1943, ст. Сергиевская. Призван Дузкентским РВК. Адрес родственников: п. Арагац Таллинского района
22	Гаспарян Багдасар Ованесович	Рядовой, миномётчик, 1903 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Горисский район, с. Татев. Призван Горисским РВК. Убит 11.02.1943, х. Нижний. Родственники: жена Гаспарян Мина, с. Татев. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 158
23	Геворкян Сероп Авакович	Лейтенант, зам. ком. стр. роты 677-го стр. полка по политчасти, 1914 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Аштаракского района, с. Дзорокан. Убит 09.02.1943, х. Нижний. Родственники: жена Геворкян Шушик Хачиковна, с. Дзорокан. ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12220
24	Гарибян Торсун Александрович	Рядовой комендантского взвода 409-й стр. дивизии. Уроженец г. Кировокана Армянской ССР. Пропал без вести в бою у х. Суходольный – х. Нижний 09.02.1943. Родственники: жена Гарибян Амалия, г. Кировакан, ул. 11, д. 57. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
25	Григорян Арменак Арутюнович	Рядовой, 1905 г. рождения. Уроженец Грузинской ССР, Ахалкалакский район, с. Олаверд. Убит 10.02.1943, х. Нижний. Родственники: отец Григорян Арутюн, с. Олаверд. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
26	Гумашян Анушаван Аршакович	Ст. сержант ком. стр. отделения, 1912 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Алавердский район, с. Шинох. Погиб 10.02.1943, х. Нижний. Родственники: жена в с. Шинох
27	Данелян Самсон Айрапетович	Рядовой, 1902 г. рождения. Уроженец Азербайджанской ССР, Степанакертский район, с. Степанакерт. Пропал без вести в бою у х. Нижний – ст. Сергиевская 09.02.1943. Родственники: жена Данелян Шушан, Степанакертский район, с. Ханцака. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
28	Давтян Мартирос Маркарович	Мл. сержант, зам. ком. взвода, 1907 г. рождения. Уроженец г. Еревана. Призван Ереванским ГВК. Убит 11.02.1943, х. Нижний. Родственники: жена Давтян Сируш, г. Ереван, ул. Саритак, 37. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 158
29	Данелян Татевос Галустович	Рядовой, пулемётчик, 1911 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Гукасянский район, с. Чарлы. Убит 10.02.1943, х. Нижний. Родственники: жена Данелян Ферза, с. Чарлы. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
30	Дарбинян Сурен Адамович	Рядовой, 1923 г. рождения. Уроженец Грузинской ССР, Богдановский район, с. Канагюрт. Убит 09.02.1943, х. Нижний. Родственники: отец Дарбинян Адам, с. Канагюрт
31	Давидов Александр Николаевич	Лейтенант, ком. стр. взвода 677-го стр. полка, 1918 г. рождения. Уроженец Алтайского края, г. Бийск. Погиб 09.02.1943, х. Нижний. Родственники: мать Давидова Домна Андреевна, г. Бийск, ул. Марти, пер. 35. ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12220

№ п/п	Ф.И.О.	Общие сведения о погибшем
32	Еганян Джанибек Тигранович	Рядовой, 1915 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Алавердинский район, с. Туманян. Пропал без вести в бою у х. Нижний – ст. Сергиевская 09.02.1943. Родственники: отец Еганян Тигран, с. Туманян. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
33	Едигарян (Едгарян) Егор Бахшиевич	Рядовой, миномётчик, 1902 г. рождения. Уроженец Азербайджанской ССР, Агдамский район, с. Н-Рата. Убит 11.02.1943, х. Нижний. Родственники: Едигарян Асик, с. Н-Рата. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 158
34	Зайкин Николай Михайлович	Курсант, 1924 г. рождения. Уроженец Краснодарского края, Тимашевский район, с. Петропавловское. Призван Темиргоевским РВК. Пропал без вести в бою у х. Нижний – ст. Сергиевская 09.02.1943. Родственники: отец Михаил Васильевич, с. Петропавловское. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
35	Зурноджян Мартирос Григорьевич	Рядовой, 1922 г. рождения. Уроженец Грузинской ССР, Богдановский район, с. Богдановка. Призван Ахалкалакским РВК. Погиб 09.02.1943, х. Нижний. Родственники: отец Зурнаджян Григорий, с. Кандура Грузинской ССР. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
36	Зайцев Владимир Иванович	Рядовой, 1914 г. рождения. Убит под ст. Сергиевской 09.02.1943. Родственники: г. Баку, с. Бюль-Бюла, ул. Дзержинского, 95, Лавручин Дмитрий Иванович
37	Здвижков Михаил Самуилович	Рядовой, ездовой. Погиб 12.02.1943 при взрыве мины во время движения подводы между х. Нижним и ст. Сергиевской. Призван Курганинским РВК Краснодарского края. Родственники: сведений нет
38	Израелян Кероп Татевосович	Мл. сержант, зам. ком. отд. 684-го стр. полка. Уроженец Азербайджанской ССР, НКАО, Степанакертского района, с. Цакашен. Убит 09.02.1943, х. Нижний. Родственники: отец Израелян Татевос, с. Цакашен
39	Иванов Иван Иванович	Мл. лейтенант. Адъютант командира дивизии, 1918 г. рождения. Уроженец УССР, г. Сталино. Убит в неравном бою во время разведки у ст. Сергиевской 07.02.1943. Похоронен в ст. Медвёдовской. Родственники: отец Иванов Иван, УССР, г. Сталино. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
40	Казарян Атонес Давидович	Рядовой, 1898 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Мартунинский район, с. Кзыл. Убит 11.02.1943, х. Нижний. Родственники: жена Хуршудян Сатеник, с. Кзыл
41	Казарян Маркар Давыдович	Рядовой, 1900 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Мартунинский район, с. Кзылкарата. Убит 09.02.1943, х. Нижний. Родственники: жена Казарян Айкануш, с. Кзылкарата. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
42	Качубей Николай Андреевич	Рядовой, пулемётчик, 1925 г. рождения. Уроженец Украинской ССР, Житомирская область, Вчерошонский район, с. Черноруб. Пропал без вести в бою у ст. Сергиевской 08.02.1943. Родственники: отец Качубей Николай Андреевич. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001

№ п/п	Ф.И.О.	Общие сведения о погибшем
43	Киракосян Геворк Петросович	Рядовой, 1902 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Спитакский район, с. Саракан. Пропал без вести у х. Нижний 11.02.1943. Родственники: жена Киракосян Саня, с. Саракан. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 876
44	Киракосян Зарванд Апетович	Рядовой 684-го стр. полка, 1909 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Алагязский район, с. Курдачир. Пропал без вести в бою у ст. Сергиевской 08.02.1943. Родственники: отец Киракосян Апет, с. Курдачир. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
45	Лужинский Георгий Михайлович	Рядовой, ездový. Погиб 12.02.1943 при взрыве мины во время движения подводы между х. Нижним и ст. Сергиевской. Призван Курганинским РВК Краснодарского края. Родственники: ст. Темиргоевская Краснодарского края
46	Мартirosян Ашот Васильевич	Рядовой, стрелок, 1900 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Степанаванский район, с. Берт. Призван Степанаванским РВК. Погиб 11.02.1943, х. Нижний. Родственники: отец Мартirosян Василий, с. Берт. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 158
47	Мирзоян Григорий Оганесович	Рядовой, 1906 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Сисианский район, с. Ашамку. Пропал без вести у х. Нижний 11.02.1943. Родственники: жена Мирзоян Саек, с. Ашамку. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 876
48	Мкртычан Товмас Навасардович	Рядовой, миномётчик, уроженец Армянской ССР, Горисский район, с. Татев. Призван Горисским РВК. Убит 11.02.1943, х. Нижний. Родственники: жена Мкртычан Манушак, с. Татев. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 158
49	Мовсесян Вартан Овагимович	Ст. лейтенант, замполит стр. роты. Уроженец Армянской ССР, Сисианского района, с. Шагат. Призван Сисианским РВК. Погиб 11.02.1943, х. Нижний. Родственники: жена Мовсесян Сатик, с. Сисян. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 158
50	Мартirosян Ашот Васильевич	Рядовой, стрелок, 1900 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Степанаванский район, с. Берт. Призван Степанаванским РВК. Убит 11.02.1943, х. Нижний. Родственники: отец Мартirosян Василий, с. Берт
51	Мовсесян Вартан Авакимович	Ст. лейтенант, зам. ком. роты по политчасти 684-го стр. полка, 1907 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Сисянский район, с. Шагат. Убит 09.02.1943, х. Нижний. Родственники: жена Мовсесян Сатик, Сисянский район, с. Сисян. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 563784
52	Меликов Арам Михайлович	Мл. лейтенант, ком. стр. взвода, 1922 г. рождения уроженец г. Баку. Призван Дзержинским РВК. Погиб 09.02.1943, х. Нижний. Родственники: мать Меликова Лиза Григорьевна, г. Баку, 5, ул. Свердловская, 12. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
53	Маркарян Гарегин Оганесович	Рядовой, 1913 г. рождения. Уроженец г. Еревана. Пропал без вести в бою под х. Нижним – ст. Сергиевской 09.02.1943. Родственники: Маркарян Оганес, г. Кировакан, ул. Горького, 9, кв. 1. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001

№ п/п	Ф.И.О.	Общие сведения о погибшем
54	Маревцев Иван Харламович	Рядовой, стрелок, 1896 г. рождения. Уроженец Краснодарского края, Курганинский район, с. Константиновская. Призван Курганинским РВК. Погиб 11.02.1943, х. Нижний. Родственники: жена Маревцева Анастасия
55	Мхитарян Амазасп Григорьевич	Ст. лейтенант, ком. роты 675 сп, 1910 г. рождения. Пропал без вести в бою 10.02.1943 у х. Нижний – ст. Сергиевская. Родственники: жена Ватян Сатеник Ваноевна, г. Ереван, ул. Восточная, 5, кв. 1. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11459
56	Муратов Алексей Иванович	Лейтенант, ком. взвода 684-го стр. полка, 1906 г. рождения. Уроженец Сиротинского района Сталинградской области. Убит 11.02.1943, х. Нижний. Родственники: семья в Баку, пос. Марина, корп. 37, кв. 10. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458
57	Мидилов Аслан Мурсал-оглы	Курсант учебного батальона. 1916 г. рождения. Проживал в Грузинской ССР, с. Рукет. Родственники: не установлены
58	Никогосян (Никосян) Аршак Рустамович	Сержант, ком. отделения 684-го стр. полка. Уроженец г. Баку-5, Нагорная, 19. Призван Бакинским ГВК. Убит 11.02.1943, х. Нижний. Родственники: сведений нет. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 158
59	Помогаев Владимир Васильевич	Мл. сержант, зам. ком. отделения роты, 1922 г. рождения. Уроженец Курской области. Погиб 10.02.1943, х. Нижний. Родственники: Курская область, Советский район, д. Ивановка, отец Помогаев Василий, сестра Ольга
60	Папазян Самвел Оганесович	Рядовой, 1922 г. рождения. Уроженец Абхазской АССР, с. Цебельды. Убит в бою под ст. Сергиевской 08.02.1943. Родственники: отец Папазян Оганес, с. Цебельды. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
61	Папикян Аветис Асатурович	Рядовой 684-го стр. полка, 1907 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Алагязский район, с. Курдачир. Пропал без вести в бою у ст. Сергиевской 08.02.1943. Родственники: отец Папикян Асатур, с. Курдачир. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
62	Погосян Варташес Гайкович	Лейтенант, ком. стрелковой роты, 1917 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Аштаракский район, с. Егвар. Убит 11.02.1943, х. Нижний. Родственники: жена Погосян Званлелта, г. Ереван, ул. Комсомольская, 59. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 158
63	Погосян Вачаган Ашотович	Рядовой, 1910 г. рождения. Уроженец Грузинской ССР, Ахалкалакский район, с. Вачян. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
64	Погосян Карапет Хачатурович	Рядовой, 1915 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Алавердский район, с. В-Ашаберт. Призван Апаранским РВК. Погиб 09.02.1943, х. Нижний. Родственники: жена Погосян Вурастан, с. В-Ашаберт. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
65	Петросян Кероп Аликович	Рядовой, 1905 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Калининский район, с. Шахназар. Пропал без вести в бою у х. Нижний – ст. Сергиевская 09.02.1943. Родственники: отец Петросян Алек, с. Шахназар. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 19001

№ п/п	Ф.И.О.	Общие сведения о погибшем
66	Родаман Александр Васильевич	Лейтенант, командир сапёрной роты 682 осб, 1917 г. рождения. Уроженец УССР, г. Каганович Киевской области. Погиб у ст. Сергиевской – х. Нижний 08.02.1943. Родственники: жена Садовская Мария, Армянская ССР, Степанаванский район, с. Пушкино. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
67	Саркисян Андроник Восканович	Мл. лейтенант, ком. взвода пешей разведки. Уроженец Азербайджанской ССР, Шамхорский район, с. Тоус. Убит во время разведки у ст. Сергиевской 08.02.1943. Родственники: жена Саркисян Сатик, с. Тоус. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
68	Саркисян Смбат Аветисович	Рядовой, пулемётчик, 1903 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Степанаванский район, с. Гюланере. Пропал без вести в бою у х. Нижний – ст. Сергиевская 09.02.1943. Родственники: жена Алавердова Тамара, г. Степанакерт, ул. Крылова, 24. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
69	Смирнов Николай Дмитриевич	Ст. лейтенант, ком. роты 677-го стр. полка, 1916 г. рождения. Уроженец Ленинградской области. Погиб 11.02.1943, х. Нижний. Родственники: отец Смирнов Дмитрий Кириллович, проживал в Ефимовском районе Ленинградской области
70	Терпогосян Овагим Погосович	Рядовой, стрелок, 1899 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Котайтский район, с. Канакер. Призван Котайтским РВК. Погиб 11.02.1943, х. Нижний. Сведения о родственниках: отец Терпогосян Погос
71	Тунян Вардан Ваганович	Рядовой 684-го стр. полка, 1918 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Степанаванский район, с. Гергер. Убит в бою у ст. Сергиевской 09.02.1943. Родственники: сведений нет. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
72	Федорцев Григорий Ильич	Курсант, 1924 г. рождения. Уроженец Краснодарского края, Тимашевский район, с. Петропавловское. Пропал без вести в бою у х. Нижний – ст. Сергиевская 09.02.1943. Родственники: отец Илья Фёдорович, ст. Петропавловская. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001
73	Хуршудян Агаси Багратович	Рядовой, конный разведчик 684-го стр. полка, 1923 г. рождения. Уроженец Армянской ССР, Дузденский район, с. Джаджут. Убит 07.02.1943, х. Нижний. Родственники: с. Джаджуд. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 18001. Д. 158
74	Хачатрян (Хачатурян) Сафар Хазарович	Мл. лейтенант, зам. ком. роты по политчасти 677-го стр. полка. Погиб 09.02.1943, х. Нижний. Сведений о месте призыва и родственниках нет. ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12220
75	Хачатурян Сурен Керопович	Мл. лейтенант, зам. ком. роты 677-го стр. полка по политчасти. Убит 09.02.1943, х. Нижний. Сведений о месте рождения и родственниках нет

ВОИНЫ!

ХРАНИ, ЛЮБИ И ГОРДИСЬ ПАМЯТЬЮ О РАТНЫХ ДЕЛАХ ТВОЕЙ ЧАСТИ, УДОСТОЕННЫХ БЛАГОДАРНОСТЕЙ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ТОВАРИЩА И. В. СТАЛИНА.

ПАМЯТКА БОЕВЫХ ПОБЕД В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ 1941 — 1945 г. г. 409 СТРЕЛКОВОЙ И КИРОВОГРАДСКО-БРАТИСЛАВСКОЙ ОРДЕНА БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО ДИВИЗИИ

Сей сержант Шогиман, С. П.

ПЕРВАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ
МЫ — КИРОВОГРАДЦЫ

В январские морозы 1944 года наша дивизия с жестокими боями прокладывала себе путь на запад, освобождая десятки, стоящих под немецким игом, украинских сел. После мощной артиллерийской подготовки наши полки были введены в прорыв и, стремительно наступая, двинулись на Кировоград. Трое суток шли бои, трое суток не смыкали глаз бойцы. Все контратаки немцев были отбиты. Кировоград был взят и прочно удержан.

Вечером 8 января все услышали по радио приказ товарища СТАЛИНА о благодарности воинам нашей дивизии и о присвоении ей наименования «Кировоградской».

ВТОРАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

НА НАШЕМ ЗНАМЕНИ — ОРДЕН БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО

Весенняя распутица. Выюга со снегом и дождем. Дороги непроходимы. И вот, в такую непогоду солдаты наших полков в мокрях, обледневших шинелях, вытисывая на руках пушки, пулеметы и минометы с боями идут вперед. Село за селом освобождаем мы украинскую землю от геноцидцев. Уже далеко позади остался Кировоград, и наши полки подходят к другому городу, превращенному немцами в свой опорный пункт, — Ново-Украинке и станции Помошная. Враг ожесточенно сопротивляется. Тогда мы получаем приказ начать ночную атаку. Враг в панике. Наши полки в темноте занимают железнодорожную станцию Помошная, захватив несколько вагонов, автомобилей и сотни автомашин врага.

За эти бои — наша часть награждается орденом Богдана Хмельницкого II степени.

СЕДЬМАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

мая 1945 года полки нашей дивизии ринулись в последний, завершающий гитлеровского логова. После мощной артиллерийской подготовки полки поднялись в атаку, сметая на своем пути все, чем пытался быть враг. Неудержимый огненный вал нашего наступления, начавшийся у села Мухова на рассвете 7 мая, закончился в час капитуляции гитлеровской Германии — в 1.00 9 мая 1945 года. 8 мая, в последний день, наша славная дивизия получила седьмую, последнюю в Отечественной войне, благодарность Верховного Главнокомандующего великого

Слава воинам нашей дивизии, воинам-победителям, освободившим свою Родину и разгромившим немцев на полях Европы!

Слава великому полководцу, Генералиссимусу Советского Союза товарищу СТАЛИНУ, приведшему нас к блистательной победе!

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и независимость нашей Родины!

Сотни километров родной советской земли очистили воины нашей дивизии от кляксы врага. Одними из первых по всей Красной Армии мы вышли с боями к Государственной границе СССР и форсировали Прут, вступили на вражеский берег.

Перед нашими бойцами Отчизна и великий Сталин поставили новую задачу: добить немецко-фашистского зверя в его логове. Выросшим в огне сражений, закаленные в боях, наши воины с удивительным воинским искусством и львиной отвагой стали громить врага. Телерай снаряды рвались не на нашей истрадающей земле, горели на наших хатах, мы несли карающий меч салютами Гитлера, пытавшимся поработить советский народ.

Памятью нам бои под Яссами, против обороны на венгерской границе, битва на многоводной реке Тисса под Сольжком, в Хат-прорыва усиленный внешний обвод будапештских укреплений и врыва в пригороды венгерской столицы.

Не забыть нашим бойцам и жесточайшие бои на Громе, где 26 марта 1945 года мы порешили в решающее победоносное наступление.

ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ БЛАГОДАРНОСТИ

после мощной артиллерийской подготовки, в две темные ночи форсировали Грон и славив сопротивление врага, наши полки устремились вперед, в сутки с боем проходили по 20—30 километров. Реки одна за другой вставали на нашем пути. На плотках, на утлых дощочках и просто вброд и вплавь переправлялись наши воины на вражеский, западный берег. Велик, как никогда, был наступательный порыв наших бойцов. Бурная Нитра и широкий Ваг остались позади. С ходу были очищены от врага чехословацкие города — Комарно, Нови Замки, Шураны, Комьлице, Врабле, Трнава, Гаговец, Сенец. Длажмы Москва по приказам Сталина салютовала солдатам нашей дивизии, беспощадно и успешно громившим врага накануне последнего штурма гитлеровского логова.

ПЯТАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ
МЫ — БРАТИСЛАВЦЫ

Враг поспешно уползал в свою берлогу. Не дать ему уйти, а нагнать и разгромить его — такую задачу получили наши воины. На автомашинах по движению группа преследования нагнала главные силы немцев на подступах к Братиславе. Завязалась жестокая схватка. Широкий, голубой Дунай был свидетелем этой битвы и его воды даже ночью отражали пламя бои. Братислава была освобождена от немцев. Великий Сталин в пятый раз вынес благодарность воинам нашей дивизии и присвоил ей гордое имя «Братиславской».

ШЕСТАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Мы вступили в Австрию. Широкая Моравя позади. Вели бои днем и ночью, полки идут вперед. Особенно жестокая битва разгорелась у нейтральной границы Австрии — Цистерсдорф. Немцы создали здесь свой опорный пункт. Огнем и железом выжигали наши воины невинных жителей деревень. Километры австрийской земли были усевны обугленными трупами немцев. Наши воины прорвались через Едлинцу Цистерсдорф и заслужили новую благодарность Верховного Главнокомандующего.

Орден Богдана Хмельницкого

Самвел Оганесович Папазян,
рядовой

Василий Михайлович Березюк,
лейтенант

Андроник Хоренович Алкешян,
ст. лейтенант

Вардан Овагимович Мовсесян,
ст. лейтенант

Татевос Галустович Данелян,
рядовой

Сурен Адамович Дарбинян,
ст. лейтенант

Сероп Авакович Геворкян,
лейтенант

Анушаван Аршакович Гумашян,
лейтенант

Ашот Васильевич Мартиросян,
рядовой

Арам Михайлович Меликов,
мл. лейтенант

Мартирос Григорьевич
Зурноджан, мл. сержант

Товмас Навасардович Мкртчян,
рядовой

Багдасар Ованесович Гаспарян,
рядовой

Вазген Варданович Геворкян,
ст. сержант

Гарегин Гайрамович Брутян,
рядовой

Оганес Саркисович Акопян,
ст. лейтенант

Николай Дмитриевич Смирнов,
ст. лейтенант

Вачаган Ашотович Погосян,
ст. лейтенант

Андроник Васканович Саркисян,
лейтенант

Агаси Баградович Хуршудян,
рядовой

Андроник Оганесович Едигарян,
мл. сержант 677-го стр. полка, похоронен
в ст. Раздольной

Овагим Погосович Терпogosян,
мл. сержант

11 ФЕВРАЛЯ 1943 г.

Памяти бойцов 409-й стрелковой дивизии

Чертили ночь февральскую ракеты
И пулемёты рвали тишину.
Станица перед сумрачным рассветом
Воочию увидела войну.

Восход далёкий кровоточил раной,
Вокруг осколки пели, как шмели.
Разведчики майора Айвазяна,
Попав в засаду, в балке полегли.

Но враг, боясь, как смерти, окруженья,
Удрал, метельной дымкою пыли.
И стало светлым днём освобожденья
Одиннадцатое февраля.

И в этот день мы вспоминаем всех,
Кто пал в бою на подступах к станице,
На чьей могиле то цветы, то снег,
Кому мы ходим низко поклониться.

Делегация Армении у братской могилы.
х. Нижний, 9 мая 2005 г.

Спасибо им за то, что смех звенит
Над нашею счастливой стороною,
За то, что солнце яркое горит,
Шумят хлеба весеннею порою.

За то, что школа новая растёт,
За то, что мы свободны, словно птицы.
За то, что так прозрачен небосвод
Над улицами милой нам станицы.

Похожими на них клянёмся быть,
Пусть наша клятва далеко несётся,
Отчизну нашу словно мать любить,
Встать грудью за неё, коль доведётся.

Ей наше сердце, руки и уменье.
Ты слышишь нас, родимая Земля!
Вот наше слово в день освобожденья
Одиннадцатого февраля!

*Сергей Смирнов-Смелый
ст. Сергиевская, 1972 г.*

В кругу семьи М. А. Чебухчана, участника освобождения Кубани
от немецко-фашистских захватчиков. Ереван, октябрь 2008 г.

Памятник павшим разведчикам 409-й стр. дивизии.
Построен в 1967 г. Реконструирован армянской общиной
Кореновского района в 2003 г.
ст. Сергиевская

Делегация армяно-казачьего объединения дружбы и сотрудничества Республики Армения во главе с генералами К.М. Задояном и Н.В. Торосяном у памятника-монумента павшим воинам 409-й стр. дивизии.
ст. Сергиевская, 2005 г.

ГЛАВА III

ВОСПОМИНАНИЯ, ПИСЬМА, БИОГРАФИИ, ДОКУМЕНТЫ

СТРАНИЦЫ ИЗ БИОГРАФИИ КОМАНДИРА 409-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ ПОЛКОВНИКА МИХАИЛА ИГНАТЬЕВИЧА ДОБРОВОЛЬСКОГО ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ЕГО ЖЕНЫ М. А. ДОБРОВОЛЬСКОЙ

М. И. Добровольский родился 18 ноября 1899 года в Одессе. Его отец был сторожем в парке. В семье было пять детей.

Мать умерла, когда Мише было 6 лет. Отец подрабатывал на стройке, надорвался от тяжёлой работы и умер в 1913 году. Дети остались одни без средств к существованию. Пришлось оставить школу и пойти на заработки. Работал за кусок хлеба на побегушках и подсобным рабочим в начале в скульптурной мастерской господина Перекрестова, потом в типографии газеты «Русская речь».

Когда подросток, пошёл землекопом на постройку Бессарабской железной дороги. За участие в забастовке был арестован на семь суток. С занятием Бессарабии Румынией ушёл в г. Тирасполь, где 5 февраля 1918 года вступил добровольцем в 1-й Тираспольский красногвардейский батальон. С этой поры всю жизнь связал с Красной армией. Так от красноармейца дошёл до полковника.

Участвовал в боях под Мишаньфу Китайско-Восточной железной дороги в 1929 году.

Всю Великую Отечественную войну был на передовой: вначале на немецком, а потом на японском фронтах.

Имел правительственные награды: орден Ленина, три ордена Красного Знамени, ордена Богдана Хмельницкого II ст., Отечественной войны I ст., медали «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», «За победу над Японией».

На фронте был тяжело ранен и контужен. По состоянию здоровья был уволен в запас. Два года был парализован и 1 декабря 1951 года умер. Похоронен в г. Одессе на втором кладбище.

Это был очень честный, справедливый и умный человек. Бойцы его очень любили. По натуре был добрым и любил детей. После войны всё время мечтал поправиться и пойти работать в детский дом. Любил охоту и часто возглавлял охотничьи бригады...

ИЗ БИОГРАФИИ СЕНИКА ГУКАСОВИЧА АЙВАЗЯНА

Родился в 1903 году в семье паровозного машиниста и всё своё детство провёл в Армении.

В 1923 году — курсант военного училища, которое закончил в 1926 году. В свободное время занимался изобретательством и был автором ряда изобретений в области военной техники.

С 1938 года работает в аппарате Военного комиссариата Армянской ССР.

После третьего рапорта направлен в 1942 году в сформированную 409-ю стрелковую дивизию.

Женат. Имеет детей Нелли и Джемса.

Из наградного листа майора Сеника Гукасовича Айвазяна

23 марта 1943 г.

Майор Айвазян, работая в должности начальника 2-го отделения, сумел поставить работу дивизии на должную высоту, умело руководил работой разведывательных подразделений дивизии. Благодаря четкой работе со стороны Айвазяна С. Г. командование дивизии было правильно осведомлено о противнике. Товарищ Айвазян лично несколько раз с группой бойцов ходил в разведку, добывая всегда ценные разведывательные данные. 7.02.43 г. при подходе частей дивизии к станице Сергиевской майор Айвазян, передвигаясь с группой командиров и бойцов, услышал в станице стрельбу. Майор Айвазян сам лично пошел разведать окраину станицы, но попав под сильный ружейно-пулеметный огонь противника, вступил в неравный бой, в котором, сражаясь до последнего патрона, был убит.

Достоин посмертного награждения орденом Отечественной войны I степени.

Орден Отечественной войны I степени

*Начальник штаба 409-й стр. дивизии
подполковник Литвинов*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КОМАНДИРА 677-го СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА МАЙОРА МИХАИЛА ТИГРАНОВИЧА ГРИГОРЯНА

В 1967 г. мы получили приглашение ко Дню Победы над фашистской Германией принять участие в торжестве с населением станицы Сергиевской

Краснодарского края, за освобождение которой воевали бойцы и офицеры 409-й Армянской стрелковой дивизии. Туда мы прибыли к открытию торжественного

собрания. Доклад о Дне Победы сделал секретарь парторганизации колхоза А. Я. Прозорова, после чего состоялось вручение юбилейных медалей участникам Великой Отечественной войны.

Выступали награждённые, рассказывали отдельные эпизоды из фронтовой жизни. Потом мне была предоставлена возможность рассказать некоторые эпизоды из наступления на станицу Сергиевскую, хутор Нижний и о взятии их.

9 Мая население станицы и хутора, одевшись по-праздничному, с цветами в руках, побригадно, предприятия в колоннах, с венками направились к братской могиле на площади и, положив цветы и венки, низко кланялись памяти павших за независимость Родины. Молодёжь в форме кубанских казаков, на конях, стояла в почётном карауле у могилы; после их сменили пионерские отряды.

По окончании этой церемонии состоялся митинг, где выступали представители партийных, комсомольских и пионерских организаций. Выступил и Грант Бахшиян как представитель бойцов 409-й Армянской стрелковой дивизии. Здесь же председатель сельсовета огласил постановление сессии сельсовета о переименовании улицы Базарная в улицу имени майора Сеника Айвазяна, который погиб в неравном бою с фашистскими захватчиками за освобождение станицы.

После закрытия митинга все участники двинулись по улице майора Сеника Айвазяна к месту открытия в честь погибших бойцов и офицеров дивизии обелиска с мраморной доской и высеченной на ней надписью: «Бойцам

и офицерам 409-й Армянской стрелковой дивизии, погибшим за освобождение станицы Сергиевская».

Обелиск установлен на месте, являвшемся исходной позицией наступления дивизии на станицу. После его открытия и благодарственных пожеланий в адрес бойцов, офицеров и армянского народа я в ответном слове от себя, личного состава нашей славной дивизии выразил глубокую благодарность и признательность общественным организациям, населению станицы и всему великому русскому народу за память о воинах дивизии.

Здесь же, в районе молочно-товарной фермы и аэроплощадки, состоялись конноспортивные соревнования.

Далее мы с пионерами из «Юных следопытов» во главе с преподавателем истории Михаилом Сергеевичем Тимченко, организатором всех этих встреч, поехали к хутору Нижний, туда, где вели упорные бои за него. Мы показали им места исходного положения для наступления, рубежи продвижения по хутору и постепенно подошли к братской могиле, где похоронено 47 человек. Необходимо с признательностью отметить местные общественные организации за оформление могил бойцов, уход за ними. Эта огромная территория обсажена деревьями как парк и названа Аллеей героев. При нас пионерские отряды работали на очистке тротуаров от сорняков. Могила сооружена монументом, ограждена и за ней ведётся заботливый уход. Там же жители задавали нам много вопросов о Советской Армении, об исторических и культурных памятниках армянского народа.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КОМАНДИРА ВЗВОДА 677-го СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА А. М. ГОРОЗИЯ

После ранения я с группой русских офицеров был направлен в 409-ю стрелковую дивизию командиром 6-й роты 2-го батальона капитана Сируняна.

...Как сообщалось в сводках, мы вели бои местного значения, всё время велась разведка, в основном боем.

...На Кубани преследование противника проводилось в очень трудных условиях. По весенней распутице мы вязли в грязи по колено, все тылы дивизии отстали на многие километры. Питались местными продуктами, у отдельных воинов обувью служили «постолы» или «чуни», которые изготавливались армянами очень быстро и хорошо.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КОМАНДИРА 1-го ДИВИЗИОНА 964-го АРТПОЛКА АНДРАНИКА АЙРАПЕТОВИЧА КАГРАМАНЯНА

...Недалеко от Краснодара мы вели очень тяжёлый бой с противником. Он был очень тяжёлым для нас. Все наблюдательные пункты трёх стрелковых полков были рядом друг с другом и все три полка поддерживал наш арtpолк. В этот день все три командира батарей вышли из строя, в том числе командир 3-й батареи старший лейтенант Миша (из Кировобода).

При взятии рубежа противника особо отличились Николай Геворкян и Аршак Лазарян. Аршак был родом из с. Гортан. Весил он 141 кг, и мы называли его «великаном». Бывали случаи, когда орудия застревали в грязи, а он один вытаскивал их. Гаубицу одной рукой крутил влево и вправо. Где нужна была сила — мы звали Аршака...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА ДИВИЗИИ, ВОЕННОГО ЮРИСТА II РАНГА ИСААКА БУДАГОВИЧА КОСТЯНЯНА

...С волнением вспоминаю старшего сержанта Лазаря Арутюняна, который был водителем автомашины военной прокуратуры и трибунала. Лазарь — уроженец Нагорного Карабаха Степанакертского района с. Ханабат. Его старший брат Азизбек тоже был на фронте. «Лазарь Моисеевич» — так прозвали его в нашей дивизии. Он был высокого роста, голубоглазый, говорил на чистом карабахском диалекте. За образцовую службу неоднократно был награждён медалями. Лазарь был правдивым и честным бойцом и много раз в трудных условиях, рискуя жизнью, спасал людей.

Это было в феврале 1943 года. В пути к станции Сергиевской немцы вдруг обстреляли нас с автоматов. Оказывается, станция была занята немцами, а туда двигались штабные машины с людьми нашей дивизии...

Машина Лазаря застряла в глубоком снегу — отказал мотор. Мужественный водитель не растерялся. Под огнём противника он поднял капот и стал возиться с мотором. Немецкие автоматчики во весь рост цепью пошли на нас. Мы залегли в снегу мелководной речки и открыли огонь по немцам. Те тоже залегли. Нас было пять человек: председатель военного трибунала Манукян, секретарь трибунала Торосян, заместитель начальника штаба дивизии Мирзоян, я и Лазарь Арутюнян. Справившись с мотором, он попросил нас быстро прыгать в машину. Мы отъехали метров двести и снова заглохли... Оказалось, что закончился бензин.

Немцы стали обстреливать нас из миномёта. Мы решили сжечь машину и поскорее уйти. Один Лазарь не мог смириться с нашим решением. Он заявил, что не может сжечь машину, на которой решил доехать до Берлина. Момент был очень напряжённым. Вдруг Лазарь, сев за руль, накричал на нас и потребовал, чтобы мы толкали машину. Мы покорились и минут через двадцать оказались вне опасности...

В 1943 г. в районе станицы Красноармейской, которую немцы день и ночь обстреливали из своих дальнобойных орудий, несколько дней, в связи с выпавшим мокрым снегом, стало туговато со снабжением продуктами питания частей дивизии и штаба. Лазарь не находил себе места, часами бродил в степи, что-то разыскивал под снегом. Однажды, с улыбкой обращаясь ко мне, заявил: «Тов. начальник, живём, всё будет хорошо, ПАХ пришлёт нам сдобный хлеб, а до этого я вас всех буду кормить чалтыком. В степи много чалтыка, надо организовать сбор и обмолотить». И, действительно, у нас появилась настоящая рисовая каша.

Можно много писать о славных делах людей нашей дивизии.

Все они были хорошие; большинство из них молодые, здоровые, смелые, храбрые и, что самое главное, — горели желанием разгромить врага, спасти Родину. У меня остались самые незабываемые воспоминания о людях нашей героической дивизии.

ИМЕНА НА ПОВЕРКЕ

На Ширакское плато весна приходит поздно. В Араратской долине деревья уже покрылись белой пеной, а здесь земля только пробуждается, и лишь звенящая капель морзянкой выводит весеннюю мелодию, перекликаясь со стуком кирок и лопат. В парке Победы на окраине Ленинкана закладывают новые аллеи. На одной из них человек сто — пожилые мужчины и женщины, молодые парни, девушки и дети. И все они носят одну и ту же фамилию. Это бывшие фронтовики, члены их семей, родные и близкие закладывают аллею в память о павших воинах отделения Григорянов.

...Их было 12 человек, и просьба к военкому была одна — направить в любую часть, только всех вместе. Просьбу учли. Так в январе 1942 года было сформировано отделение Григорянов. Самому младшему, комсомольцу Агаси Григоряну, 18 лет. После кратковременного обучения он и был назначен командиром.

— Нелегко командовать подразделением, в котором рядовыми служат твой отец, дяди, двоюродные братья, — вспоминает сейчас Агаси Барсегович. — Но «семейный военный совет» постановил: слово командира, независимо от того, кто он — сын, племянник или брат, — закон. Отделение Григорянов должно быть образцовым.

Прежде чем уйти на фронт, им предстояло ещё одно испытание. «...Становись!.. Смирно!.. Шагом марш!»

Отделение вышло из казармы. Двенадцать человек шагали по затемнённым улицам родного города. Шли в строю, потому что на всё отделение была выписана одна увольнительная. И шли они попрощаться с родными перед отправкой на фронт. В дом, где после них не оставалось ни одного мужчины старше пяти лет...

«...Дорогие наши, родные! Неделя прошла, а мы ещё в пути. Никто из нас не отстал, все здоровы. О нас не беспокойтесь — ведь мы вместе... Если бы вы видели,

что делает проклятый фашист с людьми. Если бы вы видели, как плачут дети...»

Под письмом двенадцать имён. Пока двенадцать. Они не написали всей правды: они уже не в пути. Часть заняла рубеж, наутро предстоял бой, и никто не знал, чьи имена останутся в следующем письме.

Как выяснилось потом, фашисты знали, что перед ними стоит не кадровая часть. Новобранцы ещё не умели как следует маскироваться, неважно стреляли. Что же касается штыковой...

Комиссар полка Ашот Арутюнян поднялся, как-то буднично, неторопливо, туго заправил гимнастёрку и шагнул вперёд. За ним поднялась цепь...

После войны бывший комиссар полка, а ныне учёный Ашот Арутюнян и Агаси Григорян встречались не раз. И не раз вспоминали они тот бой.

...Отец бежал рядом, с другой стороны — дяди Вараздат, Мкртич, Акоп... Из-под бугра ударил пулемёт, второй... и отец и дяди старались прикрывать собой сыновей и племянников...

«Твой сын, — писал жене Барсег после боя, — объявил мне и дядям выговор. Построил отделение и сказал, что пословица «поперёк батьки в пекло не лезь» на время войны отменяется! Мы, конечно, промолчали. Но ты не беспокойся...»

Когда в Ленинкан пришло первое письмо от командира полка, в котором говорилось, что отделение Григорянов сражается отлично, их уже осталось четверо из двенадцати.

...Агаси вынес из боя тяжелораненого дядю Акопа и, вернувшись обратно, не застал отца. Два километра бежал за санитарной машиной, но не догнал. Встретились отец с сыном уже после войны, дома.

Через день был тяжело ранен сам Агаси. Только спустя много месяцев он узнал о судьбе солдат своего отделения. Домой вернулись лишь Барсег и Агаси — отец и сын.

...Этот дом был полон вдов и сирот. Люди (часто проходя мимо, снимали

шапки) заглядывали сюда, чтобы прочесть последнее письмо Арташеса, написанное в Берлине за несколько часов до того, как прогремели последние выстрелы войны.

«...Весна в Берлине совсем не похожа на нашу... Думаю, что не задержусь. Нас будет немного мужчин в доме, но мы всё сможем.

Только бы домой поскорее!..»

Они многое смогли — два израненных, больных солдата. Они собрали под одну крышу свою большую семью, отстраивались, работали от зари до зари, и люди, которые никогда не обходили стороной семью Агаси Барсеговича, не могли различить, где тут дети свои, а где сироты. В ту трудную пору для всех них этот дом стал родным.

Разрослась, возмужала семья. За праздничный стол садилось уже не отделение, а батальон Григорянов. Как молодые тополя, выросли рядом с Агаси его сыновья. И рядом с ними, как члены одной семьи, — сыновья, дочери погибших. Каких только специалистов среди них нет — строители, агрономы,

учителя, механизаторы, инженеры! А потом вступили в мир внуки павших солдат, и как символ вечной памяти нарекли их именами дедов, не вернувшихся с войны.

Хоть и живут теперь уже каждый своей семьёй, но где бы ни были Григоряны, в День Победы собираются они у Агаси Барсеговича.

Висят на стене солдатские фотографии.

Десять (не знающих, что они давно уже стали дедами) отцов, которые моложе своих сыновей и скоро будут моложе внуков. И перед ними отчитываются их сыновья и внуки. Потому что традиции не только в преемственности имён, как это принято в Армении, но прежде всего в делах, за которые отданы жизни.

Что же касается Агаси Барсеговича, то после войны он трудился в школе, затем — партийная работа, а потом ему поручили дело, которое, как он сам полагал, никак не подходило бывшему фронтовику: стал цветоводом, уже более двадцати лет руководит городским трестом озеленения.

А. Саваян
Журнал «Огонек» № 43
Октябрь 1979 г.

ИЗ ПИСЬМА РАФАЭЛЯ МАНАСЯНА, БЫВШЕГО КОМАНДИРА 76 мм БАТАРЕИ 684-го СТР. ПОЛКА 409-й СТР. ДИВИЗИИ

Уважаемый коллега М. Тимченко!

Узнал я Вас в эти дни по вашим статьям в газете «Авангард».

Прежде всего от всей души большое спасибо за тот кропотливый труд, который вы посвятили героическому пути 409-й стрелковой дивизии.

Самым ясным образом вы освещаете боевые действия частей, отдельных солдат и офицеров 409-й стр. дивизии.

Вам будут благодарны родственники и близкие всех тех, кто находился и воевал в составе этой дивизии.

Ваше начинание является благородным и достойно всеобщего уважения и признания.

Мне, как участнику боёв за вашу родную ст. Сергиевскую и х. Нижний, доставляет двойное удовлетворение и гордость за то, что спустя десятки лет после окончания войны мой коллега по крупинкам мог собрать данные о тех героических событиях, о которых очень много написано.

Ваши статьи являются замечательным материалом для воспитания наших школьников, цементирующим звеном великой дружбы армянского и русского народов, скреплённой кровью в годину испытаний.

Уверен, что наши и ваши питомцы отдадут вам должное и вы войдёте

в летопись 409-й дивизии и педагогическое наследие учителя-историка.

Спасибо тебе, мой коллега!

...В последнем номере вы пишете, что в одно утро 964-й артиллерийский полк ураганным огнём оповестил начало наступления... Вы указали имена командиров батальонов 684-го стр. полка, назвали др. солдат и офицеров и особенно комиссара Ашота Осиповича Арутюняна. Всё это правильно и было так... Кстати, Ашот Арутюнян был душой полка. Его уважали мы все, а ведь он тоже со школы пришёл в войну, был высокообразованным, очень воспитанным человеком и комиссаром. Он достоин самого высокого признания...

Когда шли бои за Сергиевскую, я находился в 684-м стрелковом полку, командовал батареей 76 мм пушек, переданной для поддержки 2-му батальону Гургена Айрапетяна. Очень храбрый командир.

Батарея стояла в ложине, восточнее х. Нижнего, а потом пушки потянули вместе с пехотой на прямую наводку.

К вечеру х. Нижний был в наших руках. Получилось, что наша дивизия вошла в клин других соседних наступающих частей, что могло оказаться опасным.

Враг продолжал огрызаться... К вечеру был получен приказ о выравнива-

нии линии фронта. Наступление было приостановлено...

В это время прибежал солдат и сообщил: на западной окраине хутора остался раненый майор. Не теряя времени я и сержант Мелик Оганесян нашли ту хату, где на железной кровати лежал заместитель командира нашего полка Миша Танрян. Ему оказывала помощь санитарка.

Майор Миша Танрян был кадровым офицером, любимцем полка. Он пошёл в атаку вместе с пехотой и был тяжело ранен в ногу. Немедленно мы уложили его на плащпалатку сержанта Оганесяна и под обстрелом тащили его по земле, по-пластунски, доставили его к нашим, где ожидала санитарная повозка, отправили в госпиталь.

Он проживал в Ереване и умер в 1970 году.

Уважаемый коллега!

Своими статьями вы прямо привели в движение всех тех, кто сражался в этой дивизии и остался живым... В том числе и меня. Вы помогли восстановить память о многих, и особенно об Офелии Петросян. Она действительно была храброй и спасла жизнь многих воинов...

Я один из тех, кто сражался на Кубани за ваши хутора и станицу. Я горд тем, что воевал за вашу школу, за ваших питомцев... Наверное, это ещё и потому, что я учитель...

*С уважением к Вам Рафаэль Манасян.
Армянская ССР, Аштараковский район,
совхоз «Сасуник», 1972 г.*

ЛЕЙТЕНАНТ МЕДИЦИНСКОГО ВЗВОДА

С Офелией Петросян я познакомился в Ереване в Главном архивном управлении. Бывший военный комиссар 684-го сп профессор Ашот Арутюнян представил её так: наша героиня, малышка, лейтенант медицинского взвода, имеет три ордена и пять боевых медалей.

...Та встреча в квартире Офелии Телемаковны продолжалась до утра. Она рассказывала, курила, плакала, часто пила кофе, а я слушал, записывал, запоминал и думал, что обязательно напишу о ней, о которой ещё никто не писал.

Мы «прошли» за столом весь её боевой путь от скромной свадьбы в родном селе и далее от Степанавана, через Кубань, Кировоград, Украину... «Побывали» на местах былых сражений, «хоронили» павших в боях, «шли» рядом с плащпалаткой, на которой санитары несли лейтенанта медицинского взвода Офелию Петросян, получившую тяжелейшее осколочное ранение. Вместе «лежали» в полевом госпитале,

«закутавшись» бинтами от ног до самой головы, а потом уже в Москве, боясь отправки в Среднюю Азию, «бежали» на костылях из санитарного поезда на проходящий в Тбилиси, куда пустили лишь после того, как начальник поезда, взглянув на неё, поинтересовался:

— А где же тебя это так, малыш?

— Да там, за Кировоградом...

— И куда теперь?

— К маме, домой...

— Это хорошо, поезжай к маме. Таким на войне делать нечего...

Вес того «малыша» был всего лишь сорок шесть...

Пока Офелия Телемаковна убирала со стола, мыла посуду, что-то снова стирала, заваривая очередную чашку кофе, в голове роились мысли, которые позже, на Кубани, выстроились в данное стихотворение. Прошу не судить меня строго. Может быть, техническая сторона, форма меня и подводит, но высказанные чувства — верны.

Запала в душу мне станица,
Та, что отсюда далеко.
Но часто мне ночами снится
Тот тёплый хлеб и молоко...

Как жизнь сейчас цветёт весной
И слышен звонкий детский смех.
Солдат готовых вижу к бою
И голос павших слышу всех.

Меня порою душат слёзы,
Я спать ночами не могу...
Стоят над павшими берёзы
И вишни белые в цвету.

Ниже привожу отрывок из очерка, который был напечатан в молодёжной газете «Авангард» две недели спустя после нашей встречи с Офелией Телемаковной.

МАЛЫШКА

Февральским морозным вечером лейтенант Офелия Петросян дежурила в дивизионном медсанбате, развёрнутом в здании бывшей школы станицы Платнировской, что в 10 километрах от передовой линии. Она сидела у носилок Хачика Бадаляна. Его батальон штурмовал здание

школы х. Нижнего. Во время перестрелки его настигла вражеская пуля. Бадалян был в бреду, метался, кого-то звал...

В дежурную комнату вошёл лейтенант Пётр Бережной – муж Офелии. Они поженились в Степанаване перед отправкой на фронт, получив благословение матери Офелии. Он привёл с собою малыша. На вид ему было не более десяти лет. Его разорванное пальто обмёрзло, глаза красные и опухшие. Было видно, что он много плакал.

– Офик-джан. Этого малыша с разведчиками мы нашли в колодце. Проклятые фашисты бросили туда четверых детей, а сверху забросали сельхозинвентарём. На рассвете зашли на окраину станицы. В доме никого не оказалось. Слышим, кто-то тихо хнычет. Еле достали его. Остальные уже мёртвые. А у него, посмотри, вон как от воды живот распух.

Мальчик снова заплакал.

– Как зовут тебя? – спросила Офелия.

– Гриша, – всхлипывая, ответил малыш.

– А родители где?

– Батька на фронте, а маму немцы убили за то, что не захотела им стирать бельё. Мы не давали убивать маму, тогда нас схватили и бросили в колодец.

Офелия хотела сдержать слёзы, но, не выдержав, заплакала. Она оказала Грише необходимую помощь, отдала ему свой паёк, уложила на койку и накрыла фуфайкой. Вскоре малыш уснул.

Утром, когда фашисты ушли, разведчики отвели Гришу в станицу.

9 февраля 1943 г. 684-й стрелковый полк продолжал бои на окраине х. Нижнего.

Шесть фашистских пулемётов при поддержке 150 мм пушек и шестиствольных миномётов перекрёстным огнём простреливали прилегающее поле. Повел в атаку свою роту политрук старший лейтенант Цолак Акопян и тут же был скошен пулемётной очередью.

Раненых бойцов Офелия Петросян с санитарями перетаскивала к берегу замёрзшей речки в камыши. Она видела, как упал рядовой Антанас Казарян. К нему подполз его брат Маркар и перевернул на спину. Антанас был мёртв. Маркар заплакал. Офелия впервые увидела, как плакал солдат:

– Антанас-джан, брат мой. Как я могу вернуться домой без тебя? Что я скажу твоим детям, твоей любимой Сатик?

Когда Офелия вернулась обратно, Маркара уже не было. Под вечер санитары подберут его на снегу у самого хутора. Гордо расправив богатырские плечи, он лежал на снегу, как бы устремившись вперёд, туда, где заканчивался бой и слышалось мощное «Ура-а-а!». Не стало в один день двух братьев из с. Кызыл-Хараба Мартунинского района. Осиротело в один миг десять детей. У одного – трое, у другого – семеро... В с. Арарат и Мхчан теперь живут их дети и сорок внуков.

Наступали вечерние сумерки. Бой затихал. Где-то за рекой ещё слышались одиночные выстрелы и чьи-то крики. Офелия ощутила голод. Кухня отстала, и второй день во рту не было даже кусочка хлеба, не считая обгорелого ячменя, который нашла в разбитом колхозном амбаре. Раненых уже увезли в медсанбат на конной повозке. Поднявшись, Офелия побрела к окраине хутора. Недалеко виднелись

Офелия Петросян и Пётр Бережной. Спепанаван, 1942 г.

приземистые хаты. Выбравшись из густого высокого бурьяна, она неожиданно провалилась в окоп и почувствовала, как холодная вода потекла в сапоги. С трудом Офелия выбралась наверх. В глазах поплыли радужные круги. Обморок нахлынул неожиданно, как вода в половодье. Она увидела свою маму, которая, улыбаясь, суежилась возле печки, где пахло чем-то очень вкусным.

Очнулась оттого, что кто-то старался ее поднять.

— Тётя, тётя! Вы русская? — шептал детский голос.

Офелия с трудом поднялась.

— Чего спрашиваешь? — сказал мальчишка, по-видимому, своей младшей сестрёнке. — Не видишь, что ли? Вон на шапке звезда красная. Значит, наша, русская.

Офелия пришла в себя от приятного тепла, которое пошло по всему телу. Открыв глаза, она увидела комнату и двух женщин. Сероглазая девчонка старательно тёрла её руки и улыбалась.

— Ну вот, тётя, теперь жить будешь... А зовут вас как?

Глаза Офелии наполнились слезами.

— Офелией меня зовут...

— Мама, она сказала, что её звать Феней, — радостно воскликнула девочка.

— Ой, Господи, — забегала по комнате мать девочки, — небось голодная? Сейчас дам тебе поесть.

В комнате вкусно пахло свежим хлебом и тёплым топлёным молоком. Она поднесла Офелии большой мягкий кусок душистого хлеба и глиняную кружку с молоком, где плавала румяная пенка.

— Ешь, дочка, потом ещё дам, сразу тебе много нельзя. — Увидев, как дрожат её тонкие руки, она, перекрестившись, продолжила: — Да разве война — это бабье дело? Изверги проклятые.

Женщина стала ругать немцев...

Двое суток жила Офелия в кругу этой доброй кубанской семьи, пока не стала на ноги. Прощаясь, она обняла и поцеловала женщину, как свою родную мать и её детей, у которых в груди бились ласковые и чуткие сердца.

...Летом 1942 года в Степанаване полным ходом шло формирование подразделений 409-й стрелковой дивизии. Офелия Петросян была назначена командиром санитарного взвода 684-го стрелкового полка. Шли обычные армейские будни... Стройная, красивая девушка приглянулась молодому командиру разведроты лейтенанту Петру Бережному. Его мать была армянкой. Поэтому он отлично владел как русским, так и армянским языком...

Война была рядом... Уже перед отправкой дивизии на фронт они поехали вдвоём к матери Офелии в горное село Гюлякалак.

Под вечер в домике и во дворе собралась вся родня и соседи. Это был свадебный вечер... Пела скрипка, заливалась зурна, ухал дыхол...

«Благословляя нас, — расскажет потом Офелия, — мама сказала: «Милые дети! Пусть ваш союз будет прочным и моя любовь хранит вас от вражеских пуль... Я купила много ниток и начну ткать ковёр, чтобы подарить, когда вы вернётесь домой с победой...»

Они шли вместе, гнали фашистов от Моздока через Сергиевскую и хутор Нижний, через всю Кубань, вступили в тяжёлые наступательные бои на Украине...

Противотанковый батальон капитана Бережного ценой больших потерь отбил танковую атаку фашистов...

Только через двое суток капитан очнулся в медицинской палате... Поднималась температура. Предстояла ампутация ноги... Он ничего не ел, а то вдруг попросил Офелию приготовить яичницу с помидорами...

Офелия пошла на окраину хутора и побрела по заброшенным огородам, где нашла несколько небольших помидоров, а яиц выпросила у старушки, которая долго искала их в курятнике: «Возьми, дочка, хай, дай Бог, поправляется...»

Когда Офелия вернулась в госпиталь, яичницу готовить уже не пришлось...

Капитана Бережного похоронили как положено, с воинскими почестями, на окраине небольшого украинского хутора Гайдары, где за оклицей шумят по весне густые ковыли, а в зелёном гаю перекликаются кукушки и заливаются своими трелями соловьи.

Дивизия шла на Кировоград...

P.S. В небольшой комнате многоквартирного дома, что на улице Барекамутян в Ереване, на стене висит необычный ковёр с изображёнными на нём цветами. Посередине ковра в большой золотистой рамке фотография... «Это я и Петя, — скажет Офелия Телемаковна. — Когда мама узнала о его гибели, на цветах выткала стекающие капли... Нет, это не капли росы... Они красные...»

Лейтенант медицинского взвода 409-й стрелковой дивизии кавалер орденов Красной Звезды и Отечественной войны I степени после двух ранений и контузий прожила чуть больше пятидесяти...

**ИЗ НАГРАДНОГО ЛИСТА
ЛЕЙТЕНАНТА МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ
ОФЕЛИИ ТЕЛЕМАКОВНЫ ПЕТРОСЯН
16 ДЕКАБРЯ 1943 г.**

В боях за социалистическую Родину против немецких захватчиков она проявила исключительное мужество, отвагу и инициативу.

13.12.1943 г. северо-западнее от с. Батизман Долинского района Кировоградской области во время налета вражеской авиации военфельдшер Петросян О. Т., несмотря на то, что вражеская авиация продолжала обстреливать и бомбить, она, не считаясь с жизнью, вынесла с поля боя, оказала первую помощь 35 раненым красноармейцам и офицерам.

После налета авиации она всех раненых устроила в теплом помещении, кормила и всю ночь с 13 на 14.12.1943 г. от них не отходила и сохранила им всем жизнь.

Военфельдшер Петросян О. Т. весь период боевых действий исключительно бесстрашно действует по оказанию помощи раненым непосредственно в боевых порядках. Она умело организует вынос раненых с поля боя и эвакуацию их.

Военфельдшер Петросян О. Т. достойна представления к правительственной награде – ордену Красной Звезды.

*Командир 684-го стрелкового полка
подполковник Логвинов*

**ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КОМИССАРА
684-го СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА А. О. АРУТЮНЯНА**

Под командованием Добровольского 409-я дивизия участвовала во всех сражениях за Северный Кавказ. В его же командование дивизия из района Краснодара была переведена в район Миллерово, пополнилась, перевооружилась и приняла участие в жестоких боях за освобождение Украины – вплоть до подступов к Кировограду.

Высокий, плечистый, с мужественным, обветренным лицом, огрубевшей от зноя и холода кожей, часто задумчивый... Добровольского понимали не все. Заботы командира дивизии были бесконечными и необъятными. Иногда после 4–5-дневных тяжёлых походов подразделения дивизии сосредотачивались в назначенном районе, и бессонные, обессиленные от долгих переходов рядовые бойцы и молодые офицеры бросались туда, где можно было хоть

несколько часов поспать, подчас даже отказываясь от еды. А командир дивизии, начальники штаба, политотдела, командир полка и их заместители по политчасти лишены были и права отдыха. Их беспокоил целый ряд вопросов: действительно ли те позиции заняли подразделения, что указаны в приказах? не ожидается ли внезапное нападение противника? не забыли ли об обороне? в каком состоянии боевая техника, транспортные средства, запасы горючего? прибыли ли на указанные места предусмотренные командованием соседние части? смог ли штаб установить связь с подчинёнными штабами? и т. д. и т. п. А для всего этого необходимо знать замысел решения командующего армией, боевую задачу корпуса и многое другое. И Добровольский как командир дивизии должен был быть не

только в курсе всех этих вопросов, но и принимать по ним необходимые решения. Ведь он был первым ответственным лицом перед государством и высшим командованием. Особенно строго обращался Добровольский с теми, по чьей вине срывался вопрос питания личного состава. Но Добровольский бывал другим, когда позволяла обстановка. Когда наступал небольшой отдых или давалось время для организации в краткие сроки обучения новых

пополнений и подготовки их к предстоящим сражениям, — Добровольский в корне менялся. Он становился терпеливым учителем и лично показывал, как надо складывать шинели, чистить оружие, применять средства современной маскировки, организовать атаку подразделения на подготовленную оборону противника и т. д. Добровольский был кадровым военным, нестигаемым, бесстрашным и самоотверженным командиром.

СТРАНИЦА ИЗ АВТОБИОГРАФИИ АРШАЛУЙСА НАГАПЕТОВИЧА АЙРАПЕТЯНА

Родился в 1905 году в с. Сарухан в Армении в семье рабочего нефтяника.

Отец погиб в Гражданскую войну.

Окончил среднюю школу в с. Сарухан.

В рядах Советской армии с 1924 по 1929 год.

В 1928 году окончил Закавказское пехотное училище и был назначен командиром взвода 8-го полка 20-й Кавказской стрелковой дивизии, затем командиром роты.

В 1931 году окончил военно-политические курсы. Политрук полковой школы, начальник корпусной партшколы, инструктор пропаганды полка.

После окончания в 1940 году академии им. Ленина — комиссар полка,

начальник политотдела курсантской школы.

В мае 1942 года получил назначение комиссаром 409-й стрелковой Армянской дивизии. Участвовал в освобождении Северного Кавказа, Кубани от немецко-фашистских захватчиков.

В конце 1943 года переведён на Ленинградский фронт. В боях за Выборг тяжело ранен.

Воевал командиром полка в I, II и III Белорусских фронтах.

Войну закончил на Эльбе полковником.

Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова, Кутузова, Красной Звезды и 10 медалями.

г. Ереван
13.05.1970

**ИЗ ПЕРЕДОВОЙ СТАТЬИ ГАЗЕТЫ «ДРУЗЬЯ РОССИИ»
№ 3 (36), март 2003 г., Ереван**

Мы уважаем все народы мира и готовы сотрудничать с ними, однако дружба с Россией и русским народом завещана нам нашими великими предками – как святыня и вывод многовековой истории, и мы сознательно верны ей.

*Общественная организация
в РА «Друзья России»*

НА КУБАНИ ЧТЯТ ПАМЯТЬ ПОГИБШИХ АРМЯН В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ 1941-1945 гг.

11 февраля 1943 года 409-й Армянской дивизией ценой больших потерь в живой силе была освобождена станция Сергиевская Кореновского района Краснодарского края.

В 1975 году по инициативе казачьего общества Кореновского района в честь погибших армянских воинов в станице был сооружён мемориальный комплекс. Периодически общественность района собирается здесь и чтит память погибших армянских воинов.

По сообщению из города Кореновска, общественность района готовилась к празднованию 11 февраля с.г. 60-летия этого знаменательного события. В связи с этим инициативная группа в составе заведующего отделом ЗАО «Армпром-проект» Р. Х. Джанояна, представителя Росзарубежцентра в Армении Г. П. Барышникова и председателя ОО «Друзья России» А. А. Папова совещалась для обсуждения возможностей участия армянской стороны в праздновании.

Было решено направить в Кореновский район делегацию из двух человек для участия в мероприятиях: Р. Х. Джанояна и члена совета ветеранов войны и труда РА, председателя совета ветеранов 409-й дивизии А. Г. Исаханяна.

Кроме того, инициативная группа информировала Министерство обороны РА о предстоящих торжествах на Кубани. МО РА, своевременно

среагировав на сообщение, направило в адрес руководства района поздравительную телеграмму (приводится ниже). Администрация района, тронутая проявленным вниманием со стороны МО РА, опубликовала телеграмму в районной газете «Кореновские вести».

Совет ветеранов войны и труда РА также направил поздравление в связи с этим событием. А. А. Папов передал с делегацией книгу-альбом «Россия в памятниках Армении» в качестве подарка атаману районного казачьего общества войсковому старшине Михаилу Тимченко.

Делегация вернулась с тёплыми впечатлениями от праздничных мероприятий, встреч с ветеранами, жителями и представителями администраций Кореновского района, станицы Сергиевской, руководством районного казачьего общества.

Армянская делегация привезла с собой благодарственные письма в адрес министра обороны РА Сержа Саркисяна, председателя ОО «Друзья России» А. Папова, множество иллюстрационных материалов празднования.

Мы обратились к Р. Х. Джанояну с просьбой поделиться впечатлениями о проведённых мероприятиях на Кубани. Вот что он рассказал:

— В краснодарском аэропорту нас встретили атаман казачьего общества Кореновского района М. Тимченко, генеральный директор акционерного общества «Сергиевское», атаман местных

казаков В. Чуб, а также представители армянской общины района, работники местного телевидения. Далее нас на машинах повезли к могиле-памятнику майору С. Айвазяну, затем к мемориалу воинам 409-й Армянской дивизии, погибшим за освобождение станицы Сергиевской и хутора Нижнего, где безмолвно были возложены цветы.

После этих церемоний армянской общиной был дан обед.

На следующий день, 11 февраля, в день освобождения станицы, на хуторе Нижнем, на месте захоронения погибших, возле клуба, состоялся митинг-реквием с участием жителей хутора, руководителей администрации района, армянской общины и казачества. На митинге прозвучал Гимн России, был дан залп из автоматических оружий. Выступили: руководитель администрации района В. Злыденко, районный атаман М. Тимченко, атаман станицы В. Чуб, председатель совета ветеранов 409-й дивизии А. Исаханян, представители местной армянской общины.

Руководитель района В. Злыденко объявил, что на заседании совета администрации района решено улицу, ведущую из хутора Нижнего к станице Сергиевской, назвать именем 409-й Армянской стрелковой дивизии. Чести закрепления вывески были удостоены старожилка хутора Нижнего, очевидец освобождения хутора и церемонии похорон погибших, а также председатель совета ветеранов 409-й Армянской дивизии А. Исаханян и ученики местной школы.

После церемонии переименования улицы участники митинга вместе с представителями духовенства посетили мо-

гилы погибших воинов, возложили цветы, после чего состоялась панихида.

Затем участники похода на автобусах прибыли к мемориальному комплексу в честь погибших воинов 409-й Армянской дивизии в станице Сергиевской, где на каменных флагах высечены фамилии погибших армянских воинов-освободителей, а также фамилии погибших во время Великой Отечественной войны жителей станицы.

У мемориала состоялся митинг. Опять прозвучал Гимн России и был дан залп из автоматических оружий. Выступили В. Злыденко, М. Тимченко, В. Чуб, директор и преподаватель истории местной школы, А. Исаханян и я — почётный гражданин станицы Сергиевской. После возложения цветов мы опять посетили памятник С. Айвазяну. Здесь присутствовали многочисленные представители местной армянской общины, которые организовали поминальную церемонию.

В этот же день атаман станицы В. Чуб устроил приём в честь праздника.

Вся хроника празднования 60-летия была показана вечером по местному телевидению. Эта же хроника была показана по армянскому телевидению в программе «Зинуж». Зрители могли видеть, как на митингах тепло воспринимались оглашённые поздравительные телеграммы заместителя министра обороны РА генерал-лейтенанта М. Григоряна, родных С. Айвазяна, руководства института «Армпромпроект». Особенно воодушевило присутствующих моё заявление о том, что в Армении в текущем году планируется соорудить памятник в честь погибших казаков на территории исторической Армении во время Русско-персидской и Русско-турецкой войн.

А. А. Папов

ТЕЛЕГРАММА

Россия, Краснодарский край, Кореновский район.

Главе района Злыденко, атаману Тимченко

Дорогие друзья!

Руководство Министерства обороны Республики Армения сердечно поздравляет вас, жителей Кореновского района и станицы Сергиевской, с 60-летием освобождения от немецко-фашистских захватчиков.

Подвиг бойцов 409-й Армянской дивизии, отдавших свои жизни за освобождение станицы Сергиевской, навсегда останется в памяти армянского народа. Дружба между нашими народами исходит из глубины веков, проверена веками и, мы уверены, устоит перед любыми испытаниями в будущем. Об этом свидетельствуют наши договоренности с руководством и Министерством обороны Российской Федерации по всему спектру взаимного сотрудничества.

Склоняем головы перед памятником героям-освободителям в станице Сергиевской.

М. Григорян,

заместитель министра обороны

Республики Армения, генерал-лейтенант

**ИЗ ПЕРЕДОВОЙ СТАТЬИ ГАЗЕТЫ «ДРУЗЬЯ РОССИИ»
№ 5 (60), май 2005 г., Ереван**

В ГОСТЯХ У КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

Как уже сообщали, с 22 по 29 апреля с.г. у нас в Армении гостила делегация кубанских казачьих атаманов, принявших участие в траурных мероприятиях, посвящённых 90-летию геноцида армян в Османской Турции, имевшая ряд встреч на разных уровнях-ведомствах и общественных организациях Армении, посетившая ряд достопримечательных мест Армении.

Перед отлётом руководитель делегации г-н М.С. Тимченко пригласил

к себе в Кореновский район Краснодарского края делегацию из Армении для участия в праздновании 60-летия Великой Победы, на мероприятия, организуемые по местам боевой славы 409-й Армянской дивизии, освободившей Кореновский район от фашистов в 1943 году. Приглашение было принято с благодарностью.

7 мая из Армении в Кореновский район вылетела делегация в составе: Альберт Андраникович Папов – председатель

общественной организации «Друзья России», Роланд Хачикович Джаноян — заведующий отделом АОЗТ «Армпром-проект», ветераны 409-й Армянской стрелковой дивизии Казар Арменакович Казарян-Мурадян и Сарибек Еремович Оганян.

Сразу хочу от имени всех членов делегации выразить благодарность казакам за тот тёплый приём, незабываемые встречи и доброе отношение, которое сопровождало нас в течение четырёхдневного пребывания на кубанской земле.

В краснодарском аэропорту делегацию встречала великолепная тройка казачьих атаманов: Михаил Сергеевич Тимченко — атаман казачьего общества Кореновского района, Василий Иванович Замараев — казачий полковник, начальник милиции Кореновского района, Валерий Николаевич Чуб — атаман станицы Сергиевской, а также заместитель руководителя армянской общины Краснодарского края Левон Чарчян. После короткого интервью перед камерой мы отправились в г. Кореновск.

8 мая, в 10 ч., была назначена встреча делегации с администрацией района. Встреча прошла в тёплой, дружеской атмосфере. Здесь и далее во всех встречах и митингах делегацию сопровождали атаманы во главе с М. С. Тимченко, а также руководство армянской общины района. Надо отметить, что все встречи и мероприятия осуществлялись строго по заранее намеченному графику. После встречи с администрацией района началась серия митингов по местам боевой славы 409-й Армянской дивизии.

Первый митинг состоялся в тот же день, 8 мая, в станице Медведовской на мемориале в честь погибших в Великой Отечественной войне. Мемориал в праздничном убранстве. Делегацию встретили администрация станицы, дирекция Дома культуры (кстати, здание возведено из арктического туфа), гости из краснодарского парламента и др. Здесь и военный оркестр, и певческие коллективы, и автоматчики. Священник освящает мемориал. На стеле мемориала блестят высеченные фамилии погибших,

среди них есть и армяне. Начинается митинг, который длится 2,5 часа.

9 Мая прошёл митинг на хуторе Нижнем, рядом со школой, у памятника в честь погибших воинов. Затем на окраине станицы Сергиевской было открытие памятника в честь разведчиков 409-й дивизии во главе с майором С. Айвазяном, погибших в бою с фашистами. Прекрасный памятник из мрамора. Митинг длился 1 час.

И, наконец, самое главное событие для делегации — митинг на мемориале в честь погибших воинов 409-й Армянской дивизии в станице Сергиевской, около школы. Мемориал сооружён в 1975 году по инициативе атамана М. С. Тимченко из армянского туфа и содержится в великолепном состоянии. На каменных флагах высечены фамилии погибших за освобождение станицы Сергиевской, среди них около 160 армян. Митинг длился 2,5 часа.

Приятно отметить, что все митинги, помимо всего, превращались в праздник русско-армянской дружбы и братства казаков и армян. Армянские ветераны повсюду удостаивались самых высоких почестей.

После завершения митингов по местам боевой славы 409-й Армянской дивизии мы стали свидетелями прекрасного зрелища — казачьих скачек на ипподроме станицы Сергиевской.

Вечером 9 мая делегация приняла участие в массовых гуляниях и мероприятиях на центральной улице Кореновска — Красной.

10 мая делегация вместе с великолепной тройкой казаков была приглашена в Краснодар на встречу с руководством армянской общины края. Встреча проходила в очень тёплой атмосфере и сопровождалась обменом мнениями по разным вопросам. Говорили о состоянии отношений между казаками и армянами, призывали к недопустимости поддаваться провокациям недругов, о необходимости ещё большего укрепления исторической дружбы казаков и армян, сформировавшейся в ходе борьбы против общего врага, которая была скреплена совместно пролитой

кровью. Вечером делегация возвратилась в Кореновск.

11 мая — день прощания и отлёта. Но нас в этот день ожидала кульминация приятных чувств от визита. Атаман М. С. Тимченко нас пригласил к себе домой в станицу Сергиевскую. Прекрасный двор, весь в зелени. И вдруг чудо! Посередине двора облицованная площадка с бассейном в центре, напоминающем по форме озеро Севан. Поразительно! Следующий сюрприз: М. С. Тимченко просит повернуться к стенке, на которой висит простыня. М. С. Тимченко просит В. И. Замараева снять простыню, а там вывеска: «Площадь друзей России в Армении». Восторг неописуемый, в комментариях не нуждающийся.

Пришло время тронуться в путь, в сторону краснодарского аэропорта. По пути подъехали к восстановленной

казацкой вышке на возвышенности посередине поля, которая символизирует возрождение казачества. Поднялись на неё и, сфотографировавшись, поехали дальше.

По всему пути нас продолжала пленять красота кубанских степей, аккуратно оформленных засеянных полей, цветущих всеми красками весны. Мы уносили с собой чувство необъятной радости от гостеприимства хороших и добрых людей.

Попрощавшись с нашими друзьями, в 18.10 мы уже были в воздухе.

Четыре незабываемых дня на кубанской земле.

Четыре дня, характеризующих истинные отношения и тягу друг к другу казаков и армян. Такие отношения и тяга не могут быть омрачены никакими провокациями злых сил.

А. А. Панов

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС БОЙЦАМ 89-й АРМЯНСКОЙ ТАМАНСКОЙ ТРИЖДЫ ОРДЕНОНОСНОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

В 2020 году благодарные кубанцы реконструировали мемориальный комплекс воинам ещё одного героического воинского соединения, сформированного на территории Армении и также вместе с другими частями Красной армии освобождавшего нашу Кубань — бойцам 89-й Армянской Таманской стрелковой дивизии. К 75-летию Великой Победы на хуторе Поды Брюховецкого сельского поселения завершили работы по реконструкции и благоустройству территории мемориального комплекса.

...В начале 1943 года начались бои за освобождение Кубани. Наши войска перешли в решительное наступление, выбивая врага с территории края. 9 февраля 1943 года с наступлением вечерней темноты бойцы 400-го полка 89-й Армянской стрелковой дивизии при поддержке

первого и третьего батальонов преодолели артиллерийско-миномётный огонь противника и после полуночи освободили западную и центральную части хутора Поды. В то же время в восточной части хутора ожесточенный бой вели бойцы 526-го стрелкового полка. В неравном бою погиб заместитель командира полка по политчасти майор Сурен Мкртычевич Багдасарян, который собрал отступивших бойцов, поднял подразделения в контратаку. Полк понёс серьёзные потери, но яростный бой не стихал. За ночь эта небольшая часть хутора трижды переходила из рук в руки. Битва продолжалась и весь следующий день. И только к ночи 10 февраля после ожесточённых боёв, хутор был освобождён от немецких захватчиков. Но какой ценой... Более шестисот верных сынов своей большой Родины

Мемориальный комплекс

Воин 89-й Армянской дивизии

у л и ц а
890Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Военные артефакты

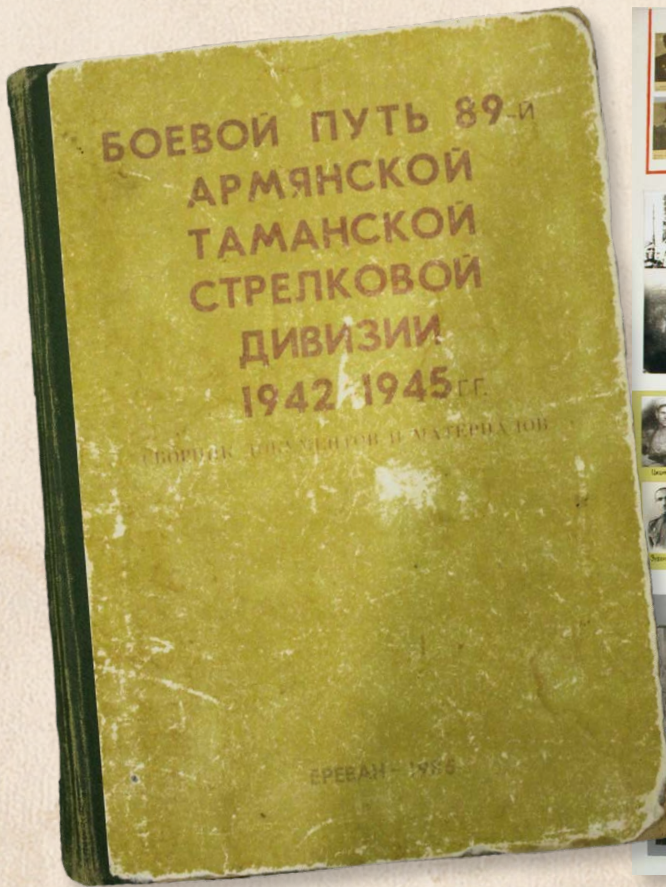
остались лежать на щедро политой кровью земле. Три дня жители хутора на подводах свозили убитых к двум братским могилам. У некоторых отсутствовали документы, так как они были захвачены немцами в плен, раздеты до исподнего и расстреляны. В связи с этим есть все основания считать, что красноармейцы, указанные в списке пропавших без вести, были убиты и захоронены в братской могиле. Позже за проявленный героизм и мужество при освобождении хутора Поды армянские бойцы были награждены орденами и медалями, некоторые — посмертно. Посмертно был награждён орденом Отечественной войны I степени заместитель командира 400-го полка по политической части майор Сурен Мкртычевич Багдасарян. Орденом Красной Звезды награждён командир взвода миномётной роты, лейтенант Владимир Искандарович Цатурян. Медалью «За боевые заслуги» награждён комсомольский

секретарь, лейтенант Хикар Акопович Барсегян и многие другие.

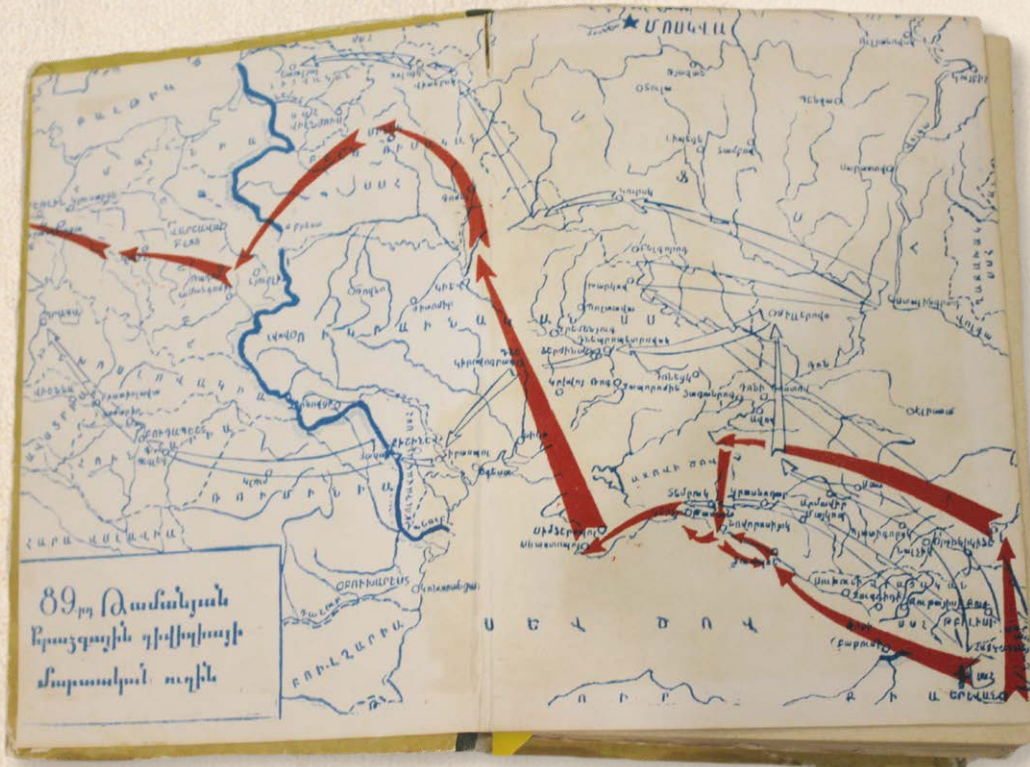
До 1956 года благодарные жители хутора ухаживали за этими братскими могилами, а затем перезахоронили павших героев в одну братскую могилу в центре хуторского парка. Установили обелиск и сделали металлическую ограду. 9 мая 1974 года на этом святом месте был торжественно открыт новый обелиск и зажжен вечный огонь. Средства на мемориальный комплекс были выделены правлением местного колхоза. На одной из гранитных плит обелиска высечена надпись: «Здесь похоронены 676 сынов России, отдавших жизнь за освобождение хутора Поды. Из них известны: Пустовит Василий Андреевич, Казарян Казар Мартиросович, Гаграманян Арутюн Карапетович, Гульназарян Самвел Григорьевич». На другой — «Вечная Слава Героям 89-й Армянской Таманской дивизии, павшим в боях за нашу Родину».

Рубен Маркарян и Александр Шеремет у памятной стелы «Солдатское поле»

Один из спендов музея

Славный боевой путь 89-й Армянской стрелковой дивизии

Жители кубанских станиц не забывают о тех, кто отдавал жизни, изгоняя фашистских захватчиков с родной земли. Большой материал о славном боевом пути 89-й Армянской дивизии собран в одном из залов историко-краеведческого музея, созданного в станице Новоджерелиевской. Документы, письма, личные вещи, карты, на которых отслежен славный боевой путь героической дивизии, бережно собраны и выставлены в экспозициях сельского музея. Кстати, именно воины 89-й Армянской дивизии танцевали тот самый победный «Кочари» на ступенях

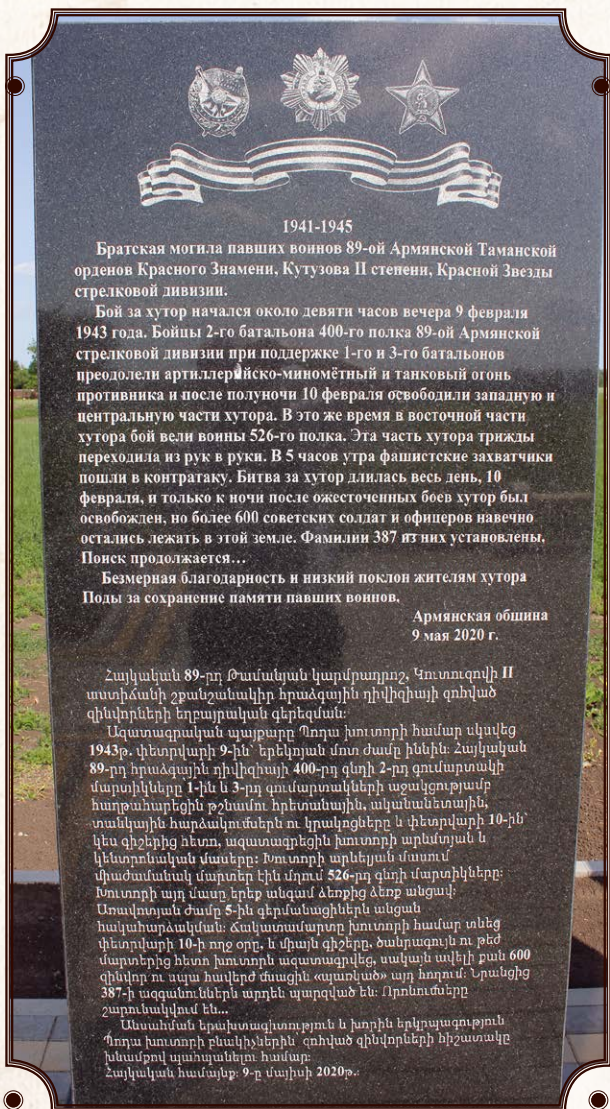
поверженного рейхстага... В память о героях-освободителях жители станицы назвали одну из её улиц именем легендарной дивизии.

В 2008 году, когда начал действовать объединённый банк данных Подольского архива Министерства обороны России, в районе началась обширная поисковая работа. Значительный вклад в дело увековечения имён погибших воинов внёс местный историк, житель хутора Поды Александр Шеремет. Благодаря усилиям поисковиков стали известны имена 383 воинов 89-й стрелковой Таманской Краснознамённой орденов Кутузова и Красной Звезды Армянской дивизии — погибших при освобождении хутора, прах которых покоится в братской могиле.

К 75-летию Великой Победы на хуторе Поды Брюховецкого сельского поселения завершили работы по реконструкции и благоустройству территории мемориального комплекса. Появились мраморные плиты с именами 387 воинов 400-го и 526-го стрелковых полков в память о погибших на этом месте солдатах. В центре комплекса установлен хачкар, изготовленный мастерами из Армении. А на окраине станицы создан памятный мемориал «Солдатское поле».

Мемориальный комплекс создавали, что называется, всем миром. Поисковик Александр Николаевич Романенко и краевед Александр Григорьевич Шеремет от имени хуторян неоднократно обращались в армянские общественные организации. В 2014 году в эту работу включился краснодарец Рубен Рафаэлович Маркарян. Он также попытался донести послы жителей хутора до руководства Союза Армян России, писал в Москву, но реакции, увы, не последовало.

В 2019 году Рубен Рафаэлович обратился к своим друзьям — армавирцам — Александру Азатовичу Саркисяну и Георгию Рафаэлевичу Гоньянцу,

Безмерная благодарность и низкий поклон

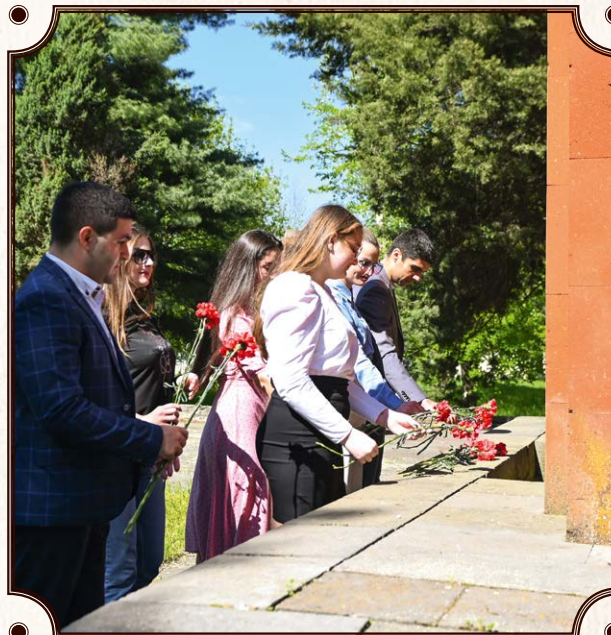
которые горячо поддержали идею и начали сбор средств на реализацию проекта. В праведном деле приняли участие сотни неравнодушных людей, в том числе, родственники погибших, активная молодёжь, несколько предпринимателей. Многие участники проекта проживают в самых разных уголках России и мира: в Москве, Сочи, Армавире, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Венгрии, Швейцарии, Германии. Большую помощь и поддержку в реализации проекта и оформлении необходимой документации оказали глава Брюховецкого сельского поселения Евгений Валентинович Самохин и его заместитель Светлана Александровна Дашивец. Начались подготовительные

работы: закупка стройматериалов, поиск поставщиков и подрядчиков. Тогда же в Армении был заказан памятный Хачкар. Руководил всеми работами Рубен Маркарян, который буквально дневал и ночевал на строительной площадке. В решении хозяйственных вопросов ему помогал квартальный Иван Пантелевич Яковенко, руководитель СПК «Нива Доминант» Сергей Дмитриевич Дмитриенко — также безвозмездно оказывал поддержку проекту. Словом, все, к кому обращались за помощью, охотно откликнулись и шли навстречу, душой осознавая, какое важное и такое нужное, особенно для молодого поколения, начинание реализуется в славную годовщину Великой Победы...

Председатель Региональной армянской национально-культурной автономии Краснодарского края А. С. Миносян и председатель армянской национально-культурной автономии г. Краснодара В. А. Марянян возлагают цветы к подножию монумента

«Никто не забыт, ничто не забыто»: молодые представители Региональной армянской национально-культурной автономии Краснодарского края отдают дань памяти погибшим воинам 409-й Армянской дивизии

У обелиска

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Время неумолимо... Выросли в моей станице Сергиевской и стали могучими серебристые и голубые ели, сквозь аллею которых, устремившись ввысь, застыл из красного октемберянского туфа главный обелиск, у которого вечным сном спят воины разных национальностей. Они защищали от фашистов одну Родину, одну землю. И только политики сделали так, что мы оказались сегодня в разных государствах и страны наши друг для друга — уже зарубежье...

Но ежегодно в день освобождения станицы 11 февраля, в День Победы или 22 июня в День памяти и скорби сюда приходят старики и дети, приезжают семьи армянской диаспоры из районного и краевого центров. Бывает запоет зурна, заголосит дудук, защемит в душе и оживёт память о тех, кто вечным сном спит в тихом парке возле станичной школы, где стоит мемориальный комплекс — как гордый символ боевой дружбы наших народов, скреплённый кровью и слезами.

Благодарность потомков

Содержание

Биография М. С. Тимченко	5
От автора-составителя	7

ТАМ, ЗА АРАКСОМ

Историческая справка об участии кубанских казаков в боевых действиях на территории Восточной и Западной Армении.....	13
ГЛАВА I	
Как «горсть русских братьев» спасла Святой Эчмиадзин.....	18
ГЛАВА II	
Казачи – герои Баязета	25
О действиях генерала Тергукасова по освобождению Баязетской крепости	38
Список казаков Кубанского казачьего войска, погибших при обороне и освобождении крепости Баязет с 4 по 29 июня 1877 года	41
ГЛАВА III	
Первая мировая война. Казачи-пластуны в Армении	43
Приказ по 16-му Кубанскому пластунскому батальону № 35.....	54
Приказ по 16-му Кубанскому пластунскому батальону № 320.....	55
Через границу на Баязет.....	56
Телеграмма русскому царю.....	56
Братья по крови и оружию.....	58
Из книги Фёдора Ивановича Елисеева, хорунжего, адъютанта 1-го Кавказского Генерал-Фельдмаршала Князя Потёмкина-Таврического полка ККВ «Казачи на Кавказском фронте» (1914–1917)	62
Оборона Вана.....	66
Реорганизация дружин	78
Достойные памяти народной.....	83
Приложение к приказу по Сарыкамьшскому отряду 1914 года, № 26. Список нижних чинов Сарыкамьшского отряда, награжденных Георгиевскими крестами и медалями за отличия в боях против Турции в 1914 году.....	88
Приказ по 4-му Кавказскому армейскому корпусу № 5	90
Список нижним чинам 4-го Кавказского армейского корпуса, награждённым Георгиевскими крестами за боевые отличия Императорским Высочеством Великим Князем Георгием Михайловичем.....	91
Приказ по 4-му Кавказскому армейскому корпусу № 45	92
Приказъ Главнокомандующаго войсками и флотомъ Кавказа № 234.....	96
Приказъ Главнокомандующаго войсками и флотомъ Кавказа № 0174.....	97
Приказъ Партизанскому отряду Л. Ф. Бичерахова № 168	100
Герои армянского сопротивления.....	102
Андраник Торосович Озаян.....	102
Амазасп (Срвандзтян Амазасп).....	104
Григор Авшарян.....	105
Кери (Гафавян Аршак)	105
Вардан (Меграбян Саргис).....	106

Дро (Канаян Драстамат).....	106
Смбат Махлуто (Бороян).....	107
Сепух (Нерсисян Аршак).....	107
Нжде (Тер-Арутюнян Гарегин)	108
Овсеп Ишхан (Аргутян).....	109
Даниел-бек Пирумян (Пирумов)	109
Товмас Назарбекян (Назарбеков)	110
Мовсес Силиков (Силикян)	110
Погос-бек Пирумян (Пирумов)	111
Герои забытой войны.....	113

ГЛАВА IV

Из далёких стран полуденных.....	115
Мировая битва.....	116
В мечтах.....	118
Ответный привет Москве Первопрестольной от кубанских казаков-кавказцев.....	120
Слава кубанцев.....	122
Казачья песня	122
Певцы.....	123
Песни казаков.....	123
Казачья песня	126
Находка	126
Из писем с фронта К. Образцова... ..	129
Отцовский привет кубанцу	139
Кардаш.....	145
«Христос Воскрес, моя родная!..»	148
В день победы	148
«Братья, в дни горя и муки...»	150

ГЛАВА V

По страницам «Кубанского казачьего вестника».....	152
Проводы казака из станицы	152
Прощальная песня кубанца	159
Письмо артиллериста-кубанца	160
Кубанцы в бою	162
С Кубанских позиций Ала-верды.....	164
На Кавказском фронте.....	166
Пластуны	169
Молодецкое дело пластунов	170
Среди пленных турок	172
Тревога.....	174
Письмо из-под Эрзерума. Кавказская Шипка.....	177
Пал Эрзерум.....	179
Ардаганский бой.....	182
«В долине турецкой границы...»	186
На берегу Чороха	188
Среди кубанцев	190

Перебежчики	191
На Каргабазар.....	193
Песня кубанцев	197
Герой-кубанец	198
На Трапезонд.....	199
На Ялагуз-Чамском перевале.....	201
Око за око	202
Неосторожность.....	204
Армяне-мученики	208
Славные богатыри-кубанцы	209
Письма кубанцев.....	211
Первое сражение.....	213
В горах Курдистана	215
Скрижали истории.....	217
Благословение. <i>М. Тимченко</i>	218
Казачий храм на армянской земле.....	219
Дорогие гости	221
А вот что думают по поводу нового памятника.....	226

ОТ АРАКСА ДО КУБАНИ

ГЛАВА I

Из исторического формуляра 409-й Армянской стрелковой дивизии.....	238
В боях на Кубани	238
Из журналов боевых действий 409-й стрелковой дивизии за 1943 г.....	242
Бои местного значения.....	250
Похороны разведчиков	262
Павшим воинам	263
Встреча освободителей	264
Строчки из писем, которые получили воины 409-й дивизии накануне боёв под Сергиевской.....	265
Из обращения командования Северо-Кавказского фронта к трудящимся Армении о подвигах воинов-армян.....	265

ГЛАВА II

Это нужно живым.....	267
На местах бывших боёв.....	271
Память в сердце и камне.....	273
Биография М. В. Григоряна.....	275
Протокол заседания жюри конкурса на создание проекта монумента воинам, погибшим за освобождение станицы Сергиевской Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков.....	276
Именной список военнослужащих 409-й стрелковой Армянской дивизии, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками 7–12 февраля 1943 г. при освобождении ст. Сергиевской и х. Нижнего Кореновского района Краснодарского края	288
11 февраля 1943 г.	302

ГЛАВА III

Воспоминания, письма, биографии, документы	306
Страницы из биографии командира 409-й стрелковой дивизии полковника Михаила Игнатьевича Добровольского по воспоминаниям его жены М. А. Добровольской.....	306
Из биографии Сеника Гукасовича Айвазяна	307
Из воспоминаний командира 677-го стрелкового полка майора Михаила Тиграновича Григоряна	307
Из воспоминаний командира взвода 677-го стрелкового полка А. М. Горозия.....	308
Из воспоминаний командира 1-го дивизиона 964-го артполка Андраника Айрапетовича Каграманяна	309
Из воспоминаний военного прокурора дивизии, военного юриста II ранга Исаака Будаговича Костаняна	309
Имена на поверке.....	310
Из письма Рафаэля Манасяна, бывшего командира 76 мм багарей 684-го стр. полка 409-й стр. дивизии.....	311
Лейтенант медицинского взвода	313
Мальшка	313
Из наградного листа лейтенанта медицинской службы Офелии Телемаковны Петросян 16 декабря 1943 г.	317
Из воспоминаний комиссара 684-го стрелкового полка А. О. Арутюняна	317
Страница из автобиографии Аршалуйса Нагапетовича Айрапетяна	318
Из передовой статьи газеты «Друзья России» № 3 (36), март 2003 г., Ереван.....	319
На Кубани чтят память погибших армян в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.	319
Телеграмма	321
Из передовой статьи газеты «Друзья России» № 5 (60), май 2005 г., Ереван. В гостях у кубанских казаков	321
Мемориальный комплекс бойцам 89-й Армянской Таманской трижды орденоносной стрелковой дивизии	324
<i>Послесловие</i>	<i>331</i>

Михаил Сергеевич Тимченко

ДОРОГА В БЕССМЕРТИЕ

Координатор проекта, редактор
Х. В. Мхитарян

Издательство «Традиция»

350072, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9
Тел. (861) 277-65-32
e-mail: id.tradition2006@gmail.com
www.idtrd.ru

id.tradition

idtrd

Руководители проекта
А. А. Белозёров
Н. В. Мартынова

Гл. редактор *Е. В. Сидорова*
Редактор *С. А. Аветисян*
Корректор *И. Б. Бородина*
Тех. редактор *К. В. Александрова, Т. В. Писарева*
Дизайн обложки *М. А. Приходько*
Художник обложки *А. А. Полонникова*
Вёрстка, дизайн *М. А. Приходько*

Подписано в печать 23.06.2021. Формат 60×90 1/8.
Бумага мелованная. Гарнитура KudrashovС. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21. Тираж 500 экз.
Заказ № 523 от 21.06.2021

Отпечатано с готового оригинал-макета:

ИП Ютишев А. С.
г. Ростов-на-Дону, пл. Рабочая, 25.
Тел. (863) 263-05-56.